

АФРИКА 2025

ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

Экспертно-аналитический справочник Центра изучения Африки НИУ ВШЭ
Под общей редакцией А.А.Маслова и В.Ю.Свиридова

Центр изучения Африки
НИУ ВШЭ

Африка 2025

Возможности и риски

Экспертно-аналитический справочник

Под общей редакцией А.А. Маслова и В.Ю. Свиридова

Иннопрактика

Москва
2025

УДК 327.7
ББК 66.4(6),61
А94

Цифровая версия
справочника доступна
по ссылке:

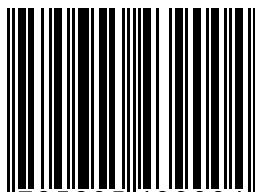
Под общей редакцией А. А. Маслова и В. Ю. Свиридова

Африка 2025. Возможности и риски [Текст] : экспертно-аналитический справочник / А. А. Маслов, В. Ю. Свиридов и др. ; под общ. ред. А. А. Маслова и В. Ю. Свиридова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Центр изучения Африки. — М.: Изд. дом ВШЭ, 2025. — 216 с. — 100 экз. — ISBN 978-5-6054390-0-4

Экспертно-аналитический справочник посвящен ключевым вызовам и перспективам развития континента. Он развивает идеи, представленные в изданиях «Африка 2023. Возможности и риски» и Africa 2025: Prospects and Challenges, и предлагает российский взгляд на процессы, происходящие в Африке. В центре внимания — широкий круг тем: макроэкономика, внешний и внутренний долг, продовольственный суверенитет, энергетика и возможности «зеленого» перехода, цифровизация, образование, креативная экономика и роль африканского бизнеса. Особое внимание уделено теме суверенитета — финансового, продовольственного, энергетического, цифрового, культурного и образовательного. Книга подготовлена командой экспертов и исследователей, объединенной Центром изучения Африки НИУ ВШЭ.

Издание подготовлено при поддержке компании «Иннопрактика».

ISBN 978-5-6054390-0-4

9 785605 439004 >

© Центр изучения Африки НИУ ВШЭ и авторы, 2025
Все права защищены.

Оглавление

Предисловие	4
Неоплаченный долг Африки	7
Внешняя торговля стран Африки: между дефицитом и возможностями	21
Разнообразие Африки в ее валютах	34
От продовольственной безопасности к продовольственному суверенитету	45
Африканским рынкам — африканские ресурсы	74
Знание — сила: кто обучает африканских лидеров	96
Инфраструктурный ландшафт: транспорт, цифровизация и урбанизация	123
Африка в зеркале мировых аналитических центров	151
Африканский бизнес как новый региональный и глобальный игрок	171
Креативная экономика Африки	188
Африка и три России: об истории российско-африканских отношений	197
Авторы	205
Рецензенты	206
Об англоязычном издании Africa 2025: Prospects and Challenges	211
О Центре изучения Африки НИУ ВШЭ	213

Предисловие

Настоящее издание — существенно переработанная и дополненная версия англоязычного справочника Africa 2025: Prospects and Challenges, который был опубликован в конце 2024 г. С тех пор книга была представлена на различных площадках в Сочи, Москве, Санкт-Петербурге, Йоханнесбурге, Кампале, Дар-эс-Саламе и Додоме, в Алжире, Бамако, Браззавиле, Марракеше, Кигали, Котону, Ниамее, Уагадугу и других городах Африки, выдержала три издания и заслужила авторитет среди лиц, участвующих в принятии и выработке решений большинства стран Африки. Для нас было важно, что книга показала преимущества и потенциал отечественной африканистики на международной арене и выиграла конкуренцию по качеству содержания и уровню признания у зарубежных аналогов.

Предисловие к третьему англоязычному изданию написал Олусегун Обасанджо — нигерийский государственный деятель, ученый и бизнесмен, занимавший пост главы Нигерии, а также председателя Африканского союза¹. Он, среди прочего, отметил, что, безусловно, рекомендует эту книгу всем, кто интересуется Африкой. А президент и председатель совета директоров «Афрэксимбанка» Джордж Эломби подчеркнул: «Поразительно, что так точно об Африке пишут не африканцы, а русские. Возможно, это и неудивительно, учитывая давнюю поддержку Африки со стороны России».

Российская африканистика действительно имеет потенциал глобального лидерства: отсутствие колониального наследия, идеологических клише и структурная близость многих проблем развития, с которыми сталкиваются Россия и лидеры Африки, делает наш опыт бесценным для африканцев. Потенциал отечественной науки об Африке почти безграничен, учитывая, что спрос

на работу нашей экспертно-аналитической школы есть в самой Африке, которая остро нуждается в знаниях о себе на фоне трансформации государственных институтов и экономического роста в почти всех 54 странах континента. В том, чтобы реализовать этот потенциал и занять место одного из глобальных центров агрегирования знаний об Африке, мы и видим основную задачу нашей организации — Центра изучения Африки НИУ ВШЭ, который в этом году отмечает пятилетие со дня основания.

Но, кроме долгосрочной задачи по защите чести российской африканистики и взаимодействия с интеллектуальным полем континента, перед нами стоят и насущные: здесь и сейчас происходит разворот российской внешней политики, а следом за ней и компаний в сторону Африки. Все больший спрос мы видим в нашей стране на знания о рисках и возможностях для работы на континенте, отличительной чертой которого остается информационная непрозрачность.

Русскоязычная «Африка 2025» опирается на опыт и продолжает традиции экспертно-аналитического справочника **«Африка 2023: возможности и риски»**, который был подготовлен Центром два года назад для российской аудитории. Эта книга для многих специалистов и руководителей организаций, вовлеченных во взаимодействие с Африкой, стала настольной, и данный справочник ее не заменяет, а дополняет.

При подготовке русской версии справочника мы не ограничились переводом глав, обновлением цифр и перерисовкой устаревшей инфографики. Для российской аудитории были добавлены или детализированы части, касающиеся взаимодействия непосредственно с Россией, например, в области энергетики или продовольственной безопасности, истории партнёрства.

¹ После он стал специальным посланником ООН и посредником в урегулировании различных конфликтов от имени Африканского союза. Обасанджо — автор более 20 книг, в том числе The Challenges of Agricultural Production and Food Security in Africa, Making Africa Work: A Handbook и Africa in Perspective.

Структура глав была оптимизирована, например, цифровизации теперь охватывает все разделы книги как сквозная тема и не выделяется в отдельную главу. Существенно дополнены и обновлены результаты наших собственных исследований, — они продолжают и постепенно проливают свет на еще неизведанные стороны внутренних процессов на континенте.

Издание 2023 г. решало проблему тотальной неосведомленности российского читателя о современном состоянии дел в Африке, было призвано развеять мифы и стереотипы, дать повод для дальнейших запросов и практикоориентированных исследований. «Африка 2023» содержала массив базовой информации о населении, культурах, языках и политических системах Африки, экосистемах, полезных ископаемых, макроэкономических показателях. Большая часть приведенной там информации своей актуальности не утратила, а обновленные цифры станут вскоре доступны онлайн в открытой части **системы поддержки принятия решения (СППР) «Африка: возможности и риски»**, разработку которой ведет Центр.

Книга 2025 г., подготовленная при поддержке компании «Иннопрактика», содержит значительно больше результатов наших собственных исследований, апробированных и доказавших свою ценность на практике. Издание представляет собой срез изучения современной Африки и опирается в том числе на информационную платформу СППР, которая предполагает ежедневную обработку и верификацию тысяч новостных сообщений и числовых параметров, отражающих современное состояние и динамику развития 54 стран континента.

Приведенные в книге (в главе «Африка в зеркале мировых аналитических центров») результаты мониторинга публикаций экспертных центров по всему миру показывают, что их интерес к Африке уже устойчиво превышает ее вес в глобальной торговле и ВВП и отражает ожидания скорого и неизбежного роста этого веса, а также высокую

степень дефицита информации об Африке, накопленного в предыдущие годы информационной тени, в которой она находилась. В этой же главе читатель увидит подкрепленный цифрами обзор современного ландшафта международной практической африканистики, которая переживает период децентрализации и смены приоритетов.

Европейской африканистике последних лет в целом присущи упаднический дух, самоуничижение и критика — отчасти как реакция на доминировавший долгие годы до этого мессианский и цивилизаторский подход к Африке. Но такое самоуничижение совершенно чуждо африканскому духу, жизнеутверждающей «цивилизации радости»², которая находится в поиске своих собственных смыслов развития. Россия — не Европа, и поэтому нам есть о чем поговорить с Африкой.

Цифры и факты свидетельствуют, что *постепенно* (важное уточнение) уходит в прошлое эпоха борьбы внешних сил за зоны влияния в Африке. Ни Турция, ни ОАЭ, ни Россия, ни Китай не смогут, да и не захотят брать на себя ответственность за целые страны и территории, как бы к этому ни стремились оставшиеся жить в книгах начала XX в. отдельные авантюристы. На место колонизаторам в Африке приходит прежде всего сама Африка.

Россия же предлагает новые модели партнерства, которые основаны в том числе на содействии в государственном строительстве и укреплении институтов, ценности различных аспектов суверенитета и безопасности.

Африка — колыбель нашего вида, и во всех остальных частях света мы все равно остаемся потомками мигрантов, поэтому африканские культуры и языки, распространенные на нашей прародине, сохраняют важнейшее значение для понимания человеческой природы. Мы видим, как растет влияние Африки на мировую культуру и глобальное информационное пространство, все заметнее вклад креативных индустрий в ВВП стран Африки и влияние Африки на остальной мир.

2 Константинов А. Цивилизация работы и цивилизация радости (интервью с Д.М. Бондаренко) // Русский репортер. 2010. № 23 (151). URL: <http://www.rusrep.ru>

Весь XXI в. также будет расти экономическое и политическое влияние континента на мировую систему. В основе этого роста — демографический потенциал (к концу века не менее 40% населения планеты будет жить в Африке), способность и готовность молодого населения воспринимать технологические новации.

Вопреки мифам и часто распространяемым нарративам, в связи с демографическим ростом Африка не будет голодной сиротой на попечении у остального мира. Наоборот, развитие инфраструктуры, укрупнение и индустриализация сельского хозяйства приведут к росту производства продуктов питания, формированию в Африке новых региональных рынков, а основной спрос на импорт таких продуктов питания, как пшеница, курица или рыба, сместится в сторону средств производства, таких как удобрения, оборудование и технологии «умного» земледелия, программное обеспечение. Наше исследование развенчивает миф о положительной связи демографического роста и голода в Африке. Напротив, рост населения позволяет сформировать и окупить инфраструктуру региональных рынков продовольствия и победить голод. В главе «От продовольственной безопасности к продовольственному суверенитету» нашей книги приведены примеры того, как это происходит в Руанде, Эфиопии и других странах.

В рамках разработки СППР «Африка: возможности и риски» мы ведем, в частности, комплексное исследование финансовой устойчивости и платежеспособности стран Африки.

Некоторые результаты этого исследования представлены и в настоящем издании (главы «Неоплаченный долг Африки: между дефицитом и возможностями», «Внешняя торговля стран Африки» и «Разнообразие Африки в ее валютах»). Африка становится полигоном новых финансовых технологий, но основные показатели устойчивости все еще зависят от структуры экспорта, импорта и внешнего долга.

Мы показываем, как удается не только выживать, но и расти, оставаясь надежными заемщиками, странам с многократным превышением импорта над экспортом, таким как Эфиопия или Танзания. С другой стороны, в таких странах, как Замбия или Ангола, стоимость обслуживания внешнего долга уже превышает все пороги устойчивости и свидетельствует о приближающихся кризисах. Однако макроэкономическое положение большинства других стран остается вполне устойчивым. Проблема обслуживания внешнего долга становится все острее для США, Франции и Японии, основная же проблема Африки — опора бюджетных и фискальных систем на налогообложение экспортно-импортных операций. Возможностью ухода от этой зависимости обусловлены и перспективы.

В целом постепенное укрепление и строительство собственных институтов — цифрового государственного управления, безопасности, продовольственного, культурного, финансового суверенитета — становятся основным ресурсом развития для большинства стран Африки, а участие в этом укреплении и строительстве — полем возможностей для России и российских операторов.

Неоплаченный долг Африки

Единый африканский рынок капитала

Один из основных факторов, сдерживающих развитие Африки, — нехватка знаний и данных, необходимых для принятия решений. Неопределенность не только увеличивает риск, но и зачастую приводит к его переоценке, что кратно повышает стоимость привлечения капитала для африканских правительств и бизнеса по сравнению с другими развивающимися странами за пределами континента, не говоря уже о ставках в США или Европе. В то же время в Африке можно найти и «дешевые деньги» — льготное финансирование от международных финансовых организаций (МФО), других стран и, реже, частных банков, заинтересованных в реализации конкретных проектов.

Африка не представляет собой единого рынка капитала. Тем не менее отдельные страновые рынки обладают общими чертами, и инвесторы зачастую рассматривают Африку или ее субрегионы как единое инвестиционное направление: растет число специализированных фондов, ориентированных на вложения в африканские экономики, все влиятельнее становятся панафриканские финансовые институты: Африканский банк развития, Африканский экспортно-импортный банк и др. При этом сохраняется одна из общих для большинства африканских стран особенностей — зависимость экономик и государственных бюджетов от внешних заимствований и доходов от экспорта, при том что внутренняя фискальная база пока играет гораздо меньшую роль в наполнении бюджета. Однако роль внутренних финансовых ресурсов постепенно растет: динамично развивается африканский банковский сектор, дефицит государственного бюджета все чаще покрывается за счет внутренних заимствований, усиливается налоговое давление на иностранных инвесторов.

Африканский долг: что изменилось?

С начала XXI в. государственный долг стран Африки увеличился в 4 раза, превысив 1,8 трлн долл. к 2024 г.³

Как бы пугающе это ни звучало, долг других развивающихся стран увеличивался в 2,5 раза быстрее, чем в Африке.

После серии дефолтов 1980–1990 гг. африканские страны встали на путь снижения долговой нагрузки: отношение государственного долга к ВВП снизилось с 65% в 2000 г. до 39% в 2008 г.⁴ Тренд во многом поддерживался за счет крупномасштабных программ по облегчению долгового бремени. В 1996 г. МВФ запустил инициативу по облегчению бремени задолженности в отношении беднейших стран (Heavily Indebted Poor Countries Initiative, HIPC). С момента запуска HIPC 31 африканское государство прошло через все стадии программы, получив списание долгов на общую сумму в 70 млрд долл. В 2005 г. HIPC была дополнена Multilateral Debt Relief Initiative (MDRI), которая освободила 29 африканских стран от обязательств перед МВФ, Всемирным банком и Африканским банком развития на сумму более 30 млрд долл.

Заметим, что HIPC и MDRI оказались эффективными для оперативной минимизации негативных последствий долгового кризиса континентального масштаба. В то же время их влияние на долгосрочную долговую устойчивость неоднозначно. Во-первых, страны — участницы программ по облегчению долгового бремени брали на себя обязательства структурных реформ (чаще политических, чем экономических), делегируя процесс принятия решений странам G8 (теперь G7) и отказываясь в их пользу от части суверенитета.

³ UNCTAD. A world of debt 2024: A growing burden to global prosperity. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osgtinf2024d1_en.pdf

⁴ Afreximbank. State of Play of Debt Burden in Africa in 2024. URL: <https://www.afreximbank.com/reports/state-of-play-of-debt-burden-in-africa-2024-debt-dynamics-and-mounting-vulnerability/>

Во-вторых, все больше африканских стран начало рассчитывать на МВФ как на кредитора последней инстанции, практикуя более рискованное и безответственное управление внешним долгом.

В 2008 г. произошел мировой финансовый кризис, с которого началась современная история африканского долга. В ответ на снижение экономической активности Федеральная резервная система (ФРС) и Европейский центральный банк (ЕЦБ) перешли к снижению ключевых ставок, что привело к уменьшению доходности на развитых рынках и подтолкнуло инвесторов к поиску более выгодных проектов за их пределами. Африка, на тот момент слабо интегрированная в международную финансовую систему и менее остро затронутая кризисом, демонстрировала высокие темпы роста ВВП на уровне 5,3% в 2000–2008 гг. и предлагала значительную рисковую премию.

С 2008 г. отношение африканского государственного долга к ВВП резко возросло, достигнув 69% в 2023 г., однако рост происходил асимметрично для рынков внешних и внутренних долговых обязательств, поскольку в начале 2010-х годов у большинства африканских стран не было финансовой инфраструктуры для привлечения капитала через выпуск облигаций на внутреннем финансовом рынке.

В 2023 г. две трети общего долга Африки, или 1,2 трлн долл., приходилось на внешний долг

На внутреннем рынке наиболее активно кредитуются Египет (258 млрд долл.), ЮАР (116 млрд), Нигерия (83 млрд), Алжир (95 млрд) и Марокко (30 млрд долл.).

В отличие от внутреннего долга, который в большей степени зависит от состояния национальной экономики и может быть покрыт за счет допэмиссии в период экономических потрясений (т.е. профинансирован центральным банком),

внешний долг связан с глобальной макроэкономической ситуацией и должен, как правило, выплачиваться в твердой валюте. Высокий объем внешнего долга в сочетании с зависимостью многих африканских стран от цен на сырье и их ограниченной способностью справляться с кризисами — опасная комбинация, что уже проявилось во время обвала цен на сырьевых рынках в 2014 г., пандемии 2020 г. и кризиса 2022 г. Следует отметить, что рост отношения африканского долга к ВВП с начала 2010-х годов объясняется не только увеличением самого долга, но также замедлением экономического роста (до 3,2% г/г в 2010–2022 гг.) и обесцениванием национальных валют (снижение на 35% относительно доллара США с 2014 г. для развивающихся стран⁵), что особенно сильно усложняет обслуживание внешнего долга. Хотя наблюдение за соотношением долга к ВВП позволяет выявить общую тенденцию к росту задолженности, оно не полностью отражает масштаб проблемы. Долг Африки крайне неоднороден: он формируется на разных условиях и из различных источников — других государств, МФО или частных банков.

Частный сектор стал основным кредитором Африки, его доля выросла с 25% в 2000 г. до 54% в 2023 г., доли международных организаций (таких как МВФ или Всемирный банк) и других государств составили соответственно 27 и 19%⁶

Среди крупнейших кредиторов — частные держатели облигаций (например, участники рынков еврооблигаций со всего мира), китайские и британские инвесторы (24 млрд и 14 млрд долл. соответственно). Важно также учитывать, что значительная часть частных кредиторов в действительности тесно аффилирована с государством, особенно в случае со странами Ближнего Востока и Китаем.

5 Federal Reserve Bank. Nominal Emerging Market Economies U.S. Dollar Index. URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/DTWEXEMEGS>

6 Afreximbank. State of Play of Debt Burden in Africa in 2024. URL: <https://www.afreximbank.com/reports/state-of-play-of-debt-burden-in-africa-2024-debt-dynamics-and-mounting-vulnerability/>

В 2025 году совокупный объём расходов государственных бюджетов африканских стран, по оценкам Центра изучения Африки НИУ ВШЭ, составит примерно **700 млрд долл., увеличившись на 100 млрд долл. по сравнению с 2021 г.** Крупнейшая расходная часть в Африке у ЮАР — 125 млрд долл., за ней следуют Алжир (124 млрд, в то же время стоит фактор параллельных курсов, в пересчете по рыночному курсу бюджет сократится на треть) и со значительным отставанием — Египет (77 млрд).

Оборонные расходы остаются одной из самых быстрорастущих статей, увеличившись с 6% до 7% бюджетов за 2021–2025 гг., что обусловлено региональными конфликтами и ростом террористической угрозы. Лидеры по расходам — Алжир (25 млрд долл.), Египет (5,8 млрд) и ЮАР (3 млрд). Высокая доля военных затрат характерна для стран Сахеля и Африканского Рога. Например, в Сомали доля расходов на оборону в бюджете составляет 19%, в Буркина-Фасо и Мали — 15%, в Нигере — 9%. За 2021–2025 гг. значительно нарастили расходы на оборону Камерун (с 1% до 5%) и ДР Конго (с 4% до 7%). **Доля сельского хозяйства** в бюджетных расходах постепенно сокращается (с 3,3% в 2021 году до 2,8% в 2025 году). Это отражает переход многих стран от аграрного к индустриальному укладу. Однако ряд государств демонстрируют обратную динамику: ДР Конго, Сьерра-Леоне и Сомали существенно нарастили. Крупнейшие инвесторы в абсолютных цифрах — Алжир (6 млрд долл.), Египет (3,5 млрд долл.) и ДР Конго (1,9 млрд долл.). **Энергетический сектор** укрепляет позиции: средневзвешенная доля расходов выросла до 1,87% бюджетов, хотя ниже пикового уровня 2023 года. **Цифровизация** демонстрирует самую высокую относительную динамику: расходы за пять лет удвоились, достигнув 0,47% бюджетов. Хотя доля пока невелика, именно этот сектор формирует «будущее спроса» — цифровые госуслуги, финтех, онлайн-образование и электронное здравоохранение. Египет является безусловным лидером с бюджетом в 2,3 млрд долл., за ним следуют Ангола и Кения. К 2025 г. почти все страны Африки начали выделять «цифровизацию» в качестве отдельной статьи бюджетных расходов. Кроме того, значительная часть расходов на цифровизацию растворена в бюджетах различных непрофильных ведомств, прежде всего, отвечающих за сферу безопасности, а также образования, здравоохранения, прочих расходах на управление государством. **Здравоохранение** укрепило позиции после пандемии COVID-19: средняя доля расходов составляет 5,7% (после пика в 6,1% в 2023 г.). Наибольший прирост обеспечили Египет, Коморские острова и Замбия. Однако многие страны сокращали финансирование, что связано с долговой нагрузкой и необходимостью перераспределять средства на оборону. **Образование** остаётся важнейшей статьёй расходов бюджета: его доля выросла до 11%. Египет, Сенегал и Нигер демонстрируют наиболее агрессивный рост, вводя новые программы модернизации и цифровизации учебного процесса. В Намибии с 2026 г. вводится бесплатное высшее образование, а в Буркина-Фасо стартует масштабная образовательная реформа. Однако ряд стран остаются аутсайдерами (Нигерия, ДРК, Уганда), где сектор страдает от коррупции и дефицита инфраструктуры.

В совокупности африканские бюджеты отражают **три главные тенденции**: 1) усиление расходов на оборону в условиях нестабильности, 2) постепенное смещение акцента с сельского хозяйства в пользу индустриализации и ТЭК, 3) рост значимости цифровизации и образования как базиса будущего развития. Для внешних партнёров, включая Россию, наиболее перспективными направлениями сотрудничества являются поставки техники и технологий для сельского хозяйства и энергетики, участие в образовательных и цифровых проектах, а также военно-техническое взаимодействие с рядом государств.

С одной стороны, преобладание частного сектора в структуре долга свидетельствует об улучшении инвестиционной привлекательности, но с другой — создает множество вызовов для африканских стран. Во-первых, частные заимствования, как правило, дороже, чем двусторонние кредитные линии или многосторонняя помощь МФО: процентные ставки выше, льготные периоды короче, возможности для реструктуризации ограничены. Согласно отчету Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), в 2020–2024 гг. стоимость заимствований для африканских стран была в 10 раз выше, чем в развитых странах, на 44% превысила данный показатель для стран Латинской Америки и на 85% выше по сравнению со странами Азии и Океании⁷.

Во-вторых, частный долг более волатилен и склонен к оттоку в периоды кризиса, поскольку инвесторов интересует кратко- и среднесрочная прибыль, а не долговременная макроэкономическая стабильность кредитуемой страны. В 2022 г. развивающиеся страны столкнулись с чистым оттоком внешнего государственного долга на сумму 49 млрд долл., из них 21 страна в Африке⁸.

В-третьих, в случае дефолта реструктуризация частного долга может проходить сложнее и дольше из-за большего числа контрагентов, не всегда готовых идти на уступки. Как минимум, 15 африканских стран стали мишенями для так называемых фондов-стервятников — организаций, выкупающих со значительным дисконтом права на уже просроченные долговые обязательства, чтобы затем через суд добиваться возврата всей суммы долга⁹. Например, в 2007 г. подобный фонд добился от Замбии выплаты 15,5 млн долл. долговых обязательств, изначально составлявших всего 3,2 млн долл. (доходность — 484%¹⁰).

Внешний долг Африки

Долговой профиль Африки крайне неоднороден. Две трети внешнего долга сосредоточено в 10 странах, это ЮАР, Египет, Нигерия, Марокко, Мозамбик, Ангола, Кения, Тунис, Кот-д'Ивуар и Гана. Почти все эти страны входят в десятку лидеров по размеру ВВП в регионе, за исключением Туниса и Мозамбика. По мере развития национальных финансовых рынков и увеличения степени их взаимосвязанности долговые проблемы в одной из стран — лидеров по объему внешнего долга могут спровоцировать волну дефолтов по всей Африке.

Основной вызов для закредитованных стран Африки — волна погашений долговых обязательств: еврооблигации, выпущенные в прошлом десятилетии

В 2025 г. истекает срок погашения по еврооблигациям на сумму 10,2 млрд долл., что значительно больше по сравнению с 3 млрд в 2023 г. и сопоставимо с показателем 2024 г. Наибольшим объемом таких обязательств обладают Египет (3 млрд долл.), ЮАР (2 млрд), Тунис (1 млрд), Ангола (864 млн), Намибия (750 млн), Габон (700 млн) и Нигерия (500 млн). Последние тенденции на глобальных финансовых рынках позволяют говорить, что страны Африки смогут пройти этот период легче, чем ожидалось ранее: инфляционные ожидания по всему миру постепенно снижаются, и ФРС США и ЕЦБ перешли в фазу снижения ключевых ставок, что делает новые займы доступнее, а значит, открывает возможность производить выплаты по старым займам за счет новых. Тем не менее дефолты в странах с наиболее высокой долговой нагрузкой все еще возможны в ближайшие два-три года.

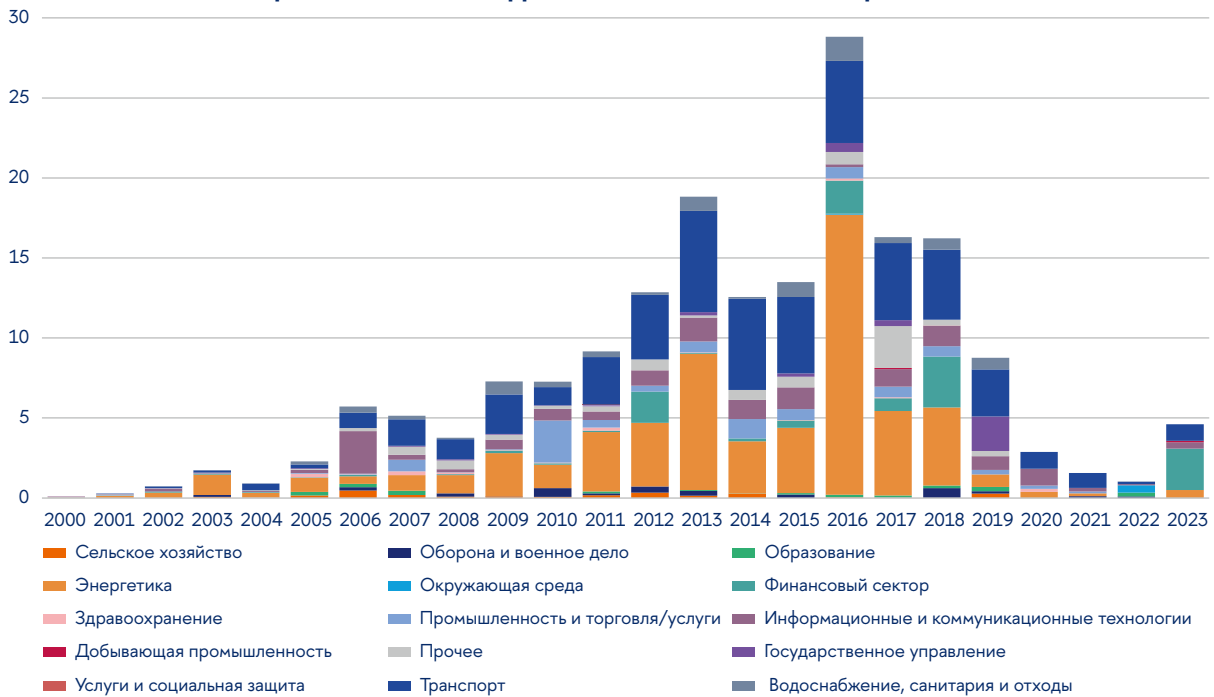
7 UNCTAD. A world of debt 2024: A growing burden to global prosperity. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/osgtinf2024d1_en.pdf

8 Ibid.

9 African Development Bank Group. Vulture Funds in the Sovereign Debt Context. URL: <https://www.afdb.org/en/topics-and-sectors/initiatives-partnerships/african-legalsupport-facility/vulture-funds-in-the-sovereign-debt-context>

10 BBC. Zambia pays "vulture fund" \$15m. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/business/6589287.stm>

Новые кредиты Китая Африке, 2000–2023 гг., млрд долл. США

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных Центра глобальной политики развития Бостонского университета.

На 4-м саммите Форума сотрудничества Китай – Африка (ФОКАК) в Пекине в сентябре 2024 г. власти КНР сообщили о намерении предоставить странам Африки 50 млрд долл. за 3 года (2025–2027 гг.). «Безвозмездная» помощь составит, согласно заявлениям, около 11 млрд долл. (будет направлена на развитие здравоохранения и сельского хозяйства), около 30 млрд долл. — кредиты (т.е. по 10 млрд долл. в год), а 10 млрд — инвестиции.

Общая финансовая рамка позволяет сделать определенные выводы (с поправкой, что методология подсчета этих сумм неизвестна, а грань между кредитом, гуманитарной помощью и инвестициями остается размытой): в части инвестиций (в среднем 3 млрд долл. в год) КНР планирует сохранять активность на прежнем уровне (в последние годы приток ПИИ составлял 2–5 млрд в год), финансовая и гуманитарная помощь может быть увеличена почти в 2 раза (с 1,5–2,0 млрд долл. в год), а кредитование вернется на доковидный уровень (что все же ниже пиковых показателей 2012–2018 гг.). Таким образом, экономический план Китая по Африке остается консервативным. Обещания увеличить кредитование кажется хорошей новостью для африканских стран, однако, вероятно, большая часть этих средств пойдет на выплаты процентов по уже взятым обязательствам и реструктуризацию задолженности.

Китай остается крупнейшим двусторонним кредитором Африки и держателем долговых обязательств на сумму более 90 млрд долл. (в 4 раза больше по сравнению с 2012 г.), что составляет 11% всего внешнего долга стран региона¹¹. Китайское кредитование Африки начало активно расти со 100 млн долл. в 2000 г. и достигло пика в 2016 г. (28,8 млрд долл.), но с тех пор тренд изменился: в 2022 г. объем кредитования составил всего 1 млрд долл.¹² В 2025 г. крупнейшими должниками Китая остаются Ангола (21 млрд долл.), Эфиопия (7 млрд), Кения (7 млрд), Замбия (6 млрд) и Египет (5 млрд). Из совокупных 180 млрд долл. кредитов, полученных за все время от Китая, 80% денежных средств предназначалось для реализации инфраструктурных проектов: строительства электростанций, автомобильных и железных дорог, портов, линий сотовой связи. Зачастую деньги не покидают пределов Китая: в Африку завозится необходимое для реализации проекта сырье, оборудование и персонал, а на счете страны-заемщика возникают новые финансовые обязательства.

Главные должники

В 2023 г. суммарная просроченная задолженность африканских стран по внешнему долгу — 130 млрд долл., что на 13% меньше, чем в 2022 г., но все еще на 30% больше показателя 2020 г. Четыре страны формируют 90% просроченной задолженности: Гана (44 млрд долл. США), Судан (43 млрд), Зимбабве (16 млрд) и Замбия (14 млрд)¹³. Значительные объемы просроченной задолженности также зафиксированы у Мозамбика, Ливии, Танзании и Эфиопии.

Большая часть задолженности Судана приходится на страны Парижского клуба (23%), Саудовскую Аравию (13%), Кувейт (7%), Китай (6%) и МВФ (8%). В 2021 г. Судан присоединился к инициативе HIPC и планировал реструктурировать 90% своего долга в размере 55 млрд долл. Однако в 2022 г. МВФ приостановил программу после военного переворота и отстранения переходного правительства¹⁴. 60% просроченной задолженности Ганы приходилось на еврооблигации, что осложнило реструктуризацию из-за участия многочисленных частных кредиторов и стран вне Парижского клуба. После дефолта по обязательствам на сумму 30 млрд долл. в 2022 г. Гана присоединилась к программе реструктуризации под эгидой G20 в январе 2023 г., что позволило упростить процесс реструктуризации долга с Китаем и Индией. В июне 2024 г. власти Ганы заявили о достижении соглашения с частными кредиторами по реструктуризации 13 млрд долл. в евробондах, однако объем оставшейся задолженности остается значительным. С учетом текущей доходности евробондов с погашением в 2026 г. Гана не сможет рефинансировать долг, и без масштабной поддержки внешних кредиторов вероятность нового дефолта остается высокой. Просроченная задолженность Зимбабве в основном приходится на двусторонних кредиторов (67%), в частности на Китай. Ввиду высокой закрытости китайского кредитования по сравнению с другими двусторонними кредиторами сам факт технического дефолта может не обнародоваться. Реструктуризация долга Зимбабве фактически остановилась: в январе 2023 г. США вышли¹⁵ из переговорного процесса по реструктуризации долга из-за предполагаемого «отсутствия прогресса в демократических реформах, обвинений в фальсификациях на выборах и политическом насилии в отношении оппозиции»¹⁶.

11 World bank. International Debt Report 2023. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/02225002-395f-464a-8e13-2acfa05e8f0>

12 Boston University. Chinese Loans to Africa Database. URL: <https://www.bu.edu/gdp/chinese-loans-to-africa-database/>

13 Afreximbank. State of Play of Debt Burden in Africa in 2024. URL: <https://www.afreximbank.com/reports/state-of-play-of-debt-burden-in-africa-2024-debt-dynamics-andmounting-vulnerability/>

14 Al-Monitor. Western creditors suspend debt relief to Sudan over coup as country's economy sinks. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/06/western-creditors-suspend-debt-relief-sudan-over-coup-countrys-economy-sinks>

15 США не занимают значительного места в структуре двустороннего долга Зимбабве, однако их влияние на общий ход реструктуризации не стоит недооценивать, поскольку большая часть банков и рейтинговых агентств находится в США.

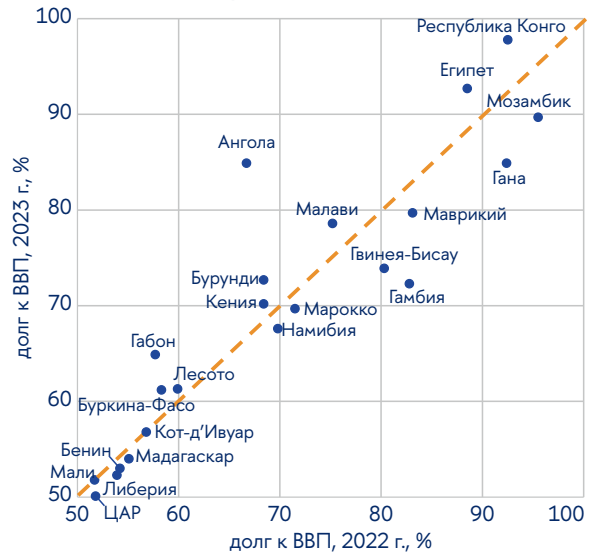
16 VOA Zimbabwe. United States Suspends Role in Zimbabwe's Debt Restructuring Program Citing Electoral Fraud. URL: <https://www.voazimbabwe.com/a/united-states-suspends-role-in-zimbabwe-s-debt-restructuring-program-citing-electoral-fraud/7463023.html>

Индикаторы долгового кризиса

Отношение долга к ВВП свыше 100% характерно и допустимо для развитых экономик с капиталоемким внутренним рынком, диверсифицированной структурой внешних и внутренних заимствований, устойчивой национальной валютой. Для развивающихся стран долг, превышающий размер ВВП, как правило, означает, что долговой кризис уже наступил. В 2023 г. только три государства Африки имели уровень государственного долга выше ВВП: Кабо-Верде (113%), Судан (256%) и Замбия (110%), причем Судан и Замбия входят в число крупнейших должников. В интервале 75–100% находилось 11 стран, а еще 22 государства имели уровень долга 50–75% ВВП¹⁷. В целом в 2023 г. 19 из 51 страны, по которым имеются данные, превысили порог в 70%¹⁸. Поскольку внешний долг, как правило, должен обслуживаться за счет поступлений в иностранной валюте, в основном от внешней торговли, важный дополнительный индикатор устойчивости долга — соотношение внешнего долга к экспорту товаров. В 2022 г. 15 стран превысили критический порог в 240% соотношения долга к экспорту, еще 9 стран перешагнули средний порог в 180%.

В долгосрочной перспективе на устойчивость долга ориентированных на экспорт экономик Африки решающее влияние оказывает уровень диверсификации экспорта: падения цен на отдельные товары могут на годы подорвать экономический рост, как это происходит, например, в зависимой от экспорта нефти Анголе. Хотя многие африканские правительства официально ставят перед собой задачу диверсификации экспорта, общепринятые метрики прогресса в этой области пока не выработаны. Для оценки структуры экспорта и связанных с ней рисков может быть предложен секторальный индекс Хиршмана¹⁹.

Государственный долг по отношению к ВВП, 2022–2023 гг.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных Всемирного банка.

Наиболее уязвимы для долговых кризисов страны с высоким соотношением долга к экспорту и очень низкой диверсификацией экспорта — Гвинея-Бисау, Сан-Томе и Принсипи

В случае обвала цен на сырьевые товары или остановки международной торговли, как это произошло во время пандемии, валютные поступления резко снижаются, а правительства начинают использовать валютные резервы для обслуживания внешнего долга. С 2019 г. совокупные валютные резервы стран Африки сократились на 15–20%, а с 2007 г. — на 50%, одновременно во многих странах происходит девальвация национальных валют. В 2022 г. крайне низкие уровни валютных резервов по отношению к внешнему долгу были зафиксированы в Зимбабве (4,3%), Мозамбике (4,5%), Чаде (5,9%), Эфиопии (10%), Замбии (10,3%) и Гане (11,6%).

17 Afreximbank. State of Play of Debt Burden in Africa in 2024. URL: <https://www.afreximbank.com/reports/state-of-play-of-debt-burden-in-africa-2024-debt-dynamics-and-mounting-vulnerability/>

18 International Monetary Fund. The Debt Sustainability Framework for Low-Income Countries. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/dsa/lic.htm>

19 Индекс был рассчитан Центром изучения Африки НИУ ВШЭ за 2022 г. для 54 африканских стран на основе данных, полученных с помощью двузначной классификации Гармонизированной системы (Harmonized system) и сгруппированных по категориям на основе экспертных оценок. Индекс варьируется от нуля до единицы, где более высокие значения указывают на сильную концентрацию экспорта в нескольких отраслях. Условно значения от 0 до 0,25 отражают «очень высокий» уровень диверсификации экспорта; от 0,25 до 0,5 — «высокий»; от 0,5 до 0,75 — «низкий»; от 0,75 до 1 — «очень низкий» уровень диверсификации. Рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка и ITC Trade Map по формуле: $\sqrt{\frac{\sum_{i=1}^s \left(\frac{x_i}{X} \right)^2}{s}}$, где s — интересующая страна; d — другие страны; i — интересующий сектор; x — товарный экспортный поток; X — общий экспортный поток страны.

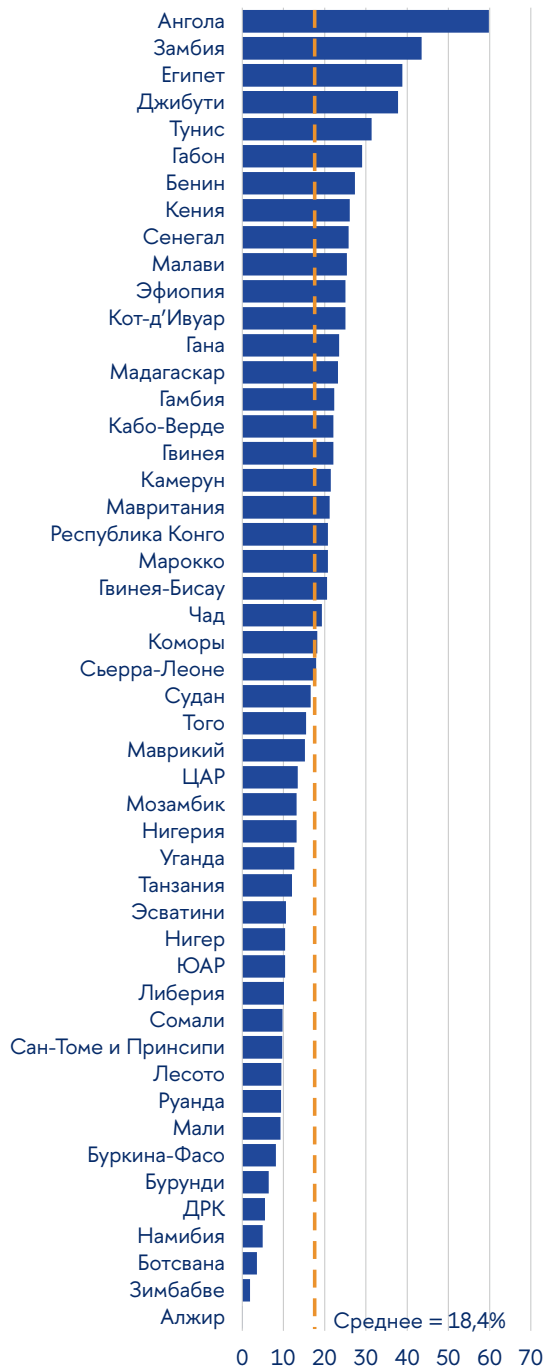
В 2024 г. выплаты по внешнему долгу ожидаются на уровне более 23% доходов государственного бюджета в 14 странах²⁰.

Особенно высокую долю доходов на обслуживание долга тратят Ангола (60%), Замбия (43,5%), Египет (39%) и Джибути (38%).

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных Всемирного банка.

Обслуживание долга по отношению к доходам государственного бюджета, %

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных Всемирного банка.

Рейтинговые агентства и африканская рисковая премия

Международные кредитные рейтинговые агентства до сих пор играют важную роль в оценке кредитных рисков. Крупнейшие агентства, такие как S&P, Moody's и Fitch, оценивают лишь 30 африканских государств. При этом рейтинговые агентства не просто наблюдатели: они определяют стоимость заимствований, и их решения могут усугублять долговую нагрузку. Необъективность кредитных агентств при оценке стран Африки была очевидна давно и отмечалась многими экспертами и исследователями, недавно к числу критиков присоединилась и Программа развития ООН (ПРООН).

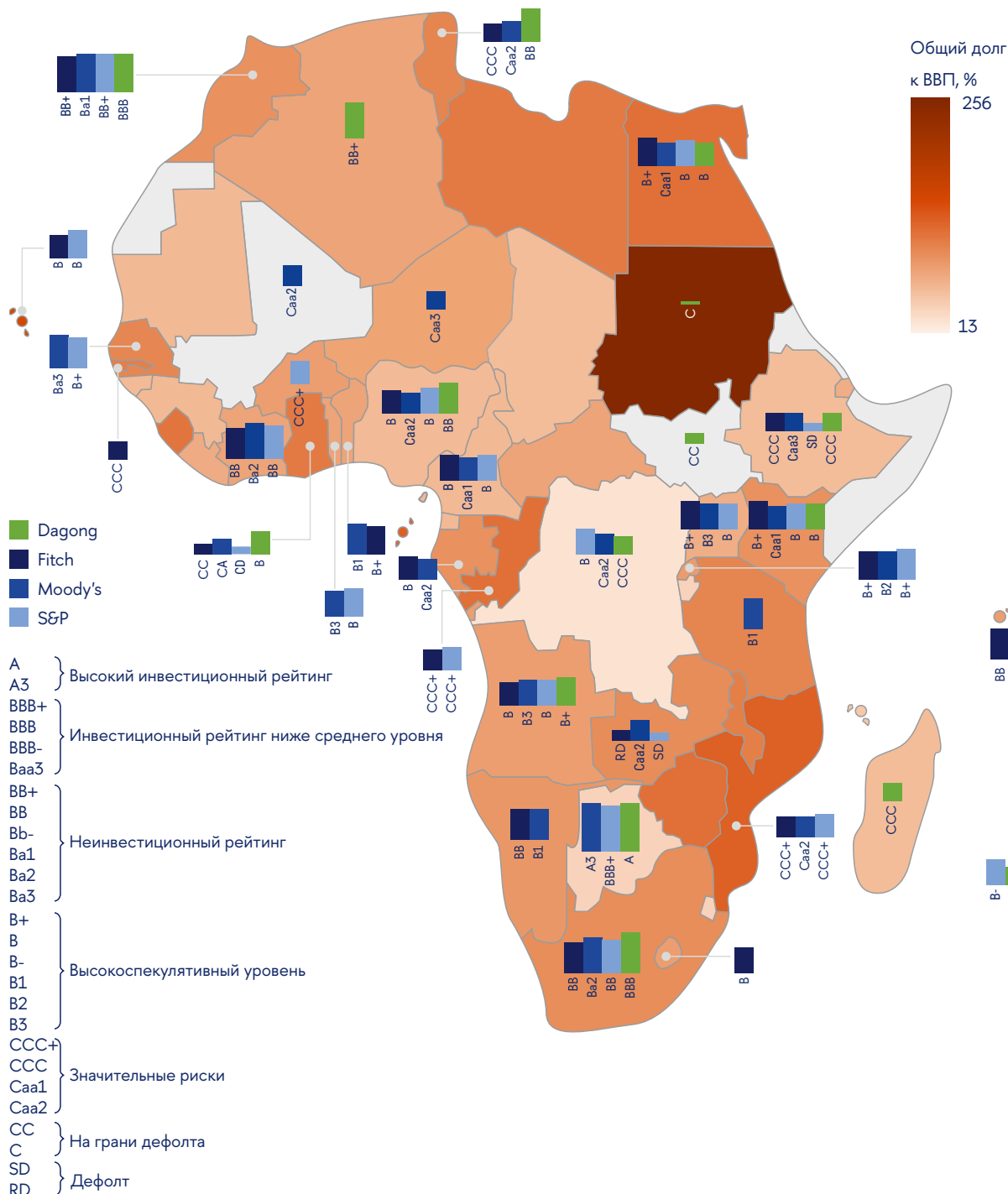
Африканские страны потеряли 74,5 млрд долл. из-за необъективных кредитных рейтингов²¹

Исследователи ПРООН показали, что средний кредитный рейтинг африканских стран ниже, чем у стран с сопоставимым уровнем ВВП на душу населения за пределами Африки. Например, рейтинг Туниса в 2,5 раза ниже, чем у Филиппин; Египта — в 1,8 раза ниже, чем у Индонезии; Маврикия — на 30% ниже, чем у Чили. Адепты рейтинговых агентств объясняют этот разрыв «неэффективными» политическими институтами в африканских странах, а их оппоненты, в свою очередь, указывают на страну происхождения ведущих рейтинговых агентств (США) и на преобладание в мировой финансовой системе западоцентричных подходов²². Еще одна важная проблема — восприятие Африки среди иностранных инвесторов. Вопрос существования такого явления, как «африканская рисковая премия», т.е. более высокой стоимости заимствований исключительно из-за географической принадлежности к Африке, вызывает ожесточенные споры.

21 UNDP. Reducing the cost of finance in Africa. URL: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/2023-04/Full%20report%20-%20Reducing%20Cost%20Finance%20Africa%20Report%20-%20April%202023.pdf>

22 Reuters. How Africa's "ticket" to prosperity fueled a debt bomb. URL: <https://www.reuters.com/investigations/how-africas-ticket-prosperity-fueled-debt-bomb-2024-08-01/>

Инвестиционные рейтинги стран Африки

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных Dagong, Fitch, Moody's, S&P и Всемирного банка.

С точки зрения поведенческой экономики возможно несколько трактовок: неприятие неопределенности из-за нехватки достоверной информации о большинстве африканских государств и их экономиках; эффект иностранной предвзятости, связанный с дистанцией между Африкой и основными странами-инвесторами; банальное переоценивание вероятности шоковых событий.

Системный недостаток западных оценок — учет качества управления, при том что «плохое» и «хорошее» управление оцениваются весьма субъективно, часто в зависимости от политической конъюнктуры, ориентации страны, ее готовности участвовать в различных ориентированных на Запад платформах и инициативах.

В Африке предпринимаются попытки создать свои рейтинговые институты, например **Sovereign Africa Ratings (SAR)** и **African Credit Rating Agency**. Однако SAR на 2025 г. опубликовало отчеты лишь по Гане, ЮАР и Кении. До 2019 г. китайское агентство **Dagong Global Credit Rating**²³ опубликовало рейтинги для 16 африканских стран. Эти рейтинги заметно отличались от оценок западных агентств и были более благоприятными для заемщиков и торговых партнеров Китая.

Внутренний долг африканских стран

Стремясь диверсифицировать источники финансирования и снизить уязвимость перед внешними шоками, в последние десятилетия африканские страны начали активнее обращаться к внутренним рынкам капитала. Внутренний долг также можно охарактеризовать как финансовое обязательство, номинированное в национальной валюте или регулируемое внутренним законодательством. Также внутренним считается долг, держателями которого выступают резиденты страны-эмитента.

Большая часть внутренних долговых обязательств стран Африки южнее Сахары с низким уровнем дохода принадлежит коммерческим банкам, которые, в свою очередь, часто имеют иностранных акционеров. В 2022 г. объем внутреннего долга Египта составил 72% от объема ВВП. В Замбии этот показатель достиг 40% ВВП, тогда как в Зимбабве — 12%.

При этом структура внутреннего долга существенно различается в зависимости от страны. Например, в Бенине на государственные облигации приходится 91% внутреннего долга, в Сенегале — 67%, а в Зимбабве — 30%. В Египте значительная часть внутреннего долга также приходится на государственные ценные бумаги, включая еврооблигации. В Руанде их доля составляет около 50% общего объема внутреннего долга, в Мавритании — 68%, в Нигерии — 79%, а в Мали — 92%.

Подробная информация о структуре держателей внутреннего долга африканских стран, как правило, ограничена и редко публикуется в открытых источниках. Детализированная статистика доступна лишь для некоторых стран. Например, в Кении 43% внутреннего долга приходится на коммерческие банки, 33% — на пенсионные фонды, 7% — на страховые компании, а 4% — на Центральный банк²⁴. В Танзании основные инвесторы в государственные облигации — пенсионные фонды, коммерческие банки и Банк Танзании. На них в совокупности приходится почти 80% государственных облигаций на внутреннем финансовом рынке.

Внутренний долг, особенно в контексте африканских экономик, обладает рядом существенных преимуществ. Одно из ключевых — то, что значительная часть внутренних заимствований номинирована в национальных валютах, что снижает уязвимость перед валютными рисками, связанными с колебаниями обменных курсов. Размещение долговых обязательств в национальной валюте

23 Dagong Global Credit Rating — это китайское государственное рейтинговое агентство со штаб-квартирой в Пекине, а Global Credit Rating, также известное как GCR Ratings, стало филиалом Moody's с офисами на Мадагаскаре, в ЮАР, Нигерии, Кении и Сенегале.

24 Republic of Kenya the National Treasury and Planning. Annual Public Debt Management Report for Financial Year 2022/2023. URL: <https://www.treasury.go.ke/wp-content/uploads/2024/01/Annual-Public-Debt-Report-2022-2023-Sept-2023.pdf>

предоставляет центральным банкам и правительствам больший простор для применения инструментов денежно-кредитной политики в целях управления долговой нагрузкой внутри страны. Более того, на протяжении десятилетий компании и банки Африки предпочитали вкладывать деньги за границей, что привело к устойчивому оттоку капитала — одному из ключевых вызовов для региональной финансовой стабильности. На этом фоне развитие рынков внутреннего долга представляет альтернативу, особенно при наличии устойчивого и развитого банковского сектора.

Дефолты по внутреннему долгу случаются существенно реже, чем по внешнему

Основная причина в том, что государства обладают большим контролем над внутренними обязательствами и могут применять денежное стимулирование или рефинансирование через центральный банк, избегая формального дефолта. Также внутренний долг регулируется национальным законодательством, что упрощает процесс его реструктуризации в случае дефолта. Еще одно преимущество внутреннего долга — возможность избежать репутационных потерь, которые зачастую сопровождают реструктуризацию внешних обязательств, а в некоторых случаях позволяют сохранить доступ к международным источникам финансирования.

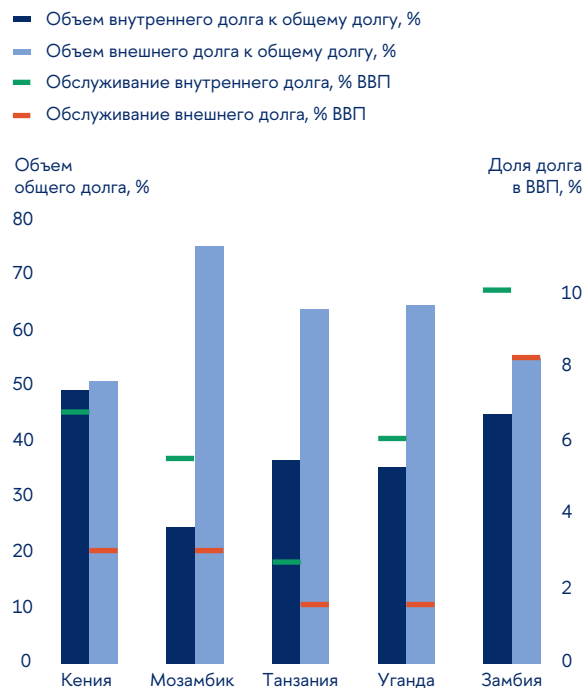
Однако внутренний долг сопряжен с рядом потенциальных долгосрочных последствий, которые могут негативно отразиться на экономическом развитии страны. Один из ключевых рисков — вытеснение частного сектора, если государство становится крупным и постоянным заемщиком на внутреннем рынке. В результате банковские и небанковские финансовые учреждения могут существенно сократить объемы частного кредитования, что лишит растущие секторы экономики доступа к капиталу.

Еще одна проблема — структура внутреннего долга, преобладание краткосрочных и спекулятивных займов. Например, в 2022 г. доля кратко- и среднесрочных долговых инструментов

в структуре внутреннего долга Замбии составила 78,5%, Кении — 78%. В Гане этот показатель был еще выше — около 90%. Такая практика делает долговой портфель уязвимым к риску зависимости от рефинансирования, при котором государство вынуждено регулярно занимать средства для погашения ранее выпущенных обязательств с наступающим сроком погашения.

В ряде стран высокая стоимость обслуживания внутреннего долга оказывает существенное давление на государственный бюджет, ограничивая возможности для инвестиций в ключевые секторы экономики. Так, в Кении, Мозамбике, Танзании, Уганде и Замбии затраты на обслуживание внутреннего долга превышали расходы на обслуживание внешнего, несмотря на меньший объем внутренних заимствований. В 2023 г. расходы на обслуживание внутреннего долга в Уганде составили 2,8% ВВП, внешнего — 0,9%.

Стоимость обслуживания долга в избранных странах Африки, 2022 г.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных МВФ и Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН.

Дефолт Ганы по государственному долгу — как внешнему, так и внутреннему — и последующая реструктуризация привлекли внимание к внутреннему долгу в Африке. С 2015 по 2021 г. объем внутреннего долга в Гане увеличился с 22% ВВП до примерно 40% ВВП. Основные факторы роста — государственные заимствования, направленные на финансирование энергетического сектора и поддержку финансовой системы.

На момент объявления дефолта в декабре 2022 г. внутренний долг Ганы достиг 46% ВВП. Среди ключевых факторов, приведших к дефолту, были резкое увеличение расходов на импорт, вызванное ростом цен на основные категории товаров, обесценивание ганского седи и рост стоимости обслуживания долга. Одновременно внешние шоки вызвали масштабный отток капитала, что существенно ограничило доступ страны к международным финансовым рынкам. Валютные резервы к концу декабря 2022 г. снизились до уровня, покрывающего лишь 2,7 месяца импорта, по сравнению с 4,3 месяца годом ранее.

В декабре 2022 г. правительство Ганы запустило программу обмена внутреннего долга, направленную на восстановление устойчивости государственных финансов и достижение приемлемого уровня задолженности. Владельцам облигаций было предложено обменять существующие бумаги на новые, с более длительным сроком погашения и сниженной купонной доходностью. Новые облигации предусматривали ставку купона в диапазоне от 0 до 10%, тогда как до реструктуризации доходность по облигациям сроком от 2 до 6 лет составляла 21,5–29,9%. Хотя программа позволила существенно снизить стоимость обслуживания долга и продлить сроки его погашения, анализ, проведенный финансовыми регуляторами, выявил негативные последствия для платежеспособности отдельных банков и страховых компаний. В ответ на эти риски правительство учредило Фонд финансовой стабильности Ганы. Процесс реструктуризации был полностью завершен в 2023 г. Уровень инфляции снизился с 54% в декабре 2022 г. до 23% в феврале 2024 г., а темпы роста ВВП в 2023 г. составили 3%.

России также необходимо учитывать макроэкономическую ситуацию в странах Африки для выстраивания долгосрочного партнерства. В первую очередь российским инвесторам и государственным органам следует учитывать высокую долю внешнего долга, зависящего от колебаний мировых цен на сырье и политики западных кредиторов при реализации долгосрочных проектов на Африканском континенте. Сдвиг в сторону внутреннего долга и постепенное развитие африканских финансовых рынков открывают пространство для сотрудничества: российские банки и фонды могли бы участвовать в размещении облигаций, совместных инвестиционных инструментах и страховании рисков, а также в акционировании африканских компаний.

Критика западных рейтинговых агентств и существование «африканской рискованной премии» показывают важную нишу для России — развитие собственных аналитических центров, способных предложить альтернативную оценку африканских экономик. Эта задача становится приоритетной в условиях расширения российского экспорта на континент, а также реализации инвестиционных проектов российскими банками. Традиционно внутренние российские оценки рисков во многом следовали за подходами западных рейтинговых агентств, которые не раз показывали свою неспособность независимой оценки. Следовательно, создание независимой системы оценки позволит российскому бизнесу не только точнее учитывать специфику африканских экономик,

но и предлагать более гибкие модели сотрудничества, снижая роль западных посредников в определении стоимости капитала и кредитного риска.

Одной из ключевых причин отсутствия успешных российских инвестиционных проектов в Африке за последнее десятилетие стала переоценка и неумение работать с рисками рисков. Российские финансовые институты и корпорации, лишенные доступа к западным рынкам капитала, не готовы рисковать собственными деньгами и вкладывать их в «нестабильные» юрисдикции. В результате даже потенциально перспективные проекты не находят финансирования и остаются на стадии обсуждений.

В то же время отсутствие кредитного плеча в таких проектах зачастую становится не следствием внешних ограничений, а индикатором их недостаточной проработанности или низкой рентабельности.

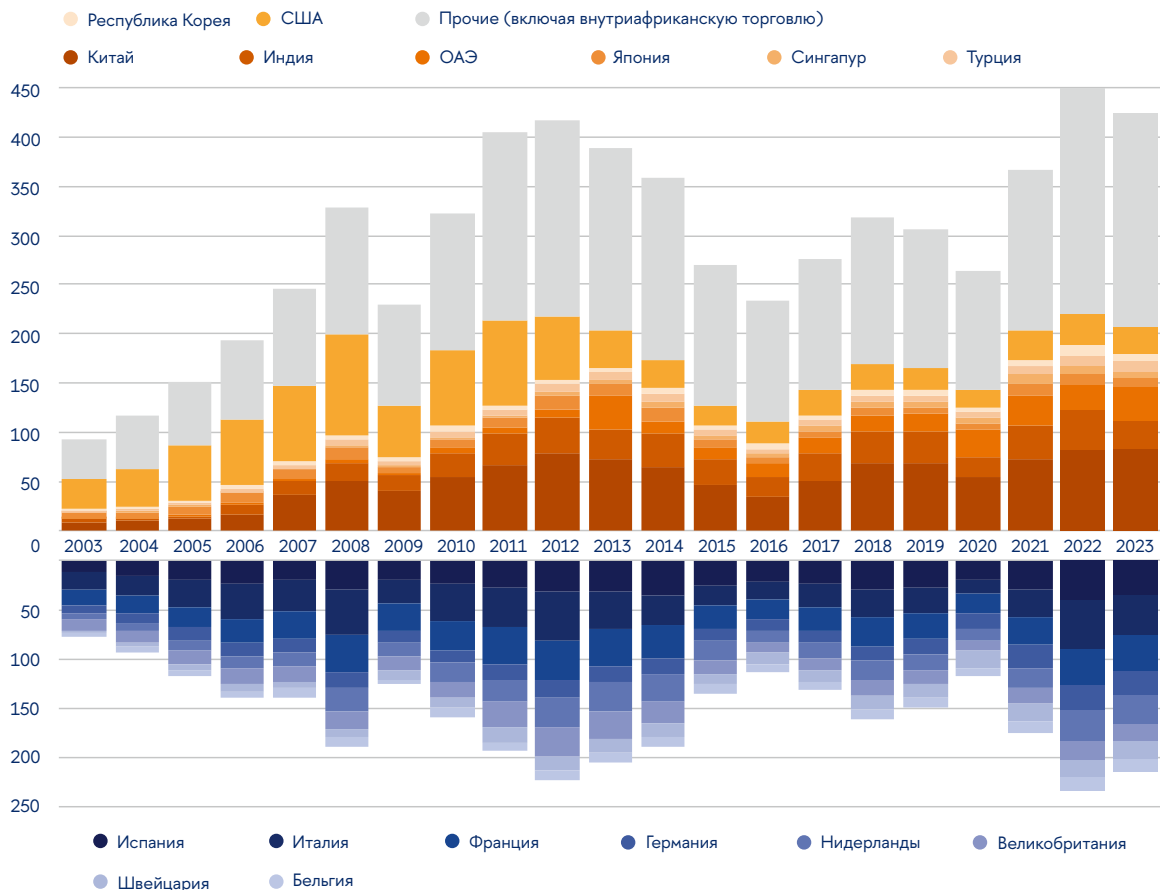
Африканские рынки капитала, включая банки и биржи, уже превратились в значимый источник фондирования для инвестиционных проектов, и в среднесрочной перспективе именно они станут ключевым каналом привлечения средств. Это означает, что внешним игрокам, включая российские компании, необходимо выстраивать системные отношения с африканскими финансовыми институтами уже сегодня.

Внешняя торговля стран Африки: между дефицитом и возможностями

Страны Африки в значительной степени зависят от международной торговли, и уровень этой зависимости увеличился за последние десятилетия. Экспорт — ключевой источник валютных поступлений, необходимых для импорта продовольствия, нефтепродуктов, оборудования и технологий. В 2000 г. совокупный объем внешней торговли Африки составил около 500 млрд долл.,

а к 2023 г. этот показатель превысил 1,3 трлн. Вместе с тем глобальная торговля товарами выросла за тот же период с 12,9 трлн до приблизительно 48 трлн долл., таким образом, доля Африки в ней существенно сократилась. В 2023 г. на долю Африки в мировом экспорте пришлось 2,7%, в мировом импорте — 2,9% (при доле 2,7% в мировом ВВП).

Импорт из стран Африки по странам, 2003–2023 гг., млрд долл.

Источник: Расчеты Центра изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ИТС.

Лидеры по объему внешней торговли в 2023 г. — ЮАР (219 млрд долл.), Египет (125 млрд), Нигерия (121 млрд), Марокко (113 млрд) и Алжир (99 млрд). На эти пять стран пришлось 50% африканского товарооборота в 2023 г. Наиболее высокие темпы (свыше 30%) прироста товарооборота во многом за счет наращивания сырьевого экспорта среди африканских стран за период с 2021 по 2023 г. были у Гамбии, Ливии, Республики Конго и ДР Конго, а также Чада.

Совокупно экспорт стран Африки в 2023 г. — 638 млрд долл. Среди крупнейших экспортеров в 2023 г.: ЮАР (17% общеафриканского экспорта), Нигерия (10%), Алжир (9%), Марокко и Египет (по 7%), Ангола и Ливия (по 6%), а также ДР Конго (4%). Основные покупатели африканских товаров в 2023 г. — Китай, страны ЕС (Италия, Франция, Испания, Нидерланды и Германия), ОАЭ, Индия, США и Турция.

Товарная структура экспорта из Африки, 2023 г., %

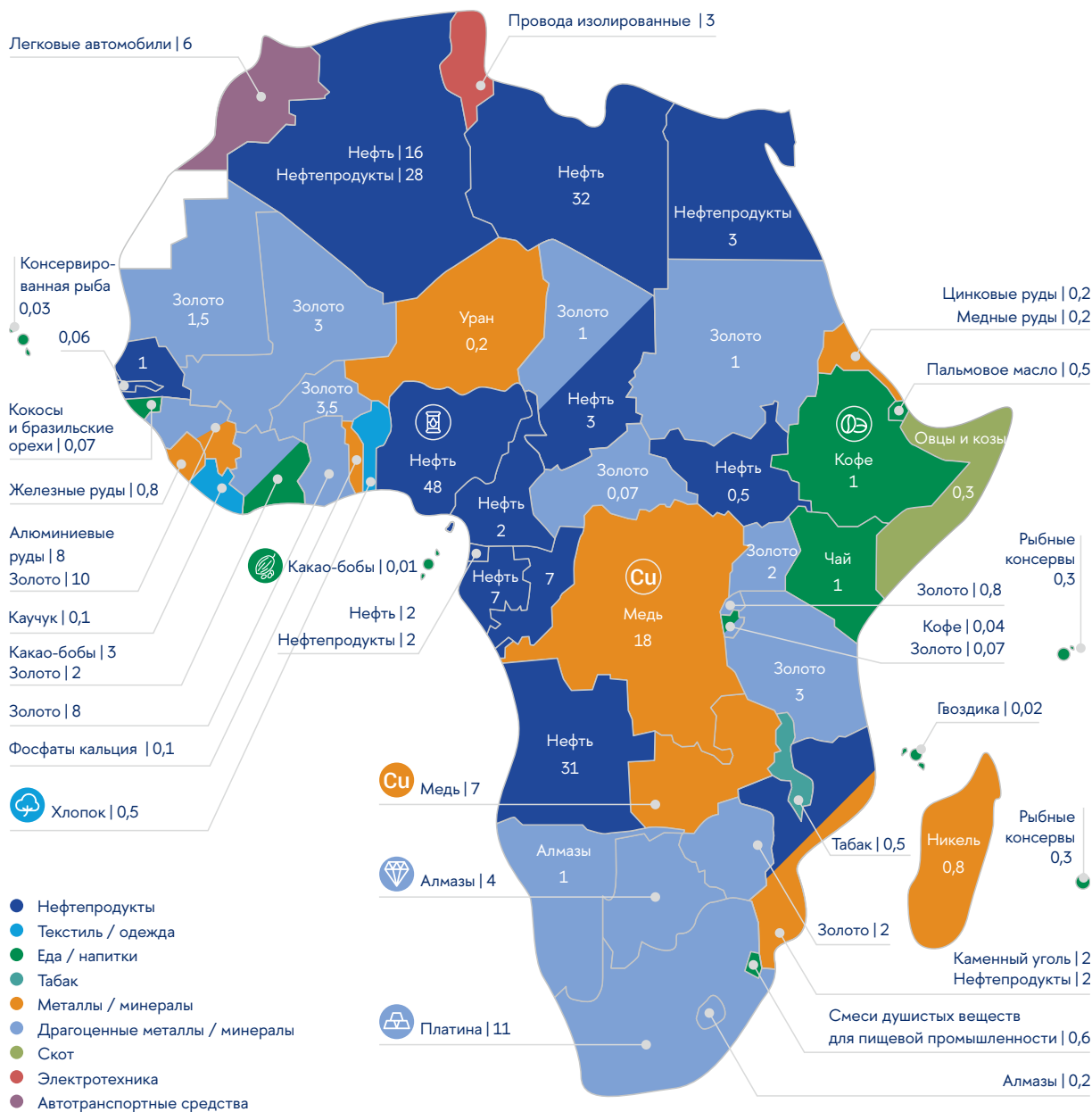
Источник: Расчеты Центра изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ИТС.

Товарная структура импорта в Африку в 2023 г., %

Источник: Расчеты Центра изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ИТС.

Основной экспортируемый товар по странам Африки, 2023 г., млрд долл.

Источник: Расчеты Центра изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ИТС.

[illegible]

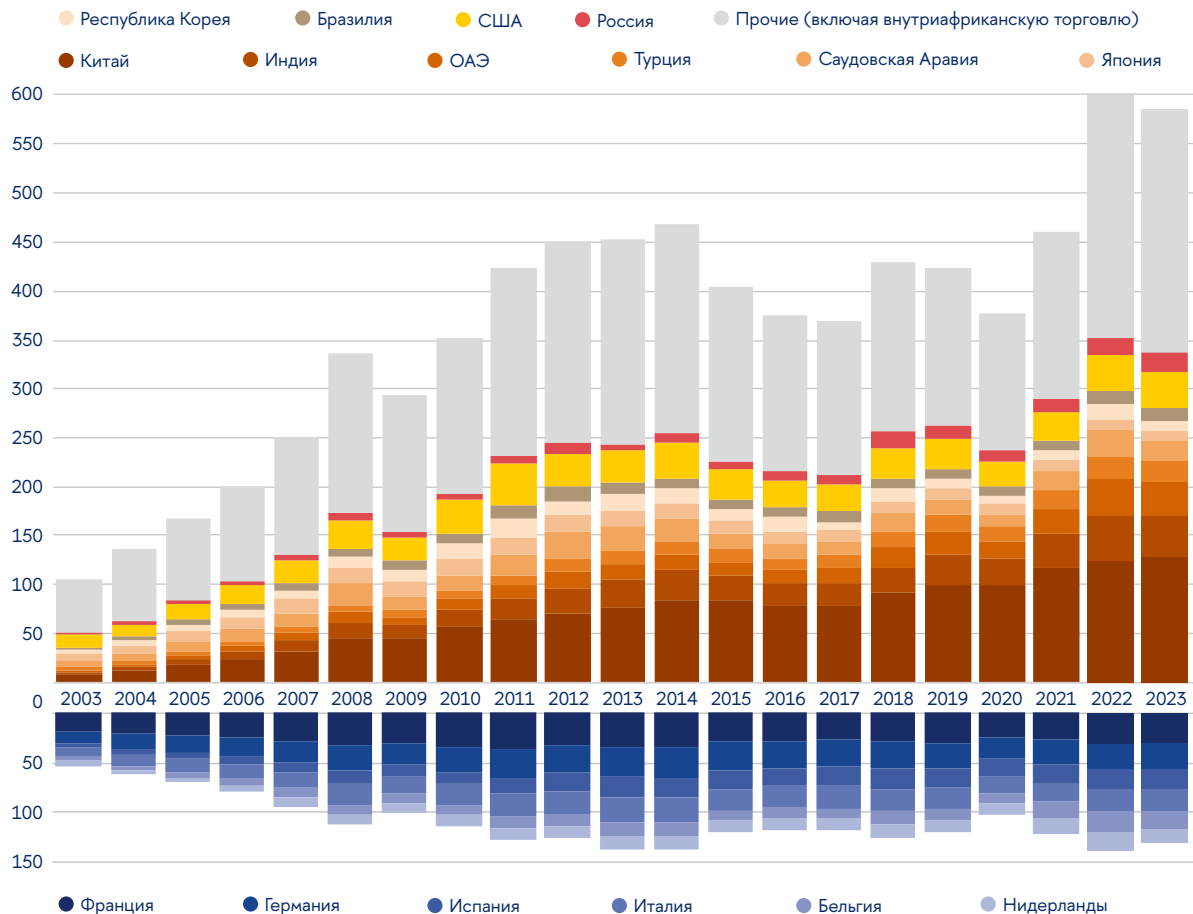
24

Ключевой экспортируемый товар 14 стран Африки (Ливия, Египет, Алжир, Нигерия, Ангола, Мозамбик и т.д.) — энергоносители (нефть, газ, нефтепродукты, уголь), на которые пришлось 38% общего экспорта в 2023 г. Важной категорией экспорта для стран Африки являются драгоценные камни и металлы: золото экспортируют ЮАР, Гана, Буркина-Фасо и Танзания, платину — ЮАР и Зимбабве, алмазы — Ботсвана, ЮАР, Ангола, Намибия и Зимбабве. Железную руду на мировые рынки поставляют ЮАР, Мавритания и Сьерра-Леоне, алюминиевую — Республика Гвинея, марганцевую — ЮАР, Габон, Гана, Кот-д'Ивуар, хромовую — ЮАР, Зимбабве и Мадагаскар. Для ДР Конго и Замбии основным экспортным товаром является медь. Транспортные средства (преимущественно автомобили)

экспортируют из стран Северной Африки и ЮАР, где расположены заводы крупнейших автомобилестроительных концернов. Поставщики продукции АПК (кофе, чай, фрукты и орехи, какао, хлопок, табак) — Кения, Танзания, Эфиопия, Малави, Кот-д'Ивуар, Египет, Марокко, ЮАР, Маврикий и т.д.

Импорт стран Африки в 2023 г. — 716 млрд долл., из которых 15% пришлось на ЮАР, 12% — на Египет, 10% — на Марокко, 8% — на Нигерию, 6% — на Алжир и по 4% — на Тунис и ДР Конго. Крупнейшие экспортеры продукции в Африку — Китай, Индия, США, ОАЭ, страны ЕС (Франция, Германия, Италия, Испания, Бельгия), Турция, Саудовская Аравия и Бразилия. Страны Африки закупают преимущественно энергоносители

Экспорт в страны Африки по странам, 2003–2023 гг., млрд долл.

Источник: Расчеты Центра изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ИТС.

(нефтепродукты) — 20% импорта в 2023 г., продукцию машиностроения (10%), транспортные средства (9%), электроприборы (7%), злаки

и пластмассы (по 4%), железо и сталь, фармацевтические товары (по 3%), а также жиры и масла и продукцию военного назначения (по 2%).

С возвращением Дональда Трампа на пост президента политика США вернулась к протекционистской риторике и практике во внешней торговле. Для Африки такие изменения важны еще и по причине истечения срока действия Закона о росте и возможностях Африке (AGOA) в сентябре 2025 г. AGOA обеспечивал беспоплатный доступ на рынок США для африканских экспортеров отдельных товарных категорий (энергоносители, текстиль и одежда, сельхозпродукция, драгоценные металлы, автомобильные комплектующие, фармацевтическая продукция).

В апреле 2025 г. Трамп ввел универсальный базовый тариф в размере 10% на весь импорт в США, затем были введены «взаимные тарифы» в дополнение к базовому в отношении стран, в торговле с которыми у США дефицит²⁵.

Таким образом, наибольшие тарифы были применены в отношении Лесото (50%), Мадагаскара (47%), Маврикия (40%), Ботсваны (37%), Анголы (32%), Ливии и ЮАР (31%), Алжира (30%), Туниса (28%) и Намибии (21%). 18%-я тарифная пошлина введена для Зимбабве, 17% — для Замбии и Малави, 16% — для Мозамбика, 14% — для Нигерии, 13% — для Чада и РЭГ, а также 11% — для Камеруна, ДР Конго и Кот-д'Ивуара. Базовая ставка в размере 10% применяется к Египту, Марокко, Кении, Гане, Эфиопии, Танзании, Сенегалу и Уганде.

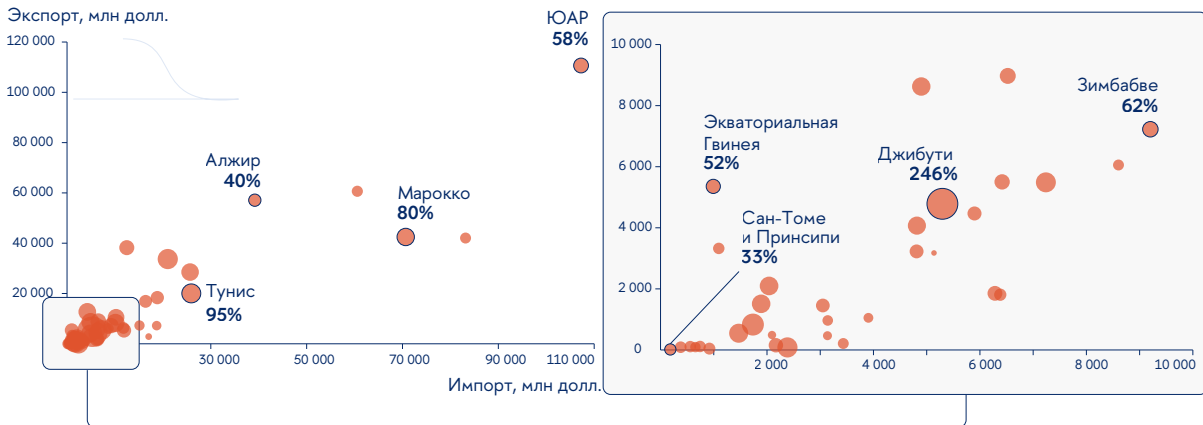
Высокие тарифы в отношении Лесото затронут текстильную промышленность королевства, которая ориентирована на рынок США: торговый дефицит у США с Лесото — 137 млн долл., а 98% экспорта королевства в США пришлось на товары текстильной промышленности в 2024 г. С Мадагаскаром торговый дефицит в 2024 г. составил 304 млн долл., на текстильные товары пришлось 56% экспорта в Соединенные Штаты.

Экспорт ЮАР в США в 2024 г. — 8,2 млрд долл., из которых 60% пришлось на товары, подпадающие под действие AGOA. Также именно на ЮАР пришлось почти 70% всего дефицита Соединенных Штатов в торговле со странами Африки. В итоге в связи с принятыми решениями в отношении продукции из ЮАР со стороны США действуют 31%-е пошлины на весь импорт (10% базовое повышение + 21% повышение на фоне торгового дефицита), а также 50%-е пошлины на импорт стали и алюминия из-за общего повышения пошлин на данную продукцию в июле 2025 г. Таким образом, данная политика ударит по экспортерам продукции машиностроения и сельского хозяйства из ЮАР. При этом в стране размещены заводы VW, Toyota, BMW, Mercedes, Ford, Hyundai, которые нацелены на экспорт товаров в США, а также ЮАР была вторым по величине поставщиком цитрусовых в США после Мексики. Однако новые тарифы делают южноафриканский экспорт неконкурентоспособным на внутреннем рынке США по сравнению с мексиканскими или азиатскими производителями. Таким образом, текущая внешняя политика США окажет заметное негативное влияние на экспортеров продукции машиностроения и сельского хозяйства из ЮАР.

25 Импорт США из этих стран превышает американский экспорт в них. Сальдо торгового баланса = экспорт – импорт.

Значение индекса зависимости от торговли в странах Африки, 2023 г.

Индекс зависимости от торговли, % 10% ○ ○ ○ 250%

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных ITC Trade Map.

За последние несколько десятилетий **индекс зависимости от торговли**²⁶, отражающий значимость международной торговли для экономики страны, а также уровень открытости во внешней торговле, значительно вырос во всех регионах мира, включая Африку. В странах Африки среднее значение индекса увеличилось с 45% в 1991–2000 гг. до 59% в 2020–2023 гг. Однако разброс значений между странами остается значительным: в 2023 г. в **Судане** индекс зависимости от торговли составил лишь 8%, в **Джибути** (зависит от транзита в Эфиопию) и **Лесото** (зависит от торговли с ЮАР) — соответственно 264 и 125%. В 2023 г. для 25 африканских стран значение индекса зависимости от торговли оставалось ниже 50%, а в 22 странах оно колебалось в диапазоне 50–100%. Среди все еще закрытых для внешней торговли стран стоит искать перспективные рынки и новые ниши для экспорта, учитывая, что их закрытость часто обусловлена инфраструктурными ограничениями (отсутствием выхода к морю, например), по мере преодоления которых формируются и новые рынки.

Однако возросшая роль международной торговли в экономике африканских стран в большинстве

случаев сопровождалась **ростом торгового дефицита**. Экономика при сохраняющемся торговом дефиците остается устойчивой при наличии достаточных ресурсов для его финансирования. В последние десятилетия у многих африканских стран были сравнительно благоприятными условия доступа к международным источникам финансирования, однако в условиях глобального ужесточения денежно-кредитной политики, увеличения процентных ставок и замедления экономического роста доступ к внешним финансовым ресурсам становится более ограниченным. Кроме того, через доступ к льготному внешнему финансированию закрепляется зависимость африканских экономик от сырьевого экспорта и импорта товаров с высокой добавленной стоимостью. А проекты по импортозамещению, например, получают доступ к финансированию на менее привлекательных условиях, набор инструментов господдержки для таких проектов также ограничен.

Несмотря на то что отдельные государства демонстрировали значительный профицит торгового баланса, суммарный дефицит внешней торговли Африки составил 169,5 млрд долл. в 2023 г.

26 Индекс зависимости от торговли демонстрирует важность торговли для конкретной страны (вклад экспортно-импортных операций в ВВП страны), а также характеризует степень открытости экономики.

В 2023 г. только в 15 из 54 стран континента зафиксировано положительное сальдо торгового баланса — суммарно 84,9 млрд долл. В числе стран с наибольшим профицитом — **Ангола** (25,8 млрд долл.), **Алжир** (17,9 млрд), Ливия (12,7 млрд), **Габон** (8,5 млрд) и **Экваториальная Гвинея** (4,4 млрд). Все эти государства — экспортеры нефти и газа. Крупнейшие экономики по дефициту торгового баланса — **Египет, Марокко, Эфиопия, Кения и Танзания**. Общий дефицит торгового баланса этих пяти стран — 102,8 млрд долл. в 2023 г. Стоит отметить, что рост ВВП в африканских экономиках с торговым дефицитом существенно выше (в последнее десятилетие, в среднем), чем рост в странах-экспортерах со значительным профицитом.

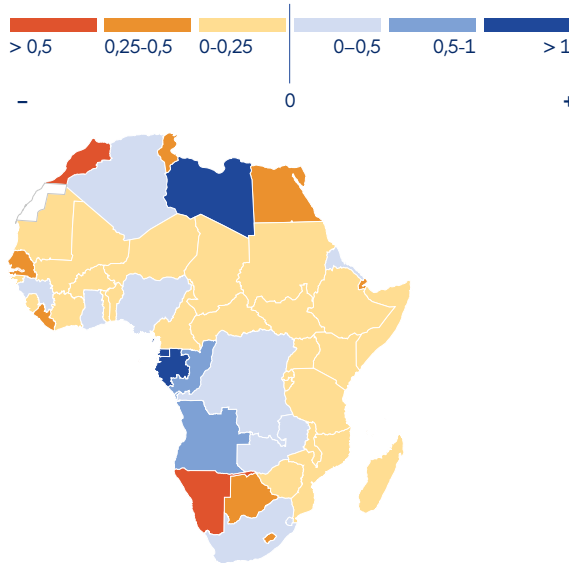
Торговый профицит в пересчете на душу населения может служить мерой несбалансированности торговли. Например, в Габоне в 2023 г. этот показатель составил 3469 долл., в Экваториальной Гвинее — 2755, в Ливии — 1854 долл. В то же время в Нигерии, несмотря на заметный общий профицит, подушевой показатель низкий — 0,3 долл. Наибольший дефицит торгового баланса на душу населения характерен для островных государств, среди которых лидеры по отрицательному сальдо — Сейшельские острова, Маврикий и Кабо-Верде.

Экспорт и импорт большинства африканских стран характеризуются высокой волатильностью, что обусловлено зависимостью от торговли сырьевыми товарами. Сравнение накопленных торговых балансов дает более точное представление о реальной роли каждой страны в международной торговле, нивелируя краткосрочные колебания. Наиболее сбалансированная внешняя торговля²⁷ за десятилетний период была зафиксирована в **Нигерии** (0,08), **Кот-д'Ивуаре** (0,05), **Замбии, ЮАР, Эсватини и Гане** (по 0,3), а также в **Алжире** (–0,02), **Ботсване** (–0,03) и **ДР Конго** (–0,04). Этим странам в целом удастся импортировать товаров в объеме, сопоставимом с экспортом,

В целом за период с 2014 по 2023 г. накопленный торговый дефицит стран Африки составил 839 млрд долл.

Только у **16 стран** Африки за последние 10 лет был устойчивый профицит. Лидер по накопленному профициту внешней торговли — **Ангола** (234,3 млрд долл.). С заметным отрывом за ней следуют **Ливия** (83 млрд долл.), **Нигерия** (81 млрд), **ЮАР** (62 млрд), **Экваториальная Гвинея** (50 млрд), **Джибути** (48 млрд) и **Габон** (46 млрд). Большинство стран с устойчивым положительным торговым балансом либо экспорти-

Торговый баланс стран Африки на душу населения, 2023 г., долл.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных ITC Trade Map.

и за счет экспортных доходов финансировать инвестиционные проекты и потребительские рынки. Другие же либо финансируют рост займы (как Эфиопия и Танзания, например), либо остаются донорами международной финансовой системы, не будучи в состоянии «потратить» внутри страны существенный профицит внешней торговли (Ангола, Экваториальная Гвинея, Габон, Ливия и др.).

27 Индекс торгового баланса разработан авторами. Рассчитывается по формуле: экспорт + импорт / (экспорт – импорт) за 10-летний период.

руют нефть (Ангола, Ливия, Нигерия, Экваториальная Гвинея, Габон), либо выполняют функцию логистических и транзитных хабов в своих субрегионах (Джибути и Гана).

Число африканских государств с устойчивым дефицитом торговли значительно превышает количество стран с профицитом. Почти половина совокупного дефицита торговли Африки приходится на **Египет** — 455 млрд долл. Также среди лидеров — **Марокко** (217 млрд долл.), **Эфиопия** (127 млрд), **Кения** (112 млрд), **Тунис** (64 млрд), **Танзания** (55 млрд), **Судан** (44 млрд), **Сенегал** (42 млрд) и **Уганда** (41 млрд).

В ряде африканских стран был зафиксирован относительно низкий уровень накопленного торгового дефицита — до 5 млрд долл. за десятилетний период. Среди них — **Гвинея-Бисау** (0,8 млрд долл.), **ДР Конго** (1,1 млрд), **Сан-Томе и Принсипи** (1,5 млрд), **Коморские острова** (2,3 млрд), **Центральноафриканская Республика** (4 млрд) и **Ботсвана** (4,7 млрд). Однако масштаб дефицита необходимо рассматривать в зависимости от размера экономики: если для ДР Конго 1,1 млрд долл. за 10 лет — незначительный дефицит, то для небольшой экономики Сан-Томе и Принсипи дефицит в 1,5 млрд долл. весьма существенный.

Хронический дефицит внешней торговли может указывать на структурные дисбалансы в экономике, неспособность национальных производителей конкурировать с импортной продукцией на внутреннем рынке и/или с зарубежными конкурентами на внешних рынках. В ряде случаев дефицит торгового баланса обусловлен инвестициями в производственные мощности (за счет импорта промежуточных товаров и оборудования), что может способствовать росту занятости и сокращению бедности (при условии, что инвестиции эффективны и направлены на создание рабочих мест). В 2023 г. крупнейшие импортеры средств производства в Африке — ЮАР, Египет, Марокко, Нигерия, Алжир, ДР Конго, Ангола,

Тунис, Эфиопия и Танзания. При этом для половины этих стран характерен дефицит внешней торговли.

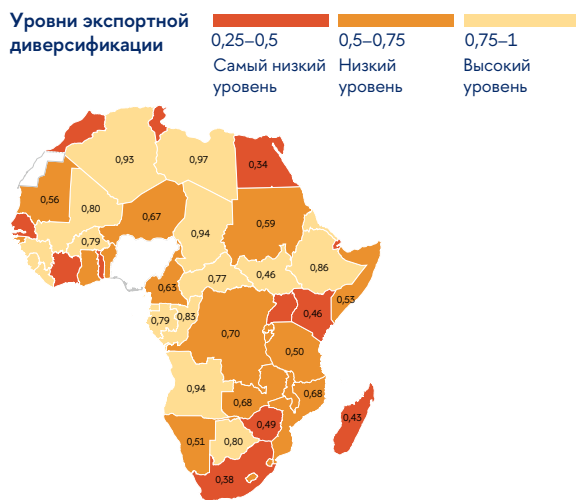
Кроме того, во многих странах Африки ключевыми участниками внешнеэкономической деятельности выступают не национальные компании, а иностранные инвесторы, которые формируют значительную долю как экспорта, так и импорта страны. При этом нередко применяются практики трансфертного ценообразования: стоимость импортируемых товаров завышается (например, при закупке оборудования или комплектующих у аффилированных структур), а стоимость экспортируемой продукции, напротив, занижается и эти товары поставляются в адрес собственных трейдеров, расположенных в третьих странах. В результате торговый дефицит оказывается искусственно завышенным, что искажает реальную картину торгового баланса государства.

Несмотря на постепенный рост доли обрабатывающей промышленности в ВВП, участие африканских стран в глобальных цепочках добавленной стоимости остается ограниченным. Доля Африки в мировом экспорте продукции обрабатывающей промышленности — около 1,3%. Завершение периода высоких цен на сырьевые товары (2014–2016 гг.) обнаружило уязвимость африканских экономик, зависящих от экспорта сырья, а пандемия коронавируса выявила риски, связанные с зависимостью от импорта промышленных товаров. В этом контексте секторальный индекс Хиршмана²⁸ — эффективный инструмент для оценки уровня экспортной диверсификации.

В 2023 г. в 13 странах континента был зафиксирован относительно **высокий уровень диверсификации** экспорта. Среди них как большие экономики — Египет (0,34), Марокко и ЮАР (по 0,38), Тунис (0,39) и Сенегал (0,41), так и транзитные хабы — Джибути (0,36), Маврикий и Того (по 0,43), Уганда и Кения (по 0,46),

28 Секторальный индекс Хиршмана позволяет определить степень распределенности экспорта государства по различным видам экономической деятельности. Иными словами индекс характеризует степень отраслевой концентрации экспорта страны.

Значение секторального индекса Хиршмана для стран Африки, 2023 г.

а также Зимбабве (0,49), — показатели, обусловленные отчасти и результатами реализации стратегий по диверсификации экспорта в данных странах.

В 21 африканской стране в 2023 г. был зафиксирован низкий уровень диверсификации экспорта. Значения индекса в этой группе варьировались от 0,50 в Танзании до 0,55 в Гане и Руанде, достигая 0,7 в ДР Конго и 0,73 в Гвинее-Бисау. При этом в 19 странах уровень диверсификации — **крайне низкий**. В эту группу стран вошли ЦАР (0,77), Буркина-Фасо (0,79), Ботсвана и Мали (по 0,8), Республика Конго (0,83), Эфиопия (0,86), Алжир (0,93), Ангола (0,94), а также Ливия и Эритрея (по 0,97). Экспорт стран с низкой диверсификацией, как правило, сосредоточен на сырьевых товарах, таких как нефть, газ и золото, а также на сельскохозяйственной продукции (кофе, чай, табак).

На основе значений секторального индекса Хиршмана и индекса торгового баланса за десятилетний период можно предложить классификацию, условное разделение стран на группы по характеру их включения в международную торговлю.

К первой группе относятся страны — экспортеры нефти и газа с низкой диверсификацией экспорта и устойчивым положительным сальдо торгового баланса. Относительное сальдо выше 0,1 наблюдается исключительно в странах, где индекс Хиршмана составляет 0,65 и выше. К этой группе относятся Ангола, Ливия, Южный Судан и Экваториальная Гвинея.

Во вторую группу входят Гана, ЮАР, ДР Конго и Кот-д'Ивуар — страны-экспортеры с относительно хорошо развитой промышленной базой, более высокой степенью диверсификации экспорта и устойчивым положительным сальдо торгового баланса. Однако, несмотря на профицит в торговле и усилия по диверсификации, в 2022 г. Гана находилась в состоянии дефолта вследствие неэффективной макроэкономической политики и больших трат правительства.

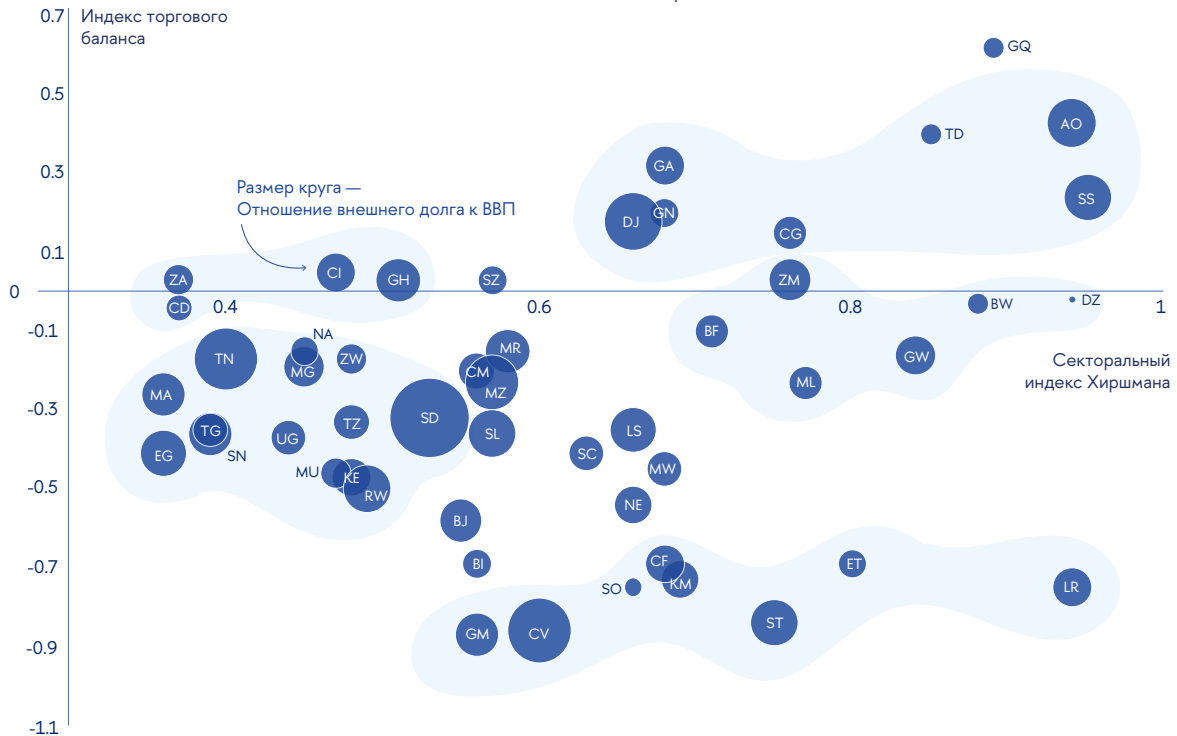
К третьей группе относятся небольшие экономики — Либерия, ЦАР, Коморские острова и Сомали, которые отличаются высокой уязвимостью к внешним шокам, обусловленной временно значительным торговым дефицитом и низким уровнем диверсификации экспорта.

К четвертой группе относятся страны, экономики которых сильно зависят от экспорта сырьевых товаров и одновременно высоких трат на импортную продукцию: Ботсвана, Алжир, Мали и Буркина-Фасо. Правительствам данных стран необходимо уделять особое внимание контролю за импортом и переориентации государственных инвестиций на развитие импортозамещающей промышленности и диверсификацию экспорта.

Крупные экономики — Египет, Кения, Танзания и Марокко — характеризуются относительно высоким уровнем диверсификации экспорта, но продолжают испытывать устойчивый дефицит торгового баланса.

Показатели индекса торгового баланса и секторального индекса Хиршмана для стран Африки

Используются значения индекса торгового баланса и секторального индекса Хиршмана за десятилетний период с 2014 по 2023 гг. Значения секторального индекса Хиршмана колеблется от 0 до 1: более высокие значения указывают на то, что экспорт сосредоточен в меньшем количестве секторов.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэком на основе данных ITC Trade Map.

Финансирование торгового дефицита

Односторонние трансферты²⁹ на протяжении десятилетий были ключевым источником внешнего финансирования для многих африканских стран. В 1990-х годах доля таких переводов со-

ставляла в среднем 2,6% ВВП африканских стран, а к 2013 г. она увеличилась до 4,4%. В 2022 г. денежные переводы продолжали играть важную роль в экономиках африканских стран, составляя в среднем 7,6% ВВП в Западной Африке; 6,8% — в Восточной; 4,4% — в Северной; 3,7% — в Южной и 1,4% — в Центральной³⁰.

²⁹ Односторонние трансферты — движение средств через границу без встречного предоставления товаров, услуг или активов. К ним относятся, переводы мигрантов своим семьям (remittances), официальная государственная помощь (в том числе G2G), гранты и пожертвования от международных организаций и частных фондов.

³⁰ RemitSCOPE Africa. URL: https://gfrid.org/wp-content/uploads/2023/06/RemitSCOPE_Africa_preliminary_release.pdf

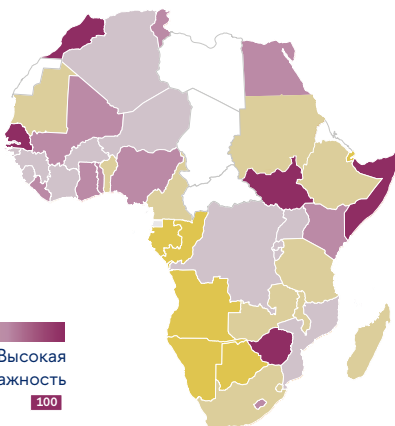
Индекс значимости денежных переводов, 2023 г.

Африка

47/100

средний уровень

Шкала индекса

Источник: подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных ООН.

Согласно данным Всемирного банка, на крупнейших получателей денежных переводов в 2023 г. — Нигерию и Египет — пришлось 19,6 млрд и 19,5 млрд долл. соответственно — 43% общего объема денежных переводов в Африку. За ними следуют Марокко (11,8 млрд долл.), Гана (4,6 млрд), Кения (4,2 млрд), Зимбабве (3,0 млрд), Сенегал (2,9 млрд), Тунис (2,7 млрд) и Алжир (1,9 млрд)³¹. Примечательно, что большинство стран, входящих в топ-10 по объему полученных денежных переводов, характери-

зуются хроническим торговым дефицитом, за исключением Нигерии и Ганы.

В 2023 г. объем денежных переводов мигрантов в Африку составил 95 млрд долл.³²

Для некоторых стран денежные переводы имеют критическое значение. К числу таких стран относятся Гамбия (23% ВВП в 2023 г.), Лесото (22%), Сомали (23%), Коморские острова (21%), Либерия (18%) и Южный Судан (16%). Несмотря на то что эти трансферты служат значительным источником внешнего финансирования и могут способствовать сокращению бедности, сильная зависимость от них делает страны-получатели особенно уязвимыми к внешним шокам.

Помимо односторонних трансфертов, прямые иностранные инвестиции (ПИИ) — еще один ключевой источник внешнего финансирования для стран Африки. ПИИ часто рассматриваются как предпочтительная и относительно безопасная форма привлечения иностранного капитала в развивающиеся экономики, поскольку они не связаны с обязательствами по выплате основной суммы и процентов³³.

Начиная с 2000-х годов потоки ПИИ постепенно вытеснили «прочие инвестиции» — в первую очередь иностранные займы — в качестве ос-

Финансирование торгового дефицита в Танзании

Один из главных источников балансирования отрицательного счета текущих операций в Танзании — иностранные инвестиции. В 2023 г. приток ПИИ в Танзанию — 1,3 млрд долл., общий объем накопленных инвестиций — 19,9 млрд долл. Также положительно на счет текущих операций влияют личные трансферты и иностранные гранты (1,5 млрд долл. в 2023 г.). Еще один важный фактор — туризм. После пандемии туристический сектор активно восстанавливается, число прибывших и поступления средств достигли уровня, существовавшего до пандемии. В 2023 г. число туристов, прибывших в Танзанию, увеличилось до рекордных 1,8 млн человек (в 2022 г. — 1,5 млн человек), а валютные поступления от туризма достигли рекордного уровня 3,4 млрд долл. Также дефицит частично покрывается за счет резервов и внешних займов (в 2023 г. внешний долг — 22,8 млрд долл.).

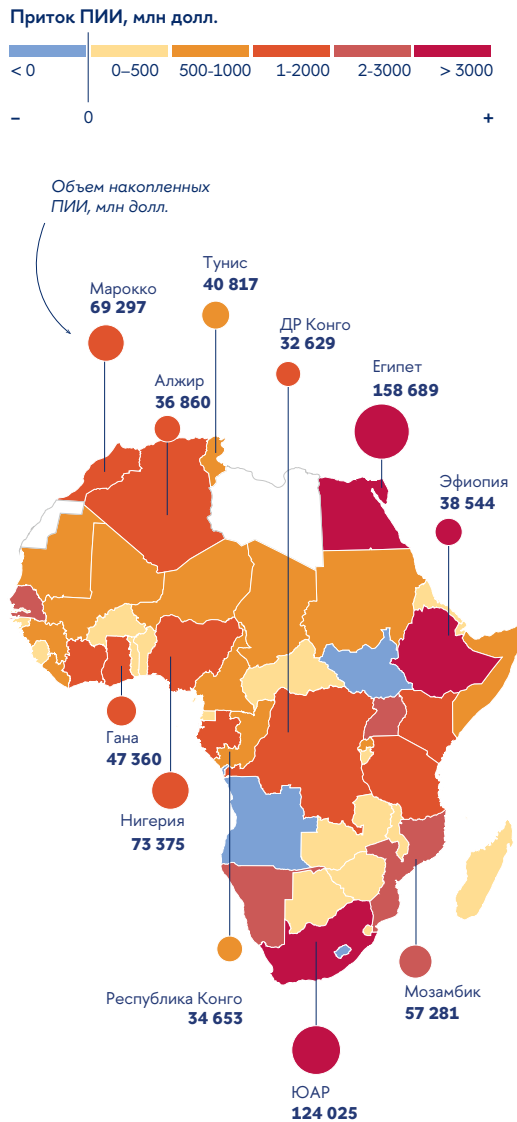
31 RemitSCOPE. Africa. URL: <https://remitscope.org/africa/themes/>

32 IFAD. Improving the management of remittances and their use for development impact in Africa. URL: <https://www.ifad.org/en/prime-africa#:~:text=Remittances%20sent%20by%20migrant%20workers,quarter%20is%20invested%20or%20saved>

33 Demekas et al. 2005. P. 209.

новного источника внешнего финансирования, помимо трансфертов. Приток ПИИ увеличился с 0,9% ВВП в 1990-х до 2% ВВП в 2013 г. В то же время объемы внешнего заимствования сократились в результате инициатив по облегчению долговой нагрузки.

Прямые иностранные инвестиции в Африке, 2023 г.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэком на основе данных ЮНКТАД.

В 2021 г. в Африке зафиксирован рекордный объем притока ПИИ — 82 млрд долл., который к 2023 г. снизился до 53 млрд долл.³⁴

В 2023 г. почти половина всех ПИИ в страны Африки была направлена в государства Северной и Западной Африки. Восточная Африка привлекла 21,3% общего объема ПИИ, Южная — 17,3%, а Центральная — 11,2%.

В 2023 г. накопленный объем ПИИ в странах Африки достиг 1,04 трлн долл. Лидерами остаются Египет, ЮАР, Нигерия, Марокко и Мозамбик.

Хотя прямые иностранные инвестиции не сопровождаются обязательствами по возврату основной суммы и выплате процентов, это не означает отсутствие экономических издержек для стран-получателей. Иностранные инвесторы осуществляют вложения исключительно с расчетом на получение прибыли и последующую репатриацию доходов или реинвестирование капитала. На практике ПИИ зачастую оказываются наиболее дорогостоящей формой внешнего финансирования в долгосрочной перспективе: доходность инвестиций иностранных компаний, как правило, значительно превышает процентные ставки по внешним займам и среднюю норму прибыли по портфельным инвестициям.

Многие проекты с участием иностранных инвесторов сопровождаются применением механизмов, позволяющих минимизировать налоговые обязательства — кредиты акционеров и трансфертное ценообразование. Экспортируемое сырье часто оценивается по заниженной цене, что приводит к недополучению налоговых поступлений и экспортной выручки в бюджет страны. Иностранные инвесторы нередко кредитуют собственные дочерние компании по рыночным или даже завышенным коммерческим ставкам, поскольку возврат долговых обязательств оказывается проще и менее подвержен налогообложению, чем репатриация прибыли от капитала.

34 UN. 2024 World investment report. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2024_en.pdf

Разнообразие Африки в ее валютах

Валюта и обменный курс играют ключевую роль в оценке экономической стабильности развивающихся стран. Разнообразие Африки выражается и в режимах обменного курса:

- марокканский дирхам функционирует **в рамках режима управляемого обменного курса**: с 2020 г. его стоимость поддерживается в **горизонтальном коридоре** и привязана к валютной корзине, в которой доля евро составляет 60%, а доллара — 40%;
- схожий, но более гибкий подход применяется в Ботсване: национальная валюта — пула — привязана к корзине, включающей специальные права заимствования (SDR) и южноафриканский рэнд. Такой механизм представляет собой так называемую **мягкую фиксацию**, позволяя властям корректировать курс при изменении внешнеэкономических условий;
- в ряде стран, включая Малави, Мозамбик, Нигерию, Судан и Танзанию, установлены режимы **«стабильного курса» с мягкой привязкой**;
- 12 стран Африки, включая Алжир, Кению, Маврикий, Тунис, Руанду, используют более гибкие **системы, предусматривающие возможность корректировки курса** в зависимости от ситуации на рынке;
- наиболее широко на континенте представлен **фиксированный курс**, который действует в 21 стране. Из них 17 государств входят в зоны франка КФА, где валюты жестко привязаны к евро (через номинально существующий до сих пор французский франк).

Режимы валютных курсов стран Африки

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных МВФ.

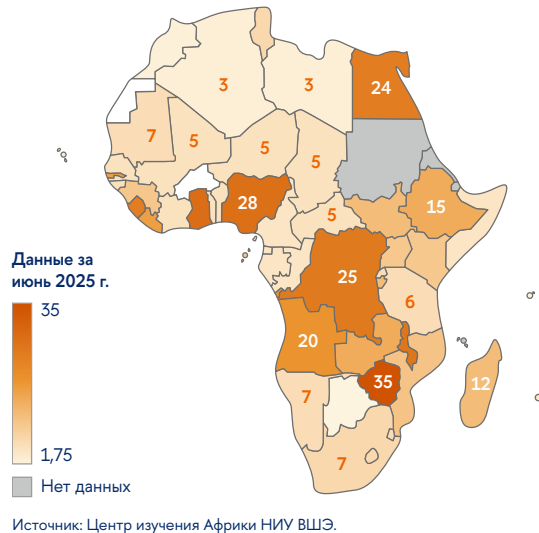
Валюты Лесото, Намибии и Эсватини привязаны к южноафриканскому рэнду, а эритрейская накфа имеет фиксированную привязку к доллару США;

- **плавающий обменный курс** официально применяется в восьми странах: Анголе, Египте, Замбии, Мадагаскаре, ЮАР, Эфиопии, Уганде и на Сейшельских островах. Особый случай представляет Сомали, где национальная валюта — сомалийский шиллинг — обращается в условиях **свободного плавания**;
- Южный Судан, Зимбабве, Либерия и Сьерра-Леоне используют уникальные модели, которые классифицируются как **«прочие режимы управляемого курса»**.

Кроме того, для многих стран Африки характерна практика применения «двойных обменных курсов». Двойной курс возникает, когда официальный курс, устанавливаемый центральным банком, значительно отличается от рыночного или параллельного. Такая система чаще всего обусловлена жестким валютным контролем и ограниченным доступом населения и бизнеса к иностранной валюте. Один из примеров — Алжир: в середине 2024 г. официальный курс составлял 134 динара за доллар США, однако на черном рынке доллар США оценивался в 224.

Пример борьбы с режимом «двойных обменных курсов» — Эфиопия. 29 июня 2024 г. Национальный банк Эфиопии под давлением МВФ и других международных кредиторов объявил о реформе валютного режима, одно из положений которой предусматривало переход к рыночному режиму обмена валюты: банкам было разрешено покупать и продавать иностранную валюту у своих клиентов и между собой по свободно согласовываемым курсам. Национальный банк будет осуществлять лишь ограниченные интервенции для поддержки рынка в первые дни действия режима и в случае, если это будет оправдано нестабильными рыночными условиями. До реформы июля 2024 г. официальный обменный курс составлял приблизительно 56,55 эфиопского быра за доллар США, в то время как курс на

Ставка рефинансирования в странах Африки

параллельном рынке достигал 116 быр за доллар США, в результате чего разница превысила 100%. После реформы разрыв между официальным и параллельным рыночными курсом значительно сократился. К августу 2024 г. разница сократилась до менее 10%, при этом официальный курс достиг более 100 быр за доллар США, а параллельный курс стабилизировался на уровне около 115 быр за доллар. В январе 2025 г. официальный курс был в диапазоне от 126 до 139 быр за доллар, в то время как параллельный курс составлял приблизительно 150 быр за доллар. С одной стороны, борьба с черным валютным рынком в Эфиопии позволила укрепить контроль над денежным обращением, ограничить спекуляции с иностранной валютой и снизить уровень нелегальных операций, что способствовало большей прозрачности и стабильности финансовой системы. Однако, с другой стороны, жесткие меры против теневого сектора негативно сказались на бюджете: дефицит иностранной валюты усилил давление на импорт, а также затруднил финансирование социальных и инфраструктурных расходов, зависящих от внешних поставок и валютных поступлений.

Согласно классификации МВФ, африканские страны можно разделить по типу применяемой денежно-кредитной политики. Выделяют четыре основных режима: жесткая привязка обменного

курса, таргетирование денежно-кредитного агрегата (как правило, денежной массы), инфляционное таргетирование и прочие подходы.

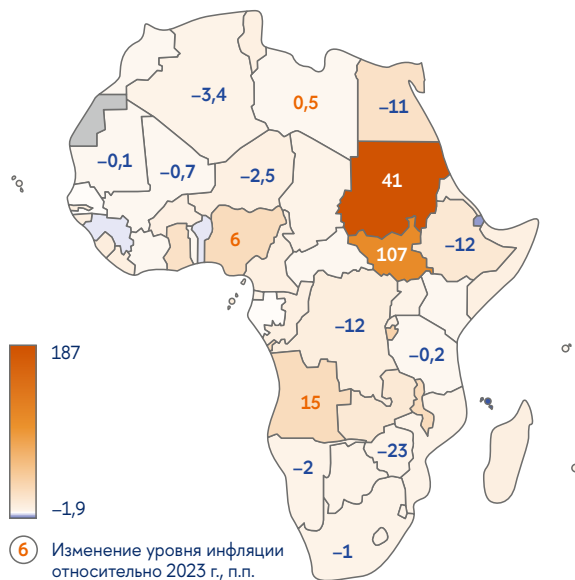
Привязка обменного курса предполагает, что денежно-кредитный орган проактивно действует на валютном рынке, покупая или продавая иностранную валюту с целью поддержания курса национальной валюты на фиксированном уровне или в пределах заданного коридора. К числу стран, применяющих данный подход, относятся государства Западноафриканского (ЗАЭВС) и Центральноафриканского (ЦАЭВС) валютных союзов, а также Лесото, Эсватини, Намибия и Ботсвана.

Таргетирование денежно-кредитного агрегата — режим денежно-кредитной политики, при котором центральный банк устанавливает целевой уровень роста одного из ключевых денежных агрегатов, таких как денежные резервы, M1 или M2, и использует доступные инструменты для достижения целевого показателя. Агрегат служит номинальным якорем, на основе которого выстраивается макроэкономическая политика, в том числе управление инфляцией и ликвидностью. Данный подход реализуется в 13 африканских странах, включая Нигерию, Алжир, Зимбабве, Анголу, Эфиопию, Руанду.

Инфляционное таргетирование — режим денежно-кредитной политики, при котором центральный банк публично объявляет количественные цели по уровню инфляции и принимает на себя обязательства по их достижению в среднесрочной перспективе. Инфляционное таргетирование применяется в Кении, Гане, Уганде, ЮАР и на Сейшелах.

Категория **«другие рамки денежно-кредитной политики»** применяется в тех случаях, когда страна не использует четко обозначенный якорь, а центральный банк ориентируется на широкий спектр экономических индикаторов при проведении денежно-кредитной политики. Это может включать гибкое сочетание целей по инфляции, обменному курсу, денежным

Уровень инфляции в странах Африки, 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

агрегатам и другим параметрам. К этой группе относятся Малави, Мозамбик, Судан, Тунис.

Внешний долг африканских стран выражен преимущественно в иностранных валютах, таких как доллар или евро.

С 2022 г. ряд африканских валют сильно обесценился по отношению к доллару США, что резко увеличило бремя обслуживания внешнего долга. Номинальный размер обязательств в иностранной валюте (например, долларах) остается неизменным, а их стоимость в национальной валюте возрастает. Например, в Нигерии в 2023 г. падение курса найры на 70% сделало обслуживание обязательств существенно дороже: пересчитанный в найрах внешний долг увеличился более чем вдвое³⁵. В Гане около 98% прироста долга в 2023 г. также связано с обесцениванием национальной валюты: при сохранении номинального долга в долларах его стоимость в седи и нагрузка на бюджет существенно возросли.

35 Bloomberg. Understanding Nigeria's Currency Slump, and What Happens Next. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2024-07-30/why-nigeria-s-naira-currency-ngn-usd-slumped-and-why-it-matters>

Франк КФА привязан к евро, что имеет двойственные последствия для управления государственным долгом. Поскольку значительная часть внешнего долга, а также международная торговля номинированы в долларах, снижение курса евро по отношению к доллару автоматически увеличивает стоимость обслуживания долга в пересчете на франк КФА, усиливая долговую нагрузку без фактического увеличения заимствований. Укрепление евро, напротив, может привести к снижению долларowego эквивалента долга, но также сопровождается неблагоприятными эффектами — потерей ценовой конкурентоспособности и сокращением доли экспорта на мировых рынках, особенно по отношению к странам, использующим более гибкие или слабые валюты. Привязка франка КФА к евро могла сыграть сдерживающую роль в наращивании внешнего долга, позволив странам зоны избежать уровня задолженности, характерного для ряда государств Восточной Африки. Однако обратной стороной этой стабильности стало замедление темпов экономического роста.

И все-таки основным недостатком жесткой привязки курса остается отсутствие у государств возможности проводить собственную денежно-кредитную политику. Причем если участники зоны евро делегируют свои полномочия ЕЦБ, который хотя бы в теории руководствуется интересами объединенных общим

рынком европейских экономик, то страны двух зон КФА становятся заложниками денежно-кредитной политики ЕЦБ заодно, хотя очевидно, что колебания курса евро по отношению к доллару никак не связаны с интересами принявших привязку к евро стран.

Все больше африканских стран обращаются к золоту в качестве инструмента хеджирования и диверсификации резервов. Золото рассматривается как форма защиты от потенциальных санкций, девальвации резервных валют и волатильности международных финансовых рынков. В этом контексте ряд государств предпринимает активные шаги по наращиванию золотых резервов. Гана запустила масштабную программу внутренних закупок золота. В начале 2023 г. **Гана** заключила соглашение с девятью крупнейшими золотодобывающими компаниями о прямых закупках 20% их добычи со скидкой в 1% от цены Лондонской ассоциации рынка драгоценных металлов. Отталкиваясь от опыта Ганы, Центральный банк **Намибии** объявил о внедрении аналогичного механизма внутренних закупок драгоценного металла. **Нигерия** начала реализацию программы по скупке золота у местных добывающих компаний с целью пополнения международных резервов. **Танзания** объявила о намерении потратить 400 млн долл. на приобретение 6 т золота. Центральный банк **Уганды** запустил программу прямых закупок золота у местных старателей.

В 2024 г. Резервный банк Зимбабве ввел в обращение новую национальную валюту — ZIG (Zimbabwe Gold), обеспеченную золотом, с целью обуздания высокой инфляции и восстановления макроэкономической стабильности. Поводом для введения ZIG стал резкий обвал зимбабвийского доллара: в 2023 г. он потерял почти 100% своей стоимости по отношению к американскому доллару.

ZIG был введен в обращение 8 апреля 2024 г. по первоначальному обменному курсу 13,56 ZIG за 1 долл. США. Все владельцы долларовых счетов в Зимбабве были обязаны перейти на ZIG. 56 ценных бумаг, котирующихся на фондовой бирже Зимбабве, были перерегистрированы в новой валюте. Резервный банк Зимбабве инициировал процесс изменения официального кода валюты с ZWL (зимбабвийский доллар) на ZWG.

Банк Зимбабве заявил, что новая валюта будет полностью обеспечена резервами, в том числе 100 млн долл. в наличной форме и 2522 кг золота (на тот момент — около 185 млн долл.). Банк подчеркнул свою приверженность жесткой денежно-кредитной политике, объявив о намерении увязать рост денежной массы с увеличением объема золотовалютных резервов.

30 апреля в обращение были введены новые банкноты ZiG, а Резервный банк запустил рекламную кампанию, направленную на повышение осведомленности населения о новой валюте и укрепление доверия к ней. В целях стимулирования спроса на ZiG правительство обязало компании, осуществляющие операции исключительно в местной валюте, выплачивать корпоративный подоходный налог в новой валюте. Для компаний, получающих выручку как в ZiG, так и в иностранной валюте, размер налоговых обязательств определяется пропорционально валютной структуре их оборота. Однако во втором квартале 2024 г. правительство дало возможность компаниям выплатить 50% корпоративного налога в ZiG и 50% — в иностранной валюте независимо от фактической структуры их оборота. Таможенные пошлины на импортируемые товары также будут уплачиваться в местной валюте, за исключением некоторых товаров первой необходимости или предметов роскоши, облагаемых пошлиной в иностранной валюте.

На практике ZiG остается малораспространенным в повседневном обращении, уровень доверия населения к новой валюте пока остается низким (сохраняется недоверие после гиперинфляции 2007–2008 гг., когда национальная валюта фактически обесценилась). Экономика страны более десяти лет функционирует в условиях высокой долларизации: большая часть как крупного, так и малого бизнеса функционирует с использованием доллара, который воспринимается в качестве более надежного финансового инструмента. Большинство граждан по-прежнему используют доллары США для расчетов, а цены на основные потребительские товары продолжают указываться в долларах.

Для обеспечения достаточной денежной массы золотом большинству стран Африки не хватает резервов физического золота.

Жесткая привязка национальной валюты к золоту также делает экономику уязвимой к колебаниям мировых цен на металл, а снижение цены на золото может привести к сокращению стоимости резервов и ослаблению денежно-кредитной базы. Кроме того, многие страны вовсе не располагают ликвидными ЗВР (например, так называемые резервы стран КФА размещены в их собственных ценных бумагах), и формирование таких резервов потребует значительных инве-

стиций, т.е. сокращения расходов по другим статьям бюджетов. Еще одна фундаментальная проблема, ограничивающая суверенитет многих стран, — размещение резервов за границей. Многие центробанки считают собственные хранилища недостаточно надежными, кроме того, физическое золото в Швейцарии, Лондоне и Сингапуре не достанется пришедшим к власти незаконным путем мятежникам — до тех пор, пока те не добьются международного признания. Но верно и обратное — вполне законные, признанные народом власти страны могут лишиться доступа к собственным ЗВР из-за односторонних санкций Запада.

Цифровые валюты и платежи в Африке

На страны Африки приходится 66% мирового объема денежных переводов, осуществляемых через системы мобильных электронных платежей. В 2022 г. более 50% новых платежных счетов было зарегистрировано пользователями из стран Африки южнее Сахары³⁶. В 2023 г. на континенте было около 835 млн зарегистрированных мобильных денежных счетов, а объем транзакций достиг 912 млрд долл. Само по себе это явление примечательное и связано прежде всего с тем, что уровень проникновения тради-

ционных банковских услуг в Африке существенно уступает уровню проникновения мобильной связи. Второй фактор — лояльное отношение регуляторов (прежде всего центральных банков), которые позволили населению перенести значительный объем неформальных транзакций (платежей между гражданами и мелким бизнесом за покупки на рынках, мелкие услуги и т.п.) из наличной формы в мобильные деньги, а иностранным инвесторам (телеком-операторам прежде всего) — занять ведущие роли на рынках платежей. В результате многие страны Африки оказались на передовом крае мировых финансовых технологий,

М-Pesa

Один из самых успешных примеров внедрения цифровых финансовых технологий в Африке — платформа М-Pesa. Сервис мобильных переводов и платежей был запущен в Кении в 2007 г. компаниями Vodafone и Safaricom. Через 14 месяцев с момента запуска количество пользователей достигло 2,7 млн. Спустя два года показатель вырос до 7 млн — около 40% взрослого населения страны. К 2014 г. число пользователей М-Pesa достигло 19 млн человек.

М-Pesa функционирует также в Танзании, ДР Конго, Египте, Эфиопии, Гане, Лесото и Мозамбике³⁷. Более 60 млн пользователей М-Pesa ежегодно совершают транзакции на сумму свыше 314 млрд долл. За пределами Африки М-Pesa также доступна в Афганистане (до 2022 г.) и Румынии. В Афганистане сервис использовался для выплаты заработной платы сотрудникам полиции и другим государственным служащим. А в России и других странах пользоваться М-Pesa можно при помощи роуминга и африканской сим-карты.

Центральные банки ряда стран стремятся догнать частных эмитентов и занять свою нишу на рынках мобильных и цифровых платежей.

В 2021 г. Нигерия стала первой страной в Африке, выпустившей собственную цифровую валюту — цифровую найру (eNaira). Обменный курс eNaira привязан к курсу обычной найры, а ее выпуск и обращение регулируются Центральным банком Нигерии. К 2023 г. количество транзакций с использованием eNaira выросло на 63%, достигнув 22 млрд найр (около 48 млн долл.), во многом из-за валютного кризиса, который произошел ранее в том же году.

36 GSMA. The Mobile Economy Sub-Saharan Africa. URL: <https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-economy/wp-content/uploads/2023/10/20231017-GSMA-Mobile-Economy-Sub-Saharan-Africa-report.pdf>

37 M-PESA. URL: <https://www.m-pesa.africa>

но не без новых рисков для макроэкономической устойчивости и безопасности.

Постепенное распространение мобильной связи и беспроводного интернета в Африке предоставило значительные возможности для развития современных финансовых технологий, включая платежные сервисы, денежные переводы, одноранговое (P2P) кредитование и микрострахование. Потенциал африканского финтех-сектора привлек внимание таких крупнейших мировых платежных систем, как Visa, Mastercard и American Express, которые активно расширяют свое присутствие на рынке. При этом африканские компании, включая MTN (ЮАР), успешно конкурируют с мировыми гигантами.

Чем ниже уровень проникновения традиционных банковских сервисов, тем динамичнее развивается сектор мобильных платежей. Согласно исследованию Всемирного банка, в Сомали около 63% пользователей мобильных финансов хранят свои сбережения на мобильных телефонах и получают денежные переводы через свои мобильные счета. Мобильный сервис EVCPLUS от Hormuud Telcom является безусловным лидером на рынке мобильных денег в Сомали: его охват — 73%, а уровень удовлетворенности клиентов достигает 92%.

Однако мобильные платежные системы имеют ряд недостатков. Вопросы надежности и кибербезопасности остаются ключевыми препятствиями для широкомасштабного перехода предприятий и домохозяйств на мобильный банкинг. Во многих странах Восточной Африки платежные платформы до сих пор полагаются на SMS-технологии, которые считаются наименее защищенным способом передачи данных. Кроме того, доступ к мобильным телефонам и стабильному интернет-соединению по-прежнему остается ограниченным, особенно в сельских и отдаленных районах.

В долгосрочной перспективе рост сектора мобильных денежных расчетов закрепляет зависимость африканских экономик от внешней конъюнктуры.

Денежные средства, поступающие через мобильные платежи, зачисляются на счета операторов, зачастую принадлежащих иностранным компаниям или транснациональным холдингам. Хотя комиссии за транзакции подлежат налогообложению, сами переводы обычно квалифицируются как частные, а не коммерческие и поэтому не облагаются налогами. Это ограничивает способность государств формировать устойчивую налоговую базу, необходимую для укрепления финансового суверенитета. Главными бенефициарами цифровых платежных платформ остаются телекоммуникационные компании и банки как местные, так и зарубежные, в то время как правительства продолжают полагаться на нестабильные источники дохода, включая экспорт сырья и внешние займы.

При этом развитие мобильных денег по регионам неоднородно: Африка южнее Сахары остается главным центром распространения, тогда как в Северной Африке уровень проникновения сервисов такого типа существенно ниже. Это объясняется меньшей выраженностью упомянутых факторов, которые привели первоначально к распространению мобильных денег. Тем не менее с развитием технологий мобильных платежей Северная Африка демонстрирует самые высокие темпы роста рынков мобильных денег на континенте благодаря спросу на удобные финансовые решения и относительно высокой платежеспособности местного населения. В настоящий момент мобильные деньги уже не только заполняют ниши, в которых традиционные банковские услуги были недоступны, но и конкурируют с традиционными банковскими сервисами.

Дополнительно стоит отметить, что африканский рынок мобильных денег формируется многоуровневой экосистемой, где сосуществуют локальные стартапы, международные гиганты и гибридные модели. Как правило, в Африке мобильные финансовые сервисы предоставляют телекоммуникационные корпорации в партнерстве с традиционными банками. В структуре их выручки мобильные деньги занимают значительную долю (до 40% у крупнейших телекоммуникационных компаний).

на континенте), уступая голосовым и интернет-сервисам. Ключевыми провайдерами мобильных финансовых сервисов являются южноафриканская MTN (доминирующая в ЮАР, Нигерии и Гане), британская Vodafone (через доли в операторах, таких как Safaricom в Кении), индийская Airtel с сильными позициями в Восточной Африке, а также французская Orange, широко представленная во франкофонной Африке. Параллельно действуют локальные провайдеры, такие как зимбабвийская компания EcoCash, сенегальская Wave и малагасийская MVola. Эти примеры демонстрируют, как разные подходы захватывают аудиторию в регионах с низкой доступностью банковских сервисов.

Мобильные деньги напрямую влияют на ВВП африканских стран через финансовую инклюзию и цифровизацию расчетов. Согласно GSMA, увеличение проникновения мобильных платежей на 10 п.п. дает дополнительный прирост ВВП на 0,4–1,0% в год³⁸. Этот эффект усиливается по мере эволюции сервисов: если изначально мобильные платежи ограничивались простыми операциями (пополнение счета, снятие наличных, оплата мобильной связи), то сегодня они охватывают сложные финансовые решения — торговые переводы между предприятиями, международные денежные переводы мигрантов и оплату коммунальных услуг. Исследования показывают, что такие «экосистемные» платежи вносят в среднем 0,5% дополнительного роста ВВП в странах с развитой системой мобильных денег.

Через мобильные кошельки накапливаются значительные суммы, находящиеся в трастовых резервах у операторов. Так, у MTN этот показатель превышает 3,1 млрд долл., у Airtel — около 950 млн долл., у Safaricom — несколько миллионов в кенийских шиллингах. Эти суммы иллю-

стрируют масштаб финансовых потоков, которые контролируются частными компаниями и в значительной мере уходят из сферы прямого государственного регулирования.

В таких странах, как Либерия и Гамбия, денежные потоки от диаспоры составляют более 15% ВВП³⁹. Мобильные платежи не только снижают стоимость этих транзакций, но и стимулируют технологическое развитие, привлекая новых игроков. Например, партнерство Mastercard с операторами Airtel и MTN способствует интернационализации африканских платежных систем и создает предпосылки для межрегиональной экосистемы⁴⁰. Однако рост скрытой валютной маржи (разницы между курсом провайдера и рыночным) на 31% в 2022–2024 гг. частично нивелирует эти преимущества, повышая издержки для пользователей⁴¹.

Параллельно растет роль мобильных денег как инструмента сбережений. Данные GSMA показывают, что доля клиентов, использующих мобильные кошельки для накоплений, значительно выросла за 2023–2024 гг. Это создает принципиально новую возможность безопасного хранения и капитализации микронакоплений для населения, ранее исключенного из формальной финансовой системы. Так, в Эфиопии и Нигерии за 2024 г. прирост клиентов, воспользовавшихся этой опцией, составил более 20 п.п., а в Кении, где уровень проникновения уже был высоким, сохраняется устойчивая динамика⁴². Этот тренд не только увеличивает объем внутренних сбережений, но и способствует снижению зависимости от наличных денег, усиливая монетизацию экономики. Опережающими темпами растет число женщин, использующих мобильные деньги для накоплений⁴³, чем частично компенсирует гендерное неравенство в доступе к традиционным финансовым услугам.

38 Mobile money. How digital payments have impacted economic growth. GSMA. URL: https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-for-development/wp-content/uploads/2023/10/Mobile-money_How-digital-payments-have-impacted-economic-growth-1.pdf

39 Personal remittances, received (% of GDP). World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWK.R.DT.GD.ZS?locations=LR-GM>

40 Mastercard to Buy Stake in MTN's \$5.2 Billion Fintech Unit. Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-08-14/mastercard-to-buy-stake-in-mtn-s-5-2-billion-fintech-unit>

41 Cross-Border Mobile Money Remittance Cost Survey: Key Trends and Insights. GSMA. URL: <https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-for-development/wp-content/uploads/2024/12/Cross-border-Mobile-Money-Remittance-Cost-Survey.pdf>

42 The State of the Industry Report on Mobile Money 2025. GSMA. URL: https://www.gsma.com/sotir/wp-content/uploads/2025/04/The-State-of-the-Industry-Report-2025_English.pdf

43 Navigating Mobile Money Regulatory Risks. GSMA. URL: <https://www.gsma.com/solutions-and-impact/connectivity-for-good/mobile-for-development/wp-content/uploads/2024/12/Risk-Management-Research.pdf>

Таким образом, мобильные деньги трансформируют африканскую экономику и создают новую модель финансовой экосистемы, где технологическая доступность компенсирует институциональные пробелы. Они позволяют ввести налогообложение неформального сектора экономики и увеличить финансовую инклюзию, благодаря чему поддерживаются государствами. Будучи инновационным ответом на недостаток банковской инфраструктуры, система сама порождает новые риски — от киберугроз до регуляторных дисбалансов, которые требуют взвешенных решений на стыке технологической и экономической политики.

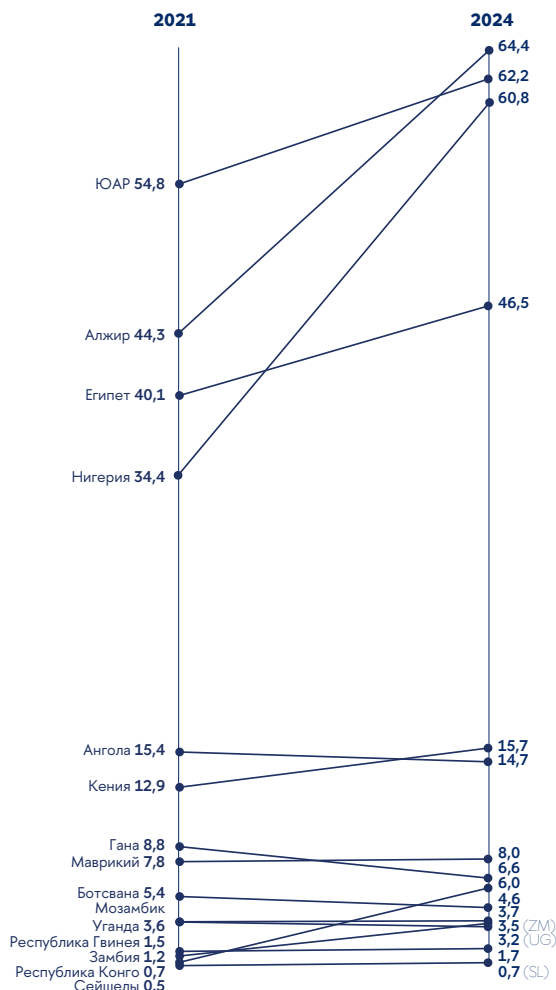
Валютные резервы Африки

В последние годы динамика валютных резервов африканских стран в значительной степени отражала меры экономической политики, предпринимаемые в ответ на колебания поступлений от экспорта, объемов трансфертов и прочих потоков капитала. Например, резкое падение мировых цен на нефть в 2014 г. привело к снижению валютных резервов мировых стран — экспортеров нефти на 33%, поскольку правительства стремились сохранить стабильность обменного курса.

В 2021 г. **Ливия** располагала крупнейшими номинальными валютными резервами среди африканских стран — 81 млрд долл., за ней следовали **ЮАР** (50 млрд), **Алжир** (46 млрд), а также **Нигерия**, **Египет**, **Марокко** и **Ангола**, чьи резервы также находились на сравнительно высоком уровне⁴⁴.

В ряде африканских стран совокупный объем валютных резервов увеличился в период с 2019 по 2024 г. В **Алжире** объем резервов вырос до 64,4 млрд долл. к началу 2024 г., однако перед этим он существенно сократился с 195 млрд в 2013 г. до 42 млрд в 2021 г. Сокращение резервов в стране в этот период было связано с финансированием ряда затратных инвестиционных программ. Алжир обладает крупнейшими

Динамика объемов валютных резервов в странах Африки, млрд долл.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ и Интэксом на основе данных Trading Economics.

золотыми запасами в Африке — 173,56 т. Согласно данным Центрального банка **Египта**, в апреле 2024 г. международные валютные резервы страны достигли 41,1 млрд долл. Положительная динамика резервов также была зафиксирована в Республике Конго, Республике Гвинея, Кении, на Сейшелах, в ЮАР и Замбии.

Однако в некоторых странах Африки наблюдается тенденция к снижению валютных резервов. Сокращение золотовалютных резервов во многих случаях связано с мерами центральных банков по сдерживанию обесценивания национальных валют. Усиление девальвационного давления нередко вызвано оттоком капитала со стороны домохозяйств и бизнеса, стремящихся перевести сбережения в иностранную валюту или за пределы официальной финансовой системы. В **Ботсване** объем резервов сократился с 5,4 млрд в 2021 г. до 4,3 млрд долл. в 2024 г., в **Гане** — с 11 млрд до 6,6 млрд долл. Сокращение резервов также было зафиксировано в **Анголе** и **Уганде**.

Наибольший объем валютных резервов в 2024 г., достаточный для покрытия импорта в течение 14 месяцев, был в Алжире

В зоне риска **Коморские острова**, которые располагают валютными резервами, достаточными для покрытия импорта примерно на 7 месяцев, **Кабо-Верде** — на 6 месяцев, **Марокко** и **ЮАР** — по 5 месяцев. Наименьший уровень резервного покрытия импорта зафиксирован в **Зимбабве** — всего 0,7 месяца. Далее следуют **Джибути** (1,4 месяца), **Эсватини** (1,9), **Мозамбик** (2,1) и **Сан-Томе и Принсипи** (2,6).

В 2022–2023 гг. снижение коэффициента покрытия импорта наблюдалось во многих африканских

странах, что было обусловлено резким ростом мировых цен на продовольствие и энергоносители, и, в свою очередь, ускорило инфляцию и увеличило затраты на импорт.

Снижение уровня покрытия импорта произошло в **Анголе, Гамбии, Маврикии, Мозамбике, Кении, Гане и Нигерии**⁴⁵. Однако в 2024 г. наметилось постепенное восстановление объемов валютных резервов.

Несмотря на очевидные макроэкономические преимущества, накопление валютных резервов сопряжено с рядом рисков. Страны вынуждены изымать значительные средства из своей национальной экономики и размещать их за рубежом — преимущественно в финансовых институтах Европейского союза и США. Таким образом, активы

оказываются вне непосредственного контроля суверенных государств, что делает их уязвимыми в случае политических конфликтов или санкций. Также в условиях глобальной политической нестабильности страны могут столкнуться с ограничением доступа к собственным резервам, как это произошло с Ливией.

Центральные банки африканских стран, как правило, редко публикуют детальную информацию о географическом размещении и валютной структуре международных резервов.

Ливийское инвестиционное управление (Libyan Investment Authority, LIA) — крупнейший в Африке суверенный фонд благосостояния, созданный в 2006 г. при Муаммаре Каддафи для управления нефтяными доходами страны, оказалось под международными санкциями, а его активы заморожены ООН после начала гражданского конфликта в 2011 г. В результате любые новые инвестиции, а также даже простые перемещения средств со счетов требуют одобрения Совета Безопасности ООН. По состоянию на 2019 г. активы LIA оценивались примерно в 68,4 млрд долл. Кроме того, LIA столкнулось с санкциями со стороны стран ЕС и США. По оценкам Совета по международным отношениям, США заморозили ливийских активов на сумму более 50 млрд долл., включая фонд LIA.

45 S&P Global. Sub-Saharan African currencies will be more vulnerable to exchange rate pressures in 2023. URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/mi/research-analysis/-sub-Saharan-african-currencies-will-be-more-vulnerable-to-exch.html>

Публикация сведений о чрезмерно низком объеме резервов и их высокой концентрации в определенных активах или низкой ликвидности может усилить отток капитала и вызвать колебания обменного курса.

Информация о структуре валютных резервов публикуется Южноафриканским резервным банком. Согласно отчету за январь 2024 г., совокупный объем международных резервов ЮАР составляет 61 млрд долл., из которых 46,7 млрд — депозиты в иностранной валюте, 8,2 млрд — физическое золото и 6,2 млрд долл. — активы, номинированные в специальных правах заимствования (SDR).

На фоне отсутствия детальной информации о валютных резервах в африканских странах выделяется также Центральный банк Египта. Регулятор систематически публикует годовые финансовые отчеты с данными о структуре международных резервов. Согласно отчету за конец 2023 г., международные резервы Египта составляют 39 млрд долл., из которых

27 млрд — депозиты в иностранной валюте, 8,4 млрд — золото и 3,6 млрд — активы, номинированные в SDR.

Пример Ливии демонстрирует, что наличие значительных международных резервов не гарантирует сохранения финансового суверенитета. Важнее — где, в какой форме и под чьим контролем резервы хранятся. Одним из наиболее надежных видов резервных активов остается золото, особенно если оно физически размещено на территории страны. Дорогая, но перспективная альтернатива — создание стратегических запасов биржевых товаров, от импорта которых страна критически зависит. Несмотря на то что подобные активы не могут считаться полноценными валютными резервами из-за ограниченной ликвидности, они могут играть важную роль в обеспечении макроэкономической устойчивости, особенно в странах с хроническим дефицитом внешней торговли. С точки зрения укрепления финансового, продовольственного и энергетического суверенитета инвестиции в такие резервы — необходимая и стратегически обоснованная мера.

От продовольственной безопасности к продовольственному суверенитету

Демографический фактор и переход к продовольственному суверенитету

Рост населения в Африке — основной фактор, который в среднесрочной перспективе будет определять развитие, — ведет не только к урбанизации, улучшению инфраструктуры, росту импорта и потребления, но и к структурным дисбалансам.

Рост благополучия пропорционально влияет на рост населения, и во многих африканских странах коэффициент рождаемости постепенно падает (в среднем на одну женщину в 2021 г. приходилось на одного ребенка меньше, чем в 2005–2007 гг.). Почти везде в Африке коэффициент рождаемости намного ниже у городских женщин, у которых в среднем на 30–40% меньше детей, чем у женщин в сельской местности. Таким образом, урбанизация — один из главных факторов, сдерживающих рождаемость в долгосрочной перспективе.

Несмотря на эти тенденции, к 2100 г. Африка, по прогнозам ООН⁴⁶, будет одним из самых густонаселенных континентов и единственной частью света, где будет сохраняться прирост населения, что обуславливает как новые возможности, так и новые угрозы.

Один из ключевых возможных структурных дисбалансов — перегрузка систем обеспечения продовольствием, что в дальнейшем может привести к дестабилизации социально-экономической обстановки. Как показывают исследования Центра

изучения Африки НИУ ВШЭ, продовольственная ситуация в Африке не ухудшается, а, скорее, стагнирует — на протяжении последних 20 лет в регионе с недоеданием сталкивается около четверти населения. Африка остается нетто-импортером продовольствия, страны региона в год тратят 60–80 млрд долл. на продовольственный импорт, и к 2030 г. импорт продуктов питания может достичь 110 млрд долл. Нарастивание собственного производства продовольствия для стран Африки — задача на стыке политики (обеспечение суверенитета, стабилизация социально-политической обстановки, создание рабочих мест в АПК, в том числе высококвалифицированных) и экономики (оптимизация торгового баланса, локализация и развитие промышленности).

Важно отметить, что поиск подходов к решению проблем голода и недоедания в странах Африки на протяжении последних 30 лет шел в рамках логики так называемой продовольственной безопасности. До последнего времени лидерство в определении повестки на данном направлении принадлежало странам Запада (преимущественно через международные институты). В 1996 г. в штаб-квартире Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) в Риме прошел Всемирный продовольственный саммит, на котором было дано определение понятия «продовольственная безопасность». Согласно принятой на нем декларации, она считается достигнутой, когда «люди в любое время имеют физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной и питательной

46 UN. The 2024 Revision of World Population Prospects. URL: <https://population.un.org/wpp/>

пищи, которая удовлетворяет их диетические потребности и пищевые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни». Хотя такой подход закрепился, а определение продовольственной безопасности стало общепринятым, он не лишен ряда значительных недостатков.

Такой подход к продовольственной безопасности сводит ее к проблеме обеспечения доступа, что, в свою очередь, позволяет наиболее влиятельным игрокам (т.е. в первую очередь западным государствам, корпорациям, трейдерам) использовать ее в собственных целях. Среди этих целей — формирование запасов на своей территории, выкуп земель сельскохозяйственного назначения в развивающихся странах, сохранение за Западом контроля над технологиями и компетенциями в сфере сельского хозяйства. Ключевую роль в сохранении зависимости Африки от импорта играют влиятельные лоббистские и финансово-промышленные группы, посредники, сросшиеся с транснациональными корпорациями, трейдерами и рядом международных акторов. Они, в частности, выступают за отмену или снижение заградительных пошлин, используя в качестве инструментов давления различные межгосударственные площадки (ВТО/ГАТТ), региональные экономические сообщества⁴⁷.

Другая составляющая той же стратегии — меры, направленные на ограничение демографического роста в Африке. Утверждается (уже начиная с известного доклада Римского клуба «Пределы роста»), что ограничение рождаемости — необходимое условие решения проблемы голода в глобальном масштабе. Факты, впрочем, указывают на обратное: рост населения и повышение его плотности (как когда-то в Европе) становится в развивающихся странах одним из условий формирования локальных рынков продовольствия, инфраструктуры, повышения производительности труда и помогает решить проблему голода (подробнее об этой зависимости — дальше в этой главе).

Предпринимаемые же Западом меры, направленные на снижение рождаемости, хороши для Африки только тем, что почти не работают: демографический переход идет своим чередом и пока далек от завершения, как и плотность населения в большинстве стран Африки далека пока от показателей Западной Европы. А настоящей целью попыток ограничить рождаемость в странах Юга может быть стремление Запада сохранить за собой глобальное доминирование, зарождение которого было обусловлено, среди прочего, имевшим когда-то место взрывным демографическим ростом в Европе в 1650–1914 гг.

В условиях постепенного смещения центров политического влияния с Севера на Юг все актуальнее становится альтернативный подход к продовольственной политике. Вместо наращивания импорта продовольствия, который неизбежно следует из концепции продовольственной безопасности, — развитие национального производства, развитие сельскохозяйственного сектора, снижение зависимости от иностранных поставщиков и, в результате, достижение определенного уровня продовольственного суверенитета.

Таким образом, приоритет для Африки — переход от продовольственной безопасности к продовольственному суверенитету как следующей ступени развития. Исследования Центра изучения Африки и российских ученых, посвященные разным аспектам продовольственной политики стран континента, доказывают актуальность концепции продовольственного суверенитета⁴⁸. Очевидно, что переход к этой ступени должен включать в себя многие факторы (использование роста населения как преимущества, имеющего производственный потенциал; развитие собственных мощностей; качественное, а не количественное улучшение структуры питания населения; создание на континенте логистической сети, соединяющей удаленные пункты с крупными хабами распределения и хранения продукции).

47 Свиридов В.Ю., Андреева Т.А. Российские удобрения как элемент укрепления продовольственного суверенитета Африки. // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 170–185. URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-170-185>

48 Maslov A. The myth of overpopulation: More people in Africa are the solution, not the problem. URL: <https://www.rt.com/africa/591953-africa-population-growth-west-worried/>; Лихачева А.Б. Вместе вкуснее, или Перспективы коллективной продовольственной безопасности. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vmeste-vkusnee/>

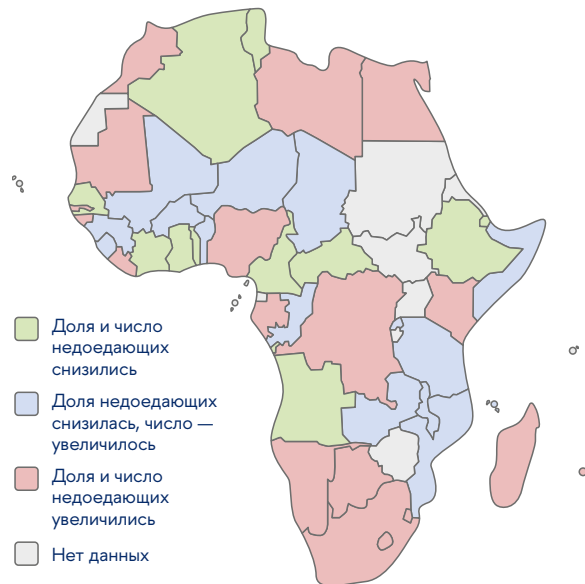
Несмотря на растущую популярность среди развивающихся стран, концепция продовольственного суверенитета все еще находится на этапе становления, однако уже очевидно, что альтернативой импорту продовольствия должна быть комбинация мер, направленных: на локализацию производства продовольственных товаров; улучшение положения стран Африки в глобальных производственных цепочках на мировых рынках продовольствия; наделение правительств, африканских компаний и фермеров инструментами для обеспечения продовольственного суверенитета (механизация сельского хозяйства, расширение номенклатуры и рост объема вносимых удобрений, развитие систем резервирования продовольствия, ирригация, гибкая политика субсидирования, влияние на процесс формирования потребительских привычек в сфере питания, а также собственные инструменты сбора и обработки релевантной информации об окружающей среде, производстве, запасах и потребностях населения в продовольствии).

Новый продовольственный кризис в Африке?

На первый взгляд утверждения о новом продовольственном кризисе в Африке кажутся обоснованными: согласно классификации ФАО⁴⁹, в 2023 г. число недоедающих людей в Африке увеличилось более чем на 100 млн человек (до 298 млн) по сравнению с 2005 г., в 2024 г. этот показатель вырос до 307 млн человек. С другой стороны, в относительном выражении число недоедающих в Африке сохраняется на уровне 15–20% населения в течение последних 20 лет.

Число недоедающих в Африке сохраняется на уровне 15–20% населения в течение последних 20 лет

Недоедание в Африке, 2004–2024 гг., % населения

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных UN DESA, Global Hunger Index и ФАО.

Сторонники пессимистического взгляда на продовольственную обстановку в Африке рассматривают ее в масштабах всего континента, обращаясь к большим данным. Однако за единичными примерами Нигерии и ДР Конго (на которые приходится почти половина роста числа недоедающих людей в Африке) скрываются истории успеха: число недоедающих сократилось в Сенегале, Камеруне, Кот-д'Ивуаре и Эфиопии (как в абсолютном, так и в относительном выражении), как и доля недоедающих в Мали, Руанде и Танзании. Растет и производство: со 138 млрд долл. в 2003 г. до 327 млрд в 2022 г. Увеличился объем вносимых в почву удобрений: с 8 кг/га в 2006 г. до 17 кг/га в 2022 г.⁵⁰ Снижается уровень детской смертности, одна из основных причин которой недоедание и голод (до 44% в разных регионах Африки).

49 FAO. The State of Food Security and Nutrition in the World 2024. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/06e0ef30-24e0-4c37-887a-8caf5a641616/content>

50 Malpass D. A transformed fertilizer market is needed in response to the food crisis in Africa. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/voices/transformed-fertilizer-market-needed-response-food-crisis-africa>

В Западной и Центральной Африке детская смертность снизилась со 168 (на 1000 детей до 5 лет) в 2000 г. до 91 в 2021 г.⁵¹ По всей Африке смертность детей до 5 лет снизилась за 70 лет с 311 (на 1000 детей, 1955 г.) до 71 (2021 г.).

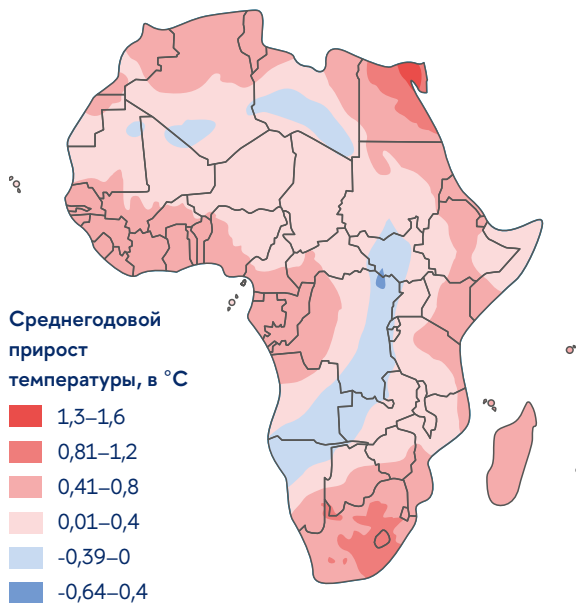
Рост населения в сочетании с дисбалансами в сельскохозяйственной политике и зависимостью Африки от импорта ряда продовольственных категорий приводят к тому, что число недоедающих может увеличиваться в количественном выражении, однако в относительном выражении оставаться на прежнем уровне. Более того, рост числа недоедающих в Африке начался не в 2022 г. после кризиса на Украине, и даже не в 2020 г. в связи с пандемией COVID-19: в последний раз число людей, страдающих от недоедания, в Африке снижалось в годовом исчислении в 2009 г. — с тех пор показатель растёт. Но до сих пор ни внешнеполитические потрясения, ни изменения климата, ни даже внутренние конфликты не смогли радикально ухудшить продовольственную ситуацию в Африке.

Продовольственная ситуация в Африке не ухудшается — скорее, она улучшается недостаточно быстро

Растёт не только число недоедающих людей в Африке, но и количество статей о «продовольственной безопасности» — как в академических изданиях, так и в СМИ. Эта тема стала востребованной, — выгодной для ряда международных организаций, бизнеса и политических манипуляций, связанных с климатической повесткой или критикой операции России на Украине.

Так, проблему голода часто сводят к вопросам изменения климата. Например, в докладе Стокгольмского института изучения проблем мира (SIPRI), посвящённом продовольственной обстановке в Африке, термин «климат» упоминается

Температурные аномалии в Африке (2000–2020 гг. в сравнении с 1951–1990 гг.)

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе исследования Cowtan, Kevin & National Center for Atmospheric Research Staff (Eds). The Climate Data Guide: Global surface temperatures: BEST: Berkeley Earth Surface Temperatures. URL: <https://climatedataguide.ucar.edu/climate-data/global-surface-temperatures-best-berkeley-earth-surface-temperatures>. Источник подсчетов: Data for Children Collaborative и UNICEF.

93 раза, в то время как термины «удобрения» или «запасы продовольствия» отсутствуют⁵². При этом влияние изменений климата на сельское хозяйство и продовольственную обстановку еще не вполне изучено и оценено. Региональные последствия глобального потепления могут быть разными — одни и те же процессы могут вызвать улучшение условий в одном регионе и ухудшение в другом. Так, за 2010-е годы количество осадков в Сахеле выросло на 10% (вероятно, в связи с изменением климата)⁵³, что привело, например, к повышению уровня воды в озере Чад: в октябре 2020 г. на озере был зафиксирован пиковый уровень воды в 700 см (2 октября) и второй пик в 711 см (15 октября), что превысило максимальные показатели за последнее десятилетие.

51 UNICEF. Levels and Trends of Child Mortality in West and Central Africa. URL: https://www.unicef.org/wca/media/9501/file/hild%20Mortality%20in%20WCAR_Technical%20brief_final_20230929.pdf

52 SIPRI. Food insecurity in Africa: Drivers and solutions. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2023-01/2301_sipri_rpp_food_insecurity_in_africa_1.pdf

53 Carbon Brief. Factcheck: Is climate change "helping Africa"? URL: <https://www.carbonbrief.org/factcheck-is-climate-change-helping-africa/>

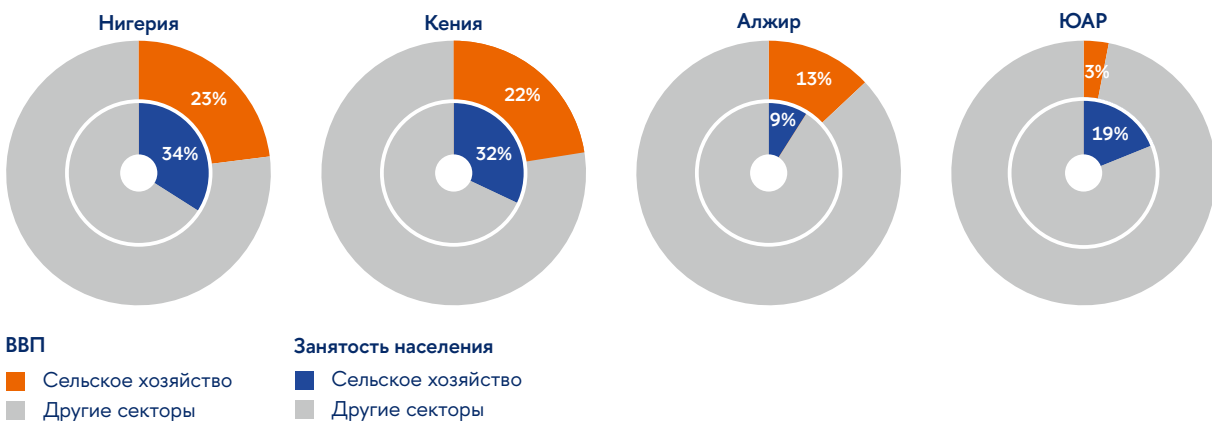
Рост уровня воды в бассейне Чада содействовал сельскому хозяйству в ряде районов, однако привел и к разливу крупных рек, наводнениям, жертвам, разрушению инфраструктуры и к внутренней миграции в регионе⁵⁴.

Пока в Африке преобладает экстенсивная модель развития АПК: за счет увеличения импорта продовольствия, с одной стороны, и площади земель, занятых под сельское хозяйство, с другой. Так, с 2000 по 2024 г. площадь сельскохозяйственных угодий в Африке увеличилась на 100 млн га, что сопоставимо с ростом за 1964–2000 гг.⁵⁵

Сведение лесов во многих странах Африки представляет гораздо более однозначно опасную и при этом локализованную угрозу для устойчивости окружающей среды, чем глобальное потепление. В том числе и поэтому на фоне постепенного истощения не вовлеченных в оборот земель все более актуальным становится переход к интенсивной модели. Пока производительность сельского хозяйства в среднем по Африке растет малыми темпами: так, урожайность кукурузы выросла с 1,8 до 2,1 т/га в 2000–2023 гг., сорго — с 0,86 до 0,93 т/га за тот же период, пшеницы — с 1,7 до 2,8 т/га⁵⁶. Многие страны отражают эту тенденцию постепенного роста, несмотря на политические и экономические потрясения.

Например, в Руанде отмечается не только рост населения и экономических показателей, но и рост урожайности — производительность пшеницы с 2015 по 2025 г. выросла с 0,8 до 1,33 т/га, растет и производительность кукурузы (на 0,14 т/га за тот же период) и сорго (на 0,15 т/га). В Эфиопии производительность пшеницы за 10 лет выросла с 2,79 до 3,2 т/га, кукурузы — с 3,73 до 3,96 т/га. Вырываются вперед по урожайности пшеницы ЮАР (прирост — 0,83 т/га за 10 лет), Танзания (прирост — 0,52 т/га) и Кения (прирост — 0,42 т/га). Тенденция увеличения производительности основных культур в той или иной степени отмечается на всем континенте. Сдерживается этот рост низким техническим потенциалом и уровнем механизации, нехваткой сельскохозяйственной техники и систем ирригации. Низким остается и объем вносимых удобрений: среднее потребление удобрений в странах Африки южнее Сахары составляет 17 кг/га (в пересчете на питательное вещество) по сравнению со среднемировым показателем в 135 кг/га. Основной же причиной преобладания экстенсивной модели над интенсивной пока остается доступность, низкая цена пригодных к возделыванию земель, не вовлеченных пока в сельхозоборот, и трудовых ресурсов.

Процент ВВП, генерируемый сельским хозяйством, и доля работающего населения, занятого в этом секторе, 2023 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Всемирного Банка.

54 HumAngle. 2022 Rainy Season Has Increased the Volume of Lake Chad – Report. URL: <https://humanglemedia.com/the-2022-rainy-season-has-increased-the-volume-of-lake-chad-report/>

55 Для сравнения: в России площадь сельхозземель — около 200 млн га, или 2 млн кв.км.

56 Для сравнения: в России урожайность кукурузы за тот же период увеличилась с 2,1 до 6,9 т/га, сорго — с 0,9 до 2,1 т/га, пшеницы — с 1,6 до 3,1 т/га. FAO. Crops and Livestock Products. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/QCL>

Переход к интенсивным моделям ведения сельского хозяйства происходит в странах — лидерах по плотности населения и увязан с демографическим переходом. На фоне демографического роста (с 1995 г. население страны увеличилось практически втрое — с 5 млн до 14 млн человек) и централизации мер поддержки сельского хозяйства в руках государства происходит рост урожайности при сохранении посевных площадей. Так, с 2016 г. площадь полей под пшеницу сохраняется на уровне 12–13 тыс. га, в то время как урожайность за эти годы выросла на 0,5 т/га. В связи с взаимодействием экстенсивных и интенсивных моделей роста необходимы новые подходы к обсуждению вопросов продовольственной безопасности в Африке.

Продовольственный суверенитет — это не альтернатива, а следующий уровень продовольственной безопасности

На этом новом уровне ключевую роль будут играть национальные и региональные акторы, ориентированные на внутренние и региональные рынки, для развития которых необходимы инструменты государственной поддержки (субсидии, меры защиты, логистические и инфраструктурные проекты и т.д.)

и комплексные стратегии развития продовольственных систем. В перспективе искомая модель может быть сетецентричной, что позволит эффективнее реагировать на продовольственные кризисы, в том числе за счет формирования систем резервирования продовольствия на стороне импортеров. При этом сетецентричность должна поддерживаться не только на глобальном, но и на страновом уровне за счет развития инфраструктуры (в первую очередь транспортной) для равномерного распределения продовольствия по всей стране и недопущения чрезмерной концентрации запасов в агломерациях при их дефиците в удаленных или труднодоступных районах. Сетецентричность предполагает и

сотрудничество между странами региона, формирование региональных или страновых производственных специализаций.

Основной критерий суверенитета — способность на уровне страны преодолевать продовольственные кризисы, гибко реагировать на внешние шоки, корректировать траекторию развития собственных продовольственных рынков, уравнивать потребление и производство и определять долгосрочное развитие. В долгосрочной перспективе страны Африки останутся импортерами продовольствия, и их переход к продовольственному суверенитету для партнеров будет означать более предсказуемые и стабильные закупки и растущее значение в качестве

покупателей на рынках удобрений, семян, оборудования, различных технологических решений и программного обеспечения. Чтобы меньше импортировать продовольствия потом,

нужно больше импортировать средств производства в ближайшие годы.

Решение проблемы чрезмерной зависимости Африки от импорта продовольствия заключается в увеличении импорта средств производства.

Полный отказ от импорта продовольствия или его сокращение не могут быть самоцелью, поэтому стратегическое планирование в тех странах, где оно ведется осознанно, направлено на изменение структуры импорта. Например, в Нигерии импортерам пшеницы ставится условие производства продуктов питания с использованием местных культур, таких как маниок, — в 2024 г. Сенат Нигерии предложил рассмотреть законопроект, согласно которому во всю пшеничную муку производители обязаны добавлять до 20% муки из маниока⁵⁷. Государства постепенно начинают играть роль в настройке потребительских привычек и предпочтений, с учетом местных традиций и здравого экономического смысла.

57 Milling Middle East & Africa. Nigeria advances bill to mandate 20% cassava inclusion in wheat flour production. URL: <https://millingmea.com/nigeria-advances-bill-to-mandate-20-cassava-inclusion-in-wheat-flour-production/>

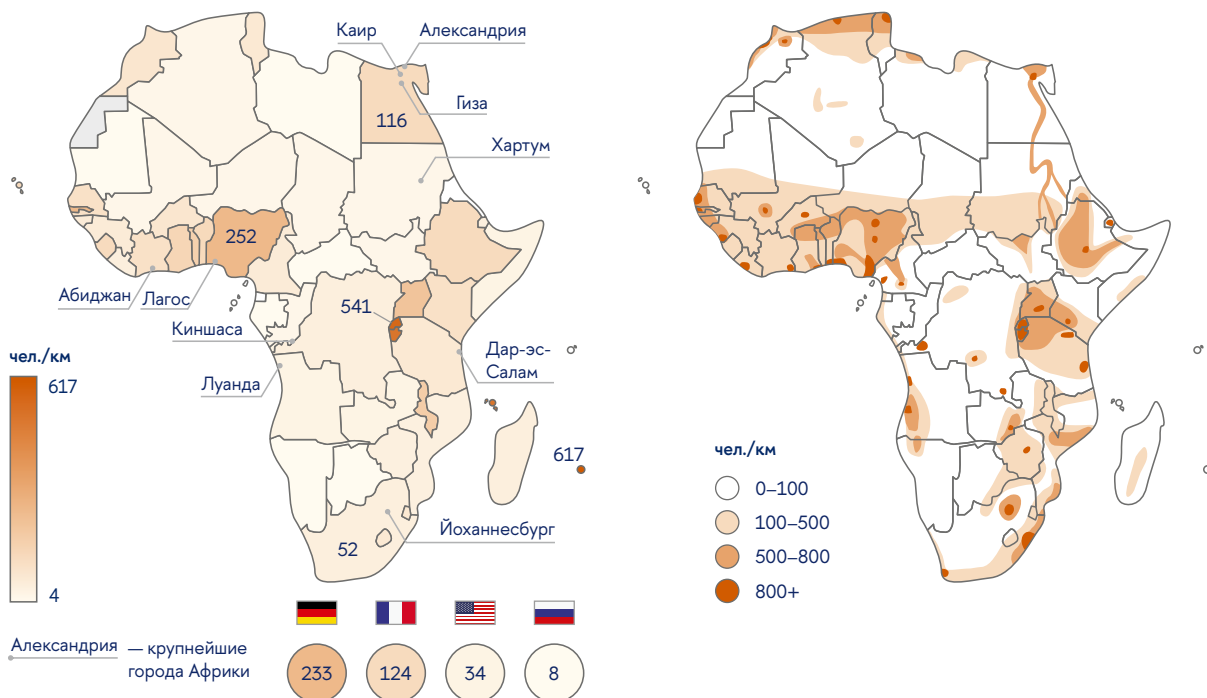
Взаимосвязь между демографией и продовольственной обстановкой в Африке

По состоянию на 2025 г. население Африки приближается к отметке в 1,5 млрд человек. Ожидается, что к 2050 г. эта цифра достигнет 2,5 млрд, а к 2100 г. — 4 млрд⁵⁸. Стоит отметить, что Африка по-прежнему остается относительно малонаселенным континентом: при площади в 30 млн кв. км плотность населения составляет около 44 человек на 1 км². По этому показателю Африка уступает не только Азии (104 человека на 1 км²), но и Европе (73 человека на 1 км²)⁵⁹. Без учета пустынь Сахара и Калахари, а также ряда непригодных для жизни территорий (все-

го около 11 млн км²) Африка все равно окажется только на третьем месте среди частей света по плотности населения с показателем 66 человек на 1 км². Когда население вырастет до 2,5–3,0 млрд человек, плотность его в пригодной для жизни части континента все равно будет в 3 раза ниже, чем, например, в современной Индии⁶⁰. Рост же населения обусловлен в первую очередь снижением смертности вследствие того, что лекарства найдены для большинства заболеваний, которые в прошлые века делали большую часть территории Африки опасной и относительно непригодной для жизни.

Демографический переход в Африке происходит позже, чем в других регионах, при этом быстрый рост населения Африки на Западе воспринимается как угроза и приводит к попыткам контроли-

Плотность населения в странах Африки, 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Всемирного Банка.

58 UNICEF. Generation 2030. Africa 2.0. URL: <https://data.unicef.org/resources/generation-2030-africa-2-0/>

59 World Bank. Population density (people per sq. km of land area). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.POP.DN>

60 Пока только в Маврикии (624) и Руанде (441) плотность населения выше, чем в Индии (433). Из крупных стран только Нигерия (197) приближается по плотности к половине показателя Индии. При этом плотность населения во многих странах, территория которых теоретически почти полностью пригодна для заселения, — Танзания (57), ДРК (33), Замбия (22), Ангола (20), Южный Судан (19), ЦАР (8). Соответственно, могут быть построены и прогнозы численности населения на пике, близком к уровню демографического перехода. Например, для Танзании это может быть уровень 500–700 млн человек.

ровать этот процесс: многие экспертные работы и доклады по Африке постулируют, что рост населения будет препятствовать стабильности в регионе и способствовать возникновению продовольственных кризисов, росту миграции и политическим потрясениям. В 1992 г. вышел доклад Римского клуба «За пределами роста», посвященный угрозе перенаселения, который определил то, как в мире относятся к конфликтам в Африке. Одним из примеров, демонстрирующих опасность перенаселения, по мнению Римского клуба и многочисленных западных авторов, стал геноцид в Руанде в 1994 г., который был подан как предвестник подобных катастроф в более крупных «перенаселенных» странах⁶¹.

Публикации ведущих международных организаций систематически формируют в общественном сознании связь роста населения с кризисами и голодом. Среди знаковых работ: «Демографические изменения в Африке к югу от Сахары» (1993 г.), «Население и развитие в Африке» (подготовленная Организацией африканского единства (ОАЕ) и Экономической комиссией ООН для Африки (ЭКА ООН) в 1994 г.), «Использование демографического дивиденда для социально-экономического развития Африки»

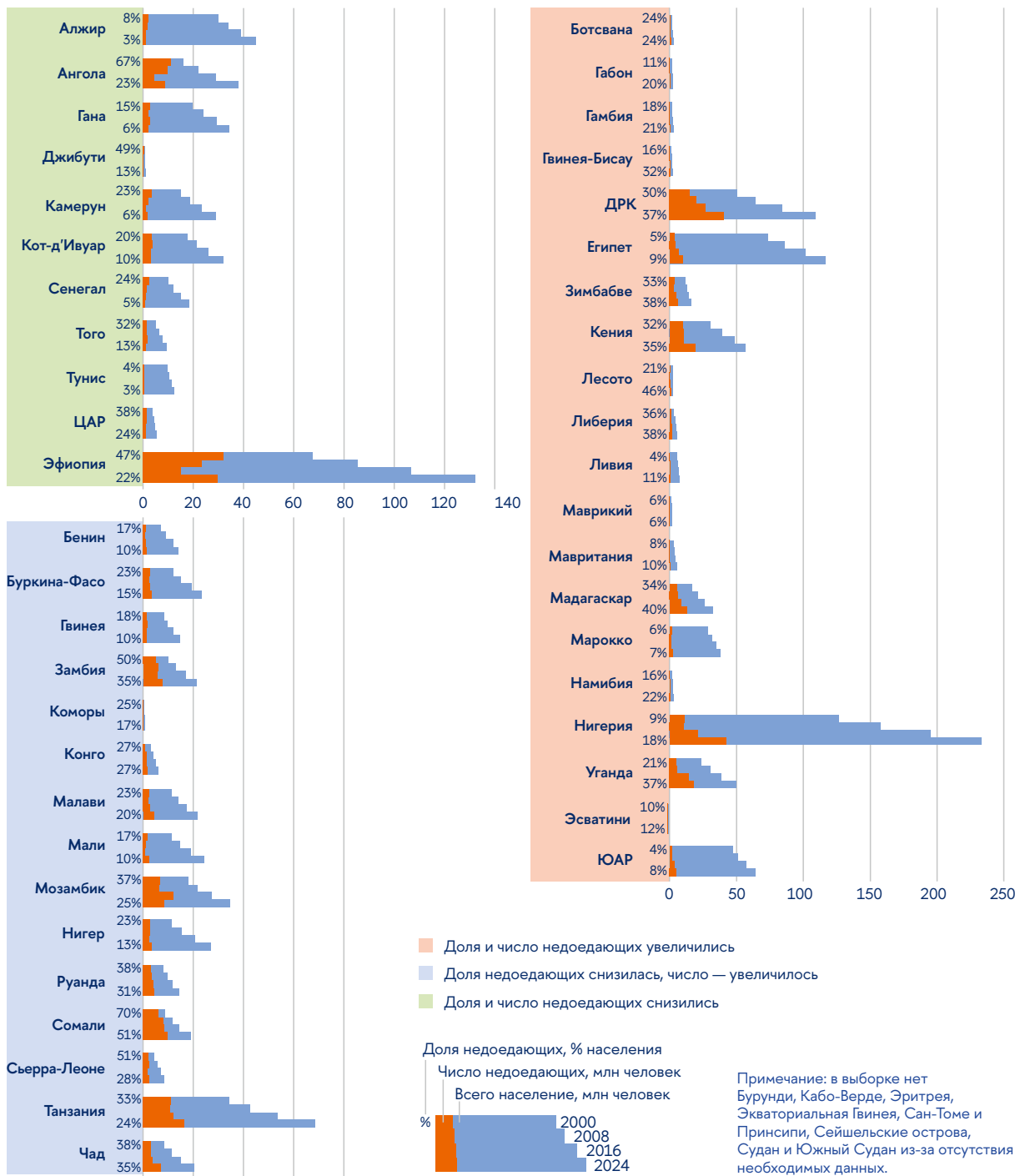
(подготовлена Африканским союзом в 2012 г.), «Сводный доклад о демографическом дивиденде в Африке» (Африканский институт политики развития (AFISEP) и ЮНФПА, 2015 г.), «Демографический профиль стран Африки» (подготовлен ЭКА ООН, 2016 г.), и другие публикации. Идеи и концепции, разрабатываемые в этих работах, закладывают негативный контекст при анализе роста населения, но в то же время страдают от двусмысленности и лакунов, игнорируют возможное положительное влияние увеличения населения, в том числе и на продовольственную ситуацию.

В противовес пессимистическому взгляду на связь между ростом населения и доступом к продовольствию может быть предложен альтернативный: рост населения повышает рентабельность инвестиций в сельское хозяйство и продовольственные системы, поскольку растет число как потребителей, так и работников. Таким образом, рост потребления и производства можно и нужно сочетать с инвестициями в производство и распределение удобрений, системы ирригации и распределение ресурсов, что приведет к мультипликативному эффекту.

Со времен геноцида в Руанде прошло 30 лет. После значительного сокращения численности населения (с 7 млн человек в конце 1980-х годов до 5 млн к концу 1994 г.) к 2025 г. население Руанды достигло 14 млн. Руанда остается самой густонаселенной страной континентальной Африки, а также одним из лидеров по темпам экономического роста. По плотности населения в Африке Руанду опережает только Маврикий, одна из наиболее благополучных стран континента. Сама Руанда также превратилась в одного из лидеров экономического роста: за последние 30 лет производство сельскохозяйственных культур увеличилось более чем в 6 раз благодаря повышению производительности в сельском хозяйстве, росту внесения удобрений, а также за счет новых земель, вовлеченных в сельскохозяйственный оборот. Развитие сельского хозяйства сочетается с инвестициями в инфраструктуру: протяженность дорог с твердым покрытием удвоилась (до 1200 км), а мощность электростанций увеличилась в 7 раз (до 230 МВт). Наконец рост руандийской экономики — это результат не только инфраструктурного развития, но и последовательной поддержки третичного сектора экономики, в том числе туристической отрасли.

61. Prunier G. The Rwanda crisis: History of a genocide. 2nd ed. Kampala: Fountain Publishers Limited, 1999.

Корреляция роста населения и уровня недоедания в Африке, 2004–2024 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных UN DESA и Global Hunger Index.

Более того, урбанизация вместе с ростом населения приводит к постепенному изменению потребительских привычек, появлению супермаркетов, развитию сегмента оптовых закупок и, как следствие, к консолидации фермерских хозяйств (крупным сетям проще работать с ограниченным числом поставщиков с одинаковыми стандартами), что, в свою очередь, приводит к повышению их технической оснащенности и производительности.

Чем больше население, тем легче его накормить

Рост населения при надлежащем управлении рисками приводит к более равномерному распределению продовольствия, сокращению пространственных разрывов между локальными рынками и центрами производства, увеличению численности рабочей силы и пахотных земель, а также развитию инфраструктуры⁶² — низкая же плотность населения обуславливает низкое качество инфраструктуры (в том числе дорог), из-за чего продовольствие не попадает в отдаленные районы вследствие недостаточного спроса и высоких транспортных издержек.

Анализ Центра изучения Африки НИУ ВШЭ показывает, что в долгосрочной перспективе (с 2004 по 2024 г.) при росте численности населения во многих африканских странах число недоедающих сокращается. Однако корреляция между ростом численности населения и сокращением масштабов голода по-прежнему очень чувствительна к изменениям в политической и экономической обстановке. В одних странах рост числа голодных и недоедающих происходит на фоне внутренних конфликтов, которые приводят к сбоям в продовольственной системе, в других ситуация ухудшается из-за чрезмерной зависимости от импорта основных продовольственных товаров. Однако такие кри-

зисные явления почти всегда носят краткосрочный характер и в среднесрочной перспективе нивелируются.

Технически вряд ли пока возможно исключить другие факторы и рассчитать корреляцию между демографическим ростом и недоеданием. Тем не менее эта тема заслуживает дальнейшего исследования на конкретных примерах, поскольку ясно видно, что рост населения, как правило, не приводит к ухудшению продовольственной ситуации. Важное значение имеет связь численности населения и распределения

продовольствия между городами и сельскохозяйственными районами: дефицит продовольствия заставляет людей стекаться и оседать в городах, где продовольственная система работает лучше (что подтверждает концепцию «чем больше людей, тем больше еды»), при этом в сельской местности, хуже обеспеченной продовольствием, сохраняется более высокий уровень рождаемости, что обуславливает дополнительные риски для обеспечения продовольствием, особенно детей, но в перспективе именно рост населения создает предпосылки для формирования на периферии локальных рынков, менее зависимых от внешнего снабжения продовольствием.

Стратегия борьбы с голодом через контроль рождаемости не имеет под собой достаточных оснований

Ожидаемый в ближайшие десятилетия рост населения Африки до 3 млрд человек, вероятно, будет способствовать сокращению дефицита продовольствия за счет роста рынков, развития инфраструктуры и сельскохозяйственного производства⁶³. Характер всех зависимостей в этой системе еще только предстоит детально изучить, отказавшись предварительно от заведомо недоказуемых и предвзятых обобщенных

62 World Bank Blogs. Can rapid population growth be good for economic development? URL: <https://blogs.worldbank.org/en/african/can-rapid-population-growth-be-good-for-economic-development?page=1>

63 Maslov A. The myth of overpopulation: More people in Africa are the solution, not the problem. URL: <https://www.rt.com/africa/591953-africa-population-growth-west-worried/>

представлений о неизбежности дефицита продовольствия, обусловленного ростом населения.

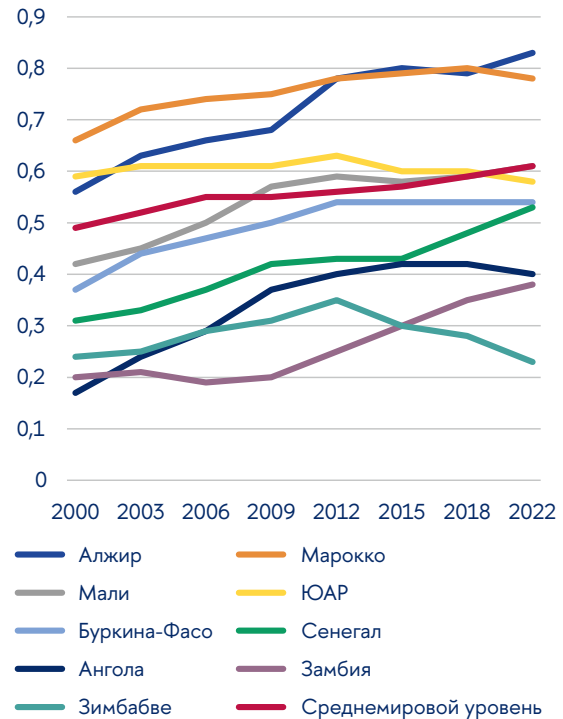
Если в том или ином регионе, стране возобладают деструктивные факторы (отсутствие инвестиций в инфраструктуру и удобрения, зависимость от импорта и т.д.), демографический всплеск может иметь обратный эффект. Но уже очевидно, что стратегии борьбы с голодом, основанные на контроле рождаемости, лишены смысла и вместо них необходима разработка отраслевых стратегий, основанных на реалистичных оценках роста населения и его потенциальных последствиях.

Основные тенденции в сельском хозяйстве Африки

1. Изменения в рационе

Потребление килокалорий на душу населения в день варьируется по странам Африки: при глобальном среднем уровне потребления 0,61 (в мировом индексе, где наивысшему показателю присваивается значение 1, референсное значение — показатель США, 3900 килокалорий на человека в день) в 2022 г. ряд стран региона демонстрирует высокие результаты (Алжир — 0,83 и Марокко — 0,78)⁶⁴. В странах Западной Африки этот показатель находится на уровне 0,61 в Мали; 0,54 — в Буркина-Фасо и 0,53 — в Сенегале⁶⁵; в ЮАР потребление килокалорий находится примерно на том же уровне — 0,58. С дефицитом килокалорий (менее 2000 килокалорий на человека в день согласно нормам ВОЗ) сталкиваются жители Центральной и Южной части Африки: 0,4 — в Анголе; 0,38 — в Замбии и 0,23 — в Зимбабве. Для сравнения: в США этот

Потребление килокалорий на человека в день (максимальное значение = 1), 2000–2022 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Всемирного банка.

показатель равен 1,00; в Китае — 0,77; а в Европе — в среднем 0,8–0,9. Разный уровень потребления калорий связан не только с нехваткой продовольствия, но и с особенностями рациона: в некоторых странах распространена низкокалорийная диета за счет преобладания овощей, фруктов, птицы или рыбы при низком уровне потребления молочных и мясных продуктов.

Проблема не только в обеспечении доступа к еде, но и в ее качестве

В большинстве стран Африки происходит переход от низкокалорийной диеты к новой диете с высоким содержанием жиров и сахара, что обуславливает также и риски⁶⁶.

⁶⁴ World Bank. Kilocalories per person per day (highest score=1). URL: https://prosperitydata360.worldbank.org/en/indicator/IDEA+GSOD+v_23_03

⁶⁵ Одной из причин, по которой потребление калорий в зоне Сахеля выше, чем в среднем в странах Африки южнее Сахары, может быть обилие фиников в рационе. Калорийность фиников составляет около 25 ккал на плод (около 274 ккал на 100 г продукта), что с учетом объемов производства (например, в 2020 г. Нигер — 16,6 тыс. т, Чад — 21,2 тыс. т) делает финики важным источником калорий.

⁶⁶ Global Food Research Program. Ultra-processed products make up nearly half of low-income South African adults' diets. URL: <https://www.globalfoodresearchprogram.org/ultra-processed-products-make-up-nearly-half-of-low-income-south-african-adults-diets/>

На фоне урбанизации быстро растет спрос на полуфабрикаты, претерпевают изменения и цепочки поставок: производство смещается в сторону низкозатратных, консервированных, обработанных и «ультраобработанных» продуктов, многие из которых содержат избыточное количество сахара, соли, насыщенных жиров и консервантов. Их потребление растет не только в городах, но и в сельских районах, в том числе благодаря механизации сельскохозяйственного производства и увеличению доходов от несельскохозяйственной занятости. Такая пища способствует избыточному весу и распространению неинфекционных заболеваний — диабета, сердечно-сосудистых болезней и рака. Пока в Африке не наблюдается резкого роста потребления жиров, и было бы преждевременно утверждать о переходе к нездоровому образу питания.

Однако риск в виде медленного, но неуклонного роста потребления сахара сохраняется: так, общее потребление сахара в Африке в 2010 г. составляло 14 млн т, в 2016 г. — 18 млн т, а в 2022 г. — 20 млн т⁶⁷. Регулирование состава потребляемых населением продуктов — один из ключевых инструментов долгосрочного влияния государства на продовольственные рынки и продовольственный суверенитет, а имплементация регулирования подразумевает такие решения, как цифровая маркировка продукции.

Пшеница и другие зерновые

Ежегодно почти 100 млн га пахотных земель в Африке отводится под зерновые⁶⁸: на 2022 г. площадь сельскохозяйственных земель, засеваемых

Избыточное потребление сахара приводит к развитию неинфекционных заболеваний — сердечно-сосудистых болезней, диабета и рака. На 2019 г. летальность от этого спектра заболеваний в странах Африки южнее Сахары составила 2,9 млн человек, что составляет 37% всех случаев смерти (для сравнения: в 2000 г. — 24%)⁶⁹.

ЮАР — страна, в которой вопрос избыточного потребления сахара и развития сопутствующих заболеваний стоит особенно остро. В 2019 г. более 50% всех смертей было связано с неинфекционными заболеваниями⁷⁰. В связи с этим ЮАР предпринимает меры по ограничению потребления сахара. В 2019 г. принят закон о «сахарном налоге» (Health Promotion Levy). Налог взимается с газированных и негазированных безалкогольных напитков, а также фруктовых соков и нектаров, содержащих более 4 г сахара на 100 мл. За грамм сахара, превышающий пороговый уровень, налог составляет 0,0221 рэнда (около 0,0012 долл.).

Проект закона встретил сопротивление производителей сахара (на 2024 г., по данным USDA, производство сахарного тростника в ЮАР составило 17,9 млн т, рафинированного сахара — 2 млн т)⁷¹, однако налог незначительно повлиял на уровень производства сахара в стране, но снизил потребление сахара. С 2019 по 2022 г., по данным ФАО, уровень потребления сахара снизился с 1,7 млн до 1,5 млн т⁷².

67 FAOSTAT. Food balances (2010). URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS>

68 В России — 84,5 млн.

69 WHO. Deaths from noncommunicable diseases on the rise in Africa. URL: <https://www.afro.who.int/news/deaths-noncommunicable-diseases-rise-africa>

70 Hofman K.J., Stacey N., Swart E.C., Popkin B., Wen Ng Sh. South Africa's Health Promotion Levy: Excise tax findings and equity potential // Obesity Reviews. 2022. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8349837/>

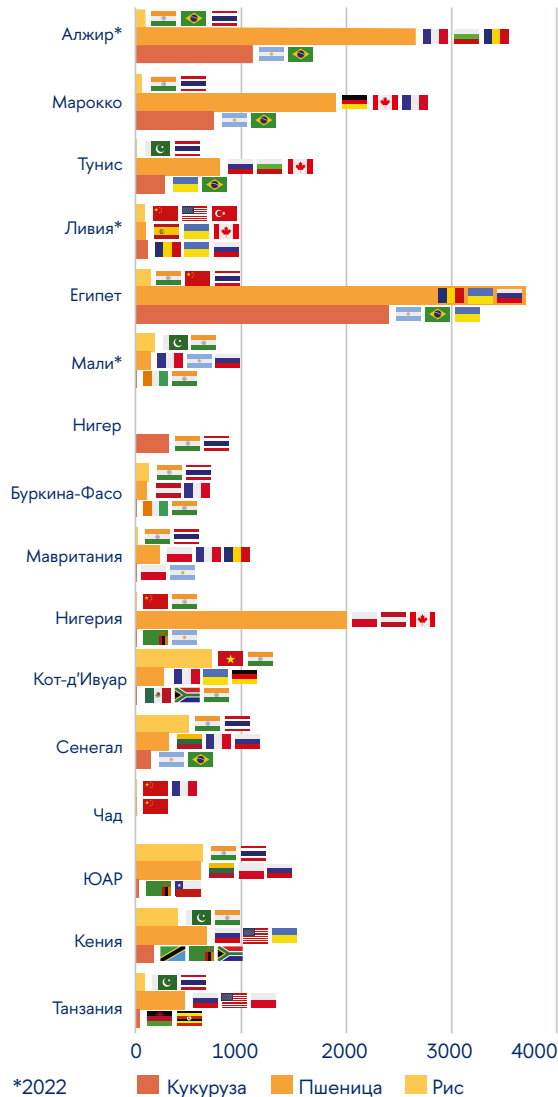
71 USDA. Sugar: World Markets and Trade. URL: <https://www.fas.usda.gov/sites/default/files/2024-11/sugar.pdf>

72 FAOSTAT. URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS>

кукурузой, составила 42 млн га, урожай — 93 млн т; 16,5 млн га земли было отведено под рис (производство составило 40 млн т) и 29 млн га — под сорго (урожай — 30 млн т)⁷³. Однако из-за нехватки удобрений урожайность недостаточна для удовлетворения растущих потребностей населения,

и Африка тратит на импорт пшеницы до 15–20 млрд долл. ежегодно. При этом пшеница — нетрадиционная для большинства африканских стран культура, и по сравнению с другими регионами Африка занимает последнее место среди потребителей хлебобулочных и кондитерских изделий.

Импорт риса, кукурузы и пшеницы в Африку, 2023 г., млн долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Trade Map и ОЕС.

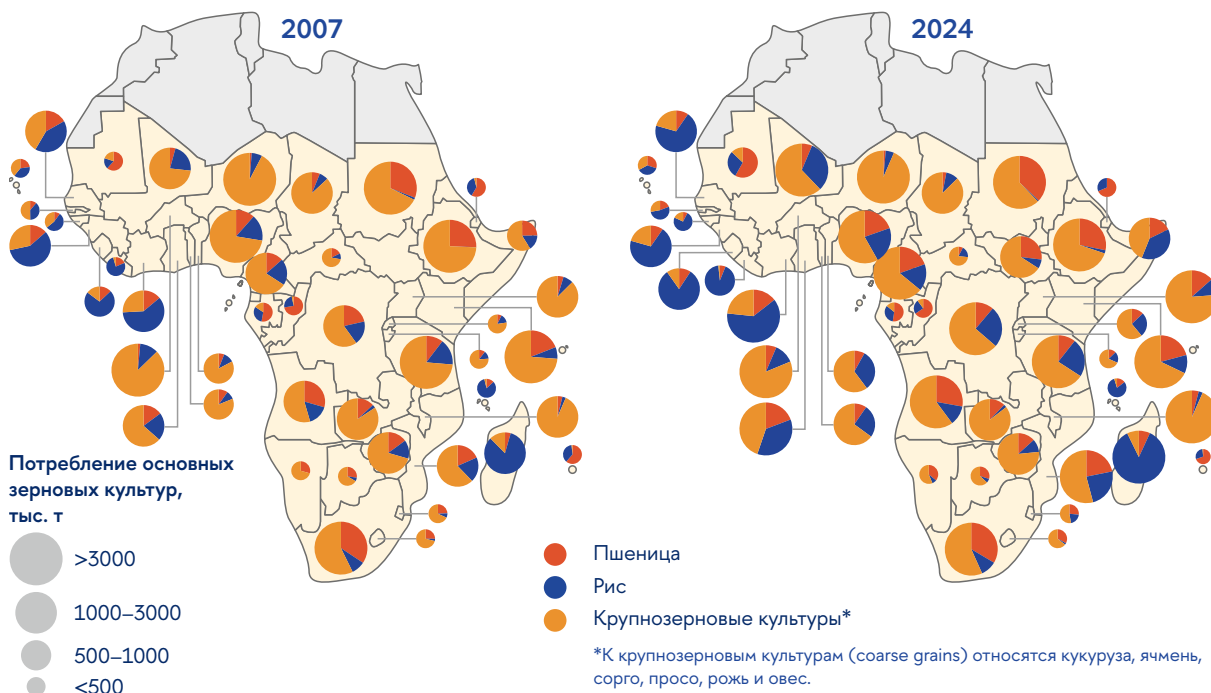
Нигерия — хрестоматийный пример «пшеничной ловушки» (Wheat Trap; термин произошел от названия книги шведских исследователей Г. Андрае и Б. Бекмана *The Wheat Trap: Bread and Underdevelopment in Nigeria*)⁷⁴. С колониальных времен пшеница, плохо приспособленная к климатическим условиям страны, вытесняла традиционные культуры в рационе. Этот процесс усилился с обретением независимости и притоком нефтедолларов, что привело к появлению вестернизированного класса городских жителей — основных потребителей пшеничных продуктов, они, в свою очередь, поддерживают спрос на импорт пшеницы, который крайне сложно заменить местным производством этой зерновой культуры. Самая востребованная зерновая культура в Нигерии — кукуруза, на долю которой приходится почти 40% потребления в количественном выражении, рис и сорго занимают примерно равные доли — по 22%, а пшеница — всего 15%. Более того, пшеница — единственная зерновая культура в Нигерии, для которой импорт является основным источником поставок. В среднем Нигерия тратит ежегодно около 2,5 млрд долл. на импорт пшеницы (в 2023 г. — 3 млрд долл., в период с июля 2023 по апрель 2024 г. — 2,4 млрд долл.)⁷⁵.

73 USDA. International production assessment division. URL: <https://ipad.fas.usda.gov/Default.aspx>

74 Andrae G., Björn B. *The wheat trap: Bread and underdevelopment in Nigeria*. London: Zed Books, 1986. 192 p.

75 OECD. Wheat in Nigeria. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/wheat/reporter/nga>; Milling Middle East and Africa. Poland leads Nigeria's wheat imports in 2023/24. URL: <https://millingmea.com/poland-leads-nigerias-wheat-imports-in-2023-24/>

Структура потребления зерновых культур в Африке южнее Сахары, 2007–2024 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО.

Тем не менее импорт именно этой культуры составляет значительную часть расходов африканских стран.

Выход для африканских стран может заключаться в последовательной поддержке более приспособленных к локальным условиям культур: сорго, маниока, ямса и т.д., например, за счет обязательств мукомолов заменять часть пшеничной муки на сорго, внедрения более устойчивых к вредителям и климату сортов и семян.

Путь к продовольственному суверенитету Африки, вероятно, лежит через снижение зависимости от пшеницы в целом, а не только от ее импорта

Потребление белка: молочная продукция, рыба, мясо и птица

Хотя общее потребление белка в Африке и ниже рекомендуемого ВОЗ количества, основная проблема заключается в его качестве

Среднее потребление белка в Африке снизилось за последние 10 лет и составляет 65–66 г на человека в день, что на 20 г меньше, чем в среднем по миру. Большая часть потребляемого в Африке белка — растительный, на него приходится 77% потребления (для сравнения: в Европе — 37%). Африканские страны потребляют растительных белков почти столько же, сколько в среднем по миру (50 г), но животных белков (таких как рыба, мясо, яйца, молочные продукты) — в 2–3 раза меньше. С распространением фастфуда — лапши, снеков и т.д. — доля растительных белков, вероятно, возрастет еще больше.

Кенийская молочная промышленность занимает одно из первых мест в Африке и первое — в Восточной Африке. Вклад молочной промышленности в ВВП страны составляет 4,5%. В 2023 г. общее производство молока в Кении оценивалось в 4,6 млрд л (для сравнения: в 2000 г. — около 2,9 млрд л) при высоких показателях подушевого потребления — 98 кг на человека в год в молочном эквиваленте. Такой рост стал возможен благодаря высокому спросу со стороны городского среднего класса, свою роль сыграли инвестиции (в том числе государственные) в молокоперерабатывающую промышленность (производство молока с длительным сроком хранения и сухого молока). Была создана цепочка производства — сбор молока с небольших ферм централизован в так называемых молочных барах, откуда молоко либо поступает на переработку, либо продается потребителям в сыром виде. Важную роль играет государство, которое поддерживает отрасль с помощью ряда регулирующих и стимулирующих мер. Также работают меры поддержки со стороны региональных правительств: например, в Муранге муниципальное правительство в 2023 г. запустило программу субсидирования, по которой производители молока получают 7 шиллингов (0,054 долл. США) за сданный литр молока⁷⁶.

Разные потребительские привычки и культурные особенности в пределах одной страны ограничивают применимость общеконтинентальных и даже страновых подходов. Например, в странах Западной Африки население прибрежных районов в основном питается рыбой, а в северных регионах — молочными продуктами и говядиной. Кроме того, доля потребления животного белка все еще настолько мала и непостоянна, что реформа в одной стране может повлиять на статистику в масштабах всего континента.

С другой стороны, все активнее звучат призывы (в первую очередь от Программы ООН по окружающей среде) к глобальному сокращению потребления животных белков и переходу к растительной диете. Таким образом, при сохранении подобной тенденции и одновременной стабилизации белковой диеты в Африке у континента есть шансы перейти в постиндустриальную модель пищевого поведения.

Молочные продукты остаются основным источником животного белка в Африке, что обусловлено в первую очередь его высоким потреблением (даже по общемировым меркам) в странах

Северной Африки, где значительную долю рынка занимает сухое молоко, и Восточной Африки, а именно в Кении, где правительство последовательно поддерживает местных производителей молока, а молочная промышленность занимает важное место в экономике (4,5% ВВП)⁷⁶.

В целом молочное животноводство остается одной из основных отраслей сельского хозяйства, особенно в странах со значительной долей кочевого населения: Мали, Нигере, Южном Судане, Эфиопии. Повышение эффективности молочной промышленности в таких странах — не только вопрос продовольственного суверенитета и сбалансированного рациона питания, но и безопасности в широком смысле этого слова. Государственная поддержка молочной промышленности, появление дополнительных рабочих мест и развитие инфраструктуры помогают улучшить условия жизни пастухов, что, в свою очередь, будет способствовать разрешению многовековых конфликтов между земледельцами и скотоводами.

В Африке в целом потребляется меньше мяса по сравнению с другими регионами (около 20 кг всех видов мяса на человека в год в Африке в 2021 г. против 43 кг на человека в год

76 Kenya News Agency. Dairy, mango farmers to access subsidies via E-card. URL: <https://www.kenyanews.go.ke/dairy-mango-farmers-to-access-subsidies-via-e-card/>

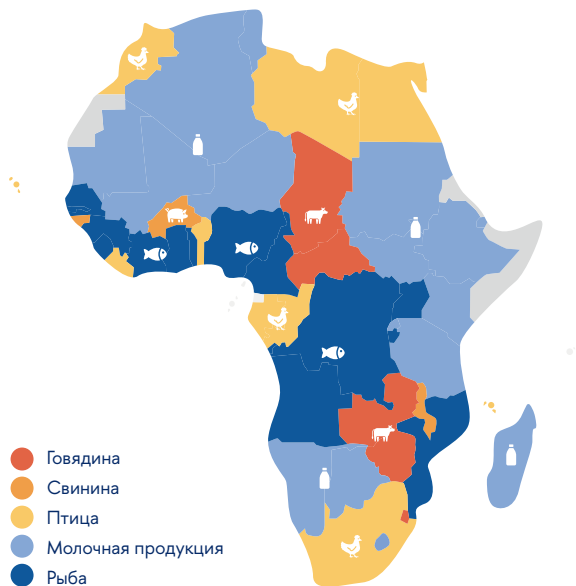
за тот же период в мире и 67 кг на человека в Европе)⁷⁷. Разброс потребления мяса и птицы в Африке очень велик: от 5,4 кг на человека в год в Эфиопии до 60 кг на человека в год в ЮАР. Курица — основное мясо для подавляющего большинства африканцев, на этот продукт приходится около 30% годового потребления мяса, как и основной рост потребления мяса и белка в Африке. Однако этот потребительский бум в значительной степени обусловлен импортом — африканские страны тратят более 2 млрд долл. в год на импорт мяса кур. Ожидается, что потребление будет расти по мере увеличения спроса на птицу в Африке, а прогнозируемый объем рынка составит 11 млн т к 2030 г.⁷⁸

Из-за ограниченного потенциала свинины (что обусловлено климатическими условиями и религиозными табу) основные источники белка и их доли в рационе зависят от решений, на принятие которых остается все меньше времени. Глобальные стандарты потребления делают ключевую роль куриного мяса практически неизбежной — будет ли оно выращиваться в Африке или поставляться из-за рубежа, зависит от того, смогут ли африканские правительства принять меры по поддержке отрасли: внедрить более производительные гибридные виды и обеспечить доступ к необходимым ресурсам (корма, вакцины). В противном случае куриное мясо может стать новой «пшеничной ловушкой» для Африки.

Урбанизация и недостаточное внутреннее производство гарантируют рост потребления и импорта куриного мяса

Несмотря на то что Африка обеспечивает около 10% мирового улова рыбы⁷⁹, а 10% рыболовов мира — африканцы⁸⁰, потребление рыбы почти в 2 раза меньше, чем в среднем по миру (9 кг

Основные источники животного белка в Африке, 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО.

на душу населения против 20 кг⁸¹). В первую очередь это связано с низким уровнем знаний о водных ресурсах, отсутствием квалифицированной рабочей силы и инфраструктуры (хранение, переработка, доставка потребителям). Наиболее острой проблемой остается аквакультура: рыболовство носит бессистемный, экстенсивный характер и зачастую ведется иностранными компаниями. В то же время из-за низкой эффективности рыбной промышленности в Африке растет импорт рыбы и морепродуктов. За 20 лет импорт рыбы увеличился в 5 раз и в 2024 г., вероятно, превысил 5 млрд долл. Именно развитие аквакультуры и улучшение технологического оснащения отрасли станут залогом роста потребления рыбы в Африке.

77 FAOSTAT. Food Balances (2010). URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS>

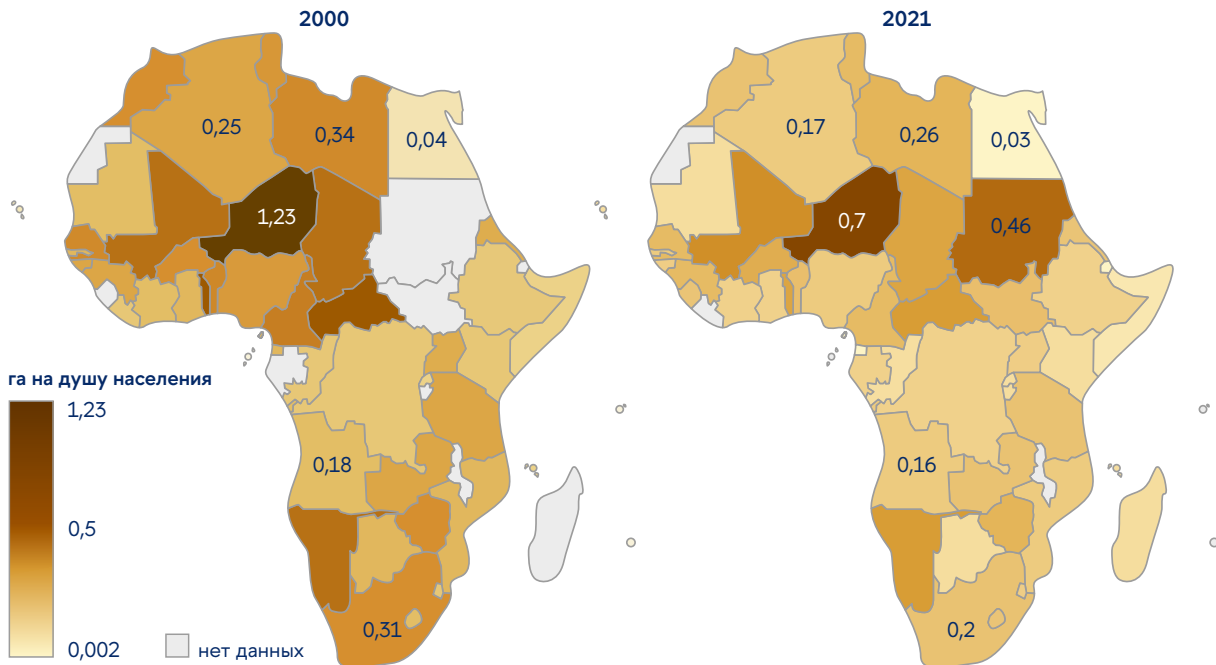
78 African Union Development Agency. Digitalising the poultry industry in Africa. URL: <https://www.nepad.org/blog/digitalising-poultry-industry-africa>

79 FAOSTAT. Food balances (2010). URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS>

80 FAO. The state of world fisheries and aquaculture 2018. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/6fb91ab9-6cb2-4d43-8a34-a680f65e82bd/content>

81 FAOSTAT. Food Balances (2010). URL: <https://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS>

Пахотные земли в Африке, 2000–2021 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО.

2. Отход от натурального сельского хозяйства

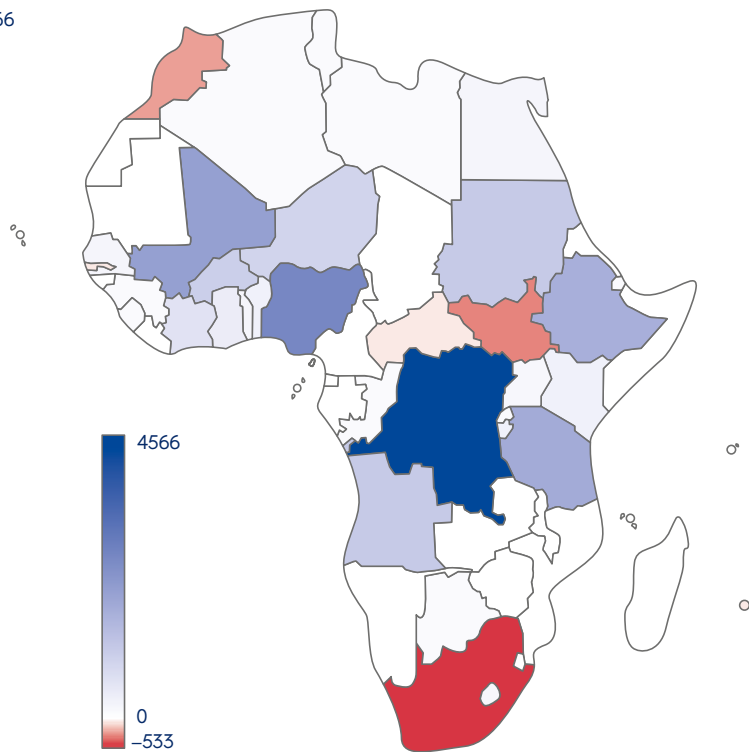
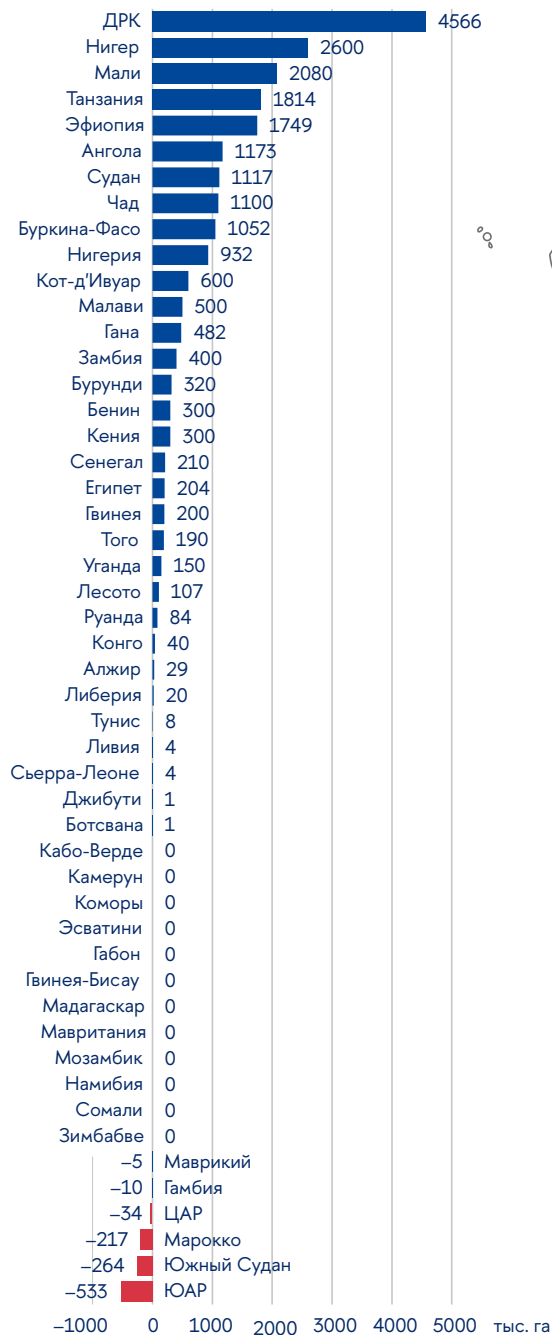
С ростом урбанизации в Африке произошел отход от натурального хозяйства, а в более широком смысле — от потребления продуктов питания, выращенных «на месте». Пахотные земли все чаще отводятся под технические (хлопок, каучук) и экспортные культуры, а продовольствие (пшеница, рис, кукуруза) импортируется, происходит сокращение фауны и кормовой базы в дикой природе на фоне роста населения и охотничьего промысла.

Как следствие, постепенно исчерпываются возможности для экстенсивного роста и повышается спрос на внедрение интенсивных методов ведения сельского хозяйства.

На фоне появления альтернативных сельскому хозяйству вариантов землепользования все более актуальной становится «земельная дилемма». Например, в Танзании в период в 2022–2023 гг. доход от национальных парков достиг 124 млн долл., что при их общей площади в 99 тыс. га означает средний доход 12,5 тыс. долл. с гектара⁸². И это только прямые сборы, а с учетом косвенных расходов туристов по пути к национальным паркам (на транспорт, питание и проч.) этот показатель вырастает в несколько раз. В то же время примерный доход от сельского хозяйства не превышает 1 тыс. долл. с гектара.

82 The Citizen. Tanapa revenue soars by 94 percent as tourism rebounds. URL: <https://www.thecitizen.co.tz/tanzania/news/national/tanapa-revenue-soars-by-94-percent-as-tourism-rebounds-4564600>

Прирост сельскохозяйственных площадей в Африке, 2010–2021 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Всемирного банка.

Пример Египта показывает, что даже острый дефицит пахотных земель может быть смягчен посредством инвестиций в инфраструктуру. Политика расширения пахотных земель за счет пустынь началась еще в 1950 г., когда А. Хусейн, министр социального обеспечения, предложил распределять пустынные участки для мелиорации среди безземельных фермеров (план под названием «Схема пяти федданов» подразумевал ограничение одного фермерского хозяйства пятью федданами (около 0,42 га) и был направлен на увеличение количества мелких фермерских хозяйств)⁸³. В 1990-х годах египетское правительство выдвигало несколько проектов по мелиорации в общей сложности 1 млн федданов пустынных земель; в 2009 г. планируемый охват был увеличен до 3 млн федданов к 2030 г. Несмотря на то что эти проекты не были выполнены в полной мере, процесс мелиорации пустынных земель занимает приоритетное место в сельскохозяйственной политике Египта. В 2023 г. министр сельского хозяйства и земельной мелиорации А.-С. Эль-Кусейр объявил, что с 2013 г. сельскохозяйственные земли увеличились более чем на 1,47 млн га.

Кроме того, правительство реализует несколько проектов по развитию тепличных хозяйств и повышению эффективности использования воды. Согласно отчету Министерства планирования и экономического развития, в 2023 г. правительство Египта увеличило инвестиции в сельское хозяйство и ирригационный сектор до 3,77 млрд долл., что на 71% больше, чем в предыдущем году. Вышеупомянутые меры рассчитаны на долгосрочную перспективу, но результаты видны уже сейчас: Египту удалось достичь самообеспечения овощами и фруктами, рисом, рыбой и сахаром, а в 2023 г. экспорт свежей сельскохозяйственной продукции превысил 7 млн т в натуральном выражении.

Цифровые решения в АПК

Для государства и крупного бизнеса применение решений, основанных на технологиях искусственного интеллекта, анализа больших данных, интернета вещей (IoT) и автоматизированных систем управления, открывает возможности для оптимизации производства, улучшения качества прогнозирования, минимизации потерь и улучшения распределения ресурсов. Такие технологии, как геоинформационные системы (ГИС), дроны для сельского хозяйства и «умные» ирригационные системы, дают возможность значительно увеличить продуктивность без необходимости расширения посевных площадей. Цифровые решения могут стать катализатором значительных изменений и для небольших фермерских хозяйств, предоставляя фермерам доступ к инструментам точного земледелия, прогнозирования урожайности, мониторинга состояния почв и растений.

Пока ключевая особенность цифровых изменений в секторе — ориентация на малые фермерские хозяйства. По состоянию на 2023 г. в странах южнее Сахары насчитывалось около 33 млн малых ферм (площадью менее 2 га). На них приходится до 80% всех пахотных земель региона и до 70% совокупного объема сельскохозяйственного производства.

Такая структура рынка накладывает определенные требования на цифровые решения: они должны быть доступны для пользователей с низким уровнем образования, охватывать отдаленные сельские районы, работать без устойчивого подключения к интернету и поддерживать коммуникацию на местных языках. В последние годы в Африке появляется все больше цифровых услуг в агропромышленном комплексе, которые удовлетворяют этим требованиям. Наиболее быстро и эффективно развивающееся направление — цифровые платформы.

83 Anouar A.M. Egypt: Military society. N.Y.: Random House, 1968.

Среди крупных инициатив, связанных с финансово-техническим сектором, можно выделить:

- **eKilimo** — танзанийская цифровая платформа для поиска контрагентов в цепочках поставок и совершения транзакций. Через приложение фермеры могут выставить на продажу собственную продукцию и покупать товары других фермеров. Приложение разработано лабораторией Mastercard. Все платежи внутри приложения также проходят через платежную систему Mastercard и осуществляются через Национальный микрофинансовый банк Танзании (NMB).
- **Twiga** — кенийская цифровая платформа, объединяющая поставщиков и потребителей сельскохозяйственной продукции. На 2025 г. платформа объединяет более 140 тыс. продавцов. Twiga позволяет фермерам не только проводить транзакции, но и брать кредиты. Финансовые операции на платформе проводятся через кенийский КСВ.

Одним из наиболее востребованных направлений стали агромаркетплейсы — онлайн-платформы, напрямую связывающие различных участников производственной и сбытовой цепочки. Зачастую такие платформы позволяют проводить прямые транзакции и брать микрозаймы, что особенно важно для фермеров с ограниченным доступом к банковской инфраструктуре.

Наряду с маркетплейсами развивается сектор цифрового аграрного образования. Крупные международные онлайн-платформы, такие как Академия ФАО и образовательный портал ЭКА ООН, вносят значительный вклад в обучение фермеров. Однако их влияние остается ограниченным из-за слабого охвата аудитории и нестабильного доступа к интернету в ряде регионов. В связи с этим растет число образовательных инициатив, работающих на модели **СМС-информирования**. Среди таких проектов — камерун-

ская инициатива NDEMRI (Nurturing Digital Extension through Mobile and Responsive Intelligence), кенийская платформа Arifu и проч. Фермерам направляются короткие текстовые сообщения (иногда на местных языках) с обучающей информацией. В некоторых проектах фермеры могут отправить обратный СМС-запрос, и ответ будет сгенерирован с использованием ИИ. По данным разных инициатив, начальный страновой охват на первых фазах введения подобных платформ составляет около 1500–4000 человек. СМС-уведомления не требуют устойчивого интернет-соединения и смартфонов. Для пользователей, не умеющих читать, разработчики вводят голосовую поддержку ИИ. Так, танзанийское приложение Kizi Bora (суах. «лучший батат») обладает голосовым модулем — на основе полученного голосового запроса ИИ формирует и озвучивает советы на суахили в разных аспектах выращивания, сбора и продажи сладкого картофеля.

Цифровые технологии в сельском хозяйстве Эфиопии

Аграрный сектор входит в число приоритетных направлений развития Эфиопии. Для поддержки цифровой трансформации в данной сфере Министерство сельского хозяйства и Институт трансформации аграрного сектора Эфиопии разработали дорожную карту цифрового сельского хозяйства на период 2025–2032 гг.

В рамках дорожной карты правительство планирует внедрение технологий «умного» земледелия — инструментов, направленных на повышение производительности и эффективное управление природными ресурсами. Ключевые элементы для построения необходимой цифровой инфраструктуры — внедрение профилей фермеров с уникальными идентификаторами, а также формирование базы данных о производственной деятельности, привязанной к конкретным землевладениям и сельхозпроизводителям.

Среди проектов, ориентированных на фермеров, особое место занимает **горячая линия 8028**, реализуемая в партнерстве с национальным оператором связи Ethio Telecom с 2014 г. Сервис предоставляет фермерам персонализированные консультации и информацию по ведению сельского хозяйства через голосовое меню и SMS на региональных языках. С момента запуска система обработала более 67 млн звонков.

В 2021 г. Digital Green внедрила в Эфиопии платформу **FarmStack** — программное обеспечение с открытым исходным кодом для обмена данными. Платформа использует API и интеграции с системой управления открытыми данными CKAN для упрощения обмена информацией между различными субъектами, включая государственные учреждения, неправительственные организации и сельхозпроизводителей.

Министерство сельского хозяйства использует платформу **Agri (Ag) Datahub**, предназначенную для агрегирования данных о сельском хозяйстве из различных источников, включая базы данных, API и устройства интернета вещей (IoT). Министерство также разработало **Национальную систему почвенной информации** с целью повышения продуктивности сельского хозяйства за счёт улучшенного управления почвенными ресурсами. Система была внедрена в 2017 г. как дальнейшее развитие **Эфиопской системы почвенной информации (EthioSIS)**. Проект EthioSIS, начатый в 2012 г., заложил основу для картографирования почв и оценки их плодородия на всей территории страны.

Мобильная платежная платформа Эфиопии **Telebirr**, запущенная Ethio Telecom в 2021 г., также оказывает значительное влияние на развитие сельского хозяйства. Посредством выдачи цифровых кредитов на сумму около 9 млрд эфиопских быров (около 65 млн долл.), Telebirr способствует инвестициям сельхозпроизводителей в агротехнические ресурсы и технологии, направленные на повышение производительности и устойчивости сельского хозяйства.

Искусственный интеллект также уже находит практическое применение в аграрном секторе. С 2023 г. действует цифровой помощник **Farmer CHAT** — консультативная система на базе ИИ, предоставляющая фермерам рекомендации в режиме реального времени с учётом их геолокации. Сервис охватывает вопросы, связанные с возделыванием сельскохозяйственных культур, типами почв и рыночной конъюнктурой. Приложение доступно на региональных языках и существенно повышает экономическую эффективность государственной системы агроконсультирования — оно позволяет сократить средние затраты на одного фермера с 35 до 3,5 долл. Чат-бот разработан некоммерческой организацией Digital Green (США), специализирующейся на поддержке мелких сельхозпроизводителей.

Модели цифрового сбора данных

Сбор данных — еще одно приоритетное направление цифровой трансформации сельского хозяйства. Мониторинг погоды и состояния почвы в режиме реального времени, к примеру, может значительно улучшить качество и количество урожая. В то же время подобные проекты сталкиваются со значительным количеством вызовов: такие инициативы требуют большого финансирования, дорогого и высокопроизводительного оборудования и квалифицированных кадров.

Зачастую такие программы реализуются крупными государственными и международными компаниями и агентствами. Например, в Танзании с 2010 г. функционирует инициатива **FarmSMS**, которую координирует Метеорологическое агентство Танзании (ТМА) совместно со Всемирной метеорологической организацией (ВМО), разработка была осуществлена ТМА в партнерстве с Институтом технологии Дар-эс-Салама. Программа направлена на снижение риска неурожая на фоне повторяющихся засушливых периодов. Фермерам в режиме реального времени направляется сводка погоды в виде СМС-извещения. В зависимости от прогнозов засух земледельцы могут точнее выбрать время для посадки урожая. В рамках пилотного запуска в 2010–2013 гг. инициатива показала свою эффективность: фермеры, которые действовали на основе информации от экспертов по погоде, получали большие урожаи, чем те, кто полагался на традиционные прогнозы погоды. Урожайность выросла от 50 до 125% в зависимости от региона.

Приложение сталкивается с определенными техническими трудностями — задержками СМС-оповещений из-за высокого трафика и отсутствием архивирования информации. Из-за ограничений мобильной связи фактическая доставка сообщений занимает три дня и более. В 2020–2021 гг. из-за технических проблем функционирование приложения было приостановлено на 20 месяцев, после чего в октябре 2021 г. система FarmSMS снова заработала. На 2025 г. приложение, несмотря на технические ограничения, функционирует:

в системе зарегистрировано 28,3 тыс. человек, рассылка оповещений производится через мобильные модемы и при оптимальном качестве связи может достигать максимальной производительности 5–10 тыс. СМС-уведомлений в день.

Частный сектор инвестирует в сбор данных — **Internet of Things (IoT), а точнее, Internet of Environment**, который становится самостоятельным и быстро растущим сегментом рынка IoT. В рамках таких проектов инвесторы вкладывают средства в сбор данных с разнообразных датчиков в режиме реального времени. Отслеживаются содержание микроэлементов в почве, уровни освещения и влажности почвы и воздуха, температура. Показания счетчиков направляются на электронное устройство фермера. Частные компании (например, AGRIoT в Руанде) продают датчики и приложения для управления полученными данными. Однако данное направление все еще слабо развито ввиду недостатка финансирования и высокого порога входа. Фермер, использующий IoT-программы, должен не только покупать и поддерживать дорогое оборудование, но и обладать базовыми навыками интерпретации данных.

Программы по отслеживанию сезонов дождей и засух, учебные материалы для фермеров, маркетинговые материалы, технической и удобрений уже показывают рост урожайности и сокращение потерь урожая после сбора. Тем не менее такие инициативы сталкиваются с глубокими структурными проблемами. Целевая аудитория — мелкие фермеры — зачастую имеет низкий уровень общего и цифрового образования. Многие хозяйства расположены в удаленных регионах, где отсутствует доступ к интернету и базовой дорожной инфраструктуре, что затрудняет не только распространение цифровых решений, но и логистику сельхозпродукции в целом. В будущем динамика цифровизации аграрной промышленности будет зависеть не только от преодоления этих ограничений, но и от укрупнения хозяйств — именно крупные хозяйства, прежде всего частные, станут драйверами инноваций, в том числе цифровых.

Удобрения

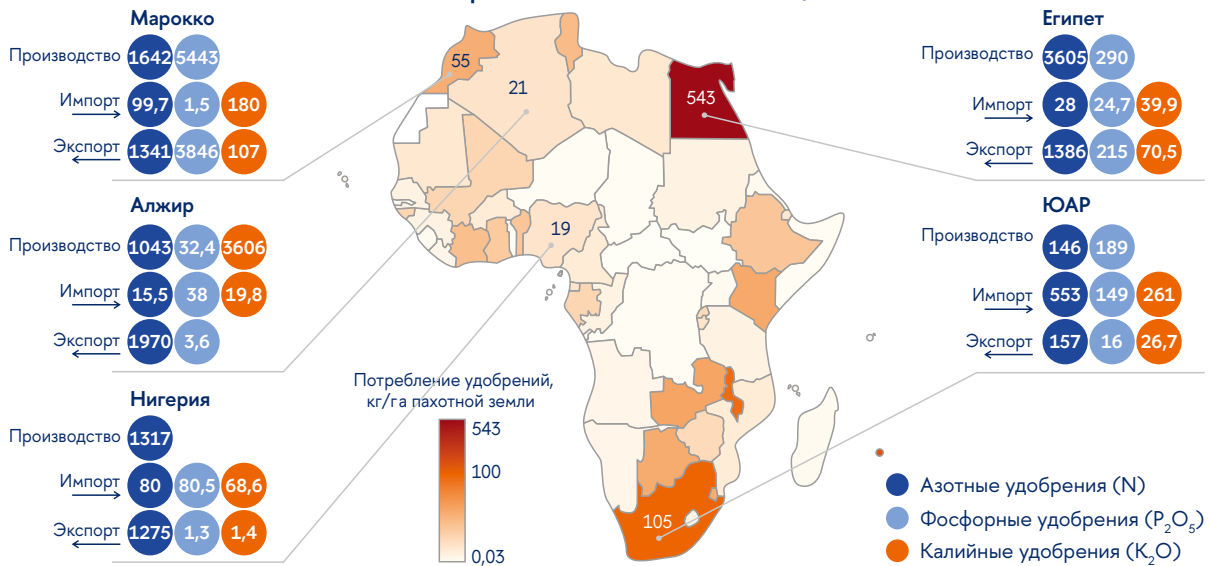
Удобрения станут основным трендом развития сельскохозяйственного сектора Африки в ближайшие десятилетия

По состоянию на 2022 г. потребление удобрений в странах Африки южнее Сахары составляет **17 кг/га**⁸⁴ действующего вещества (для сравнения: в Азиатско-Тихоокеанском регионе — 300 кг/га), а в некоторых странах, таких как Уганда, Гвинея, ДР Конго, Нигер и ЦАР, — менее 5 кг/га. После встречи министров сельского хозяйства африканских стран в 2006 г. в Абудже (Нигерия) была поставлена достаточно скромная цель: увеличить средний объем использования удобрений с 8 до 50 кг/га к 2015 г., которая в большинстве стран до сих пор не достигнута. Общее потребление удобрений в Африке составляет 7,5 млн т активного вещества, и большая часть из них приходится

на импортные азотные, калийные и фосфорные удобрения. Удобрения уже внесли свой вклад в укрепление продовольственного суверенитета ряда африканских стран. Среди них — Эфиопия, которая добилась роста производства пшеницы и тефа благодаря внедрению новых сортов и увеличению импорта удобрений.

На мировых рынках удобрений Африка обеспечивает 6% импорта, 12% экспорта, при этом показатели ряда стран — Марокко, Алжира, Египта — имеют все шансы значительно вырасти в этом десятилетии, особенно в части экспорта. Африка обладает ресурсами для производства удобрений: по данным Геологической службы США, до 80% мировых запасов фосфатов сосредоточено в Африке, ежегодно добывается около 250 млрд м³ природного газа (для производства 1 т аммиачных

Производство и рынки удобрений в Африке, 2022 г., тыс. т в пересчете на питательное вещество

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО и Africa Fertilizer Map.

84 Malpass D. A transformed fertilizer market is needed in response to the food crisis in Africa. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/voices/transformed-fertilizer-market-needed-response-food-crisis-africa>

удобрений необходимо около 1 тыс. м³ газа). Это свидетельствует о потенциале для более широко-го регионального сотрудничества в производстве удобрений⁸⁵.

ЮАР, Эфиопия, Замбия, Джибути и Танзания — ведущие импортеры удобрений в регионе

(совокупная доля этих стран составляет 20% общего объема африканского импорта)⁸⁶. В то же время Марокко, ЮАР, Египет и Нигерия входят в пятерку лидеров по экспорту удобрений в другие страны региона: на их долю приходится 16,1% внешнего и 76,8% внутрирегионального экспорта.

Россия как один из крупнейших производителей минеральных удобрений и пшеницы в мире заинтересована в формировании и укреплении продовольственного суверенитета Африки. В натуральном выражении экспорт российских удобрений в Африку увеличился с 770 тыс. т в 2018 г. до 1,9 млн т к 2024 г.; в стоимостном выражении экспорт вырос почти в 32 раза за последние 18 лет, достигнув 511 млн долл. в 2021 г. Доля России на африканском рынке удобрений на 2023 г. составляла 12%. Для сравнения: доля России в поставках углеводородов в Африку составляет 3%, а в поставках пшеницы — 32%. Для сравнения: марокканская компания ОСР поставляет около 2 млн т фосфорных удобрений в Африку ежегодно, а норвежская компания Yara — около 1 млн т (в основном карбамид, а также многосоставные удобрения и смеси).

Особую роль в экономических отношениях России и Африки играют гуманитарные поставки пшеницы и удобрений.

Пшеница: африканский экспортный рынок и гуманитарные поставки

О безвозмездных поставках зерна в нуждающиеся страны президент России Владимир Путин сообщил в ходе второго саммита Россия — Африка в Санкт-Петербурге 27–28 июля 2023 г. Первоначальный план поставок охватывал шесть африканских стран — Сомали, ЦАР, Буркина-Фасо, Зимбабве, Мали и Эритрею.

На июнь 2025 г. в рамках гуманитарных поставок зерна с ноября 2023 г. в шесть стран Африки было доставлено 200 тыс. т пшеницы. Гуманитарная помощь (200 тыс. т) в стоимостном исчислении составляет около 48,9 млн долл. (при средней экспортной цене российской пшеницы в 2024 г. — около 244,2 долл./т).

Гуманитарные поставки осуществляются на фоне стабильного экспорта пшеницы в африканские страны. В сельскохозяйственном сезоне 2020/2021 гг. Россия экспортировала в Африку на коммерческой основе около 15 млн т пшеницы, в сезон 2022/2023 гг. — 17,5 млн т зерна, из них 16,5 млн т пшеницы. По данным федерального центра «Агроэкспорт», за январь–октябрь 2024 г. экспорт пшеницы из России в страны Африки превысил 21 млн т. За первое полугодие 2025 г. экспорт составил 11,8 млн т.

85 Свиридов В.Ю., Андреева Т.А. Российские удобрения как элемент укрепления продовольственного суверенитета Африки. // Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 2. С. 170–185. URL: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-170-185>

86 IFASTAT. URL: <https://www.ifastat.org/>

Кейс «Уралхима»: безвозмездные поставки удобрений

По итогам саммитов Россия — Африка были организованы и гуманитарные поставки удобрений. Группа компаний «Уралхим» в 2023 г. предложила использовать заблокированные в 2022 г. в портах ЕС удобрения (всего около 260 тыс. т) в качестве гуманитарной помощи Африке. В рамках гуманитарных поставок удобрений грузы были отправлены в том числе в Малави (20 тыс.), Кению (34 тыс.), Нигерию (34 тыс.), Зимбабве (23 тыс. т).

В общей сложности с конца 2022 г. по май 2024 г. Группа «Уралхим» направила в Африку более 134 тыс. т удобрений на безвозмездной основе.

Главной причиной недостаточного развития региональных рынков остается ориентация крупных африканских производителей удобрений на внешние рынки. Страны с нестабильной экономической и политической ситуацией, а также страны, переживающие острый продовольственный кризис, часто не могут оплатить значительные объемы удобрений по рыночной цене, и производители предпочитают сбывать объемы международным трейдерам, уже через которых часть их возвращается в Африку.

Учитывая эту специфику, именно государства могут взять на себя более активную роль на развивающихся рынках удобрений. Примеры показывают, что набор государственных мер поддержки хотя и ограничен, но позволяет добиться значительных результатов даже в краткосрочной перспективе.

Важна также логистика распределения удобрений: мелким хозяйствам, которые в первую очередь нуждаются в удобрениях, трудно закупать большие партии, поступающие в порты, в то же время поставщикам невыгодно разбивать партии. Таким образом, оправданы могут быть инвестиции в инфраструктуру распределения и фасовки импортных удобрений на территории портов или в непосредственной близости от них.

Фермерские хозяйства в Африке отличаются небольшими размерами, дефицитом оборотного капитала и нехваткой знаний о состоянии возделываемой почвы

В 2019 г. в Эфиопии был завершен проект по составлению карт плодородия почв стоимостью 11 млн долл.⁸⁷, начатый в 2012 г. Карты, содержащие характеристики почв и уровень их насыщения питательными веществами, помогли разработать рекомендации по более сбалансированному использованию удобрений. Вместо того чтобы использовать один тип удобрений для всех типов почв, смеси и подкормки стали подбирать в зависимости от минерального состава и потребностей грунта. В связи с этим Эфиопия отказалась от использования некоторых удобрений, которые не соответствовали типу почвы по составу питательных веществ (в частности, диаммонийфосфат был полностью заменен на сульфаммофос и его смеси в 2015 г.)⁸⁸.

87 FAO. Using soil maps to promote efficient use of fertilizers learning from the ethiopian experience. URL: <https://www.fao.org/3/cb9452en/cb9452en.pdf>

88 Africa fertilizer. Ethiopia fertilizer dashboard. URL: <https://viz.africafertilizer.org/#/ethiopia/wpContentPage/country-overview-8>

Именно государство может стать ключевым игроком на развивающихся рынках удобрений

Продовольственный суверенитет Африки за счет поставок удобрений должен быть дополнен образовательными и исследовательскими инициативами. К таким инициативам относятся дополнительные образовательные курсы, циклы лекций, стажировки для фермеров и государственных служащих.

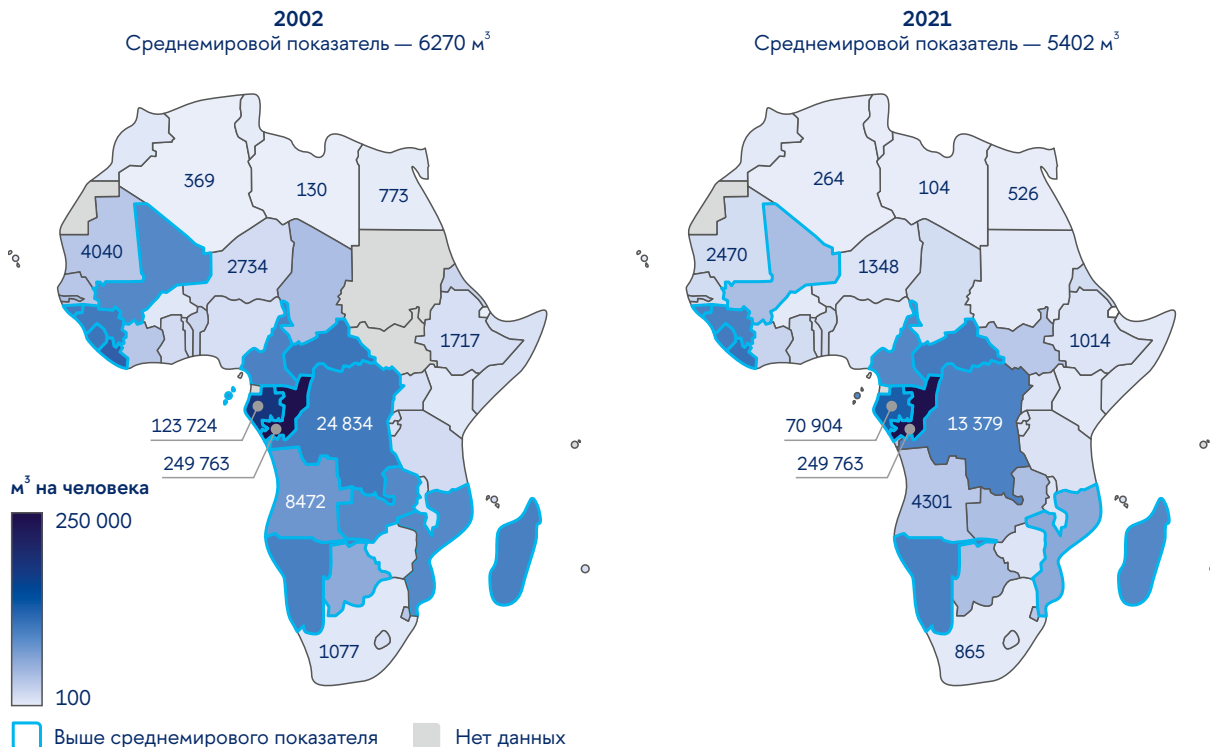
3. Дилемма водозабора

Состояние водного баланса в Африке — важный фактор для прогнозирования экономического роста и преодоления продовольственных вызовов. По данным совместного исследования ВОЗ и ЮНИСЕФ, только в восьми странах Африки

(Ботсване, Габоне, Джибути, Египте, Малави, Намибии, Тунисе и ЮАР) уровень доступа к источникам воды приемлемого качества превышает 90%. Хуже всего ситуация с доступом к воде в Анголе, ДР Конго, Мозамбике, Экваториальной Гвинее, Чаде и Мадагаскаре (менее 55%)⁸⁹.

Доступ к питьевой воде становится отдельной проблемой. По данным Aquastat, обеспеченность пресной водой на душу населения снижается по всему континенту. Например, в Анголе, Ботсване и Замбии, где в 2002 г. показатели доступа к пресной воде на душу населения были выше среднемировых, к 2021 г. они упали ниже мирового уровня. В некоторых странах континента (Габоне, Мали, Мозамбике) общий объем возобновляемых водных ресурсов на душу населения за 20 лет сократился почти вдвое.

Пресная вода на душу населения

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ФАО.

89 Маслов А.А., Свиридов В.Ю. и др. Африка 2023. Возможности и риски. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023.

Основные бассейны рек в Африке

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных AQUASTAT.

Одна из главных проблем — потеря воды при водозаборе. В среднем по континенту от 80 до 95% забираемой воды приходится на сельское хозяйство, а потери в результате испарения или возврата в реки и подземные водоносные горизонты составляют от 40 до 80%.

Для Африки характерны международные водные бассейны: 63 бассейна охватывают почти

две трети (64%) региона. Самые крупные бассейны — Конго, Нил, Нигер и Замбези. Из них Нил — самый сложный бассейн с точки зрения сочетания масштабов водных проблем и политических разногласий, а население бассейна, который разделяют 11 стран, за полвека увеличилось в 4 раза (с 143 млн в 1971 г. до 620 млн в 2024 г.) и продолжает расти.

Первый шаг к повышению устойчивости перед лицом вызовов — трансграничные механизмы для управления бассейнами рек

Это не только обмен информацией на основе геоинформационных систем и технологий мониторинга, но и гармонизация и координация водозабора, механизмов взаимной поддержки, интеграции энергосистем, совместных запасов продовольствия. Без такой координации борьба за качество и доступность воды часто не имеет смысла или приводит к увеличению затрат⁹⁰.

Структурная трансформация экономики африканских стран неизбежно поставит перед ними новые дилеммы водозабора

Ключевыми направлениями для инвестиций в водную инфраструктуру Алжира становятся сбор и распределение воды в пустынных местностях, а также опреснение воды. Так, один из крупнейших проектов по доставке воды из г. Ин-Салах в г. Таманрассет (расположен в Сахаре), завершённый в 2011 г., стоил 2,5 млрд долл. На 2025 г. ключевой инициативой становится Национальный проект по опреснению. Двухфазный проект подразумевает строительство семи новых опреснительных установок и модернизацию четырех существующих к 2030 г. После ввода всех объектов в эксплуатацию доля питьевой воды, поступающей в Алжир из Средиземного моря, увеличится с 18 до 42%, в количественных показателях опреснение вырастет с 2,2 млн м³ в день до около 5,8 млн м³. При таких показателях опресненная вода удовлетворит до 60% потребности страны в питьевой воде к 2030 г. Стоимость национального проекта оценивается в 5,4 млрд долл.

90 Лихачева А.Б. Проблема пресной воды как структурный фактор мировой экономики. //Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17. № 3. С. 497–523.

Лишь немногие страны могут позволить себе перенаправлять воду в города, энергетику или промышленность без повышения эффективности ирригации. Устойчивый и долгосрочный экономический рост в Африке невозможен без инвестиций в водную инфраструктуру, опреснение воды для прибрежных мегаполисов и повышение эффективности водопользования, которая начинается с улучшения мониторинга и сокращения потерь при водозаборе. Эти меры могут быть поддержаны за счет повышения производительности сельского хозяйства и активизации торговли водоемкими продуктами питания и товарами.

Новые продовольственные системы

Рост населения открывает перед Африкой новые возможности — растущие потребительские рынки, а значит, и привлекательность для иностранных инвесторов. От того, как африканские правительства и бизнес смогут воспользоваться этим ростом, будет зависеть продовольственная ситуация в долгосрочной перспективе.

Политика местного содержания (local content) становится неотъемлемой частью международной торговли продовольственными товарами

Для Африки проблему продовольственного суверенитета можно представить в виде двух контуров — внешнего и внутреннего. С одной стороны, необходимо постепенно снижать зависимость от внешней конъюнктуры: колебаний мировых цен, политической воли экспортеров и навязанных извне программ развития. В тех случаях, где импортозамещение невозможно (например, в случае с пшеницей), правительства африканских стран будут оказывать все большее давление на поставщиков. Логика других отраслей (например, энергетики) может быть применена и к продовольствию: локализа-

ция, или политика местного содержания (local content), становится частью международной торговли продовольственными товарами, что означает обмен технологиями и знаниями, создание запасов продовольствия на территории импортеров и т.д. Такой подход логичен, учитывая, что ситуация с продовольствием в мире не делима: проблемы в стране-импортере сегодня означают проблемы для страны-экспортера завтра, и наоборот⁹¹.

В свою очередь, для экспортеров опережающие (других экспортеров) инвестиции в формирование инфраструктуры сбыта, хранения, распределения продовольствия, а также локализацию переработки (например, мукомольное производство с использованием местных компонентов) станут долгосрочным конкурентным преимуществом на растущих рынках, которые постепенно будут закрываться для ввоза готовых продуктов и отдельных видов сырья.

Урбанизация приводит к значительным изменениям в пищевом поведении, и проблема доступа к продовольствию широко признана, но ответы на эти вызовы должны быть осознанными и долгосрочными. Речь идет не только о количестве калорий и белка, но и об их качестве. Так, продовольственная помощь не должна превращаться в способ привития определенных неафриканских, привнесенных извне потребительских привычек, а урбанизация не должна стать причиной роста потребления низкокачественного белка.

Неорганизованность и неструктурированность ресурсов государственной поддержки также очевидны. Для каждой страны может быть разработан перечень стратегических продовольственных товаров: в него необходимо включить продовольственную корзину для обеспечения здорового питания. На эти же товары должна быть направлена государственная поддержка для создания полного цикла производства:

91. Лихачева А.Б. Вместе вкуснее, или Перспективы коллективной продовольственной безопасности. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vmeste-vkusnee/>

Одно из перспективных направлений развития сельскохозяйственной инфраструктуры — создание цепочек холодного хранения — складов с охлаждением, грузовиков для перевозки с холодными модулями и проч. Такие холодные хранилища необходимы не только для транспортировки продуктов питания, но и для фармацевтических препаратов. По подсчетам логистического аналитического центра ALG, в холодном хранении нуждается до 80% всей сельскохозяйственной продукции в Африке и до 25% фармацевтической продукции⁹².

от удобрений, кормов, семян и вакцин до промышленного оборудования, перерабатывающих и упаковочных мощностей и необходимой фермерам для принятия решений информации.

Решение проблемы чрезмерной зависимости Африки от импорта продовольствия, как это ни парадоксально, заключается в увеличении импорта, но импорта средств производства.

Международная помощь в данном вопросе может быть сфокусирована на содействии этому импорту и поддержании благоприятных условий для его расширения. Также долгосрочные преимущества получают на рынках и те поставщики, которые раньше других перейдут к системным инвестициям в местные рынки, будь то товаро-проводящая инфраструктура, переработка, технологии или кадры.

92 ALG. Exploring the potential and overcoming the challenges of cold chain in Africa. URL: <https://www.alg-global.com/blog/logistics/exploring-potential-and-overcoming-challenges-cold-chain-africa>

Африканским рынкам — африканские ресурсы

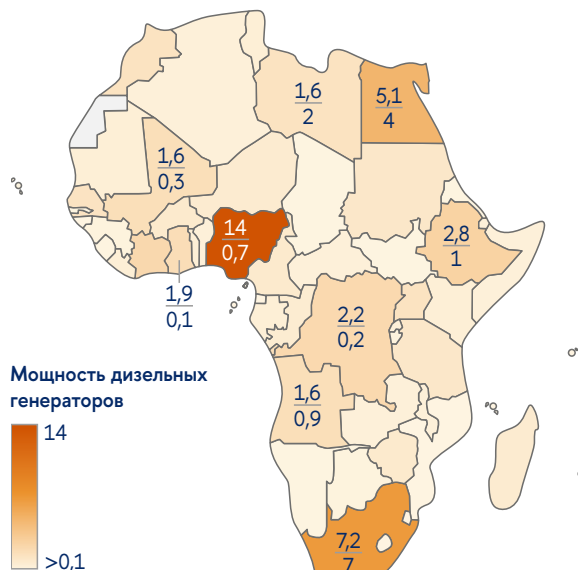
Сколько электричества вырабатывает Африка?

Выработка электроэнергии на душу населения в Африке остается крайне низкой. В то время как средний по миру показатель — 3664 кВт·ч в год, в Африке он около 600 кВт·ч, а в большинстве стран южнее Сахары остается в диапазоне 100–200 кВт·ч⁹³. Такой дисбаланс объясняется не только энергодефицитом, но и отсутствием адекватной статистики по выработке электроэнергии с помощью **дизельных генераторов**.

Несмотря на все ограничения таких сравнений, показателен пример Бангладеш — страны, схожей по размеру экономики и населению с Нигерией, где производство сетевой электроэнергии почти в 3 раза выше, чем в Нигерии (100 ТВт·ч против 37). Очевидно, что фактическое производство электроэнергии и в Нигерии, и в ДР Конго, на самом деле в несколько раз больше, чем это отражается в статистике национальных правительств и международных организаций, как и во многих других странах. Фактическая установленная мощность в большинстве африканских стран остается неизвестной. Корректно ориентироваться на статистику по сетевой выработке в Алжире, Египте и, с некоторыми оговорками, ЮАР и ряде небольших государств вроде Маврикия.

В действительности нужды населения, малых и средних предприятий большинства африканских стран удовлетворяют небольшие дизельные генераторы (мощностью менее 1 МВт), которые обеспечивают электричеством домохозяйства, предприятия, кафе, больницы, гостиницы, а также используются в качестве резервного источника энергии во время отключений. В этом контексте ситуация с веерными отключениями электроэнергии

Импорт дизельных генераторов в ГВт, 2018–2022 гг.

Мощность дизельных генераторов

мощность электростанций, введенных в эксплуатацию в 2018–2022 гг. (в ГВт)

7,2

мощность дизельных генераторов, импортированных в 2018–2022 гг. (в ГВт)

7

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных UNCTAD, ITC Trade Map и Ember.

в ЮАР (load-shedding) или Гане (с dumsor, в переводе с языка акан — «вкл-выкл») не выглядит столь катастрофично, как это зачастую представляется в СМИ: во время отключений города не погружаются в полную темноту, а включают генераторы.

По подсчетам Центра изучения Африки НИУ ВШЭ, в 2022 г. африканские страны импортировали около 200 тыс. генераторов мощностью до 75 кВт, 20 тыс. генераторов мощностью от 75 до 375 кВт и 5 тыс. генераторов мощностью свыше 375 кВт, и это только по данным официальной торговой статистики. Крупнейшие импортеры генераторов — Нигерия (1,3 млрд долл. и 14 ГВт за пять лет), Египет (0,6 млрд долл. и 5,1 ГВт),

Ливия (0,4 млрд долл. и 1,6 ГВт), Алжир (0,3 млрд долл. и 0,4 ГВт), Судан (0,3 млрд долл. и 1,1 ГВт). Совокупно эти страны обеспечили 44% условного континентального рынка. Ключевыми поставщиками генераторов за последние пять лет стали Китай (10 млрд долл.), США (3,9 млрд), Великобритания (3,7 млрд долл.).

Ежегодно Африка импортирует дизельные генераторы общей мощностью в 10 ГВт

Несмотря на кажущуюся простоту и доступность (1 ГВт дизельных генераторов обходится в 100–300 млн долл., что значительно дешевле строительства электростанции аналогичной мощности), такое решение — следствие системных просчетов и дисбалансов в энергетической политике.

Во-первых, 1 ГВт дизельной генерации на практике значительно менее эффективен, чем 1 ГВт газовых или гидроэлектростанций (ГЭС), поскольку коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) дизельных генераторов составляет лишь 10–15%, в то время как для газовых электростанций этот показатель достигает 40%, а для ГЭС — 30%. Во-вторых, дизельные генераторы (как и большинство солнечных и ветровых ЭС без дорогостоящих накопителей) не способны обеспечить бесперебойное снабжение крупных промышленных объектов, таким образом косвенно сдерживая индустриализацию. В-третьих, рынок дизельной генерации в большинстве стран региона остается вне контроля правительств и вне систем налогообложения, что затрудняет управление энергосистемой в долгосрочной перспективе. Именно оценка количества генераторов,

их установленной мощности и КИУМ в большинстве стран Африки — ключ к правильному пониманию неучтенной установленной мощности и выработки, а следовательно, и потенциального спроса.

При этом анализ сетевого сегмента (электростанций) важен с точки зрения понимания долгосрочных перспектив развития энергетических рынков стран Африки. Пока сетевая выработка электроэнергии в Африке растет не столь динамично, как население или ВВП: среднегодовой темп роста за 2014–2024 гг. составил всего 2,3%, что немногим больше прироста в СНГ (1,6%)⁹⁴, но значительно ниже, чем на Ближнем Востоке (3,8%) и в Азии (4,6%). Для сравнения: рост населения в Африке за тот же период составил 2–3%, ВВП — 3–4%.

В 2024 г. зафиксирован рекордный объем выработки электроэнергии — 964 ТВт·ч, или 3% мировой (примерно столько же вырабатывают электростанции в одной лишь Японии). Производство электроэнергии в Африке распределено крайне неравномерно — семь стран совокупно обеспечивают более 70% сетевой выработки: ЮАР (25%), Египет (22%), Алжир (10%), Марокко (5%), Нигерия (5%), Ливия (3%) и Гана (2%). Заметна разница между ЮАР и Египтом, с одной стороны, и Нигерией с другой. Эти страны имеют сравнимый объем ВВП, но при этом в Нигерии объем сетевой генерации в 5 раз меньше, — от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ генерации находится вне сети или вообще вне рынка, внутри натуральной экономики (предметом купли-продажи становятся генераторы и топливо, но не сама электроэнергия).

Цифровизация постепенно занимает важное место в трансформации электроэнергетики стран Африки. Ключевые направления развития: системы дистанционного учета расхода электроэнергии, «умные» сети (smart grids), SCADA-системы (мониторинг промышленных объектов) и интегрированные центры контроля. Еще в 2010-е годы в Африке начата реализация ряда заметных

94 Energy Institute. Statistical Review of World Energy. URL: <https://www.energyinst.org/statistical-review>

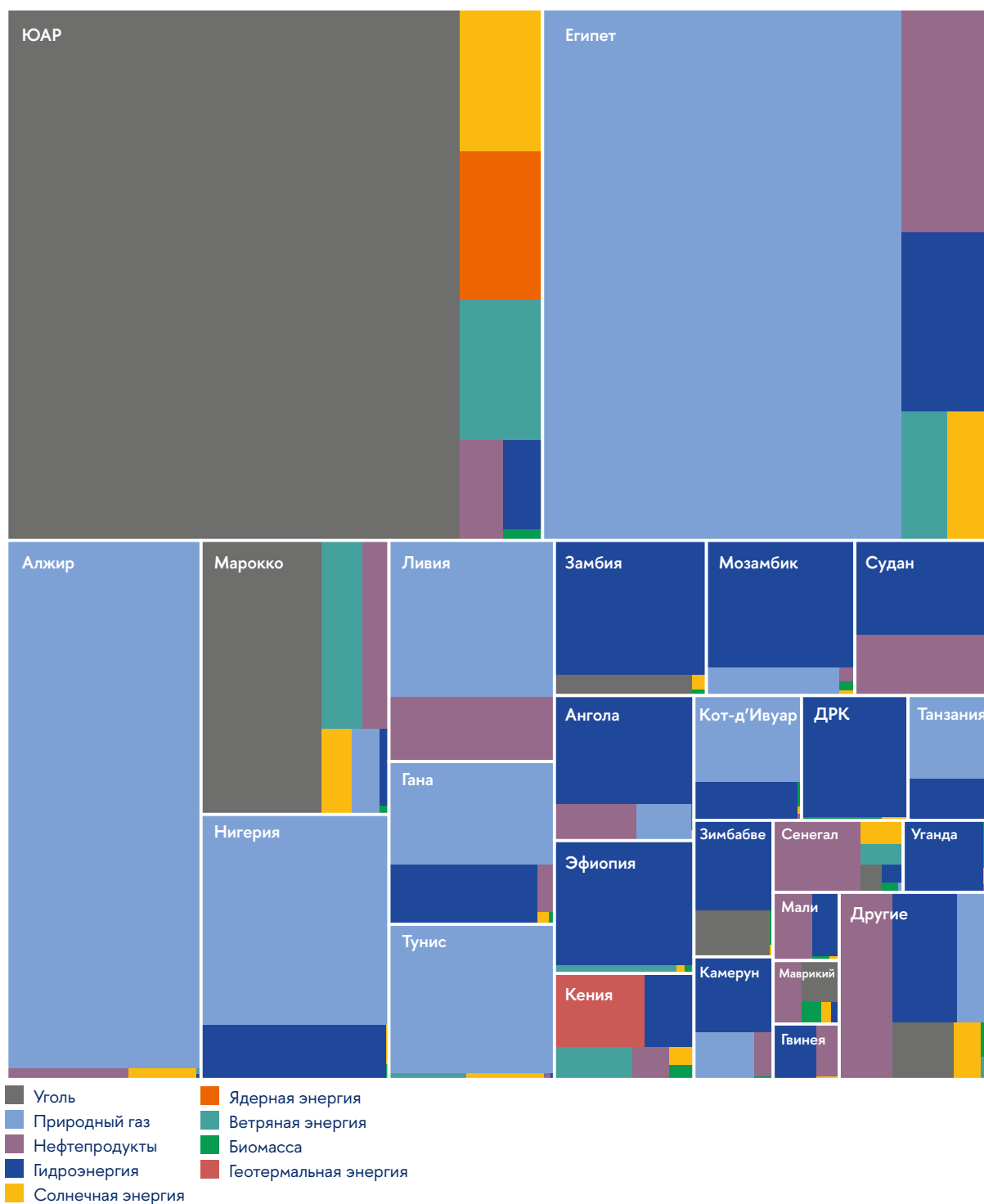
проектов внедрения дистанционно управляемых счетчиков электроэнергии и цифровых сервисов для оплаты счетов за электроэнергию — для борьбы с неплатежами. Такие счетчики фиксируют потребление в реальном времени и передают данные поставщикам, позволяя точнее учитывать объемы и своевременно выявлять потери и неполадки. Среди значительной части населения такие меры учета не пользовались поначалу популярностью и часто сталкивались с саботажем. Однако новое поколение технологий позволяет внедрить более результативные меры контроля.

Правительство Нигерии в июне 2025 г. объявило о планах установить 7 млн «умных» счетчиков по всей стране в рамках президентской инициативы. Распространение prepaid-счетчиков в Африке также идет быстрыми темпами: только в 2023 г. число новых пользователей таких систем в Кении, Нигерии и ЮАР превысило 10 млн. Важную роль играют и цифровые платформы учета и оплаты: во многих странах потребители могут оплачивать счета за электроэнергию при помощи мобильных приложений и электронных кошельков. В Восточной Африке стандартом стала интеграция сервисов для оплаты счетов и мобильных денег. В приложении M-Pesa можно не только оплатить счет за электричество, но и, например, заказать баллон сжиженного углеводородного газа (СУГ).

Другое направление цифровизации — «умные» сети: оснащение сетей датчиками, средствами автоматизации и IoT-устройствами для мониторинга параметров и оперативного управления энергосистемой в режиме онлайн. Такие системы управления позволяют оперативнее реагировать на аварийные ситуации, изолировать поврежденные участки и балансировать нагрузку. Например, нигерийские распределительные компании под надзором регулятора (NERC, Nigerian Electricity Regulatory Commission) в 2025 г. внедрили цифровые инструменты мониторинга, что, по данным Мирового энергетического совета, уже помогло снизить частоту отключений и повысить стабильность энергоснабжения в отдельных районах страны. Развивается и концепция «умных» автономных мини-сетей, причем большинство таких сетей оснащается системами удаленного контроля.

Получили распространение и SCADA-системы, а также интегрированные центры управления. SCADA (Supervisory Control And Data Acquisition) позволяет в реальном времени получать информацию о состоянии электростанций, подстанций и линий электропередачи и удаленно управлять оборудованием. Интегрированные центры контроля объединяют эти потоки данных и предоставляют операторам целостную картину состояния сети для своевременного вмешательства и предотвращения аварий. Так, в Нигерии в июне 2025 г. введено обязательное требование ко всем операторам электростанций подключиться к единой национальной системе SCADA/EMS. Для выполнения требований станции оборудуются удаленными терминалами (RTU), которые непрерывно передают ключевые показатели (мощность, напряжение, состояние выключателей и сигналы тревоги) напрямую в Национальный диспетчерский центр Нигерии (создан в 1964 г.). Похожие шаги предпринимаются и в других странах: в Гане электроэнергетическая компания ECG в 2024 г. запустила региональный центр SCADA для удаленного контроля сетей, что позволило собирать данные автоматически. Параллельно строятся современные центры управления энергосистемой: в Кении в 2025 г. совместно с американской компанией GE Vernova и индийской компанией Larsen & Toubro начат проект по строительству Национального диспетчерского центра (NSCC) с оснащением программно-аппаратным комплексом для мониторинга распределения электроэнергии по всей стране. По оценкам Кенийской компаний по передаче электроэнергии (KETRACO), этот проект значительно повысит надежность электроснабжения и позволит балансировать генерацию и нагрузку.

Выработка сетевой электроэнергии по типу топлива, 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных AFREC, МВФ и Ember.

В структуре потребления электроэнергии по-прежнему доминирует промышленность (40%), однако почти половина потребления промышленностью приходится на одну страну — ЮАР. В масштабах континента значительного роста индустриализации пока не ожидается, поэтому промышленность вряд ли станет основным драйвером энергопотребления. Дальнейший рост будет обеспечен за счет домохозяйств (что гарантировано демографическими тенденциями и постепенным отказом от биомассы как основного источника первичной

энергии); за счет развития транспортной сети и инфраструктуры в целом; за счет индустриализации сельского хозяйства и развития пищевой промышленности, а также строительства на континенте новых вычислительных мощностей для использования экстерриториальными алгоритмами криптомайнинга и искусственного интеллекта.

Криптомайнинг и обучение ИИ могут оказаться в перспективе 5–10 лет первыми в пересчете на прирост платежеспособного спроса на электроэнергию в Африке

В большинстве стран континента доля домохозяйств в структуре энергопотребления составляет от 20–30% (в странах с развитой промышленностью) до 90% (в небольших аграрных странах). Потребление домохозяйств — это не только само электричество (для освещения или бытовых электроприборов), но и топливо для приготовления пищи. Вопрос его выбора все чаще становится существенным фактором сохранения окружающей среды, экономического роста и даже предметом политических дискуссий и предвыборных программ.

По мере роста качества жизни, изменения потребительских привычек и урбанизации домохозяйства переходят на современные и более экологичные виды топлива: природный газ, пропан, бутан и электричество заменяют дрова, уголь и бытовые отходы в качестве источников энергии. Недостаточное развитие газовой инфраструктуры затрудняет сетевую газификацию, а дефицит генерирующих мощностей и состояние электрических сетей не позволяют рассматривать централизованное электроснабжение как надежный источник энергии. Все эти факторы носят долгосрочный характер и будут определять развитие энергетического сектора Африки в ближайшие 20–30 лет, обуславливая востребованность более автономных решений, в первую очередь использование СУГ (сжиженных углеводородных газов, как правило, это смесь пропана и бутана).

Примером изменений может служить Танзания, где домохозяйства обеспечивают около 66% конечного энергопотребления. В 2019/2020 финансовом году древесина, трава и бытовые отходы обеспечили 64% потребления энергии для приготовления пищи, древесный уголь — 26%, СУГ — 5%, электричество — 3%. Сжигание древесины, мусора и древесного угля не только вызывает вырубку лесов и ведет, таким образом, к множеству экосистемных дисбалансов, оно также уносит жизни и здоровье домохозяек, многие из них гибнут от отравлений угарным газом.

Динамичнее всего растет потребление СУГ: его импорт в Танзанию увеличивается в среднем на 16% в год. Так, в 2016/2017 финансовом году импорт (внутреннего производства СУГ в Танзании нет) составил 107 тыс. т, в 2020/2021 — 217 тыс., в 2021/2022 — 252 тыс., в 2022/2023 — 293 тыс. т. В Дар-эс-Саламе стоимость килограмма СУГ в баллоне составляла около 1,5 долл. на 2024 г. (стоимость снизилась почти в 2 раза с 2,6 долл. в 2012 г.). СУГ продолжит вытеснять керосин, дрова и бытовые отходы в качестве топлива для домохозяйств. Основным препятствием для увеличения потребления этого экологически чистого

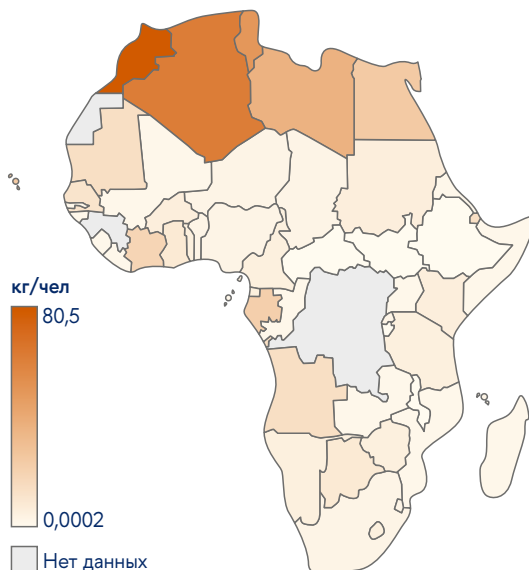
и безопасного топлива остается нехватка инфраструктуры: приемных терминалов, хранилищ и транспортных мощностей.

При этом потребление СУГ в Танзании ниже объемов импорта, так как часть топлива реэкспортируется в соседние страны (Замбию, Руанду, ДР Конго) — до 30% (при общем импорте в 300 тыс. т)⁹⁵.

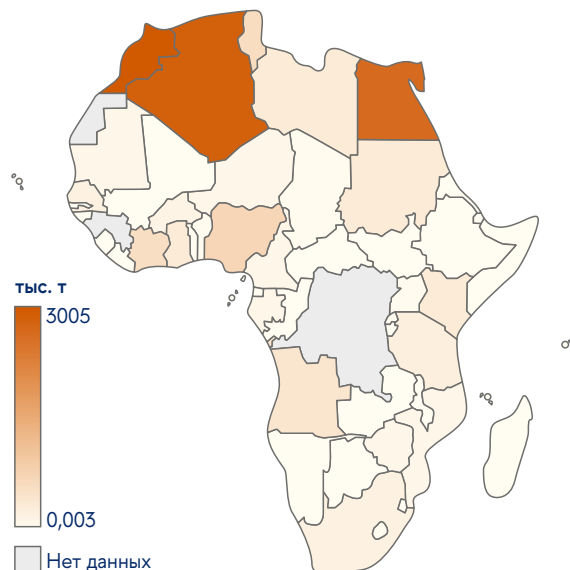
Власти Танзании не только стремятся укрепить позиции страны на региональном рынке СУГ, но и делятся своим передовым опытом на международных площадках. В декабре 2023 г. инициатива президента Самии Сулуху Хассан «Программа поддержки африканских женщин в области чистых способов приготовления пищи» (AWCCSP) была представлена на климатическом саммите COP 28 в Дубае. В мае 2024 г. в Париже состоялся Clean Cooking Summit, где председательствовали президент Танзании, премьер-министр Норвегии, президент Африканского банка развития (AfDB) и исполнительный директор Международного энергетического агентства (IEA). Также в мае 2024 г. правительство Танзании опубликовало Стратегию в области чистых способов приготовления пищи на 2024–2034 гг. Важную роль в ней играет СУГ: стратегия предусматривает строительство и расширение хранилищ СУГ во всех регионах страны, локализацию производства оборудования, субсидирование и внесение изменений в отраслевое законодательство.

Всего потребление СУГ странами Африки в 2023 г. составило 14 млн т, увеличившись на 100 тыс. т ежегодно. Лидируют Марокко (3 млн т), Алжир (2,9 млн), Египет (2,8 млн), за ними следуют Нигерия (0,7 млн), Тунис (0,6 млн), Кот-д'Ивуар (0,6 млн), Ангола (0,5 млн), Кения (0,3 млн) и Гана (0,3 млн).

Подушевое потребление СУГ в странах Африки в 2023 г.

Общее потребление СУГ в странах Африки в 2023 г.

Источник: подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных UNSTAT.

Другими факторами роста спроса станут урбанизация и развитие городского коммунального хозяйства, а также процессы, связанные с водой, — ее добыча, опреснение, очистка, доставка населению в городах и на поля (орошение).

В будущем этот сегмент станет одним из основных драйверов энергопотребления, что подтверждает опыт Алжира и Ливии при Каддафи (проект «Великая рукотворная река»).

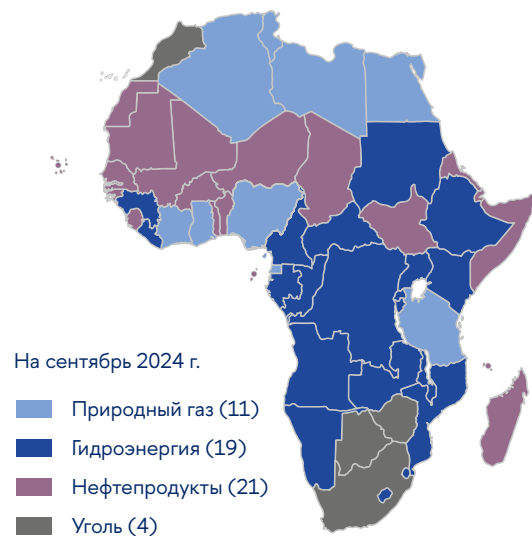
Общая установленная мощность сетевого электроэнергетического сектора Африки на 2024 г. оценивается в 260 ГВт⁹⁶, из которых 46% приходится на газ; 21% — на уголь; 15% — на гидроэнергетику; 7% — на дизельные и мазутные ЭС; 6% — на солнечную энергию; 4% — на ветроэнергетику. Атомная энергетика, геотермальные и биогазовые установки составляют менее 1% общей мощности. С появлением сетевой инфраструктуры,

В Африке можно выделить несколько географически predetermined «энергетических поясов»⁹⁷, пространственно связанных зон, границы которых в значительной мере совпадают с устоявшимся делением континента на субрегионы

магистральных ЛЭП наиболее динамично развиваются проекты в сфере газовой и возобновляемой энергетики⁹⁷.

Северная Африка — единственный регион континента, где проблему доступа к электричеству можно считать в целом решенной. Даже в Ливии, где в течение 15 лет с переменной интенсивностью идет война, удалось обеспечить относительно стабильное функционирование энергетического сектора. Во всех странах этого субрегиона, за исключением Марокко, не менее 90% электроэнергии вырабатывается при помощи газа.

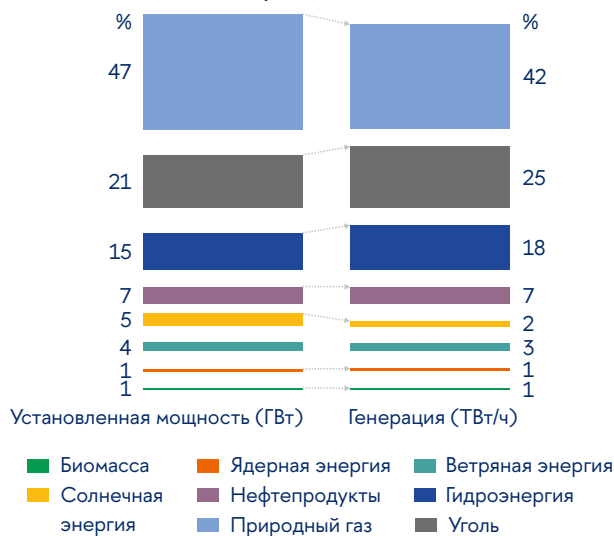
Основной тип топлива для производства электроэнергии на сетевых ЭС Африки

Оценка основана на номинальной установленной мощности и не учитывает автономные мощности.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных AFREC, Climatescope, МВФ и Ember.

Соотношение между установленной мощностью и выработкой, 2022 г.

⁹⁶ BloombergNEF. Africa power transition factbook 2024. URL: <https://assets.bbhub.io/professional/sites/24/Africa-Power-Transition-Factbook-2024.pdf>

⁹⁷ Деление впервые предложено в докладе по итогам ситуационного анализа «Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России». См.: Маслов А.А., Свиридов В.Ю. и др. Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России. С. 42. URL: https://globalaffairs.ru/wp-content/uploads/2021/11/doklad_afrika_perspektivy-razvitiya.pdf

Марокко не располагает значительными запасами газа, поэтому страна полагается на сочетание угля и возобновляемых источников энергии (ВИЭ), а также стремится увеличить импорт сжиженного природного газа (СПГ).

В странах Сахаро-Сахельского региона ситуация с энергетической обстановкой наиболее тяжелая: там, как и на севере, нет значительного гидропотенциала, но нет и запасов углеводородов, поэтому страны региона зависят от импорта дизеля и мазута для снабжения ТЭС. Даже Нигерия, где большинство сетевых электростанций — газовые, активно импортирует дизель для генераторов из-за частых отключений электроэнергии, вызванных перебоями с поставками газа на электростанции и устаревшими ЛЭП.

Среди стран Западной Африки наиболее сбалансированную политику в энергетике проводят Кот-д'Ивуар и Сенегал, за десятилетие они заняли место среди лидеров электрификации на континенте.

Перспективы развития электроэнергетического сектора Африки связаны с ростом газовой и возобновляемой энергетики, однако каждый энергетический пояс Африки сохранит свои особенности

Страны Центральной и Восточной Африки расположены заметно выше над уровнем моря, в водосборных бассейнах крупнейших рек континента: Замбези, Конго, Нила, Рувумы, и поэтому большинство этих стран в долгосрочной перспективе сохранят опору на ГЭС. К ним же примыкает Ангола (внутренние районы, богатые реками) и Намибия — единственная ГЭС на реке Кунене (граница с Анголой) стала пока основным источником электроэнергии в стране. Некоторые страны Восточной Африки (в первую очередь Танзания) эффективно дополняют выработку ГЭС газовой генерацией.

Преобладание угля в южной части Африки обусловлено (помимо собственно запасов энергетического угля) тем, что угольная основа электроэнергетики ЮАР и других стран Сообщества юга Африки (САДК) закладывалась еще в колониальные времена для обеспечения энергоемкой горнодобывающей промышленности. За XX в. ситуация не изменилась вследствие долгой политической и экономической автаркии ЮАР

и ограниченного доступа к углеводородам из-за санкций. В отличие от Западной и Восточной Африки, которые обладают значительными запасами газа, способными заменить дизельную генерацию, и Центральной Африки с ее гидропотенциалом, Южная Африка не имеет таких возможностей. Основу энергосистемы региона составляют угольные электростанции, а для удовлетворения растущего спроса и замещения выбывающих мощностей одних лишь возобновляемых источников энергии недостаточно, что заставляет ЮАР рассматривать проекты расширения мощностей атомной энергетики и импорта СПГ. Одно из альтернативных решений — использование газа из Мозамбика в ЮАР и Зимбабве, но пока основные месторождения зарезервированы инвесторами для экспорта СПГ — в Китай, Индию и Европу.

Так, в Северной Африке газ останется основой энергетического сектора, но будет дополнен ВИЭ. Алжир, Египет и Ливия располагают собственными запасами природного газа, достаточными для покрытия потребностей внутреннего рынка; Марокко и Тунис также ориентированы на газ в энергопотреблении, однако собственной добычи им не хватает и они вынуждены импортировать газ. В этих странах стоит ожидать ускоренного развития ВИЭ, а также проектов по импорту СПГ, которые позволят им снизить риски зависимости от одного поставщика (Алжира). Сектор ВИЭ во всех этих странах имеет в то же время определенные пределы роста, обусловленные сезонными факторами, отсутствием значимых гидроресурсов и т.д. В этой связи Марокко, например, продолжает также развивать и угольную генерацию. В Алжире проекты развития ВИЭ будут пользоваться поддержкой ЕС, нацеленного на высвобождение больших объемов газа для экспорта в Европу (пока рост потребления газа на внутреннем рынке Алжира ограничивает возможности Европы по его импорту).

В Западной Африке газовая энергетика имеет перспективы развития в прибрежных странах — экономических лидерах региона: Сенегале, Гане и Кот-д'Ивуаре. Преобладающая пока дизель-мазутная энергетика будет замещаться постепенно газом и ВИЭ, пропорции будут определяться географическим положением, политической и экономической конъюнктурой. Так, в Республике Гвинея с ее перепадами высот и реками есть хорошие перспективы для строительства ГЭС, а Сенегал и Мавритания планируют развивать энергосистемы с учетом газа с собственного шельфа. Бум новых проектов в области газовой генерации в регионе пришелся на конец 2010-х годов. После 2022 г. спрос со стороны ЕС на дополнительные объемы газа (из-за выпадения российских поставок) разрушил хрупкие экономические и политические условия для реализации проектов в сфере газовой энергетики в большинстве стран региона: газ подорожал, а ЕС усилил давление на производителей с целью получить большие объемы для поставок в Европу.

В Центральной и Восточной Африке гидроэнергетика сохранит ведущие позиции, а возобновляемые источники (в сочетании с накопителями энергии) и природный газ будут использоваться для резервных мощностей.

В южной части Африки угольная генерация, скорее всего, будет постепенно заменяться газом и ВИЭ, причем конкретные пропорции будут определяться рыночными условиями. Сохраняется ниша для новых проектов в атомной генерации.

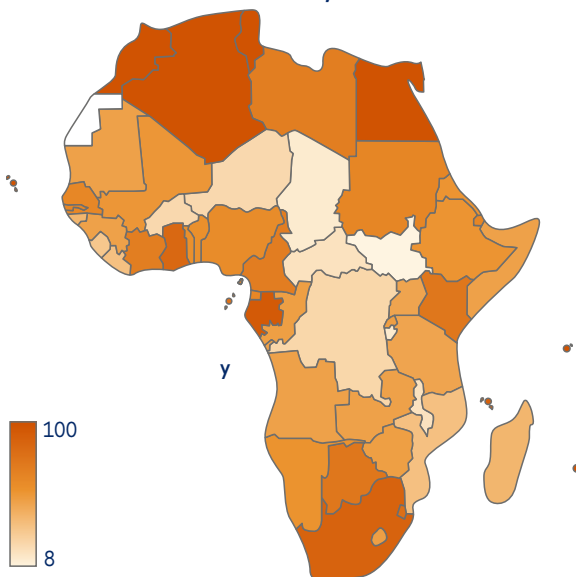
Восточная Африка располагает сопоставимыми с Западной и Северной Африкой ресурсами газа, но они пока недостаточно изучены и едва вовлечены в разработку, а проекты их освоения ориентированы в основном на экспорт. Для внутренних районов Восточной Африки, государств без выхода к морю и островных стран ожидается значительное увеличение доли возобновляемых источников энергии, а также увеличение импорта СПГ.

Всеобщий доступ к электроэнергии (более 99% населения) пока обеспечен только в странах Северной Африки и некоторых островных государствах (Сейшелы, Маврикий). За последнее десятилетие (2014–2023 гг.) в Африке число людей, имеющих доступ к электричеству, увеличилось более чем на 200 млн, однако темпы электрификации остаются неравномерными: половина новых подключений приходится на шесть стран — Эфиопию, Нигерию, Египет, Кению, Танзанию и Уганду. В большинстве стран электрификация не успевает за демографическим ростом. Так, в Нигерии количество новых подключений за 2013–2022 гг. составило около 20 млн, тогда как население выросло на 42 млн, а в ДРК этот показатель составил 7 млн и 27 млн соответственно.

Кения — абсолютный лидер среди стран Африки южнее Сахары по темпам электрификации. Доступ к электроэнергии в Кении за десятилетие вырос с 40 до 76%, при этом число новых подключений составило 12 млн (рост населения — 9 млн человек). Высокие темпы электрификации также демонстрируют Эфиопия, Гана, Руанда и Кот-д'Ивуар. В этих странах расширение доступа к электроэнергии стало возможным благодаря последовательной государственной политике: правительства либо инвестировали в генерирующие мощности (Эфиопия), либо создали благоприятные условия для частных инвесторов (Гана, Кения), либо комбинировали оба подхода (Руанда). Именно государственные инвестиции в энергетический сектор стали одним из драйверов ускоренного роста ВВП в этих странах. Примечательно, что среди лидеров электрификации нет ни одной страны, зависящей от добычи нефти (за исключением малонаселенного Габона).

Исходя из соотношения потребления электричества к подушевому ВВП, плотности населения, уровню урбанизации можно предположить, что в 2030 г. 515 млн человек останется без доступа к электричеству. Наилучшие перспективы достижения цели всеобщего доступа в 99% имеют Кения, Гана и, возможно, Руанда. В ЮАР высокие темпы электрификации могут замедлиться из-за экономической стагнации и общего структурного кризиса в энергетическом секторе. Наибольшие опасения вызывают темпы электрификации в странах Сахеля, Центральноафриканской Республике и ДРК, где решение проблемы энергоснабжения требует значительных инвестиций: где-то необходимо строительство газопроводов, где-то — линий электропередачи, а в ряде случаев — объектов автономной генерации.

Доступ к сетевому электричеству, 2024 г., %

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ОЭСР, Всемирного банка и UNSD.

Что сдерживает развитие внутренних рынков Африки?

Дефицит электроэнергии и энергоносителей — это в первую очередь проблема доступа, которая обусловлена целым комплексом факторов: борьбой интересов экспортеров против потребления, дефицитом инфраструктуры, несоблюдением стандартов, нормативов и законодательных

требований или их нехваткой, непродуманной налоговой и тарифной политикой. Все это обусловливает, с одной стороны, дефицит ресурсов, а с другой — высокую цену для конечного потребителя.

До сих пор во многих странах Африки действуют законы, которые поощряют экспорт сырья, энергоносителей даже при недостаточном объеме их поставок на внутренний рынок. Зачастую такие постколониальные законодательные базы формируются при непосредственном участии международных корпораций, которые искусственно ограничивают доступ энергоносителей на внутренние рынки Африки для обеспечения сырьем собственных производственных цепочек — вне Африки. Так, в Нигерии компания Shell поставляет газ на экспортный терминал по цене в 2 раза ниже, чем при реализации на внутреннем рынке⁹⁸.

Сохранилась и процветает практика влияния транснациональных корпораций на законодательство африканских стран, прямое лоббирование ими своих интересов в ущерб местным сообществам и окружающей среде. Тендерные процедуры в некоторых странах остаются непрозрачными, а лицензии продлеваются на длительный срок без допуска других компаний к участию. Те страны, которые встали на путь приоритизации внутренних рынков, развития собственной промышленности и снабжения населения доступной электроэнергией, подвергаются колоссальному

⁹⁸ Так, по данным Нигерийской национальной нефтяной корпорации (NNPC), цена газа, поставляемого SPDC (совместное предприятие с участием Shell) на нигерийский завод по производству СПГ в мае 2021 г., составила 1,3 долл. за MMBTU. В то же время цена за тот же объем для электростанций на внутреннем рынке составила 2,5 долл. (с июля 2021 г. снижена до 2,18 долл. США), а для коммерческих потребителей — 3 долл.

внешнему давлению. Пример того, что такому давлению можно успешно противостоять, — Алжир, страна, решившая проблемы энергоснабжения населения и промышленности, в том числе за счет ограничения экспорта.

Во многих странах — экспортерах сырья, таких как Республика Конго или Нигерия, иностранные компании — инвесторы и конечные покупатели сырья — продолжают определять законодательные и регуляторные рамки отраслей, будучи заинтересованы в консервации их отсталости и сохранении преференций для экспорта сырья. Соответствующие рекомендации часто камуфлируются лозунгами о необходимости повышения привлекательности стран для иностранных инвестиций. Погоня за этими инвестициями приводит к тому, что меры по защите внутренних рынков и потребителей не принимаются или остаются на бумаге. Стоит отметить, что Китай, Япония и ЕС — ключевые игроки в африканском энергетическом секторе — преследуют в данном случае схожие интересы и вместе заинтересованы в максимальной открытости африканских экономик и энергосистем — открытости, которая идет зачастую в ущерб развитию и качеству жизни населения.

Проблема недостаточной проработанности законов в Африке усугубляется неисполнением тех что есть. Зачастую нарушать предписания оказывается экономически выгодно: штрафы за нарушения меньше затрат на соблюдение. Характерный пример — штрафы за неисполнение обязательств по поставкам газа на внутренний рынок, которые систематически и без существенного ущерба для экономики проектов выплачивают западные корпорации.

Другая грань той же проблемы — отсутствие инструментов контроля за выполнением требований: подзаконных актов, регламентов, уполномоченных институтов, кадров, технических средств мониторинга. В большинстве стран Африки, в том числе таких крупных, как Нигерия, отсутствуют инструменты и регуляторные рамки для агрегирования под контролем государства информации о состоянии энергетического сектора.

Кто контролирует* добычу природного газа в Африке?

*Основной иностранный инвестор по доле в добыче природного газа в 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе годовых отчетов компаний.

В результате иностранные инвесторы, как правило, располагают большим объемом информации о состоянии сектора, чем уполномоченные его регулировать инстанции.

Сохраняется и прямой контроль иностранных инвесторов над энергетическими объектами. Так, большая часть экспортной инфраструктуры в Африке неподконтрольна национальным правительствам. Одно из немногих исключений — Алжир, где действует государственная монополия на экспорт природного газа, а национальная нефтегазовая компания Sonatrach владеет и управляет большей частью экспортной инфраструктуры, определяя географию поставок. Другой пример — угледобыча в ЮАР, где доминируют местные компании. Однако в большинстве других африканских стран роль государства в добыче, переработке и экспорте ресурсов остается минимальной. Это обусловлено целым рядом факторов: бюджетными и технологическими ограничениями, не позволяющими государствам самостоятельно заниматься разведкой, добычей и экспортом

сырья, а также строительством экспортной инфраструктуры; колониальным наследием, заложившим стратегические основы развития энергетического сектора и экспортные специализации; доминирующим положением ограниченного числа транснациональных корпораций. В результате большинство африканских стран продолжают выполнять лишь роль поставщиков сырья, не имея реальных рычагов влияния на региональные и мировые рынки.

Страны Африки представлены на мировых и региональных энергетических рынках посредством весьма ограниченного круга транснациональных корпораций, преимущественно западных

Например, в нефтегазовом секторе к таким компаниям относятся нидерландско-британская Shell, британская BP, французская TotalEnergies, итальянская Eni, американские Chevron и ExxonMobil, швейцарско-нидерландская Vitol, трейдеры Glencore и Trafigura. Кроме того, ряд других компаний и корпораций меньшего масштаба играет системообразующую роль в отдельных странах (например, французская Perenco в Камеруне и Габоне, американская Marathon Oil в Экваториальной Гвинее). Для стран Африки до сих пор актуальным остается вопрос контроля над собственным топливно-энергетическим комплексом, контроля прежде всего регуляторного: понимания, какие запасы уже поставлены на баланс, в каком состоянии активы, кому принадлежат, как взаимодействуют между собой и с окружающей средой.

С другой стороны, чрезмерная консолидация ТЭК под контролем государства также приводит к долгосрочным негативным последствиям. В ЮАР госхолдингу Eskom принадлежат мощности, которые вырабатывают более 90% электричества в стране⁹⁹, и до недавнего времени компания контролировала все линии электропередачи. Отсутствие конкуренции, неплатежи со стороны

потребителей электричества, хроническое недофинансирование электростанций и ЛЭП вызвали кризис в энергетике. Однако и частный африканский бизнес, за редким исключением, пока не обладает необходимыми компетенциями и финансовыми средствами для обеспечения стабильного функционирования энергосистемы.

Яркий пример — частичная приватизация электростанций в Нигерии: местные компании взяли кредиты под выкуп активов из государственной собственности, но, столкнувшись с неплатежами за электроэнергию, дефицитом газа и устаревшими ЛЭП, терпят убытки и не могут вернуть взятые кредиты, не говоря уже об инвестициях в генерирующие активы.

Однако все же в Африке заметно укрепление национального и трансафриканского бизнеса, формируются финансово-промышленные группы, растут частные и государственные банки. Их роль в финансировании энергетических проектов также растет, и они готовы финансировать в том числе и ориентированные на развитие внутренних рынков проекты. С каждым годом растут число и вес африканских компаний на энергетическом рынке по всей длине производственной цепочки. Например, Sasol, PetroSA, Oando, Axxela успешно работают в области добычи и транспортировки нефти и газа; Dangote — в нефтепереработке, производстве цемента и удобрений; Arab Contractors и El Sewedy — в области инжиниринга и строительства энергетических объектов.

Перечисленные выше вызовы вместе с дефицитом инфраструктуры и низким спросом на страховых рынках приводят к тому, что большая часть добываемых в африканских странах энергоносителей направляется на экспорт за пределы региона — в страны ЕС и АТР.

99 Eskom. Integrated Report for the Year Ended 31 March 2023. URL: https://www.eskom.co.za/wp-content/uploads/2023/10/Eskom_integrated_report_2023.pdf

На внеочередном заседании Совета министров Африканской организации производителей нефти (АРО) в начале июля 2024 г. было принято решение о размещении штаб-квартиры нового Африканского энергетического банка (АЭБ) в Нигерии. Учредительные документы и устав банка были подписаны в начале июня Африканским экспортно-импортным банком и АРО. Эти же две организации выступили инициаторами создания АЭБ, стали его учредителями и взяли на себя обязательства по обеспечению значительной части первоначального капитала. Предполагается, что уставный капитал банка составит 5 млрд долл.: 1,5 млрд будет предоставлено Афрэксимбанком и АРО, еще 1,5 млрд внесут страны-участницы (минимальный взнос установлен на уровне 83 млн долл., что подразумевает участие 15–17 государств), а оставшиеся 2 млрд планируется привлечь от внешних инвесторов.

На данный момент точный перечень стран-участниц не определен, однако Нигерия, Гана и Ангола уже внесли средства, а обязались их внести Алжир, Бенин, Республика Конго, Экваториальная Гвинея и Кот-д'Ивуар. Интерес к членству в АЭБ проявляют Египет, Ливия, ЮАР и др. Основная заявленная задача банка — преодоление зависимости Африки от внешнего финансирования и, как следствие, навязанной извне энергетической и климатической повестки.

Создание АЭБ — важный шаг стран региона на пути к энергетическому суверенитету, однако ключевой проблемой остается финансирование. Во-первых, 5 млрд долл. недостаточно для решения проблемы энергетической бедности в Африке, где 600 млн человек по-прежнему не имеют доступа к электричеству. Во-вторых, привлечение 2 млрд долл. (или 40% капитала) от внешних инвесторов остается, вероятно, ключевым системным риском инициативы. Опыт других panafricanских финансовых институтов, таких как Африканский банк развития, показывает, что среди акционеров, скорее всего, окажутся западные страны и институты Бреттон-Вудской системы (МВФ и Всемирный банк), что приведет к доминированию их голосов на собраниях акционеров и, соответственно, к определению ими политики банка, и к возможности блокирования тех решений, которые угрожают доминированию на рынках интересов международных компаний. В результате АЭБ может оказаться вовлеченным в финансирование экспортно-ориентированных проектов, подрывающих перспективы развития внутренних энергетических рынков.

В долгосрочной перспективе развитие энергетических рынков стран Африки и преодоление зависимости от ТНК и глобальной конъюнктуры

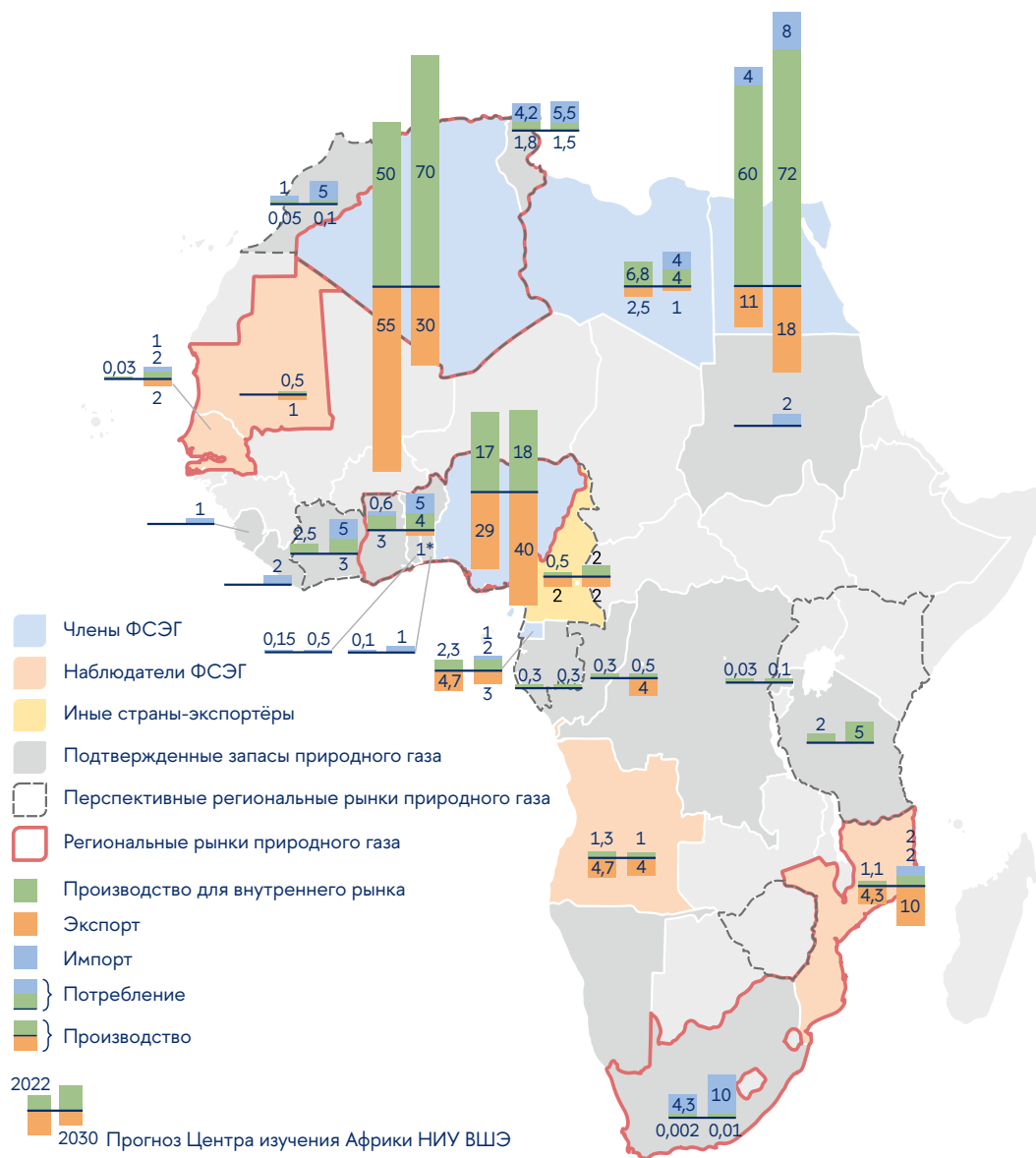
будут связаны с их регионализацией, которая предполагает, что африканские экспортеры должны уделять большее внимание внутренним и сопредельным рынкам, снижая зависимость от глобальной конъюнктуры, а импортеры, в свою очередь, должны ориентироваться на, возможно, более дорогие, но географически близкие, и в долгосрочной перспективе более надежные источники энергоносителей.

В Африке до сих пор не сложились ни континентальные, ни субрегиональные энергетические рынки

В отдельных случаях сформировались пары или тройки стран, связанных системой потребления одного или другого ресурса и общей инфраструктурой. Обычно это два или три центра газопотребления или нефтепереработки, связанных между собой одним трубопроводом, — региональные рынки с общей системой ценообразования, распределения, хранения и резервирования до сих пор отсутствуют, и предпосылок для их формирования пока не сложилось.

Истинные размеры отдельных страновых рынков в Африке хорошо иллюстрирует сравнение с российскими реалиями. Например, потребление газа в Санкт-Петербурге в 2024 г. составило 13 млрд м³ — в Африке есть только три страны, где потребляют газа больше, — Нигерия (около 20 млрд), а также Алжир и Египет. В одном только Пушкинском районе Петербурга газа потребляют (1 млрд м³) больше, чем в Марокко, Мозамбике, Республике Конго или Камеруне (все эти страны располагают собственными запасами и добывают газ).

Рынки природного газа в Африке, 2022–2030 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе собственного исследования, данных операторов, AFREC, JODI-Gas и ФСЭГ.

Только одна ТЭЦ-12, расположенная в центре Москвы на Бережковской набережной, мощностью 612 МВт по установленной мощности вдвое больше, чем все ЭС Бенина, в шесть раз больше, чем в Бурунди, и сопоставима по мощности с совокупной мощностью ЭС Буркина-Фасо. ТЭЦ-12 снабжает западные (ЗАО) и центральные (ЦАО) районы города (в основном жилые кварталы и офисные здания). Помимо нее, эти районы обслуживаются еще несколькими электростанциями сопоставимого масштаба, а для нужд Москва-Сити, например, построена отдельная станция мощностью 200 МВт. Всего в Москве электростанций на 10 ГВт (как в Марокко).

На продвинутом этапе реализации находится концепция региональных электроэнергетических пулов, которые действуют на уровне региональных экономических сообществ. Для некоторых стран импорт электричества внутри таких пулов формирует основу национальной энергосистемы, однако даже в этом случае сложно говорить о комплексных рыночных отношениях, которые позволяли бы например, организовать биржевую торговлю электроэнергией.

Перспективы африканских энергетических рынков и их инвестиционная привлекательность в долгосрочной перспективе связаны именно с их субрегионализацией

Поскольку отдельные страны пока не могут рассматриваться как перспективные направления для инвестиций из-за низкой плотности населения, отсутствия спроса со стороны промышленности, неразвитой энергетической инфраструктуры, экономическая целесообразность проектов для инвесторов может быть оправдана за счет возможностей для реэкспорта газа, нефтепродуктов, СУГ, электроэнергии, дизельного топлива и других ресурсов на региональные рынки. Постепенно растущая (но еще далекая от Европы, Индии или Восточной Азии) плотность населения и инфраструктуры в Африке создает долгосрочные предпосылки для такой регионализации.

Введенный в строй в 2023 г. нефтеперерабатывающий завод «Данготте» нигерийского миллиардера Алико Данготте стал крупнейшим НПЗ в Африке и ключевым элементом стратегии Нигерии по снижению зависимости от импорта нефтепродуктов. Его перерабатывающие мощности — свыше 600 тыс. баррелей в сутки, инвестиции в проект составили около 20 млрд долл. Несмотря на статус одного из ведущих экспортеров нефти и члена ОПЕК, Нигерия десятилетиями оставалась критически зависимой от импорта топлива — до 500 тыс. баррелей в сутки. НПЗ, построенные в 1970–1980-х годах, пришли в упадок, а попытки модернизации с привлечением иностранных инвесторов оказались неудачными.

Даже после запуска НПЗ «Данготте» сталкивается со структурными барьерами. Из-за ориентации местных производителей нефти (западных ТНК) на экспорт предприятие вынуждено закупать нефть за рубежом (в том числе в США). Для перелома ситуации в 2024 г. была введена схема нефть за найры, обязывающая нефтедобывающие компании продавать часть сырья на внутреннем рынке за местную валюту. Несмотря на временную приостановку программы в 2025 г. под давлением ТНК, к апрелю 2025 г. власти возобновили ее работу и подтвердили курс на поддержку внутренней переработки. Таким образом, лишь один НПЗ реформирует внутренний рынок нефтепродуктов, снижает валютные и логистические риски, перераспределяет сырьевые потоки в пользу национальной экономики и закладывает основу для энергетической независимости Нигерии.

Одним из положительных примеров могут служить субрегиональные рынки нефтепродуктов, маркером формирования которых стали подобные аномалии в торговой статистике таких стран, как Сенегал, Танзания, Того, Кения, Мозамбик, которые импортируют нефтепродуктов в два, а иногда и в три раза больше, чем их собственное потребление, как раз под последующий экспорт в сопредельные страны региона. Под эти нужды формируются региональные компании и трейдеры (причем принадлежащие местным инвесторам), которые вкладывают средства в инфраструктуру для импорта, хранения, перевалки и распределения энергоресурсов.

Новый энергетический переход — новые возможности и вызовы

Климатические изменения и энергетический переход, происходящие одновременно, определяют то, как именно страны Африки будут справляться с энергодефицитом в XXI в. Переход к возобновляемым источникам энергии представляет собой второй энергетический переход, который африканские страны переживают в статусе современных независимых государств. Первый энергетический переход такого рода, пришедшийся на 1940–1960-е годы, привел к значительному увеличению доли углеводородов в структуре первичного потребления энергии и совпал по времени с процессом деколонизации. Изменения, происходящие сейчас в мировой энергетике, рост спроса на критические минералы (хотя он до сих пор остается относительно волатильным) демонстрируют ту роль, которую Африка получит в мировом энергетическом переходе и изменении уклада мировой экономики в XXI в.

Как показывает опыт нефтегазового сектора, отраслевые нормы и правила, контроль над активами и запасами довольно сложно коренным способом пересмотреть, даже независимо от изменения политической конъюнктуры. Нефтегазовые комплексы Алжира, Анголы и Нигерии, несмотря

на гражданские войны, изменения во внутренней и внешней политике, продолжают развиваться по правилам, которые были установлены незадолго до, во время и сразу после деколонизации. Таким образом, единожды установленная норма демонстрирует чрезвычайную ригидность, причем схожая ситуация наблюдается с добычей не только нефти и газа, но и других полезных ископаемых (золота, платины, урана и прочих ресурсов).

С каждым годом конкуренция между США и Китаем в Африке становится все более ожесточенной, что особенно заметно в борьбе за доступ к транспортной и логистической инфраструктуре, соединяющей юго-восточную часть ДРК с океанскими портами. Это геополитическое соперничество дает африканским странам возможность использовать его в интересах собственного экономического развития, ужесточать нормативные и экологические требования, а также усиливать контроль за деятельностью иностранных инвесторов. Вопрос, воспользуются ли они этой возможностью.

Многие страны Африки становятся все более независимыми в политическом отношении, сформировали относительно стабильные институты, ориентированные на национальные интересы, политические и деловые элиты, а также сильные государственные компании. Кроме того, частный африканский бизнес наконец начал укрепляться, выходя за пределы розничной торговли и активно включаясь в реализацию крупных инвестиционных проектов по всему континенту (Oando, ARM, Dangote).

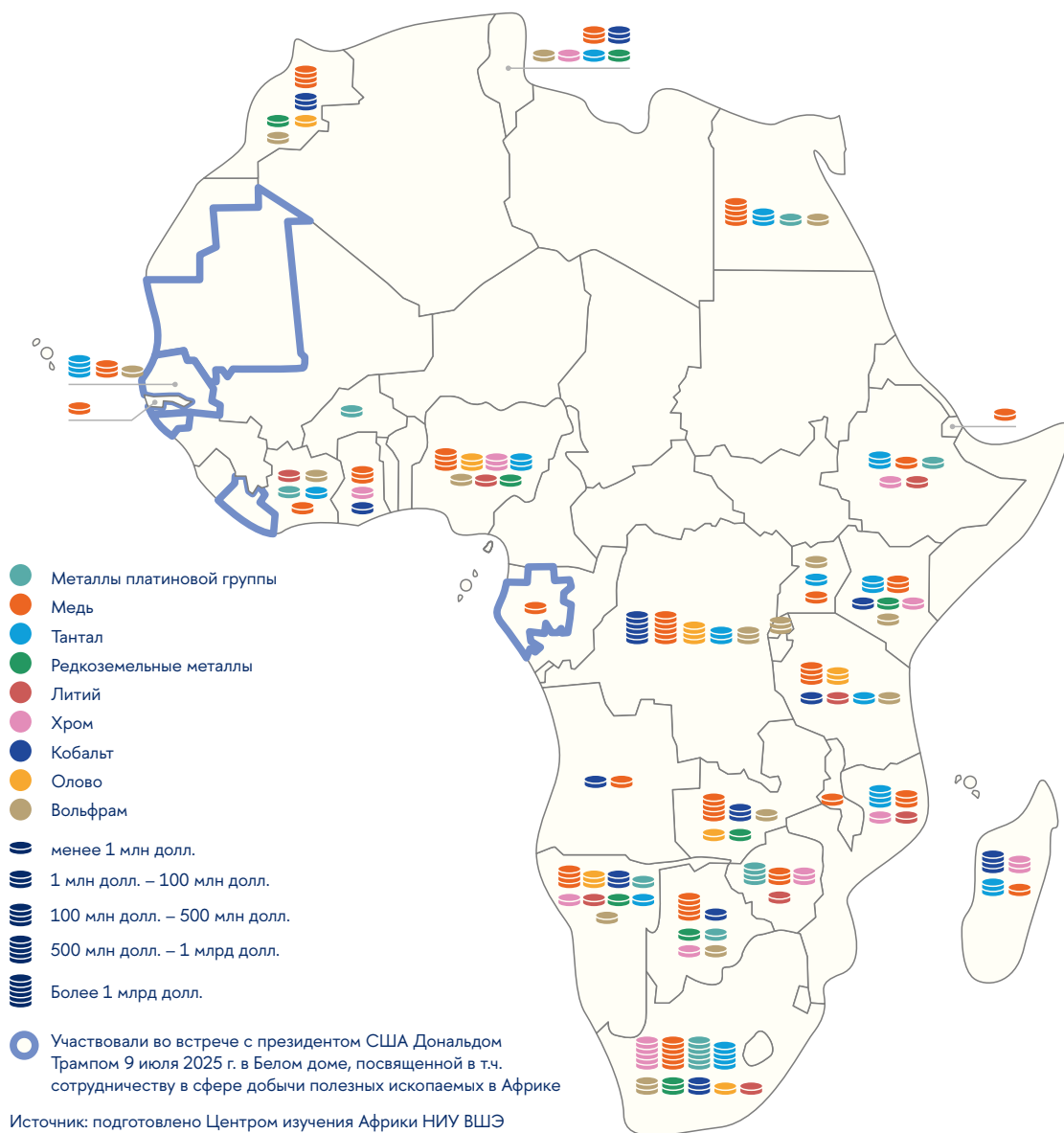
Появление собственных рынков позволяет Африке рассчитывать на улучшение позиций в переговорах с внешними игроками и, соответственно, на получение большей выгоды от эксплуатации своих природных богатств

Хотя доля Африки в мировых запасах нефти и газа составляет 8–10%, в отношении ряда стратегических минералов, необходимых для энергетического перехода, таких как платина, палладий, кобальт, медь, титан, графит и редкоземельные металлы, страны Африки в целом обеспечивают около половины мировой добычи и мировых запасов.

Африканский континент играет ключевую роль в глобальной гонке за критически важные минералы, необходимые для энергетического перехода, цифровой трансформации и оборонной промышленности. Кобальт из ДР Конго (до 70% мировых поставок), олово, тантал и вольфрам из Руанды и Бурунди, редкоземельные элементы, литий, графит — это ресурсы, без которых

невозможно производство аккумуляторов, ветрогенераторов, полупроводников и инфраструктуры для дата-центров. Однако экспорт этих ресурсов до сих пор почти повсеместно осуществляется в форме сырья с минимальной добавленной стоимостью, без локализации переработки и производства компонентов. Это лишает африканские страны возможности

Экспорт основных минеральных ресурсов из Африки, 2023 г.

Источник: подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Comtrade.

По состоянию на конец 2024 г. доля Эфиопии в мировом хешрейте биткойна оценивается в 1,5–2,5%. Прогноз на конец 2025 г. — до 7% и рост потребляемой мощности до 1 ГВт (доля России — 12%). Майнинг стал заметным источником дохода для государственной электроэнергетической компании ЕЕР: по оценкам Центра изучения Африки НИУ ВШЭ, в 2024 г. поступления от продаж электроэнергии майнерам составили 50 млн долл., а к концу 2025 г. могут достигнуть 120 млн. Для сравнения: совокупный экспорт электроэнергии в Джибути, Кению и Судан приносит 90–100 млн долл. в год. Доля электроэнергии, направляемой на майнинг, составляет 4,3% общего объема продаж ЕЕР, что сопоставимо с объемами экспорта. Основными инвесторами в инфраструктуру стали китайские и сингапурские компании, переносившие мощности из КНР после введенного там в 2021 г. запрета на майнинг. Росту сектора способствовали одни из самых низких тарифов на электроэнергию в Африке — до 0,02 долл. за 1 кВт·ч для предприятий. Однако с сентября 2024 г. началось поэтапное повышение тарифов (в среднем на 10% в квартал), чтобы выйти к 2028 г. на уровень 0,088 долл. за 1 кВт·ч для коммерческих потребителей — в рамках структурных требований МВФ. Характерно, что сами эти требования были выдвинуты МВФ на фоне роста китайских инвестиций в эфиопский криптомайнинг.

полноценно интегрироваться в высокотехнологичные глобальные цепочки создания стоимости.

Рост спроса на ИИ и облачные вычисления привел к появлению нового источника спроса на критические минералы — дата-центров, требующих для вычислений стабильного и дешевого электроснабжения. Африканские страны, располагающие и источниками энергии, и минеральной базой, могут использовать это окно возможностей для размещения дата-центров и майнинговых мощностей на своей территории. Например, Эфиопия уже превратилась в значимого участника рынка криптомайнинга (обеспечивая 2,5% мирового хешрейта) благодаря дешевой электроэнергии, вырабатываемой ГЭС. Электричество, инфраструктура и минералы становятся звеньями единой системы монетизации, что означает для развития Африки и новые риски. Глобальный рынок вычислений превращает не только данные, но и энергию в такой же биржевой товар, как нефть или зерно. В результате теперь от ГЭС можно не строить ЛЭП к городам и селам, где электричества не хватает, но платежеспособный спрос не сформировался. Достаточно прямо рядом построить вычислительные мощности и существенно менее затратную инфраструктуру передачи данных.

Инвестиции в знания как гарант развития энергетических рынков

Термин «ресурсное проклятие» часто применяется к Африке, но его можно дополнить еще одним проклятием — «проклятием несуществующих ресурсов». Счет конфликтов, которые в своей основе имеют предположение о якобы наличии ресурсов или их дефиците, идет на десятки, хотя на деле оказывается, что либо эти ресурсы недоказанные, либо их вовсе нет, либо их настолько мало, что обогатиться на них сможет разве что одна небольшая военизированная группировка. Спекуляции о наличии запасов углеводородов в озере Малави продолжают провоцировать напряженность между Танзанией и Малави. Миф о крупных запасах урана в ЦАР стал одной из причин нестабильности в стране. Дискуссии о снижении уровня воды в Ниле едва не привели к межгосударственному конфликту между Египтом и Эфиопией. Здесь играют роль не только недостаток информации о ресурсах, но и политические факторы, а также интересы отдельных групп и внешних сил, оправдывающих свои действия в том числе мифами о наличии тех или иных природных богатств, необходимости их защиты или получения доступа к ним.

Актуальными проблемами остаются дефицит знаний, отсутствие геологических данных и предубежденность при анализе и интерпретации геологической информации.

Например, до сих пор далеко не во всех странах существуют законодательные требования к иностранным инвесторам предоставлять государству результаты геологоразведки. Там, где эти требования есть, государственные инстанции часто не располагают техническими возможностями для рационального использования или даже для надежного хранения этих данных. В результате иностранные компании не передают данные местным властям, а «забирают» их с собой и затем перепродают третьим сторонам. Государства же постепенно теряют контроль над своими ресурсами, не могут ни оценить реальное состояние запасов, ни учитывать их при формировании экономической стратегии.

Отсутствие данных о внутренних рынках, реальном спросе и потреблении приводит к их стагнации

Заинтересованные в инвестициях во внутренние рынки компании сталкиваются с непрозрачностью этих рынков, отсутствием информации или осознанным манипулированием со стороны тех или иных посредников и вынуждены опираться на информацию, предоставляемую узким кругом консультантов.

Одной из важнейших проблем остается низкая надежность измерений климатических показателей: уровней осадков, воды в водоемах, состояния подземных вод, их качества, границ климатических зон и т.д. Это позволяет различным заинтересованным сторонам — от правительств до международных НКО — спекулировать для обоснования своих интерпретаций климатических изменений и продвижения собственной повестки.

В этом контексте потенциал имеет укрепление государственных институтов с опорой на цифровые технологии. Распространение беспилотных летательных аппаратов, центров обработки данных, спутниковая съемка и наконец подготовка национальных кадров позволят государствам создать комплексные системы управления собственными природными ресурсами.

Дальнейшее развитие технологий приведет к созданию геоинформационных систем, которые дадут возможность отслеживать состояние почв и лесов, уровень воды в реках, пожарную опасность, климатические изменения, эрозию почв и динамику опустынивания. Эти системы могут быть как отраслевыми, так и национальными, но в любом случае они позволят лучше понимать структуру внутренних рынков, прогнозировать динамику их развития и предлагать более перспективные проекты иностранным инвесторам.

Также и для энергетики в долгосрочной перспективе ключевыми условиями устойчивого развития в Африке станут приоритет внутреннего спроса, учет реального потребления и повышение прозрачности рынков. Без системной работы над институциональной базой, инфраструктурой и доступом к данным любые инвестиции будут носить фрагментарный характер и воспроизводить застарелые структурные проблемы.

Для большинства стран Африки ключевым ограничением остается не столько нехватка энергоресурсов, сколько неспособность доставить их конечному потребителю — домохозяйствам и промышленности. Даже при наличии достаточного числа электростанций значительная часть спроса оказывается неудовлетворенной из-за изношенных или отсутствующих ЛЭП и сетей распределения, ориентированности всей системы на внешние, а не внутренние потребности. Как следствие, страны, богатые ресурсами, продолжают сталкиваться с энергодефицитом и высокими ценами для потребителя, в то время как ключевые производственные активы и потоки капитала контролируются извне.

Но по мере появления локальных игроков — в финансах, логистике, инженерии — пространство для самостоятельных решений постепенно расширяется. Формирование устойчивой энергетики в Африке возможно лишь при условии смены парадигмы — от логики «встраивания» в глобальные цепочки к формированию собственных рынков, способных аккумулировать и перераспределять энергоносители и другие полезные ископаемые внутри региона.

Перспективы российско-африканского сотрудничества в сфере энергетики

Российско-африканское сотрудничество в сфере энергетики могло бы опереться на фундамент, заложенный еще в советские времена. СССР, в отличие от колониальных держав, не был заинтересован в вывозе энергоресурсов из Африки и, напротив, поддерживал строительство инфраструктуры, рассчитанной на внутренний рынок, что укрепляло энергетический (а следовательно,

и политический) суверенитет стран Африки, а для стран Запада — затрудняло опору на африканские ресурсы в противостоянии с СССР. За 40 лет энергетического сотрудничества СССР не вложил ни рубля в добычу и вывоз энергоносителей из Африки. Хотя в ряде стран, прежде всего в Эфиопии, советские геологи оказывали содействие в поиске углеводородов, на расширение экспорта эти проекты ориентированы не были. Разработка открытых советскими геологами месторождений Кэлуб и Хилала так и не была начата и будет целесообразна только в случае ориентации на внутренние рынки топлива и удобрений.

Среди энергетических проектов, которые реализовал СССР в Африке, наиболее заметное место занимают ГЭС: Асуанский гидроузел мощностью 2 ГВт (половина выработки электроэнергии в стране на момент запуска), ГЭС «Мелка-Вакане» (153 МВт) в Эфиопии, крупнейшая и на данный момент ГЭС Анголы «Капанда» (строительство завершено только в 2007 г.); присутствуют также такие знаковые объекты, как первый ядерный реактор в Африке мощностью в 2 МВт (Каир, 1960 г.), ТЭС «Жижель» (630 МВт, сдана в 1993 г.) в Алжире, НПЗ в Асэбе (Эфиопия, сейчас — Эритрея)¹⁰⁰. Помимо этого, при участии советских специалистов построены ТЭС «Аннаба» в Алжире, ТЭС «Джерада» (165 МВт, уголь) и ГЭС «Ал-Вахда» (240 МВт, 1997 г.), «Мансур-Эддахи» (10 МВт) и «Мулей Юссеф» (24 МВт) в Марокко, гидротехнический комплекс «Кассеб» (0,8 МВт) в Тунисе. В Нигерии советскими специалистами построена газовая ТЭС при сталелитейном комплексе в Аджаокуте. Помимо электростанций при поддержке СССР были построены объекты нефтегазовой инфраструктуры в Алжире, Анголе, Египте, Ливии, Нигерии, — газо-, нефте- и продуктопроводы. Благодаря СССР на континенте развивались и передовые и экспериментальные технологии. В 1965–1980 гг. Нигер стал пионером в области изучения возобновляемых источников энергии. Абду Мумуни Диофо, уже будучи кандидатом наук, получил подготовку по солнечной энергии в МГУ в 1961–1964 гг., и сразу по возвращении в 1965 г. создал и возглавил Национальную службу солнечной энергии (Office Nationale de l'Énergie Solaire du Niger, ONERSOL)¹⁰¹. Обсуждался совместный проект СССР и Нигера по созданию в Африке сети исследовательских центров для изучения солнечной энергии. В документах упоминается интерес к участию в сети Камеруна, Кот-д'Ивуара, Дагомеи (теперь Бенин), Гвинеи, Мали, Нигерии, Чада. По многим причинам сотрудничество не привело к практическим шагам. Уже после распада СССР в 1990-е годы российские специалисты продолжали по инерции энергетическое сотрудничество с Африкой — завершались объекты, которые начинал СССР: «Жижель», «Аль-Вахда». В целом этот период сотрудничества закончился в конце первой декады XXI в. с запуском последнего гидроагрегата ГЭС «Капанда» в 2007 г. и вводом в эксплуатацию ГЭС на реке Шикапа в 2008 г. (оба проекта в Анголе).

100 Soviet technological projects and technological aid in Africa and Cuba, 1960s–1980s.

101 Согласно документам РГАЭ (9480/9/19).

Сотрудничество в энергетике между Россией и странами Африки на современном этапе в основном развивается по трем ключевым направлениям: инвестиции в добычу нефти и газа, атомная энергетика (и переговоры вокруг нее), поставки угля и нефтепродуктов в Африку (доля России на этом рынке — около 3%, в стоимостном выражении экспорт составляет 1,5–3,0 млрд долл. в год). В качестве отдельного направления может быть выделено взаимодействие с африканскими странами по линии ОПЕК, ОПЕК+, ФСЭГ и других международных площадок.

Ни одно российско-африканское мероприятие не проходит без переговоров по перспективам сотрудничества в сфере энергетики, за которыми, однако, пока не просматривается общего подхода. Необходима активизация координирующей работы со стороны органов власти, которые могут призвать российских коммерческих операторов энергетической отрасли к большей ответственности за взятые обязательства, а также предложить системный подход к отбору и оценке проектов.

В первую очередь и сами компании, и Россия как страна, как единая социально-экономическая система, заинтересованы в расширении экспорта как самих энергоносителей, так и наукоемкой продукции и услуг, необходимых Африке для развития энергетики.

Интерес России также заключается в развитии внутренних рынков энергоносителей и электричества в Африке, в том числе и потому, что такое развитие создает естественную альтернативу экспорту на мировые рынки сырья

Интерес России также заключается в развитии внутренних рынков энергоносителей и электричества в Африке, в том числе и потому, что такое развитие создает естественную альтернативу экспорту на мировые рынки сырья (нефти и газа прежде всего, а в перспективе — и водорода, и самого электричества). Расширение экспорта,

на котором настаивает и Европа, и ряд других партнеров Африки, подрывает стабильность мировых рынков. Исторически в годы низких цен африканские производители играют роль ускоряющих падение нефтяного и связанных с ним рынков из-за недостатка спроса на внутренних рынках и инструментов для сдерживания предложения. В то же время развитие внутреннего потребления, межстрановой торговли энергоносителями, систем резервирования в странах Африки вполне способно привести к тому, что собственно африканское потребление поглотит большую часть производства энергоносителей и стабилизирует мировые рынки в долгосрочной перспективе.

Россия может оказывать системное влияние, содействовать развитию африканских рынков, и не участвуя непосредственно в реализации крупных инвестиционных проектов. В числе возможных (и нужных) направлений работы: участие в разработке стратегических планов и дорожных карт развития энергетики; подготовка кадров, в том числе повышение их квалификации; содействие разработке законодательных и подзаконных регуляторных актов. Отдельные, пока не ставшие частью системы примеры такой работы демонстрируют ее высокую эффективность.

В числе перспективных направлений для расширения российского экспорта: поставки энергоносителей, прежде всего СПГ и СУГ, моторных топлив, дизеля, угля и др.; поставки энергетического оборудования; оказание услуг в сфере строительства ЭС и распределительных сетей, инфраструктуры для малотоннажного оборота СПГ и газомоторного топлива; поставки программного обеспечения для цифровизации различных отраслей энергетики; образовательные и консультационные услуги.

Одно из разочарований последних 10–15 лет — отсутствие на африканских энергорынках российских сервисных компаний, по крайней мере крупных. Каждый год в Африке вводятся в строй

от 10 до 20 ГВт новой генерации, тысячи километров ЛЭП и магистральных трубопроводов, их строят компании из ЕС, Китая, Турции, ОАЭ, Южной Кореи, других стран, участие же России сводится к поставкам труб, впрочем, тоже пока нерегулярным.

Экспортеры нефтепродуктов (в первую очередь «Газпром нефть» и «ЛУКОЙЛ») расширяют присутствие на африканских рынках нефтепродуктов, в том числе масел, с высокой добавленной стоимостью. Дальнейшее расширение экспорта на этом направлении, повышение и стабилизация его маржинальности возможны через инвестиции — в мощности перевалки и складского хранения, сети дистрибуции.

Не менее 10 стран Африки планируют начать импорт СПГ. Позиции экспортеров на этом рынке еще в большей степени зависят от инвестиций в инфраструктуру. Преимущество получают

те компании, которые будут контролировать цепочку — от регазификации до сбыта и, возможно, выработки электроэнергии.

Перспективным направлением сотрудничества России со странами Африки может стать и совместное продвижение более справедливой и инклюзивной экологической и климатической повестки, нежели та, что перекладывает ответственность за выбросы парниковых газов на нынешних производителей углеродоемкой продукции. Это объективный общий интерес России и африканских стран. Россия могла бы содействовать африканским странам в создании инфраструктуры измерений и наблюдений за глобальными климатическими изменениями в их проекции на Африку. Для этого целесообразно развивать партнерство с российскими исследовательскими институтами с опорой в том числе на возможности Роскосмоса и других компетентных ведомств по верификации полученных в Африке данных.

Знание — сила: кто обучает африканских лидеров

Образование и Африка в XXI в.

В 2024 г. ключевой темой работы Африканского союза (АС) на 37-м саммите в Аддис-Абебе была выбрана «Образование и развитие навыков для XXI века». Согласно принятым планам Афросоюза, доля детей, не посещающих школу, к 2025 г. должна была составить не больше 11% (по сравнению с 19% в 2022 г.), а доля учащихся, владеющих навыками чтения, к завершению начальной школы должна составить 46%, но до сих пор около 100 млн детей начального и среднего школьного возраста не ходят в школу — это более 40% показателя по миру. Доступ к полному циклу школьного образования остается крайне ограниченным: лишь 41% детей, начинающих учебу, достигают уровня неполного и только 23% — уровня полного среднего образования.

Существенное влияние оказывает и нехватка квалифицированных кадров: по данным ЮНИСЕФ, на уровне начальной школы в странах Африки южнее Сахары доля квалифицированных учителей составляет в среднем 89%, а на уровне средней школы — лишь 80%. Для удовлетворения растущего спроса на образование к 2030 г. потребуется подготовить около 15 млн новых преподавателей. Низкая оплата труда, сложные условия работы, перегруженность классов и дефицит учебных материалов дополнительно снижают привлекательность профессии учителя.

Без решения вопросов безопасности, развития инфраструктуры, инвестиций в связь и повышения качества жизни невозможно решить и проблемы образования. В этом контексте урбанизация становится драйвером развития образовательных систем, приводит к расширению возможностей обучения для африканской молодежи, обеспечивает больший доступ к школам¹⁰².

По данным Института статистики ЮНЕСКО, наибольшее число детей младшего школьного возраста, не посещавших школу в 2020–2021 гг., приходилось на Эфиопию (3,8 млн, 22% всех детей этого возраста в стране), Нигер (1,8 млн, 41%), Танзанию (1,8 млн, 15%), ЮАР (0,92 млн, 12%), Буркина-Фасо (0,88 млн, 25%), Сенегал (0,8 млн, 27%), Чад (0,6 млн, 22%).

Наибольшее число детей среднего школьного возраста, не посещавших школу в 2020–2021 гг., в Нигере (3 млн, 78% всех детей этого возраста в стране), Камеруне (2,3 млн, 56%), Кот-д'Ивуаре (1,9 млн, 46%), Буркина-Фасо (1,9 млн, 55%), Чаде (1,8 млн, 66%), Мозамбике (1,7 млн, 44%), Гвинее (1,3 млн, 62%), Бенине (0,9 млн, 47%).

Согласно расчету индекса уровня образования Программы развития ООН, который входит в расчет индекса многомерной бедности¹⁰³, на октябрь 2022 г. к отстающим по качеству образования относятся Нигер, Мали, Чад, Буркина-Фасо, Южный Судан, Джибути и Судан. В числе ведущих государств континента — Маврикий, ЮАР, Сейшельские острова, Египет, Тунис.

102 van Maarseveen R. (2021). Urbanization and educational attainment: evidence from Africa. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3836097>

103 2022 Global Multidimensional Poverty Index. URL: <https://hdr.undp.org/content/2022-global-multidimensional-poverty-index-mpi/#/indices/MPI>

Согласно исследованиям, проживание в городской среде повышает уровень грамотности на 4–5%¹⁰⁴.

Низкий уровень успеваемости означает, что дети в Африке хуже готовы к будущей работе, чем их сверстники в остальном мире. В среднесрочной перспективе дисбаланс на рынке труда может усугубиться, поскольку, по данным Всемирного банка, к 2030 г. более 230 млн рабочих мест в странах Африки южнее Сахары потребует цифровых навыков¹⁰⁵. Низкий уровень освоения базовых и цифровых навыков означает, что выпускники африканских школ хуже подготовлены к современному рынку труда. По прогнозам Всемирного экономического форума, при текущих темпах реформ лишь 52% трудоспособного населения Африки сможет получить хотя бы среднее образование к 2030 г.

От повышения качества и доступности образования будет зависеть участие Африки в уже начавшемся процессе реструктуризации глобального разделения труда. По экспертным оценкам, к 2030 г. Китай может потерять 85–100 млн рабочих мест в трудоемких промышленных отраслях, и значительная часть этих рабочих мест может быть перемещена в Африку¹⁰⁶. При этом роль демографического фактора будет постепенно снижаться — если в 2020 г. 60% населения Африки составляли люди в возрасте до 25 лет, то к 2050 г. к этой возрастной группе будут относиться около 50% африканцев. Это требует повышения качества образования уже в среднесрочной перспективе.

Хотя рост населения делает Африку привлекательной для переноса ряда отраслей промышленности, дисбаланс, в том числе в сфере образования, может привести к обратному эффекту: не новые отрасли экономики будут привлекать растущее

и образованное население Африки, а образованные африканцы будут уезжать в другие регионы для работы. В настоящее время системы образования многих стран Африки развиваются таким образом, чтобы готовить лучшие кадры к эмиграции, и часто не учитывают долгосрочную динамику внутренних потребностей растущих экономик.

Миграция и образование

Отсутствие возможностей для дальнейшего применения студентами и выпускниками своих знаний на практике внутри Африки

Проблемы в сфере образования — это не только вопрос доступа: отсутствие возможностей для дальнейшего применения студентами и выпускниками своих знаний на практике внутри Африки приводит к тому, что образованная африканская молодежь покидает родину в поисках работы, соответствующей квалификации.

Африканские мигранты играют все большую роль в экономике и политике Европы. Демографический спад и старение европейского населения приводят к уменьшению числа работников — к 2050 г. их станет меньше на 44 млн человек. Дефицит будет восполнен, в частности, за счет африканских мигрантов¹⁰⁷: по прогнозам Центра глобального развития, в период с 2015 по 2050 г. трудоспособное население Европы пополнится примерно 24,5 млн мигрантов, из которых более 7 млн будут выходцами из Африки¹⁰⁸.

Именно в этом контексте следует воспринимать инвестиции европейских стран в образовательные системы стран Африки — поддержка школьного и университетского образования становится для них долгосрочным инструментом обеспечения подготовки кадров в интересах

104 Bold T., Filmer D., Martin G. et al. Enrollment without learning: Teacher effort, knowledge, and skill in primary schools in Africa // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31. No. 4. P. 185–204.

105 Digital Skills in Sub-Saharan Africa Spotlight on Ghana. URL: <https://www.ifc.org/content/dam/ifc/doc/mgrt/digital-skills-final-web-5-7-19.pdf>

106 Jobs lost, jobs gained: What the future of work will mean for jobs, skills, and wages. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/future-of-work/jobs-lost-jobs-gained-what-the-future-of-work-will-mean-for-jobs-skills-and-wages>

107 Kenny C., Yang G. Can Africa Help Europe Avoid Its Looming Aging Crisis? URL: <https://www.cgdev.org/publication/can-africa-help-europe-avoid-looming-aging-crisis>

108 Kenny C. Good News: Africa Needs More Jobs While Europe Needs More Workers. URL: <https://www.cgdev.org/blog/good-news-africa-needs-more-jobs-while-europe-needs-more-workers>

собственных экономик, и по мере старения населения Европы и роста стоимости рабочей силы стоит ждать интенсификации такого сотрудничества. Например, с 2021 г. ЕС реализует инициативу Talent Partnerships, заявленная цель которой — финансовая поддержка «взаимовыгодной» международной мобильности между странами-партнерами и ЕС. Комиссар ЕС по внутренним делам Ильва Йоханссон заявила в июне 2021 г.: «Нам нужна легальная миграция: трудоспособное население Европы сокращается, а многие ключевые отрасли сталкиваются с нехваткой квалифицированных кадров, например, здравоохранение и сельское хозяйство. Talent Partnerships поможет привести навыки кандидатов на работу в Европе в соответствие с потребностями рынка труда»¹⁰⁹.

Пилотные проекты по легальной трудовой миграции, финансируемые Европейской комиссией и Фондом миграционного партнерства (Migration Partnership Fund, MPF), реализуются с 2016 г. Под эгидой MPF профинансировано более 40 проектов в 15 странах — членах ЕС и 12 странах-партнерах (в основном в Северной Африке) на сумму 30 млн евро. Принимающая сторона соглашается предоставить финансирование для обучения потенциальных мигрантов целевым навыкам в стране происхождения и получает работников, обладающих навыками, необходимыми для быстрой интеграции. Хотя организаторы программы утверждают, что страна происхождения может извлечь выгоду благодаря обучению населения и инвестициям в человеческий капитал, сама суть программы предполагает фокус на участниках, стремящихся к эмиграции, поэтому маловероятно, что многие из них останутся на родине.

Миграция может приносить определенные выгоды и африканским странам — в первую очередь за счет переводов части заработка (от 15 до 20%) компенсируются дефициты платежного баланса¹¹⁰.

Однако каждый доллар, переведенный из Европы или с Ближнего Востока, влечет для страны системные потери в долгосрочной перспективе: нехватку квалифицированной рабочей силы, изменения в демографии и т.д., в связи с чем миграционная политика стран Африки требует более тщательной калибровки.

Это тем более актуально, что большинство мигрантов, покидающих Африку, экономически активны, трудолюбивы и амбициозны: около 80% мигрантов покидают родину из-за экономических причин и только 7% африканцев в странах ЕС — беженцы¹¹¹. В исследовании Программы развития ООН, проведенном в 2019 г., подчеркивается, что африканские мигранты зачастую более образованны, чем их сверстники, оставшиеся на родине¹¹²: те, кто уехал в Европу, в среднем проучились на три года больше, а, согласно исследованию MAFE, африканцы с высшим образованием более склонны к миграции в Европу¹¹³. Однако зачастую африканским мигрантам в Европе и на Ближнем Востоке приходится трудиться на позиции ниже уровня их квалификации¹¹⁴.

В то же время постепенное увеличение числа африканцев, постоянно проживающих в Европе, привело к тому, что все большее число выходцев из Африки или их детей занимают высокие посты в частных компаниях и государственных учреждениях европейских стран. Дети африканских мигрантов первого поколения, которые смогли получить качественное образование в Европе и найти достойную работу, нередко добиваются успеха. Например, в Великобритании нигерийская община отличается высоким уровнем образования, и, как следствие, в стране растет число бизнесменов, ученых и работников СМИ с нигерийскими корнями¹¹⁵. Вклад африканских мигрантов особенно заметен в здравоохранении и строительном секторе.

109 Talent Partnerships: Commission launches new initiative to address EU skills shortages and improve migration cooperation with partner countries. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_2921

110 Africa and Europe Facts and Figures on African Migrations. URL: <https://mo.ibrahim.foundation/our-research/data-stories/aef-african-migrations>; Маслов А.А. и др. Африка 2023. Возможности и риски. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. 224 с.

111 Africa and Europe Facts and Figures on African Migrations. URL: https://www.friendsofeurope.org/wp/wp-content/uploads/2022/01/AEF_Summit_African-Migrations.pdf

112 Scaling Fences. URL: <https://www.undp.org/publications/scaling-fences>

113 Final Report Summary – MAFE (Migration between Africa and Europe). URL: <https://cordis.europa.eu/project/id/217206/reporting>

114 Ibid.

115 Карпов Г.А. У Великобритании – африканское будущее? // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С. 59–64.

Так, во Франции около половины врачей-мигрантов — выходцы из Африки, в основном из Северной (более 7 тыс. человек). В Германии, Италии и Великобритании каждый шестой врач-мигрант — из Африки, но если в первых двух странах их число составляет около 2 тыс. человек, то в Великобритании оно превышает 15 тыс.¹¹⁶

Во все большем числе европейских стран выходцы из Африки занимают важные государственные посты, и эта тенденция, скорее всего, будет все заметнее. По подсчетам Центра изучения Африки ВШЭ, на 2025 г. выходцы из Африки представлены в правительствах и парламентах Великобритании, Франции и Бельгии. Выходцы из Африки и их дети также избираются в парламенты (на национальном и региональном уровнях) Германии, Ирландии, Италии, Португалии, Финляндии, Швеции и Швейцарии.

Большее число выходцев из Африки на важных государственных постах Великобритании, Франции и Бельгии объясняется не только колониальным наследием, но и отсутствием языкового барьера, что облегчает ассимиляцию мигрантов.

Высшее образование в Африке

Проблемы образования, с которыми сталкиваются страны Африки, не ограничиваются его начальным и средним уровнем. Несмотря на рост числа африканских университетов с 784 в 2000 г. до 2,3 тыс. в 2023 г., нехватка мест сохраняется. Число африканцев, получающих высшее образование, растет: за последнее десятилетие этот показатель увеличился более чем на 30% и достиг 16,1 млн человек, опережая темпы роста населения (+18% за тот же период). На долю студентов высших учебных заведений в Африке приходится лишь 4% общего числа студентов во всем мире. По числу студентов лидируют Египет (2,4 млн), Нигерия (1,8 млн), Алжир (1,6 млн), ЮАР (1,2 млн), Марокко (1,1 млн) и Кения (0,6 млн)¹¹⁷. Количественный рост пока не всегда конвертируется в качественный. На Африку приходится 9,2% всех университетов в мире и только около 1% мировых расходов на НИОКР, 2,5% исследователей и ученых, 3,5% научных публикаций. Многие одаренные африканские исследователи вынуждены уезжать из Африки и работать в западных вузах, поэтому реальный вклад африканцев в мировую науку — значительно выше.

В качестве примера можно привести действующего Еврокомиссара по урегулированию кризисов и равноправию Хаджу Лабиб (с декабря 2024 г.), которая родилась в семье мигрантов из Алжира в Бельгии. Ранее Лабиб также занимала должность министра иностранных дел Бельгии (с июля 2022 по ноябрь 2024 г.). Кеми Баденкок, лидер Консервативной партии нигерийского происхождения и лидер оппозиции в Великобритании с ноября 2024 г., родилась в Великобритании, однако выросла в Лагосе. Баденкок вернулась в Великобританию в возрасте 16 лет на учебу, а затем получила гражданство. Решида Дати, министр культуры Франции с января 2024 г., которая ранее занимала пост министра юстиции (2007–2009 гг.) при президенте Саркози, стала первым министром, родившимся в семье иммигрантов из Северной Африки (мать — алжирка, отец — марокканец). Можно упомянуть и бывшего премьер-министра Уэльса (с марта по август 2024 г.) уроженца Замбии Хамфри Вон ап Дэвида Гетинга (отец — валлиец, мать — замбийка), бывшего премьер-министра Великобритании Риши Сунака, родители которого эмигрировали из Восточной Африки (отец — из Кении, мать — из Танзании), самого молодого премьер-министра в истории Франции (с января по сентябрь 2024 г.) Габриэля Атталя, который имеет тунисские корни.

116 Кузнецов А.В. Экономическая деятельность выходцев из Африки в крупных странах ЕС: новые подходы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13 (1). С. 6–27.

117 Sub-Saharan Africa: Tertiary Education. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/908af3404023a2c31ef34853bba4fe60-0200022022/original/One-Africa-TE-and-COVID-19-11102021.pdf>

Для Африки характерна высокая концентрация университетов в нескольких странах с развитыми академическими традициями, что иллюстрируется положением Африки в международных рейтингах университетов, в которых традиционно со значительным отрывом лидируют Египет и ЮАР. Например, в рейтинге QS World University Rankings 2025, в который входит 1,5 тыс. лучших университетов мира, Африка представлена 40 университетами (годом ранее их было 41, а в 2023 г. — только 32): 15 из Египта (2 из них вошли в топ-500), 11 из ЮАР (из них 5 вошли в топ-500), 4 из Туниса, по 2 из Нигерии, Кении и Ганы, а также по 1 из Марокко, Судана, Эфиопии и Уганды.

Эта тенденция отражается и в финансировании крупных университетов: исследование Центра изучения Африки НИУ ВШЭ показало, что университеты ЮАР и Египта возглавляют список наиболее обеспеченных вузов¹¹⁸, за ними следуют университеты Кении, Нигерии, Уганды и Ганы. Южноафриканские университеты лидируют и по уровню расходов на одного студента.

Даже крупнейшие африканские университеты сталкиваются с нехваткой средств, что вынуждает их искать внешние источники финансирования

Ресурс внутреннего финансирования высшего образования и исследований в Африке пока почти не задействован: до сих пор нет заметных инициатив со стороны крупного бизнеса, фондов и филантропов, а крупный африканский бизнес пока редко осознает стратегическую важность местных университетов как потенциальной инфраструктуры экспертной, кадровой и GR-поддержки для своего бизнеса.

Финансовые трудности университетов приводят к росту выездной мобильности. По данным ЮНЕСКО, **Африка южнее Сахары занимает второе место в мире по уровню выездной студенческой мобильности (4,78)**, уступая лишь Центральной Азии (16,3), в то время как в Северной Африке этот показатель близок к среднемировому (2,7) — 2,6. Африка становится и одним из крупнейших импортеров на рынке высшего образования. Общее число африканских студентов, обучающихся за рубежом в 2022/2023 г., по данным ЮНЕСКО (без учета африканских студентов в Китае, число которых оценочно превышает 100 тыс.), превысило 800 тыс. человек (из них 161 тыс. — в других африканских странах), или 12% общемирового показателя. Стоимость образовательных услуг для африканских студентов превысила 13 млрд долл.

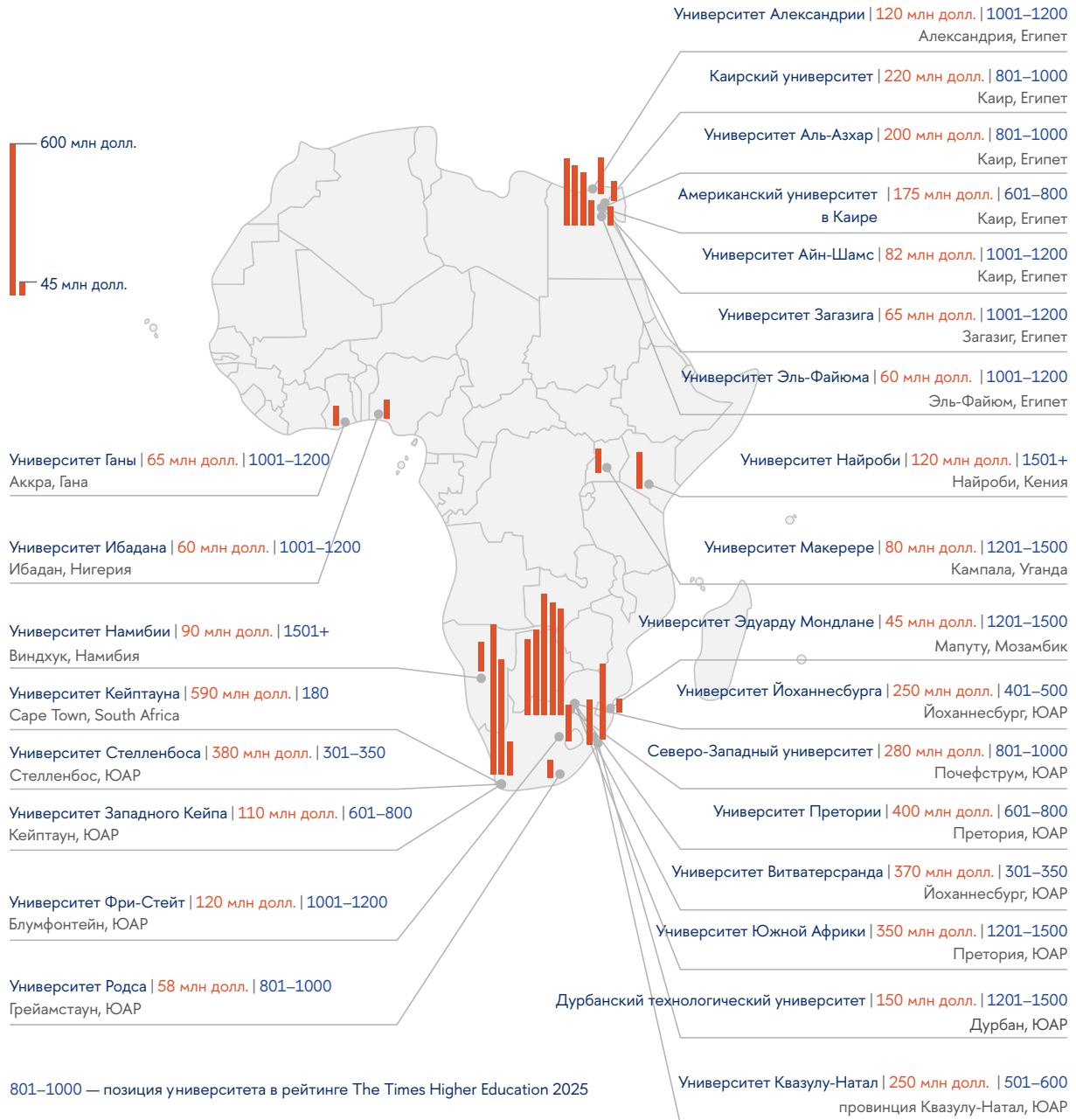
Внешняя помощь США ЮАР в 2023 г. составила 547 млн долл., из которых 482 млн было выделено на проекты в области здравоохранения. Примечательно, что около 9% помощи США (49,7 млн долл.) прошло через Университет Витватерсранда, который выступал оператором в проектах в области государственного управления, здравоохранения, образования. Доля Университета Витватерсранда последовательно увеличивалась с 2020 по 2023 г.: в 2020 г. она составила 25 млн долл. (3,5%), в 2021 г. — 31 млн (4,6%), в 2022 г. — 54 млн долл. (8,8%). Университет Витватерсранда — один из старейших и крупнейших университетов ЮАР и всей Африки, играющий важнейшую роль в академической и общественной сфере страны и континента. Университет традиционно занимает ведущие позиции в рейтингах университетов Африки.

118 Маслов А.А. и др. Африка 2023. Возможности и риски. М.: Изд. дом ВШЭ, 2023. 224 с.

В целом число африканских студентов, обучающихся за рубежом, выросло более чем в два раза с 2000 по 2022 г. Лидерами по приему африканских студентов остаются Франция (138 тыс.),

Китай (более 100 тыс.), Великобритания (68 тыс.), Турция (61 тыс.) и США (57,5 тыс.); внутри Африки — это ЮАР (30 тыс.), Марокко (20 тыс.) и Сенегал (15 тыс.).

Ведущие университеты Африки по доходам из всех источников на 2023 г.

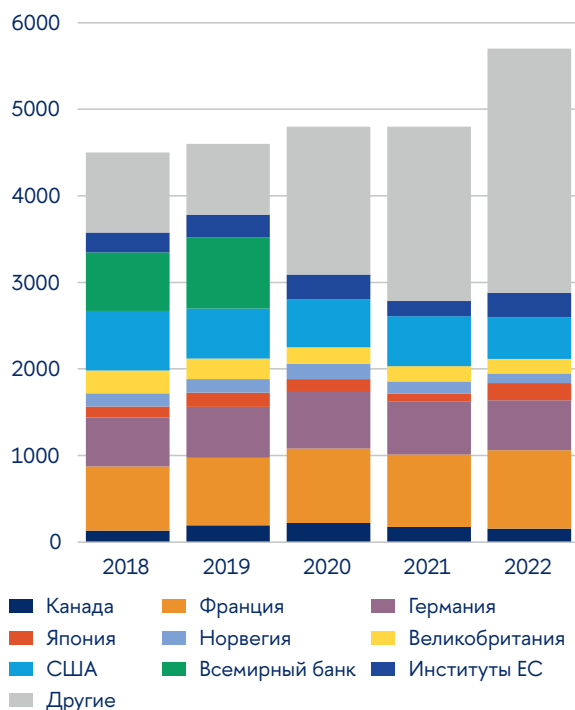
Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных СМИ, Института статистики ЮНЕСКО, данных министерств иностранных дел рассматриваемых стран.

Число студентов из стран Африки южнее Сахары, обучающихся за рубежом, заметно выросло в XXI в. Так, в 1984 г. наибольшее число студентов из стран Африки южнее Сахары обучалось во Франции — более 31,5 тыс., в США — 28,2 тыс., в СССР — 16,5 тыс., в Великобритании — около 8 тыс., в ФРГ — более 2 тыс. студентов¹¹⁹.

Внешнее влияние на образование в Африке

Внешняя финансовая помощь обеспечивает около 5% общих расходов на образование в Африке, но ее значение трудно переоценить. По данным ОЭСР, в 2022 г. объем помощи заметно увеличился, составив 5,7 млрд долл. по сравнению с 4,8 млрд годом ранее¹²⁰.

Иностранная помощь развитию образования в Африке, 2018-2022 гг., млн долл.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ОЭСР.

Большая часть помощи сосредоточена в странах Африки южнее Сахары (83%): основной объем помощи приходится на Восточную (36% всей помощи Африке) и Западную (32%) Африку, значительно меньше выделяется Центральной (13%) и Южной (1,5%).

Всемирный банк остается крупнейшим донором, предоставляя в среднем около 1 млрд долл. в год: в 2022 г. эта сумма достигла рекордно высокого уровня в 1,9 млрд долл., из них на Восточную Африку пришлось 45%, на Западную — 39%, на Центральную — 16%, Южную — всего 0,3%.

Традиционно внешняя финансовая помощь направлялась на развитие инфраструктуры, однако в последние годы растет финансирование международного академического сотрудничества, программ мобильности, стипендий, программ продвижения и преподавания иностранных языков. Если исходить из того, что основной целью помощи выступает обеспечение миграционного потока и повышение его качества, то смена приоритетов вполне объяснима.

Европейские страны

Западные (в первую очередь европейские) страны долгое время оказывали ключевое влияние на развитие образовательных систем в странах Африки, что обусловлено историческими связями и вкладом Европы в становление академической традиции и ведущих вузов региона. Высокий уровень европейского влияния на образование в Африке сохраняется до сих пор. Европа по-прежнему остается наиболее популярным направлением для африканских студентов.

119 Katsakioris C. Return from the USSR: Soviet-educated Africans, politics and work, 1960s–2000s, Canadian Journal of African Studies / Revue canadienne des études africaine. 2021. Vol. 55. No. 2. P. 275.

120 OECD Data Explorer. URL: <https://data-explorer.oecd.org/>

По данным Института статистики ЮНЕСКО, в 2022 г. в европейских странах обучалось более 320 тыс. африканцев — примерно 50% всех африканских студентов, получавших образование за рубежом. Наибольшее число студентов учится во Франции (138 тыс.), Великобритании (68 тыс.) и Германии (41 тыс.).

В список крупнейших доноров входят Франция, Германия, ЕС и Великобритания, по данным ОЭСР, на их долю приходится около 75% общего внешнего финансирования. Эта помощь направлена в первую очередь на поддержку высшего образования, которому европейские страны уделяют особое внимание, поскольку финансирование университетов обеспечивает доступ как к человеческим ресурсам, так и к площадкам для совместных исследований, сбора информации об актуальном экономическом и социально-политическом положении стран Африки для долгосрочного и институционального влияния на формирование национальных элит.

Согласно отчетам Erasmus+, по программам академических обменов и мобильности ЕС финансирование для стран Африки южнее Сахары в 2021–2027 гг. составит 570 млн евро, тогда как в период с 2014 по 2020 г. на эти цели было выделено всего 120 млн евро. Финансирование на 2021–2027 гг. составит более 25% общего бюджета программы, что подчеркивает растущее значение Африки для ЕС. Заявленная цель — увеличить ежегодную академическую мобильность между Европой и Африкой с примерно 16 тыс. в 2021 г. до 105 тыс. человек к 2027 г. Учитывая заинтересованность европейских стран в квалифицированной рабочей силе, можно отметить, что помощь в сфере образования по-прежнему направлена на привлечение и отбор будущих мигрантов.

ЕС активно участвует и в других проектах, в частности в Глобальном партнерстве в области образования (Global Partnership for Education,

GPE) Всемирного банка. В 2021 г., накануне саммита G7, председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен объявила, что ЕС выделит 700 млн евро на поддержку проектов GPE. Африка — крупнейший получатель финансовой поддержки от GPE. Почти все страны Африки (за исключением ЮАР, Намибии, Ботсваны, Гамбии, Габона, Экваториальной Гвинеи и Ливии) выступают странами-партнерами и получателями поддержки GPE. Эфиопия, ДР Конго, Уганда, Нигерия, Мозамбик, Танзания, Нигер, Сомали — одни из крупнейших получателей финансирования (2,7 млрд долл. с 2003 по 2024 г.), на них приходится около 30% всей помощи¹²¹. В 2023 г. бывший президент Танзании Джакайя Киквете был назначен первым африканским председателем Совета директоров GPE, что должно было подчеркнуть важность региона в деятельности организации. Страны ЕС остаются крупнейшими донорами GPE наряду с Великобританией (15%) и США (8%): Европейская комиссия (12%), Нидерланды (8%), Дания (7%) и Франция (6%).

Европейские страны также реализуют образовательные программы на двустороннем уровне. Например, **Франция** начала работу госпрограммы кампусов в Африке в 2017 г., запустив два пилотных проекта в Сенегале и Кот-д'Ивуаре, предлагая программы образования, часто в партнерстве с местными университетами, позволяющие студентам получить степень, оставаясь в Африке. Французские университеты расширяют сотрудничество с африканскими университетами и открывают филиалы в Африке. Например, Центральная школа Лиона открыла филиалы в Марокко и на Маврикии. С 2021 г. Франция реализует программу «Партнерство с африканским высшим образованием» через Французское агентство развития (Agence Française de Développement, AFD). Второй этап программы (бюджет — 20 млн евро), запущенный в 2023 г., включает 14 высших учебных заведений из Африки и 35 из Франции.

121. GPE Partner countries. URL: <https://www.globalpartnership.org/where-we-work/partner-countries>

Германия через Немецкое агентство по сотрудничеству в целях развития и Немецкую службу академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD) продвигает программы высшего образования и поддерживает центры передового опыта. Например, с 2012 г. DAAD совместно с Фондом Александра фон Гумбольдта и при финансовой поддержке Федерального министерства образования и научных исследований поддерживает реализацию Инициативы следующих Эйнштейнов (Next Einstein Initiative). В рамках этой программы африканские магистранты изучают прикладную математику в центрах Африканского института математических наук (African Institute for Mathematical Sciences, AIMS) в ЮАР, Камеруне, Руанде, Сенегале, Танзании и Гане, а затем могут продолжить обучение в Германии в вузах-партнерах.

В июле 2024 г. Германия и Всемирный банк согласовали совместную инициативу по поддержке образования и развития навыков в Сахаро-Сахельском регионе за счет создания центров передового опыта.

Великобритания реализует программы в сфере образования через Департамент международного развития (Department for International Development, DFID), UK Research and Innovation и ряд других организаций как на уровне начального образования, так и развивая сотрудничество с сетью университетов в Африке.

Например, в 2023 г. Ноттингемский университет подписал соглашение о развитии отношений с Ассоциацией африканских университетов (Association of African Universities, AAU) для поддержки исследований, мобильности и академического сотрудничества. Великобритания также запустила программу Innovation for African Universities (IAU), которая объединяет британские и африканские университеты для создания центров передового опыта. Программа реализуется в Гане, Кении, Нигерии и ЮАР.

США

В отличие от европейских стран, США уделяют гораздо больше внимания инвестициям в поддержку начального и среднего образования. Главным действующим лицом в этом процессе было агентство USAID, которое в 2021–2023 гг. предоставило странам Африки южнее Сахары почти 1 млрд долл. в виде помощи в области образования, в том числе 240 млн долл. в 2021 г., 255 млн — в 2022 г. и 391 млн — в 2023 г.¹²²

В то же время на уровне высшего образования взаимодействия меньше. Среди наиболее заметных инициатив, реализованных в последние годы, — Инициатива университетского партнерства (The University Partnership Initiative) по развитию академической мобильности, финансируемая Государственным департаментом, в которую в основном входят университеты ЮАР. С 2016 г. Мичиганский университет реализует

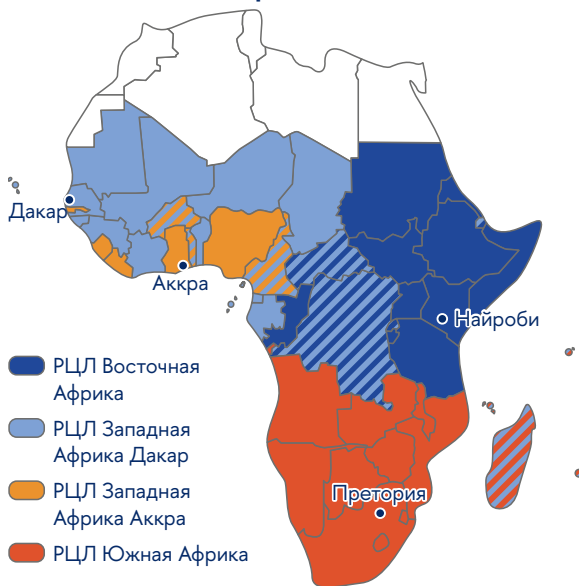
Карта получателей помощи развитию образования от США в 2023 г.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных Агентства США по международному развитию.

122 Foreign Assistance. URL: <https://www.foreignassistance.gov/>. Будущее этих инициатив на начало 2025 г. остается туманным на фоне смены администрации президента в Вашингтоне, резко негативной оценки деятельности USAID новым руководством и заморозки ее деятельности.

Карта региональных центров лидерства YALI

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе официальных данных.

инициативу Alliance for African Partnerships (AAP) с десятью ведущими африканскими университетами и сетью африканских исследовательских институтов.

В Африке действует несколько кампусов и совместных программ американских университетов. В частности, с 2019 г. открыт кампус Университета Карнеги–Меллона в Руанде — первого американского вуза, предлагающего

магистерские степени на континенте. В мае 2024 г. США заключили рамочное соглашение о сотрудничестве с правительством Кении для поддержки партнерства между университетами и работодателями в целях содействия инновациям, исследованиям и росту числа рабочих мест в областях, связанных со STEM (наука, технологии, инженерия и математика).

Китай

Не только западные страны уделяют внимание поддержке образования в Африке. Еще в 2010 г. Китай запустил План сотрудничества университетов Китая и Африки 20+20, в рамках которого 20 китайских университетов взаимодействуют с 20 африканскими университетами из 17 стран. Впоследствии это партнерство было расширено. В 2023 г. запущен новый формат: Программа сотрудничества 100 университетов Китая и Африки.

В августе 2023 г. на саммите БРИКС в ЮАР Китай представил План сотрудничества по развитию талантов между Китаем и Африкой, направленный на ежегодную подготовку 500 директоров и высококвалифицированных преподавателей профессиональных колледжей, а также 10 тыс. технических специалистов, владеющих китайским языком и профессиональными навыками за счет предоставления им возможности для стажировок в Китае.

Инициатива молодых африканских лидеров (Young African Leaders Initiative, YALI) — самая заметная образовательная программа, реализуемая США в Африке¹²³ с 2010 г. (администрация Обамы). Программа включает в себя стипендию Манделы–Вашингтона — шестинедельный курс обучения в США. В рамках программы молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет проходят курсы лидерской подготовки, и с момента запуска программы в ней приняли участие более 28 тыс. человек. В 2023 г. было выделено 700 стипендий. Участники проходят онлайн- и очное обучение и получают возможности профессионального развития в сфере бизнеса и государственного управления.

123 Young African Leaders Initiative. URL: <https://www.usaid.gov/yali>

Китай расширяет сеть Институтов Конфуция: в 46 африканских странах открыто 66 Институтов Конфуция. Первый из них был открыт в Найроби (Кения) в 2004 г., а в ЮАР находится больше всего Институтов Конфуция в Африке (7). Хотя точной статистики числа выпускни-

ков нет, многие студенты, прошедшие языковую подготовку в институтах, впоследствии продолжают обучение в университетах Китая.

Для систематизации сотрудничества между странами создаются новые институциональные формы.

Китайские Институты Конфуция в Африке

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе официальных данных.

Китай уделяет все большее внимание дополнительному профессиональному образованию, в первую очередь государственных служащих в формате «партийных школ», ориентированных на воспроизводство опыта государственного строительства. Так, в феврале 2022 г. в Танзании открыта Школа лидерства имени Джулиуса Ньерере, а в 2023 г. проведена реконструкция Школы идеологии имени Герберта Читепе в Зимбабве для правящей партии ЗАНУ-ПФ. Бурунди, Республика Конго, Экваториальная Гвинея, Марокко, Уганда, Кения также выразили заинтересованность в реализации подобных проектов. Кроме того, в 2019 г. Китай открыл Китайско-Африканский институт, который базируется в Аддис-Абебе и нацелен на обучение африканских партийных функционеров и государственных служащих¹²⁴. Китай также организует учебные программы для африканских партий и государственных чиновников как в Африке, так и в самом Китае. Эти программы направлены на продвижение китайской модели развития и укрепление дружественных связей между государствами. В 2024 г. Китай принял более 50 партийных делегаций из Африки для участия в программах обучения¹²⁵.

На первой совместной конференции Институтов Конфуция в Африке, состоявшейся в Кении в мае 2024 г., 16 институтов из девяти стран Восточной Африки создали Восточноафриканский альянс Институтов Конфуция.

Африканские студенты учатся в Китае с 1960-х гг., но в последние годы их число увеличилось и в 2018 г. достигло 80 тыс. человек. В 2018 г. правительство Китая в рамках FOCAC обязалось предоставить 50 тыс. стипендий африканским студентам для получения высшего образования в Китае в течение следующих трех лет.

Турция

Основная инициатива Анкары в образовании в Африке — школы турецкого фонда «Маариф». По состоянию на 2024 г. в школах фонда «Маариф» в 26 африканских странах обучалось более 17,5 тыс. учеников¹²⁶. Количество школ в Африке резко возросло за последние годы: с 18 в 2016 г. до 125 в 2024 г. Примечательно,

что более половины школ (63) расположено в странах ЭКОВАС.

Школы «Маариф» предлагают учебную программу с элементами турецкого языка, включая занятия по естественным наукам, программированию и ИКТ. Такая стратегия и доступная цена позволяют Фонду конкурировать с другими международными школами в каждой стране, где он работает. Школы фонда «Маариф» играют ключевую роль в привлечении студентов в турецкие университеты. Однако присутствие Турции не ограничивается школами: в Африке действуют 14 центров турецкого языка на базе Институтов Эмре Юнуса, а заявленная цель — открыть еще 11 в ближайшие годы.

Анкара все чаще предлагает стипендии для обучения африканских студентов в Турции. По словам экс-министра иностранных дел Турции Мевлута Чавушоглу, в 2023 г. число африканских студентов, обучающихся в колледжах и университетах Турции, достигло 61 тыс. человек (из них более 14 тыс. — стипендиаты)¹²⁷.

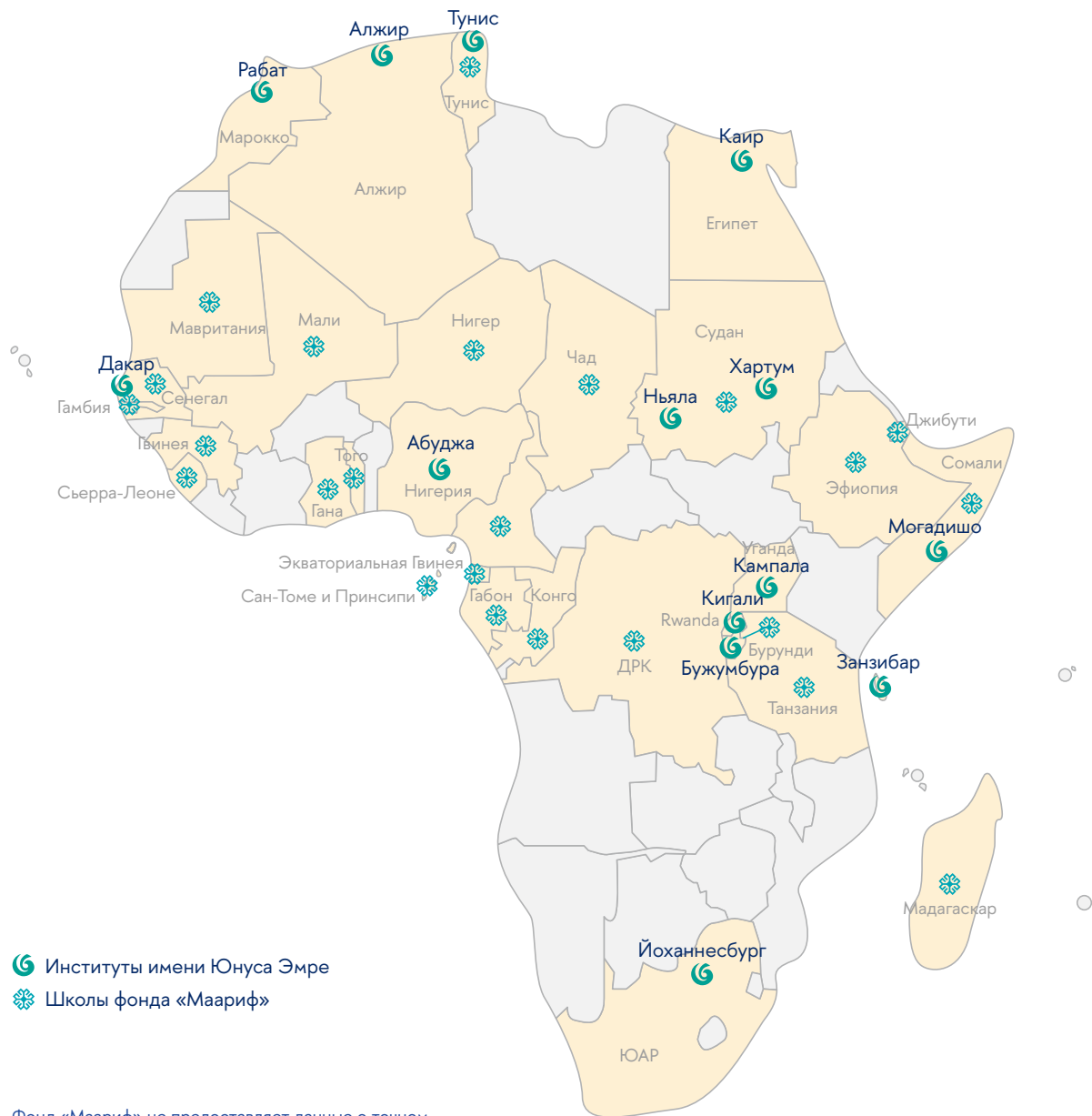
124 Nantulya P. China Escalates Its Political Party Training in Africa. URL: <https://africacenter.org/spotlight/china-escalates-its-political-party-training-in-africa/>

125 China's Political Schools: Expanding Influence in Africa. URL: <https://www.riotimesonline.com/chinas-political-schools-expanding-influence-in-africa/>

126 Turkey's Maarif schools educate over 17,000 students in Africa. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/turkeys-maarif-schools-educate-over-17000-students-in-africa>

127 Waruru M. Scholarships attracting African students to Turkey. URL: <https://thepienews.com/turkey-african-student-numbers-grow/>

Турецкие Институты имени Юнуса Эмре и школы фонда «Маариф» в Африке

Фонд «Маариф» не предоставляет данные о точном расположении своих школ в Африке, поэтому на карте указаны только страны, где присутствует фонд.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе официальных данных.

Россия

В советский период было подготовлено более 70 тыс. специалистов из африканских стран (из них более 40 тыс. — из стран Африки южнее Сахары). Эти люди вернулись в свои страны и заняли важные посты в экономике и на государственной службе. Например, по данным посольства России в Найроби, в Кении каждый десятый врач получил образование в России (СССР)¹²⁸.

На сегодняшний день в России обучается около 34 тыс. африканцев¹²⁹ — больше, чем училось в СССР, а количество выделяемых стипендий растет и составив в 2023/2024 учебном году 4,7 тыс. (2,3 тыс. — в 2022/2023 учебном году).

Африканские студенты традиционно выбирают медицинские (30%) и инженерно-технические (около 20%) специальности, а также менеджмент, финансы и экономику — преимущественно практикоориентированные специальности.

В августе 2021 г. был создан консорциум Российско-Африканский сетевой университет (РАФУ), объединивший 12 российских университетов и исследовательских центров. Образовательная модель РАФУ работает как единый пул курсов и дисциплин, доступных участникам консорциума на русском, английском и французском языках. На начало 2025 г. число российских университетов — членов РАФУ увеличилось до 80, а число африканских университетов-партнеров достигло 44.

Старейший российский технический вуз — Санкт-Петербургский горный университет — в июле 2023 г. подписал соглашение с вузами девяти африканских стран о создании профессионального сообщества университетов «Недра Африки», направленного на повышение эффективности геологического и технического образования в этих странах. В декабре 2023 г. в столице Египта Каире начали работу филиалы Казанского федерального университета и Санкт-Петербургского государственного университета.

Нарастив сотрудничество в сфере высшего образования (сейчас в России учится больше африканских студентов, чем в СССР), российские университеты начали предлагать и дополнительное профессиональное образование. Первым заметным примером здесь — вне сферы обороны и безопасности — стала Зимняя школа обмена знаниями в области цифровизации госуправления для чиновников из стран Африки, проведенная в декабре 2023 г. в НИУ ВШЭ при поддержке Министерства финансов РФ и компании «Иннопрактика». На обучение в Москву приехали более 40 высокопоставленных африканских государственных служащих из 23 стран. Программа была продолжена в 2024–2025 гг.

Среди внешних партнеров стратегическое преимущество на растущих рынках постепенно получают те, что инвестируют в совместные образовательные проекты, нацеленные на собственно африканские рынки труда. Для российских операторов интерес представляют оба направления: во-первых, Россия нуждается в квалифицированных кадрах из Африки, во-вторых, российское предложение может быть конкурентоспособным с точки зрения собственно африканских рынков труда.

Преподавание иностранных языков в Африке

Языки бывших метрополий сохраняют доминирующее положение в политике и экономике большинства стран Африки. Наиболее широко изучаются в школах и университетах Африки английский, французский, арабский, испанский, португальский. Как правило, они изучаются в качестве основных государственных, и во многих странах уже выросли поколения горожан, которые говорят только на них. В последние десятилетия получает распространение изучение китайского и турецкого языков, что обусловлено развитием экономического сотрудничества с Китаем и Турцией и присутствием бизнеса этих стран в Африке.

128 Интервью Посла России в Кении в преддверии Дня дипломатического работника агентству Россия Сегодня. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ke/1426523/>

129 Данные за 2023/2024 учебный год.

Преподавание иностранных языков в Африке часто преподносится как средство интеграции в глобальную экономику и расширения образовательных возможностей, но на практике оно нередко становится частью механизма, способствующего оттоку наиболее квалифицированных кадров. Освоение английского, французского, китайского или арабского языка позволяет молодым африканцам получать доступ к зарубежным образовательным программам и рынкам труда, однако эти процессы редко сопровождаются мерами по удержанию специалистов на родине. Выпускники, получившие образование в Европе, США или Китае, в большинстве случаев находят более выгодные условия за пределами континента. Международные стипендии и гранты, сопровождаемые обязательными языковыми требованиями, фактически стимулируют эмиграцию. В итоге языковая подготовка превращается в «фильтр», который облегчает рекрутирование талантов для развитых стран, а не служит укреплению местных экономик.

Для организующих такие школы стран это стратегическая инвестиция, которая не предполагает мгновенной отдачи, но окупается на следующих этапах. Даже если обучение финансировалось через гранты или культурные программы, эти расходы рассматриваются как вложения в расширение влияния и привлечение человеческого капитала. Поэтому языковое образование редко является самоцелью — оно встроено в более широкую стратегию экономического и культурного доминирования.

Большинство языковых школы стран ЕС, КНР, Турции и др. в Африке дотационные. Их бюджеты формируются за счет государственных субсидий стран происхождения (до 90%), а также доходов от образовательных и иных коммерческих (сдача помещений в аренду) услуг (10–20%). Лишь некоторые учреждения диверсифицируют источники доходов, покрывая до 30–50% бюджета за счет предоставления дополнительных услуг. Потенциальная экономическая эффективность таких центров зависит от спроса на изучаемый язык, что обусловлено

перспективами трудовой или академической миграции в страну использования языка, а следовательно, формирует спрос на получение языковых сертификатов, углубленные и специализированные языковые курсы, корпоративные тренинги, курсы по истории, литературе и т.д. В то же время даже в этом случае доходы от платы за обучение не становятся ключевым источником финансирования деятельности большинства подобных центров.

В странах Африки действует сеть центров по преподаванию французского языка и продвижению французской культуры «Альянс Франсез». На 2025 г. центры французского языка действуют в более 20 странах Африки. Языковые центры предлагают курсы для взрослых, индивидуальные занятия, корпоративное обучение, курсы для детей младшего возраста, а также дополнительные услуги, включая перевод и возможность сдачи международных экзаменов по французскому языку: DAEFLE, TEF, DELF, DALF. Нередко центры предоставляют свои помещения в аренду (на время проведения концертов, конференций и т.д.). Их финансовая модель формируется за счет доходов от курсов (плата студентов за обучение) — до 50%; субсидий французского МИД и Institut Français — до 30%; прочих услуг (экзамены DELF/DALF, аренда помещений) — до 20%. Примечательно различие в оплате труда преподавателей. Согласно открытым данным, французские учителя получают дополнительные стипендии от правительства Франции и в среднем имеют доход, соответствующий зарплате учителей во Франции (более 1,5–2,0 тыс. евро), африканские же преподаватели в среднем получают до 500 евро.

На 2025 г. в Африке находится более 20 учебных заведений международной сети немецких языковых школ. Эти центры в среднем предлагают несколько основных языковых продуктов: языковые курсы (в основном 10-недельные), групповые языковые курсы, проведение и сдача международного экзамена по немецкому языку, курсы по подготовке к сдаче международного экзамена, тест на определение уровня владения немецким языком. Финансовая модель

центров изучения немецкого языка при Институтах Гете в основном базируется на получении поддержки от МИД Германии (до 70% доходов центра), значимую часть в финансировании их деятельности играют платные образовательные услуги (около 20–30%), кроме того, центры также могут проводить культурные мероприятия (кинофестивали, концерты), за которые также могут брать плату.

Институты Сервантеса (ИС) по изучению испанского языка представлены в Западной (Сенегал, Кот-д'Ивуар) и Северной Африке. Большинство ИС в Африке находится в Магрибе (Марокко, Алжир, Тунис). Кроме институтов действуют также классы Сервантеса, открываемые на базе местных университетов и школ. ИС предлагают как стандартные языковые курсы (включая подготовку к DELE – экзамену на сертификат), так и дополнительные программы в культурной сфере (литература, кино, искусство и т.д.). Финансирование Институтов Сервантеса в основном составляют государственные выплаты правительства Испании (около 70%), а оставшиеся — за счет платы обучающихся на языковых курсах (около 30%).

Международная сеть языковых и культурных центров Институтов Камоэнса, основанная правительством Португалии, ставит своей целью популяризацию португальского языка и португальскоязычной культуры. На 2025 г. имеется более 20 подразделений в более 10 африканских странах. Центры чаще всего базируются в университетах-партнерах (либо на базе других языковых центров, например «Альянс Франсез» в ЮАР). Финансирование центров в основном (до 90%) базируется на субсидиях правительства Португалии, 10% — на полученных средствах от учащихся.

В ЮАР на базе посольства Бразилии также действует Бразильско-Южноафриканский культурный центр, цель которого — продвижение португальского языка (в его бразильском варианте) и бразильской культуры в регионе. Основанный в 2009 г. центр предлагает курсы португальского языка для учащихся всех уровней.

Система Институтов Конфуция (ИК) не предполагает извлечение коммерческой прибыли, но требует от своих организаций экономической эффективности. Центральное управление в среднем выделяет от 150–200 тыс. долл. на открытие института, а также примерно такие же суммы на его ежегодную работу. Относительно невысокая стоимость достигается также в среднем небольшой заработной платой преподавателей (1 тыс. долл.) В то же время в ИК существует плата за языковые курсы, которая в среднем чуть ниже либо эквивалентна другим китайским языковым школам в регионе. Обычно Институты Конфуция открываются на базе государственных университетов стран континента либо на базе государственных школ, что позволяет снизить расходы на обслуживание зданий и АХО.

Основной оператор турецких центров изучения языка и культуры — Институты Юнуса Эмре, которые ставят своей целью укрепление связей со странами Африки путем популяризации культурного и языкового богатства Турции. Институты Юнуса Эмре предлагают как традиционные общие языковые курсы, так и дополнительные специализированные под цели конкретных лиц, в частности курсы делового турецкого языка, курсы для детей, туристов, представителей СМИ, а также проводят семинары по переводу. Примечательно, что часто плата за языковые турецкие курсы в странах Африки может быть невысокой, что объясняет большую опору институтов на финансовую поддержку турецкого правительства (до 85% их бюджета).

Другой инструмент продвижения турецкого языка в Африке — школы фонда «Маариф». Преподавание языка там дополняется внеклассными занятиями, инициативами и мероприятиями, направленными на практическое использование турецкого языка. Такие школы на 2025 г. функционируют при прямой поддержке правительства Турции (до 90% их бюджетов), которая покрывает зарплаты преподавателей, ремонты школ, учебные материалы. На базе школ также проводятся ярмарки образования для привлечения иностранных студентов в турецкие университеты.

Опыт СССР по распространению русского языка в странах Африки

В 1920–1930 гг. в Москве африканцы изучали русский язык в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), в числе прочих иностранцев, прибывших для обучения в СССР. Система обучения русскому языку как иностранному в тот период еще не сформировалась, для многих студентов обучение начиналось с овладения грамотой¹³⁰.

С 1940-х годов началась научно-методическая работа по развитию обучения русскому языку иностранцев, результатом которой стало создание в начале 1950-х кафедр русского языка как иностранного в крупнейших университетах СССР, Московском и Ленинградском, и в дальнейшем — создание Университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы и Института русского языка им. А.С. Пушкина. В перечисленных вузах обучали русскому языку иностранцев, а также готовили преподавателей русского языка как иностранного (РКИ), разрабатывали учебные программы и пособия, ставшие основой для работы подготовительных факультетов для иностранцев и кафедр РКИ в других вузах СССР и России, а также за рубежом.

Так, в Северной Африке русский язык в 1972–1973 учебном году преподавался в Алжире в 12 лицеях, 4 вузах, в Египте — в 3 вузах, в Тунисе — в 1 лицее. В Африке южнее Сахары — в высших и общеобразовательных учебных заведениях, а также в формате дополнительного образования (на регулярной основе) не менее чем в 13 странах — на Маврикии, в Гане, Гвинее, Нигере, Судане, Танзании, Того, Чаде, Эфиопии, больше всего в Мали, Сенегале, Республике Конго, ЦАР. Согласно данным за 1972–1973 учебный год, в Мали на тот момент русский язык изучало 2600 человек в 10 лицеях, 2 вузах и на курсах,

в Сенегале — 900 человек в 6 лицеях, 1 вузе и на курсах, в ЦАР — 800 человек в 9 лицеях и на курсах. В общей сложности изучало русский язык 7120 человек.

К концу 1980-х гг. русский преподавался в 40 странах Африки, причем в 21 стране он был включен в школьные программы. Русский язык преподавали как местные специалисты, получившие соответствующее образование в СССР, так и командированные советские преподаватели, в университетах африканских стран были образованы кафедры русского языка, которые готовили преподавателей РКИ¹³¹. Выпускники школ, которые изучали русский язык, могли поступить в вузы СССР без прохождения курса русского языка на подготовительном факультете. Студенты и выпускники вузов, владеющие русским языком, могли приезжать в вузы СССР и поступать в аспирантуру¹³².

Для поддержки преподавателей русского языка как иностранного в 1967 г. была образована Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), в ее составе с момента основания были русисты из стран Африки, и в числе вице-президентов в разные годы были представители Мали, Нигерии и других стран.

Был учрежден учебно-методический иллюстрированный журнал «Русский язык за рубежом», который продолжает работу в настоящее время. В журнале публиковались научные статьи и сообщения, в которых преподаватели из разных стран делились опытом. Также публиковались учебные материалы для уроков с аудиоприложением на грампластинках. Кроме того, в журнале печатались материалы курса «Русский язык по радио», разработанного для говорящих на европейских языках, а также на арабском, японском, бирманском, хммерском, суахили и др. Уроки передавались по радио для Западной Европы, Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, арабских стран.

130 Шумилова А. Формирование и развертывание системы обучения иностранных студентов в вузах советского союза // RUSAD. 2022. № 7. С. 53–65.

131 Арефьев Л.А. Русский язык на рубеже XX–XXI веков. М., 2012 482 с.

132 Шумилова А. Цит. соч.

Для повышения интереса к русскому языку, русской культуре и СССР советская учебная, публицистическая и художественная литература переводилась на различные языки Западной Европы, Азии и Африки. С 1964 г. издательствах «Прогресс» и «Мир» публиковалась литература гуманитарного профиля и художественная, а также естественнонаучного и технического соответственно. С 1982 г. художественная литература публиковалась издательством «Радуга». Популярные в СССР произведения советских писателей, в частности детские, издавались на суахили, амхарском, хауса — издания в настоящее время имеются в фондах Российской государственной библиотеки. Например, классика русской и советской литературы представлена произведениями Н.В. Гоголя, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.И. Куприна, М. Горького. Повести Ч. Айтматова «Джамиля» и «Тополек мой в красной косынке» переводились на суахили, амхарский и хауса, на амхарский — «Человек-амфибия» А. Беляева, «Гиперболоид инженера Гарина» А.Н. Толстого.

Переводились русские сказки, например, на амхарский переведена сказка «Репка», на суахили — «Перышко Финиста», на суахили и амхарский — «Петушок — золотой гребешок». Литературные произведения для детей дошкольного, младшего и старшего школьного возраста русских и советских писателей: сказки «Аленький цветочек» С. Аксакова, «Цветик-Семицветик» В. Катаева переведены на суахили и хауса, рассказы Е. Чарушина — на суахили, хауса и амхарский, повести о Незнайке Н. Носова, рассказы Бианки — на суахили и хауса, повести А. Гайдара — на суахили, амхарский и хауса, повести А. Алексина — на суахили.

Положение русского языка в Африке после 1991 г. и в настоящее время

В связи со снижением объема торгово-экономического и культурного сотрудничества с Россией, в том числе закрытием во многих странах Российских центров науки и культуры (РЦНК), в преподавании русского языка на континенте произошел спад. В 1990-х годах прекратилось изучение русского в национальных системах образования Анголы, Бенина, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Мозамбика, Уганды, Эфиопии, Чада, Танзании¹³³. В странах Северной Африки, Алжире и Египте к началу 2000-х годов значительно сократилось количество учебных заведений, в которых преподавался русский язык, однако в последующие годы в программы вузов Марокко и Туниса было вновь введено изучение русского языка. В 2004/2005 учебном году русский язык преподавался в 13 странах Африки южнее Сахары: 130 школах, лицеях и гимназиях и 16 вузах (как иностранный язык и как специальность). Согласно данным 2025 г., присутствие русского языка в системах образования стран Северной Африки расширяется. Так, в Тунисе русский включен в систему образования и преподается в 20 лицеях, 2 институтах, 2 частных школах¹³⁴, в Египте на сегодняшний день, по данным МАПРЯЛ, функционирует 11 кафедр и отделений русского языка¹³⁵, в частности в университетах Каира, Хургады, Шарм-эш-Шейха, в Алжире русский входит в программу 2 университетов — университета Орана-2 и Алжира-2, изучается в системе дополнительного образования¹³⁶.

К 2020 г. русский язык присутствовал¹³⁷ в программах государственных школ и лицеев в четырех франкофонных странах Африки южнее Сахары: Республике Конго, Мали, Сенегале, на Мадагаскаре, в этих странах отмечается

133 Арёфьев А.Л. Функционирование русского языка в мире: проблемы и пути их решения // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: ежегодник. Вып. 5 / отв. ред. А.Л. Арёфьев; ФНИСЦ РАН. М., 2020. С. 83–138.

134 Заяни Р. Продвижение русского языка в Тунисе: ключ к новым горизонтам и возможностям (доклад на Костомаровском форуме 2025). URL: <https://www.kostomarovforum.ru/programma/23-maya/>

135 Портал «Русский мир» Русский язык в глобальном мире: миссия V Костомаровского форума. URL: https://russkiymir.ru/publications/336248/?sphrase_id=3109820

136 Бурнисса А., Фаддуш Ф. Обучение русскому языку как иностранному в Алжире: современное состояние, проблемы и перспективы их решения (доклад на Костомаровском форуме 2025). URL: <https://www.kostomarovforum.ru/programma/23-maya/>

137 Арёфьев А.Л. Цит. соч.

увеличение количества учебных заведений, в которых преподается русский язык, за последние два десятилетия. В школах других стран русский язык практически не преподается, однако в Того и на Маврикии в некоторых школах организованы группы для изучения русского языка, а в Камеруне русский язык преподается в частной школе. По последним доступным данным в 2017/2018 учебном году русский язык в Африке преподавался в 128 школах, число изучающих выросло по сравнению с 2004/2005 учебным годом незначительно — с 10,3 тыс. до 14,3 тыс. школьников.

В систему высшего образования русский язык включен в 15 странах, больше всего изучающих — в Нигерии, Судане, Гане, Сенегале. В 2020 г. язык изучали 1,6 тыс. студентов, что на 451 человек больше, чем в 2004–2005 гг.

Русский язык в дополнительном образовании

Русский язык как иностранный с конца 1990-х годов преподается в рамках шкалы Общеввропейских компетенций владения иностранным языком (CEFR), как и другие европейские и ряд восточных языков. Тест по русскому языку как иностранному (ТРКИ) в Африке на сегодняшний день только начинает проводиться — в основном как часть образовательных программ по русскому языку. Сертификационные экзамены по западноевропейским и восточным языкам регулярно проводятся в разных странах мира, в том числе на Африканском континенте, Институтом Гёте, Французским институтом, Институтом Сервантеса, Институтом Камюэнса, Институтом Юнуса Эмре и Институтом Конфуция, и возможность подтвердить уровень владения иностранным языком, чтобы в дальнейшем включить сертификат в профессиональное портфолио, повышает значимость изучения языка. Для русского языка внедрение ТРКИ может стать одним из инструментов продвижения в Африке.

Русский язык в форме дополнительного образования преподается взрослым и детям в представительствах Россотрудничества — Русских домах (ранее — РЦНК), культурно-образовательных центрах, созданных преимущественно выходцами из России и бывшего СССР, а также в рамках краткосрочных программ, реализуемых, в частности, Центрами открытого образования на русском языке Министерства просвещения РФ.

В странах Африки в настоящее время государственные Русские дома работают в Египте (Каир и Александрия), Тунисе (Тунис), Марокко (Рабат), Танзании (Дар-эс-Салам), Замбии (Лусака), Эфиопии (Аддис-Абеба), Республике Конго (Браззавиль), а также открыты партнерские Русские дома в 12 странах к югу от Сахары — в Мали, Буркина-Фасо, Нигере, ЦАР, Экваториальной Гвинее, Сомали и др. На базе Русских домов функционируют курсы русского языка для взрослых и детей, проводятся культурные, научные и образовательные мероприятия, организованы библиотеки, в которых доступна литература (в том числе учебные пособия по РКИ) на русском языке. Русскими домами ведется работа по продвижению российского образования и организации поступления иностранных граждан в российские вузы.

Проекты по поддержке русского языка организуют Россотрудничество, фонд «Русский мир», Министерство образования и науки РФ, Министерство просвещения РФ. Это очные и дистанционные учебные программы различной продолжительности для изучающих русский язык, а также курсы повышения квалификации для преподавателей. Значительная роль в поддержке русского языка в Африке принадлежит МАПРЯЛ, которая объединяет африканских преподавателей-русистов, приглашает их к участию в научно-методических мероприятиях. На базе университетов и общественных организаций в Африке открыты кабинеты и центры фонда «Русский мир». В девяти странах Африки южнее Сахары, в частности в Кении, Республике Конго, Нигерии, Уганде, на Мадагаскаре были созданы кабинеты Русского мира,

Особенностью обучения русскому языку за рубежом можно назвать развитие такого направления, как обучение билингвов с унаследованным русским языком — детей из русскоговорящих семей. Обычно обучение проходит в русских школах дополнительного образования, так называемых школах выходного дня или субботних школах, которые существуют во многих странах мира. Такие школы функционируют на базе созданных российскими соотечественниками и выходцами из стран бывшего СССР общественных организаций, а также при Русских домах. Как правило, дети посещают занятия русским языком, а также в зависимости от программы — различные общеобразовательные предметы и кружки. Для обучения русскому языку детей-билингвов публикуется множество учебных пособий, рассчитанных на учащихся разного возраста и с разным уровнем владения русским языком. Вопросам обучения этой аудитории посвящено множество научных и методических мероприятий для преподавателей и родителей, которые проводятся в разных странах как российскими, так и зарубежными образовательными организациями. В Африке школы для детей-билингвов образованы на базе Русских домов, например в Тунисе, Танзании, Замбии. Работают школы на основе общественных организаций, объединяющих русскоязычных — в Египте, Тунисе, Алжире, Марокко, Нигерии, Бенине, Буркина-Фасо, Республике Конго, Камеруне и др. Многие школы организуют также курсы для детей и взрослых, ранее не знакомых с русским языком.

а в Танзании — открыт центр Русского мира, который в настоящее время неактивен. Данный проект заключается в методическом и материальном обеспечении обучения русскому языку: закупаются необходимая литература и оборудование, подготавливается помещение.

Для обучения русскому языку в Африке в последние годы вновь начали разрабатываться учебники, специально предназначенные для африканских стран. Так, в издательстве Санкт-Петербургского государственного университета вышел в свет учебник, созданный коллективом авторов, «Мы изучаем русский» (под ред. Т.И. Александровой и Л.В. Москвина) для начального уровня (от «нуля» до А1) с переводом, в числе других языков, на суахили, бамбара и арабский. К работе над книгой были привлечены африканисты, имеющие опыт преподавания РКИ. Адаптация учебных пособий для африканских языков может спо-

собствовать продвижению русского языка. Например, в Мали французский является языком системы образования, однако им владеет не каждый малиец, и учебник для говорящих на бамбара может сделать изучение русского языка доступным большому количеству жителей страны¹³⁸. Потребность в учебниках русского языка для различных уровней владения с адаптацией для говорящих на арабском была отмечена в египетских университетах¹³⁹. Тенденцию к использованию Лингвоспецифических учебников можно назвать особенностью РКИ, тогда как для обучения западноевропейским языкам, например французскому, немецкому, испанскому, португальскому, представлены в основном универсальные пособия. Ранее для говорящих на арабском языке были опубликованы такие пособия, как «Русский без преград» (О.М. Щербакова, М.А. Брагина, изд-во «Флинта»), учебник для школьников «Полет» (А.В. Голубева и др., изд-во «Златоуст»).

138 Давыдов А.В. Создание национально-ориентированных пособий по русскому языку как иностранному для африканских аудиторий: малийский опыт. Ученые записки Института Африки РАН. 2024. № 3. С. 131–141. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-68-3-131-141>

139 «В Египте надеются на создание нового учебника по русскому языку» // https://ruskiimir.ru/news/337559/?sphrase_id=3110100

Важно отметить, что в Африке, согласно исследованию, проведенному МАПРЯЛ¹⁴⁰, дефицит учебников русского языка: учебники на континенте, за редкими исключениями, не издаются, доставка учебников из России серьезно затруднена из-за сложной и дорогой логистики. Учебник, разработанный непосредственно в стране преподавания, ориентированный на местную программу, был издан в Тунисе — учебник для лицеев «Контакт» (М. Шамех, изд-во Национального педагогического центра). Хотелось бы отметить важность развития такого направления, как разработка учебников для школьников, так как учебные пособия для этой аудитории должны учитывать системы школьного образования стран, в которых ведется обучение русскому языку. В Египте издавались пособия для курсового обучения, однако нельзя сказать, что в этой стране ведется систематическая работа по разработке учебных пособий по РКИ. В странах Африки южнее Сахары сведения о выпуске учебных пособий не обнаружены в открытом доступе. На континенте в целом в последние годы используются учебники, которые по данным исследования МАПРЯЛ, пользуются популярностью у преподавателей РКИ в разных странах, такие как «Поехали!» (С. Чернышов, А. Чернышова, изд-во «Златоуст»), «Дорога в Россию» (В.Е. Антонова и др., изд-во «Златоуст»), «5 элементов» (Т.Е. Эсмантова, изд-во «Златоуст») и др. Это книги, изданные в России в течение последнего десятилетия либо переизданные благодаря высокому спросу. Практически все они ориентированы на Европу, кроме «Дороги в Россию», которая учитывала специфику обучения китайских студентов. Также в африканских учебных заведениях нередко можно встретить учебники русского языка, изданные в СССР, например учебник «Русский язык для всех» под редакцией В.Г. Костомарова, переживший почти 30 переизданий. Перечисленные учебники используются в системах дополнительного, а также общего и высшего образования.

«Образовательный суверенитет» может стать трендом для следующих поколений политических лидеров

Где учились и на каких языках говорят лидеры стран Африки?

В колониальные времена метрополии вкладывали средства в образование местной элиты с целью формирования лояльного себе правящего класса африканцев, который служил бы связующим звеном между колониальной властью и местным населением, так первое поколение постколониальных лидеров Африки получило европейское образование. Теперь качество образования непосредственно в Африке постепенно повышается, формируются африканские «кузницы кадров», поэтому доля лидеров, получивших образование на родине, неуклонно растет.

С целью определить образовательные системы каких стран оказывают наибольшее влияние на формирование корпуса лидеров всех 54 стран Африки, Центром изучения Африки НИУ ВШЭ был проведен простой подсчет. Учитывая неоднородность составов кабинетов, для анализа были отобраны ключевые министерские портфели и должности: президенты (короли), премьер-министры, спикеры парламентов (в случае двухпалатной системы для точности были отобраны спикеры нижних палат), министры иностранных дел, финансов, обороны, внутренних дел, энергетики, высшего образования, здравоохранения, сельского хозяйства, минеральных ресурсов, ИКТ и главные судьи верховных судов. Таким образом, в нашу выборку попали 719 африканских государственных служащих, входивших в состав правительств и занимавшие ключевые посты в правительстве по состоянию на декабрь 2024 г. По каждому из них была собрана информация о стране получения высшего образования (или других форм образования, если срок пребывания в стране превышает один год) и языках, на которых они говорят.

140 МАПРЯЛ, Комплексное исследование учебников и учебных пособий, предназначенных для обучения русскому языку в зарубежных странах. URL: <https://ru.mapryal.org/files/cache/upload/files/Комплексное%20исследование%20учебников%20и%20учебных%20пособий%20С%20предназначенных%20для%20обучения%20русскому%20языку%20в%20зарубежных%20странах.pdf>

Информация в основном собиралась из официальных источников, включая сайты министерств и ведомств, официальные биографии, профили в социальных сетях и интервью. Зачастую удавалось найти и подтвердить информацию в местных СМИ. При дальнейших оценках и интерпретации данных следует принимать во внимание, что на определенном языке говорят «по меньшей мере X» государственных деятелей, поскольку существует вероятность, что на этом языке говорят и другие участники выборки, о чем нет информации в открытом доступе.

Основные результаты исследования

Английский и французский остаются основными языками, на которых говорят государственные деятели Африки

Это объясняется официальным статусом этих языков в большинстве африканских стран. Французский — официальный язык в 26 африканских странах, а в 7 — административный или де-факто официальный язык, английский — официальный язык в 21 африканской стране. Английским языком владеют по меньшей мере 456 лиц, вошедших в выборку (около 63%), а французским — по меньшей мере 365 (около 50%).

За ними следует арабский, на котором говорят не менее 164 человек (22%) и который имеет официальный статус в 12 африканских странах. На португальском говорят не менее 67 человек (9%), он официальный язык в 5 африканских странах. Не менее 45 человек говорят на суахили (6%), официальном языке в 3 африканских странах. Не менее 27 говорят на испанском (3,7%) — официальном языке Экваториальной Гвинеи, не менее 22 — на амхарском (3%), официальном языке Эфиопии. Не менее 21 говорят на русском (2,9%) и не менее 18 — на немецком (2,5%).

Английский и французский остаются самыми распространенными языками среди африканских

государственных деятелей. Английский язык выучили в качестве второго или третьего по меньшей мере 140 африканских государственных деятелей, а французский — по меньшей мере 51 государственный деятель.

За ними следует русский, который изучили не менее 22 человек, арабский — не менее 19 и немецкий, которым владеют не менее 18. Испанский язык изучили не менее 14 человек, а не менее 8 изучили голландский в качестве второго или третьего иностранного языка. Не менее 3 попавших в выборку государственных деятелей говорят на японском и китайском языках, не менее 2 — на шведском.

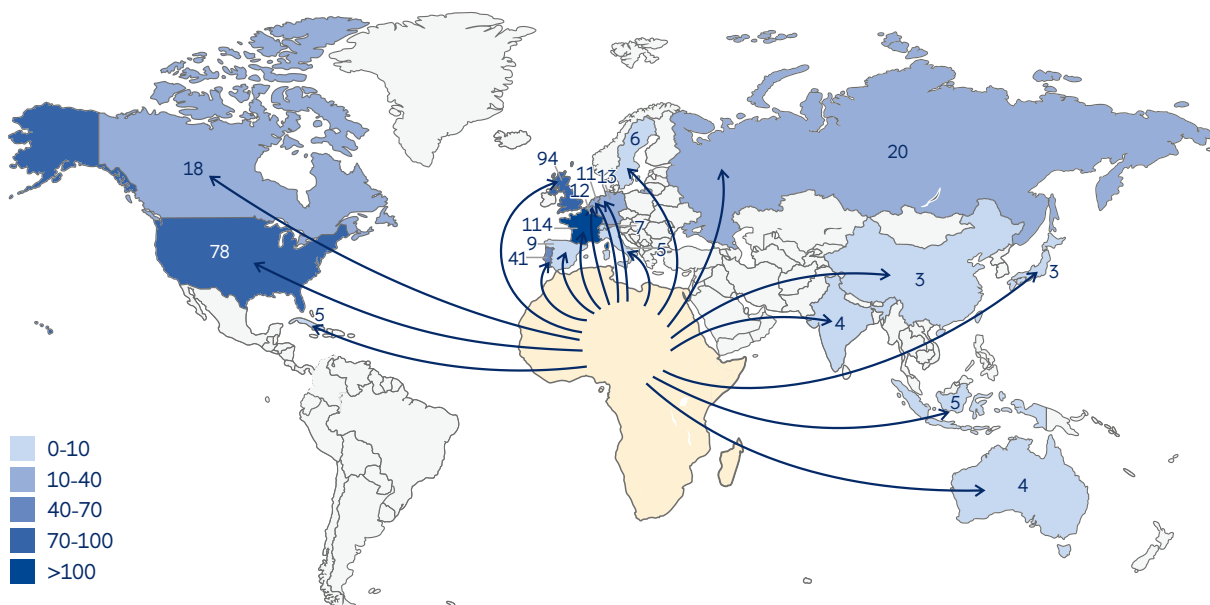
Из 719 министров, глав государств, судей и спикеров парламентов не менее 114 получили образование в университетах Франции. Далее предсказуемо следуют университеты Велико-

британии, где учились 94 государственных деятеля. На третьем месте — университеты США, в которых получили образование 78 африканских государственных деятелей. Не менее 41 человека получили образование в университетах Португалии, где в основном обучаются представители португалоязычных Кабо-Верде, Анголы, Гвинеи-Бисау, Сан-Томе и Принсипи.

Следующим по популярности местом получения образования стала ЮАР, в университетах которой получили образование 39 государственных деятелей (из них 12 из ЮАР, а 27 — представители других государств). ЮАР как образовательное направление наибольшую популярность имеет среди государственных деятелей сопредельных стран: Мозамбика, Намибии, Эсватини, Ботсваны, а также Кении и Танзании.

Не менее 21 человека получили высшее образование в Камеруне (12 из Камеруна, 9 из других стран), это популярное направление среди франкоязычных лидеров из Чада, ЦАР, Республики Конго. Не менее популярны и университеты Кении: как минимум 21 лидер (13 кенийцев,

Страны и регионы получения высшего образования африканскими главами государств и министрами

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе собранных данных.

8 из других стран Африки) получили образование в этой стране Восточной Африки, причем в основном из соседних Уганды, Судана и Сомали, а также Либерии и Малави.

Эфиопия и Египет подготовили одинаковое число рассмотренных нами государственных деятелей — по 21. В случае с Эфиопией это число включает в себя в основном эфиопов (14), а также представителей соседней Эритреи (6), которые получали образование в университетах Эфиопии, когда эти страны были частью одного государства. В Египте, напротив, география получивших образование политиков более разнообразна: Судан, Мавритания, Ливия и Джибути.

В Уганде обучались 17 лидеров (13 национальных и 4 из Руанды и Южного Судана); в Марокко — 15 лидеров, 8 из которых прибыли из-за рубежа, в основном из соседних стран (Мавритании, Сенегала, с Коморских островов).

Россия (СССР) также вошла в десятку самых популярных направлений, там получили об-

разование 22 государственных деятеля, в основном из Анголы, Намибии, Мали, Мозамбика и Республики Конго, большинство из которых ранее придерживалось социалистической ориентации.

За ней следуют университеты Канады, где учились не менее 18 государственных деятелей из Африки (в основном из франкоязычных Гвинеи, Габона, Буркина-Фасо, Бурунди), университеты Германии — 13 (государственные деятели из разных регионов Африки), Бельгии — 12 (из Руанды, Демократической Республики Конго, Буркина-Фасо, Бурунди), Нидерланды — 11 (из Египта, Намибии, Ганы), Испании — 9 (в основном из Экваториальной Гвинеи).

По 5 лидеров учились в Малайзии, Италии и на Кубе (в основном представители португальскоязычных Анголы, Сан-Томе и Принсипи, Гвинеи-Бисау).

Примечательно, что сравнительно небольшое количество государственных служащих полу-

чили образование в Австралии (4), Индии (4), Китае (3), Японии (3). Можно предположить, что в ближайшие годы, учитывая значительное количество стипендий, предоставляемых этими странами, африканцы, обучавшиеся там, могут стать более представленными в числе ключевых государственных деятелей своих стран.

В большинстве африканских государств президенты (короли в Марокко, Лесото и Эсватини) — полноправные главы государств. Большинство из них частично или полностью получили образование за пределами своей страны (46 государственных деятелей). Значительное число африканских лидеров (45%) получили образование в бывших метрополиях, абсолютное меньшинство — строго на родине (13%), а 17 глав государств — в других африканских странах (32%).

Большинство министров, связанных с безопасностью, учились у себя на родине. 40% из них получили образование строго на родине. Это может быть связано с тем, что большинство из них — выходцы из военной среды, представители которой традиционно чаще всего проходят обучение в родной стране, а затем могут получить дополнительную подготовку за рубежом. 37 министров обороны в Африке получили образование в своей стране (хотя бы частично), и только 16 африканских министров обороны получили образование за пределами своей страны. 38 африканских министров внутренних дел получили образование в своих странах (хотя бы частично), и только 14 из них — полностью за границей.

Судебные системы также в основном возглавляют лидеры, получившие образование внутри страны. 39 верховных судей африканских стран (76%) получили образование на родине (хотя бы частично), а 12 из них учились только за границей (24%). Схожая ситуация и со спикерами парламентов, из которых 33 получили образование на родине (65%), а 18 (35%) — полностью за границей.

Примечательно, что финансово-экономический сектор в Африке возглавляют государственные деятели, получившие образование за рубежом (89%). Большинство министров финансов — 48 — получили образование за рубежом, и только 6 из них (11%) — в своей стране. Аналогичная ситуация и с министрами иностранных дел, которые в большинстве своем получили образование за пределами своей страны — 38 министров, а 16 из них учились только в своей стране (29%).

Подавляющее большинство министерств и стран возглавляют специалисты, получившие высшее образование как внутри страны, так и за рубежом

Только 10 государственных деятелей, вошедших в выборку, не имеют высшего образования или факт его наличия оспаривается.

Хотя 472 из 719 лидеров, рассмотренных в исследовании, получили одну из степеней в своей стране, по меньшей мере 223 из них также учились за границей; 249 получили образование в своей стране без обучения за рубежом, а 237 — только за границей. Из приведенных подсчетов можно сделать несколько основных выводов.

Во-первых, пока большинство глав государств и ведущих министров африканских правительств получило образование в бывших метрополиях и владеет английским и французским языками. Это связано с тем, что нынешняя политическая элита в среднем старше 55 лет, однако это положение может вскоре начать меняться, учитывая рост влияния незападных государств в Африке, а также внутриафриканскую студенческую мобильность. Меняться оно будет, впрочем, постепенно, медленно и только до определенных пределов, в том числе потому, что во многих государствах Африки английский и французский языки (а также португальский или арабский) воспринимаются уже как собственные национальные.

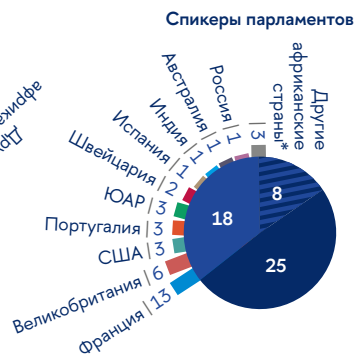
Где обучались африканские чиновники

*Марокко (3), ЮАР (2), Уганда (2), Алжир (2), Египет (2), Танзания, Судан, Сенегал, Кот-д'Ивуар, Маврикий, Камерун

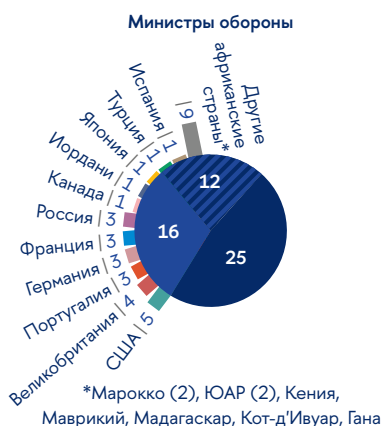
*Камерун (2), ЮАР, Марокко, Бенин

*Танзания, Судан, Намибия

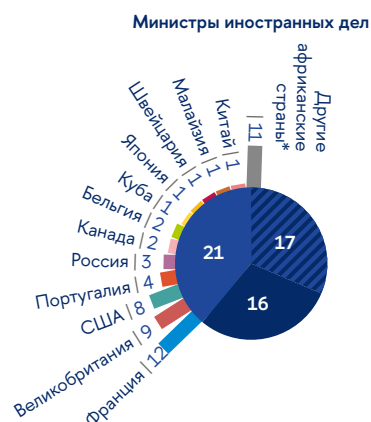
*ЮАР, Того, Маврикий, Замбия

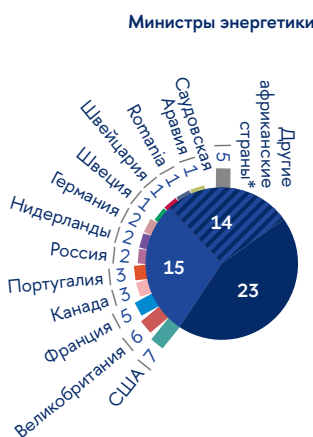
*Марокко (2), ЮАР (2), Кения, Маврикий, Мадагаскар, Кот-д'Ивуар, Гана

*Буркина-Фасо, Египет, ЮАР, Нигерия, Марокко, Мавритания, Мадагаскар

*Египет (2), Судан, Республика Конго, Кения, Камерун, ДР Конго, Ботсвана, Бенин, Алжир, Тунис

*ЮАР (4), Гвинея

*Судан, Камерун, Гвинея, Мадагаскар

● За рубежом

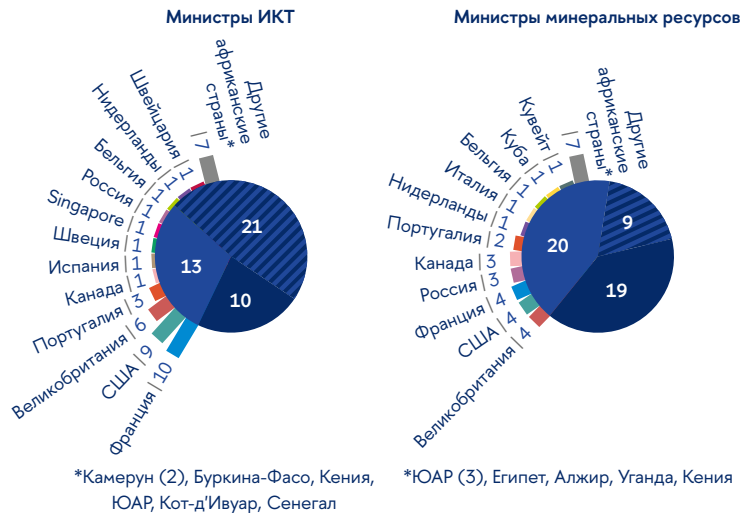
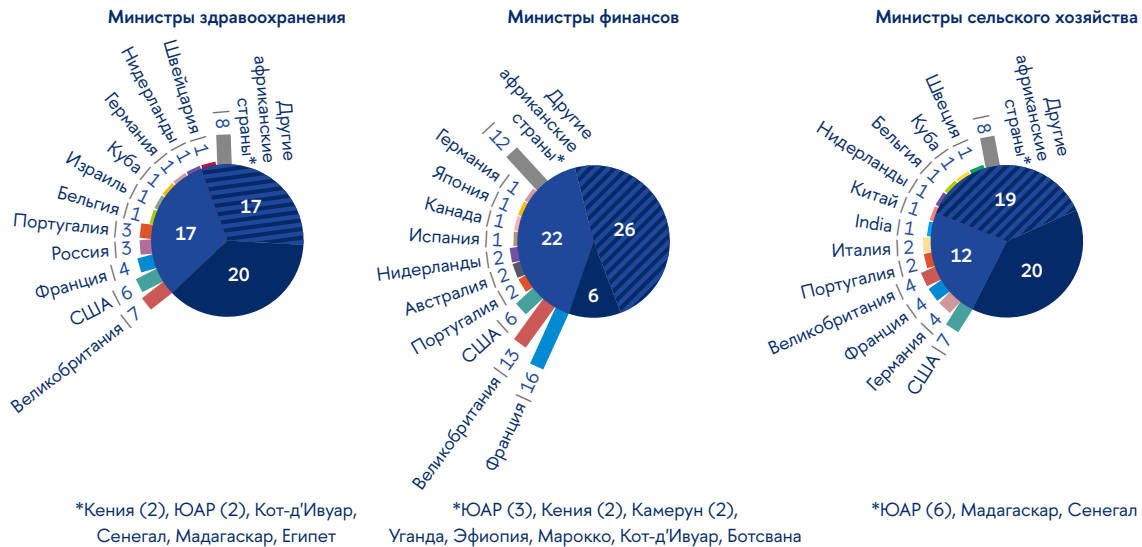
● На родине

● За рубежом и на родине

● Нет высшего образования

По состоянию на декабрь 2024 г.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных СМИ, Института статистики ЮНЕСКО, данных министерств иностранных дел рассматриваемых стран.

● За рубежом

● На родине

● За рубежом и на родине

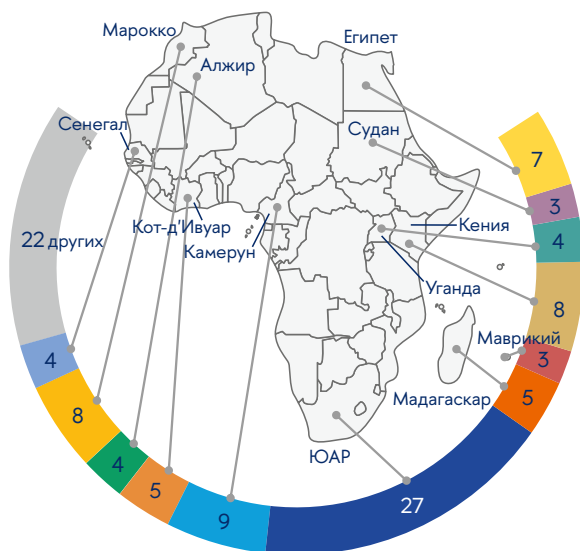
По состоянию на декабрь 2024 г.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных СМИ, Института статистики ЮНЕСКО, данных министерств иностранных дел рассматриваемых стран.

Во-вторых, заметна доля руководителей, получивших образование в других африканских странах, — очередное свидетельство региональных интеграционных процессов и притяжений, которые становятся все заметнее. В-третьих, растет и популярность национального образования, которое в той или иной мере получили около 70% вошедших в выборку лидеров.

В-четвертых, чем выше уровень образования в стране, тем чаще руководство страны получает образование в своей стране, не выезжая за рубеж (например, ЮАР). Все эти тенденции подчеркивают целесообразность дальнейших инвестиций в развитие системы высшего образования в африканских странах, в том числе иностранных.

Страны получения высшего образования африканских государственных деятелей внутри Африки

По состоянию на декабрь 2024 г.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе собранных данных.

Будущее африканских рынков образования

Сфера образования остается для африканских государств как серьезным вызовом, так и пространством возможностей. Будущее экономического, политического и социального развития континента зависит от успешного преодоления проблем, стоящих перед Африкой в сфере образования.

Преобразования в секторе ИКТ открывают новые возможности для решения проблем образования в Африке. Это напрямую связано с решением инфраструктурных проблем континента, развитием цифровых технологий.

Необходимы инвестиции в инфраструктуру, поддержка инициатив, направленных на формирование востребованных компетенций, устойчивые форматы взаимодействия и обеспечение эффективного функционирования местных институтов, а также разработка образовательной политики, поддерживающей эти изменения.

Высшее образование в Африке все еще остается недофинансированным со стороны как правительств, так и местного крупного бизнеса. За исключением ЮАР и Египта, в университеты которых значительные инвестиции направляются в том числе из-за рубежа (США и другие доноры), университеты в остальных странах Африки остаются недофинансированными даже с учетом растущей покупательной способности местного населения, поэтому большинство университетов в других странах (например, в Нигерии) имеют значительный потенциал для роста, и партнерство с ними представляет интерес с точки зрения выхода на перспективные рынки.

В сфере образования на всех уровнях необходимо более глубокое стратегическое планирование, включая определение приоритетных областей, соответствующих национальным стратегическим целям. В большинстве стран к таким областям можно отнести сельское хозяйство, медицину, инженерное дело и программирование, STEM. Несоответствие систем подготовки кадров потребностям рынка труда — среди основных причин к оттоку перспективных кадров за пределы Африки.

Африканским странам необходимо **больше инвестировать в «образовательный суверенитет»**. Несмотря на широкую международную поддержку, большинство внешних игроков в конечном итоге заинтересованы в получении квалифицированных работников для своих стран.

Инфраструктурный ландшафт: транспорт, цифровизация и урбанизация

Инвестиции в инфраструктурные проекты Африки составили около 3,5% общерегионального ВВП, или приблизительно 105 млрд долл. в 2023 г. (согласно оценке Всемирного банка). Объем финансирования в 2024 г. можно оценить в 97 млрд долл., а в 2025 г. — в 99 млрд долл.¹⁴¹ При этом, по оценке Всемирного бан-

ка¹⁴², ежегодная потребность в инфраструктурных инвестициях составляет около 7% африканского ВВП, или 150–200 млрд долл., за период 2015–2025 гг. Дефицит инфраструктуры приводит к снижению темпов роста ВВП Африки на 2 п.п., согласно оценке Африканского банка развития¹⁴³.

Объем финансирования инфраструктурных проектов в Африке, по данным Инфраструктурного консорциума для Африки (ICA, Infrastructure Consortium for Africa), с 2016 по 2020 г. вырос на 21% и составил 81 млрд долл. в 2020 г. (максимального значения в 101 млрд долл. показатель за данный период достиг в 2018 г., однако в последующие два года объем инвестиций снизился в связи с экономическим спадом и последствиями пандемии COVID-19). Из них в 2020 г. 42% вложено в транспортную инфраструктуру, 29% — в энергетику, 13% — в ИКТ, 10% — в системы водоснабжения и очистки сточных вод¹⁴⁴. При этом Африканский банк развития оценил в 2020 г. ежегодную потребность континента в инфраструктурных инвестициях в 130–170 млрд долл., из них 56–66 млрд — на системы водоснабжения и очистки сточных вод, 25–50 млрд — на энергетику, 35–47 млрд — на транспорт, 4–7 млрд — на ИКТ¹⁴⁵. На 2025 г. дефицит финансирования сохраняется, по разным оценкам (Всемирного банка¹⁴⁶, McKinsey¹⁴⁷) он составляет от 50 млрд до 100 млрд долл.

В 2020 г. африканские правительства обеспечили 41% объема инфраструктурных инвестиций, частные инвесторы — 24%, страны — члены Инфраструктурного консорциума для Африки (ICA) — 22%, прочие двусторонние/многосторонние вложения составили 13%. Таким образом, государственные инвестиции остаются основным источником финансирования.

141 World Bank Group. Infrastructure in Africa. How Institutional Reforms Can Attract More Private Investment. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099625202202325213/pdf/IDU-2ddef280-0111-41a1-a6b1-8f4d2618b2b3.pdf>

142 Ibid.

143 Afrobarometer. AD69: Building on progress: Infrastructure development still a major challenge in Africa. URL: <https://www.afrobarometer.org/publication/ad69-building-progress-infrastructure-development-still-major-challenge-africa/>

144 The Infrastructure Consortium for Africa. Key Achievements in the financing of African infrastructure in 2019–2020. URL: <https://www.icafrica.org/en/topics-programmes/key-achievements-in-the-financing-of-african-infrastructure-in-2019-2020/>

145 African Development Bank Group. Infrastructure Financing Trends in Africa 2019–2020. URL: <https://www.afdb.org/en/documents/infrastructure-financing-trends-africa-2019-2020>

146 World Bank Group. Infrastructure in Africa. How Institutional Reforms Can Attract More Private Investment. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099625202202325213/pdf/IDU-2ddef280-0111-41a1-a6b1-8f4d2618b2b3.pdf>

147 McKinsey & Co. Solving Africa's infrastructure paradox. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/operations/our-insights/solving-africas-infrastructure-paradox>

Государства через закупки и бюджетные программы остаются ключевым драйвером развития инфраструктуры

По оценкам Всемирного банка, объем госзакупок в странах Африки составляет около 17% ВВП¹⁴⁸. Из них примерно 21% направляется на инфраструктурные проекты, что соответствует около 10% совокупных государственных расходов. Подобная структура расходов свидетельствует о высокой значимости инфраструктуры в бюджетной политике большинства стран региона. На фоне демографического перехода разрыв между потребностью в инфраструктурных инвестициях и их фактическим объемом становится все заметнее и предопределяет необходимость увеличения вложений в инфраструктуру. Это, в свою очередь, потребует наращивания объемов госзакупок, а также импорта оборудования, строительных материалов и технологий.

Транспорт

Дефицит транспортной инфраструктуры — одно из ключевых препятствий для африканской экономической и политической интеграции

Несмотря на то что на автотранспортные перевозки приходится 80–90% внутриконтинентальной торговли, из 2,8 млн км дорог южнее Сахары только 29% имеют твердое покрытие (для сравнения: в Южной Азии — около 55%, в Европе и Центральной Азии — около 85%)¹⁴⁹. Наименьшие показатели (менее 5% асфальтированных дорог) наблюдаются в Чаде и ЦАР, наибольшие (более 90%) — в малых островных государствах

(Маврикий и Сейшелы) и Египте. Уровень в 70–90% достигнут в Алжире, Марокко, Тунисе, на Кабо-Верде, Коморах и Сан-Томе и Принсипи. Низкой оста-

ется и плотность покрытия — всего 31 км асфальтированных дорог на 100 км² против 134 км в других государствах с низким уровнем доходов¹⁵⁰. Высокая изношенность покрытия, отсутствие дренажа и освещения увеличивают издержки перевозчиков.

Стоимость перевозок в странах Африки для конечного пользователя остается высокой, несмотря на умеренные операционные затраты перевозчиков, что во многом объясняется слабой конкуренцией. Так, стоимость автомобильных перевозок за тонно-километр в среднем в странах Африки южнее Сахары составляет от 0,33 до 0,57 долл., что в 4 раза выше, чем в США, и в 2 раза выше, чем во Франции. Более того, в африканских странах, в частности в **Эфиопии** и **Нигерии**, расходы на перевозку для конечного пользователя возрастают с расстоянием в 4–5 раз интенсивнее, чем в США¹⁵¹.

При этом значительная часть вызовов обусловлена не только дефицитом инфраструктуры, но и прочими барьерами: многочисленные контрольно-пропускные пункты, коррупция и бюрократия на границах увеличивают сроки и себестоимость доставки. Так, например, на маршруте **Лагос — Аккра** (Нигерия — Гана, обе страны входят в ЭКОВАС) водители проходят через 54 КПП, что сопровождается неформальными сборами и увеличивает транспортные расходы, а также время в пути с потенциальных 3 часов (в случае отсутствия КПП) до 10–15¹⁵².

148 World Bank Group. The expanding role of public procurement in Africa's economic development. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/governance/expanding-role-public-procurement-africas-economic-development>

149 Export-Import Bank of India. Connecting Africa: Role of Transport Infrastructure. 2018. URL: <https://www.tralac.org/images/docs/12896/connecting-africa-role-of-transport-infrastructure-exim-bank-working-paper-march-2018.pdf>

150 World Bank. Developing a framework for systematic decision-making in the choice of paving technologies for rural roads. Africa Region. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/607531613505668080/pdf/To-Pave-or-Not-to-Pave-Developing-a-Framework-for-Systematic-Decision-Making-in-the-Choice-of-Paving-Technologies-for-Rural-Roads.pdf>

151 VoxDev. Land transportation landscape in developing countries. URL: <https://voxdev.org/voxdevlit/land-transport-infrastructure/land-transportation-landscape-developing-countries>

152 Business & Financial Times. Numerous checkpoints, delays on Lagos-Accra corridor frustrate commuters. URL: <https://thebftonline.com/2024/01/19/numerous-checkpoints-delays-on-lagos-accra-corridor-frustrate-commuters/>

Сеть трансфриканских автомагистралей

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

Железнодорожная инфраструктура в большинстве стран Африки создана в колониальные времена и с тех времен модернизировалась и расширялась незначительно. На 2023 г. на Африку приходилось около 1% железнодорожных перевозок мира (в тонно-километрах) (для сравнения: доля Африки в мировом ВВП и глобальном

объеме экспорта и импорта составляет порядка 3%)¹⁵³. При этом более 80% (в тонно-километрах) железнодорожных перевозок приходится на ЮАР¹⁵⁴. В остальных странах железную дорогу используют в основном горнодобывающие компании для доставки сырья из внутренних регионов в порты экспортной отгрузки.

153 Raillisa. UIC Statistics. URL: <https://uic.org/support-activities/statistics/>

154 Export-Import Bank of India. Connecting Africa: Role of Transport Infrastructure. 2018. URL: <https://www.tralac.org/images/docs/12896/connecting-africa-role-of-transport-infrastructure-exim-bank-working-paper-march-2018.pdf>

До сих пор большинство инвестиций в железнодорожную сеть направлено на развитие проектов по экспорту сырья

Коридор Лобиту — совокупность проектов по развитию транспортной инфраструктуры в Анголе, ДРК и Замбии, направленных на обеспечение их выхода к атлантическому побережью Африки. Транспортная инфраструктура, включая железнодорожную линию **Бенгела** протяженностью 1866 км (с колеей 1067 мм), соединяющую Тенке в ДРК с портом Лобиту в Анголе, была построена еще в колониальный период — в начале XX в. В то время отдельные ее участки использовались для экспорта урана, олова и меди из Бельгийского Конго через атлантические порты.

Гражданские войны в ДРК и Анголе во второй половине XX в. привели к разрушению железной дороги и ее фрагментации. В 1990-х и 2000-х годах части железнодорожной магистрали были восстановлены, но эксплуатировались раздельно.

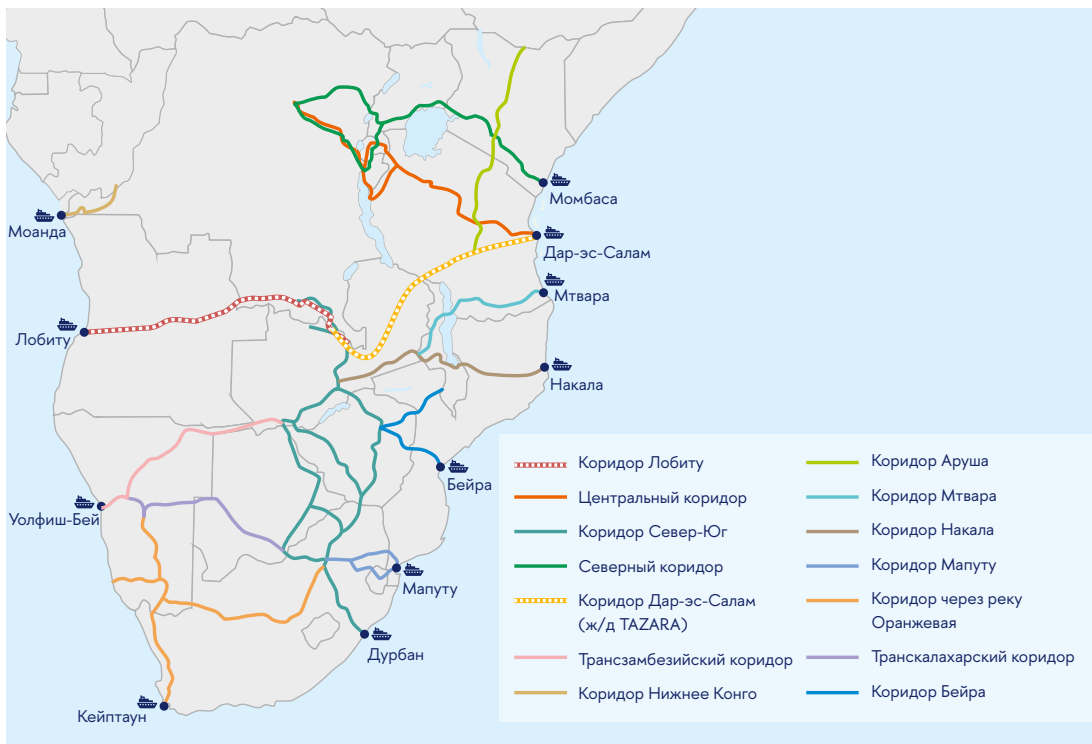
В июле 2022 г. правительство Анголы объявило результаты конкурса на концессию ангольского участка **Лобиту — Луау** (1344 км) сроком на 30 лет. Победу одержал консорциум **Lobito Atlantic Railway**, в котором по 49,5% акций принадлежит сингапурскому трейдеру **Trafigura** и португальской строительной компании **Mota-Engil**, а 1% — бельгийскому оператору железнодорожной инфраструктуры Vecturis. Китайский консорциум (CTIC, Sinotrans и CR20) уступил в конкурсе. В июле 2023 г. состоялась официальная церемония передачи железной дороги в управление консорциума. В феврале 2024 г. были заключены первые контракты на железнодорожные грузоперевозки. Trafigura получила право на транспортировку 450 тыс. т грузов в год начиная с 2025 г. Консорциум канадской горнодобывающей компании **Ivanhoe Mines** и китайской **Zijin Mining**, реализующий проект по добыче меди в ДРК (Камоа-Какула), получил право на перевозку от 120 тыс. до 240 тыс. т в год с 2025 г. (в 2024 г. — 10 тыс. т).

Тем временем в декабре 2023 г. компания **AGL** (подразделение швейцарского судоходного гиганта **MSC**) получила в концессию порт Лобиту с обязательством инвестировать в его развитие не менее 100 млн долл. Проект развития коридора Лобиту пользуется поддержкой западных стран. На саммите G7 в 2023 г. президент США Дж. Байден объявил о намерении поддержать проект в рамках глобальной инициативы **Partnership for Global Infrastructure and Investment (PGI)**. В октябре 2023 г. правительства США, Анголы, ДРК, Замбии, а также Европейская комиссия и **African Finance Corporation (AFC)** подписали меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в развитии коридора Лобиту. В феврале 2024 г. государственная международная финансовая корпорация США по вопросам развития (DFC) одобрила выделение кредита в размере 250 млн долл. AFC для строительства железнодорожной линии, соединяющей Замбию с участком железной дороги Бенгела в Анголе. Данный кредит требует одобрения Конгрессом США и на 2025 г. до сих пор не одобрен. Также в октябре 2024 г. совет директоров DFC одобрил предоставление кредита в размере 553 млн долл. для консорциума Lobito Atlantic Railway на модернизацию железной дороги Лобиту — Луау и порта Лобиту.

С приходом к власти в США администрации Д. Трампа в январе 2025 г. и заморозкой им многих программ международной помощи, в том числе по линии DFC, судьба обеих кредитных линий остается неизвестной. 23 января 2025 г. первый секретарь посольства США в Анголе Энтони Этерно во время визита в порт Лобиту заверил местных чиновников, что сотрудничество США и Анголы по данной линии продолжится и при администрации Трампа. В апреле 2025 г. посол США в Анголе Джеймс Стори заявил, что США по-прежнему намерены выделить ранее обещанную сумму на развитие коридора.

Очевидно, что проект коридора Лобиту направлен на создание альтернативного логистического маршрута для экспорта полезных ископаемых из Замбии и юго-восточной части ДРК, который будет конкурировать с «восточным» маршрутом. По состоянию на май 2024 г. большая часть руды из Катанги и Медного пояса вывозится автотранспортом на восток, а затем экспортируется через порт **Дар-эс-Салама** в Китай. В последние годы Китай также активно инвестирует в развитие железнодорожной инфраструктуры в Танзании и Замбии для оптимизации экспорта руды. В сентябре 2024 г. китайское правительство объявило о намерении профинансировать модернизацию железнодорожной линии **TAZARA**, соединяющей Замбию с танзанийским портом Дар-эс-Салама.

Транспортная инфраструктура Центральной, Восточной и Южной части Африки

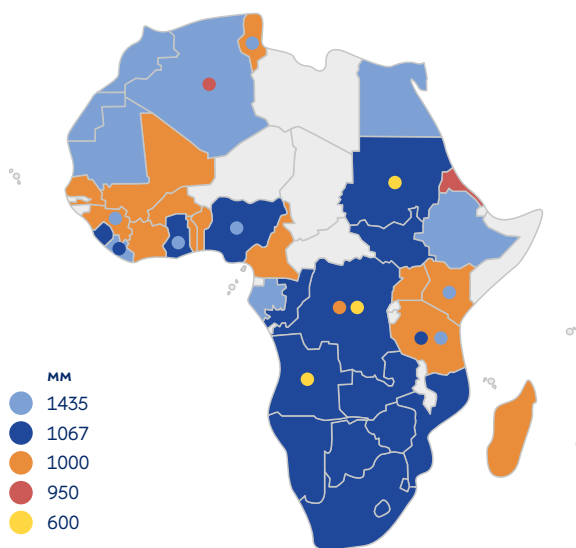
Транспортный коридор — система логистических коммуникаций различных видов транспорта с соответствующей инфраструктурой, предназначенная для перевозок в международном сообщении на направлениях с высокой потоковой активностью.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных на основе данных Трехсторонней программы содействия транспорту и транзиту.

Железнодорожная сеть Африки характеризуется большим разнообразием колейных стандартов: преобладают размеры **1435 мм (европейская/стандартная колея)**, **1067 мм (капская колея)** и **1000 мм (метровая колея)**, что создает разрывы в логистических цепочках и препятствует внутрирегиональному сообщению. За последние 20 лет реализованы лишь отдельные проекты в стандартной колее (в Эфиопии, Кении, Танзании, Гвинее, ЮАР), но масштаб их пока ограничен¹⁵⁵.

В африканской железнодорожной сети преобладает дизельная тяга: большинство линий на континенте не электрифицировано. Исключения в основном встречаются в ЮАР и странах Северной Африки. Так, в ЮАР электрифицировано свыше 50% железнодорожных линий. Отдельные участки электрифицированы в горнодобывающих регионах ДР Конго, на коротком участке (в настоящее время неэксплуатируемом) — Зимбабве и на новых магистральных линиях Джибути — Аддис-Абеба и Дар-эс-Салам — Додома.

Колейные стандарты в Африке, 2025

Примечание: точки внутри страны обозначают существование отдельных линий другой колеи.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

До 2020-х годов сообщение между Дар-эс-Саламом и Додомой обеспечивалось Центральной линией — узкоколейной железной дорогой (метровая колея), построенной в 1905–1914 гг. немецкой колониальной администрацией и позднее продленной британцами до г. Кигома на берегу озера Танганьика. На протяжении десятилетий эта линия оставалась главной транспортной артерией страны, однако к началу XXI в. пришла в упадок: изношенные пути, устаревший подвижной состав и низкая скорость движения (поезд Дар-эс-Салам — Додома мог идти от 12 до 24 часов, в то время как дорога на автобусе занимала около 8 часов) делали ее неконкурентоспособной по сравнению с автомобильным транспортом.

На смену старой линии пришел проект **Standard Gauge Railway (SGR)** — один из крупнейших инфраструктурных проектов независимой Танзании. Его реализация началась в 2017 г. и предусматривает создание современной железнодорожной сети протяженностью свыше 1,9 тыс. км, которая соединит порт Дар-эс-Салам с внутренними регионами страны, а также со странами Центральной и Восточной Африки. Участок Дар-эс-Салам — Додома вошел в первые два этапа строительства и рассматривался как приоритетное направление. В рамках двух этапов строительства проложено 722 км. Строительство велось турецкой компанией Yapi Merkezi в консорциуме с португальской Mota-Engil. Уполномоченный ведущий организатор кредитной линии — Standard Chartered, основное финансирование представили экспортные агентства Дании и Швеции. Общая стоимость двух фаз составила около 2,3 млрд долл. США.

155 World Bank. Modern Railway Services in Africa: Building Traffic — Building Value. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/104881601018924681/pdf/Modern-Railway-Services-in-Africa-Building-Traffic-Building-Value.pdf>

Электрифицированная линия (колея — 1435 мм, 25 кВ переменного тока) обеспечила движение пассажирских поездов со скоростью до 160 км/ч и грузовых составов до 120 км/ч. В июле 2024 г. состоялся официальный запуск пассажирского сообщения. Время в пути между Дар-эс-Саламом и Додомой сократилось до 4 часов. В 2025 г. также началась эксплуатация грузовых составов. Правительство Танзании закупило более 1400 вагонов, и, по расчетам, один состав способен перевозить до 10 тыс. т. Запуск грузовой линии позволит быстрее и дешевле доставлять контейнеры, топливо и продовольствие из порта Дар-эс-Салам во внутренние регионы страны. По оценкам правительства Танзании, ежегодный объем перевозок может достичь 17 млн т, что существенно повысит эффективность порта и снизит стоимость региональной торговли¹⁵⁶.

При этом значительная часть железнодорожной инфраструктуры региона находится в неудовлетворительном состоянии: пути требуют капитального ремонта. Даже на функционирующих линиях низкое качество путевого хозяйства вынуждает вводить жесткие ограничения скорости на протяженных отрезках, что снижает конкурентоспособность железнодорожного транспорта и ограничивает его провозную способность¹⁵⁷.

Устаревает и подвижной состав. В большинстве африканских стран средний возраст локомотивов превышает 40–50 лет, тогда как стандартный эксплуатационный срок службы обычно составляет 25 лет. Операторы вынуждены эксплуатировать технику в 2 раза дольше проектного срока, часто поддерживая ее в работоспособном состоянии за счет разборки части локомотивов на запчасти. Согласно официальной дорожной карте 2030 Минтранса ЮАР от 2023 г., 54% дизельных локомотивов в стране старше 38 лет¹⁵⁸. В парке замбийской национальной железнодорожной корпорации (Zambia Railways Limited) средний возраст локомотивов составляет около 40 лет¹⁵⁹.

В 2023 г. на Африку приходилось около 2% пассажирских железнодорожных перевозок мира

(в пассажиро-километрах) (для сравнения: доля России составила 5%, Ближнего Востока и АТР — 72%¹⁶⁰). Большинство сетей устарели и не модернизировались десятилетиями, что обусловило снижение надежности и комфортности железнодорожного транспорта по сравнению с автобусными и авиационными перевозками. Вследствие этого около 90% пассажирских перевозок на континенте обеспечивается автомобильным транспортом.

Распространение пригородные поезда пока не получили. Работают они в отдельных агломерациях (**Каир, Дакар, Касабланка — Рабат, Алжир, Ларос, Найроби, в ЮАР** — система **Gautrain**, соединяющая Йоханнесбург, Преторию и Кемптон-Парк). Однако для большинства столиц стран Африки южнее Сахары разветвленных и надежных пригородных поездов с высокой частотой и стабильной электротягой нет, сети короткие, покрытие узкое, расписания и обслуживание нестабильны, что увеличивает время и стоимость поездок, сужает радиусы доступности и ограничивает маятниковую миграцию. В результате агломерации не реализуют свои преимущества: работодатели и соискатели слабо связаны, что повышает издержки и снижает привлекательность городов для торговли и инвестиций.

156 Xinhua News. Tanzania's electric SGR train service starts commercial operation from Dar es Salaam to Dodoma. URL: <https://english.news.cn/20240803/430b2414f90f4e86b38243a9c8fe2f0b/c.html>

157 Ibid.

158 South African Department of Transport. Roadmap for the Freight Logistics System in South Africa. URL: https://www.transport.gov.za/wp-content/uploads/2023/02/Freight_Logistics_Roadmap_092023DRAFT.pdf

159 PMRC. Analysis of the Zambia Railway sector – Structural deficiencies and way forward. URL: <https://pmrczambia.com/wp-content/uploads/2019/08/Analysis-of-Zambia-Railway-Sector-%E2%80%93-Structural-Deficiencies-the-way-forward.pdf>

160 Raillisa. UIC Statistics. URL: <https://uic.org/support-activities/statistics/>

Так, в Найроби пешком можно достичь лишь около 4% рабочих мест за 45 минут, а с использованием микроавтобуса — около 11%. Для сравнения: в Буэнос-Айресе на общественном транспорте за то же время доступно 25% рабочих мест, хотя численность населения там в 4 раза выше¹⁶¹.

Портовая инфраструктура — основа экспорта и импорта Африки, около 90% внешней торговли Африки осуществляется именно морским путем

По данным ЮНКТАД, на Африку в 2023 г. пришлось 4,7% мировой морской торговли.¹⁶² По оценке Центра изучения Африки ВШЭ в Африке насчитывается 109 морских и озерных портов, из них морских — 94%. Количество терминалов в портах варьируется обычно от 1 до 4, но чаще всего ограничивается двумя. Большинство портов и терминалов (95%) находится в государственной собственности, в остальных случаях используется механизм ГЧП. Управление же часто делегируется иностранным компаниям: **DP World** (ОАЭ), **MSC** (Швейцария/Италия), **AP Møller-Mærsk A/S** (Дания), **Albayrak Group** (Турция), **Cornelder Group** (Нидерланды), **AD Ports** (ОАЭ), **Grindrod** (ЮАР) и др. Например, в Танзании из 20 терминалов 18 управляются национальной Tanzania Ports Authority, а еще 2 терминала в порту Дар-эс-Салама — совместно с DP World.

Северная Африка лидирует по объему контейнерных перевозок, на долю стран субрегиона приходится 42% континентального оборота. Это доминирование обусловлено прежде всего стратегическим значением портов **Танжер-Мед** (Марокко) и **Порт-Саид** (Египет), находящихся на одном из важнейших глобальных торговых маршрутов, который связывает Азию и Европу через акваторию Средиземного моря и Суэцкий канал.

Западная Африка, на долю которой приходится 26% годового объема TEU континента, имеет самую высокую концентрацию портов — порты **Лагос** (Нигерия), **Абиджан** (Кот-Д'Ивуар) и **Тема** (Гана) вместе обрабатывают более 3 млн TEU в год.

На Южную часть Африки приходится 18% общего объема контейнерных перевозок континента. В отличие от портов Северной Африки, где значительную часть грузопотока составляют транзитные перевозки

в рамках глобальных маршрутов, в южноафриканских портах преобладают операции, связанные напрямую с импортом и экспортом товаров для нужд ЮАР и ее ближайших соседей. **Дурбан**, крупнейший порт ЮАР, играет ключевую роль в распределении товаров не только внутри страны, но и на другие рынки в южной части континента.

На Восточную Африку приходится 12% годового объема контейнерных перевозок континента в TEU. Важнейшими портами являются **Дар-эс-Салам** (Танзания) и **Момбаса** (Кения). Контейнерные терминалы в этих портах играют ключевую роль во внешней торговле стран, не имеющих выхода к морю, таких как Уганда, Руанда и Бурунди.

Центральноафриканский регион, хотя на его долю приходится всего 3% общего объема контейнерных перевозок континента, демонстрирует один из самых высоких темпов роста с 2010 г. (с 2010 по 2022 г. он составил 104%): динамично развиваются порты **Дуала** (Камерун), **Пуэнт-Нуар** (Республика Конго) и **Матади** (ДР Конго)¹⁶³.

Несмотря на стратегическое значение морских портов, их эффективность во многом определяется состоянием сухопутных логистических цепочек.

161 World Bank. Which Way to Livable and Productive Cities? A Road Map for Sub-Saharan Africa. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/986321553833156431/pdf/Which-Way-to-Livable-and-Productive-Cities-A-Road-Map-for-Sub-Saharan-Africa.pdf>

162 UNCTAD. Shipping data: UNCTAD releases new seaborne trade statistics. URL: <https://unctad.org/news/shipping-data-unctad-releases-new-seaborne-trade-statistics>

163 ALG. Africa's role in global trade: a review of container traffic expansion. URL: <https://www.alg-global.com/blog/logistics/container-ports-and-traffic-expansion-africa>

Инвестиции эмиратской **DP World** и итало-швейцарской логистической компании **MSC** (Mediterranean Shipping Company) в портовую инфраструктуру Африки приобретают все больший масштаб.

Так, DP World управляет терминалами в портах **Дар-эс-Салама** (Танзания), **Бербера** (Сомали), **Босасо** (Сомали), **Мапуту** (Мозамбик), **Луанды** (Ангола), **Банана** (ДР Конго), **Дакара** (Сенегал), **Алжира** (Алжир), **Айн-Сохна** (Египет). В 2024 г. компания заявила о намерении инвестировать в портовую инфраструктуру Африки еще 2 млрд долл. к 2029 г., флагманским проектом стало начатое в том же году строительство порта **Ндаян** в Сенегале стоимостью 1,2 млрд долл. и мощностью обработки 1,2 млн TEU. Ожидаемая дата завершения строительства — декабрь 2027 г.¹⁶⁴ Первые инвестиции DP World в Африке восходят к порту **Дорале** в Джибути. В 2006 г. компания заключила соглашение с правительством Джибути о 30-летней концессии на терминал в порту Дорале, а также получила 33% акций терминала. Однако в 2018 г. правительство национализировало терминал, отозвав концессию и передав контроль государственному оператору SGTД и китайской государственной компании China Merchants Group (получила 25% акций).

MSC развивает бизнес в Африке через две аффилированные структуры: **Terminal Investment Ltd. (TiL)** и **Africa Global Logistics (AGL)**. TiL на 70% принадлежит MSC, на 20% — американской компании Global Infrastructure Partners (принадлежит американской инвестиционной компании BlackRock) и 10% — суверенному фонду Сингапура. TiL управляет контейнерным терминалом в **Ломе** (Того) и контейнерным терминалом в **Сан-Педро** (Кот-д'Ивуар). В декабре 2022 г. MSC завершила приобретение 100% акций логистического подразделения французской Bolloré — Bolloré Africa Logistics, оператора транспортной, логистической и портовой инфраструктуры в Африке, Индии, Гаити и Восточном Тиморе. Сумма сделки составила 6,3 млрд долл. В 2023 г. бывшие активы Bolloré реорганизованы в новую бренд-единицу — AGL. Таким образом, портфель MSC пополнился 14 контейнерными терминалами в Анголе (**Лобиту**), Сенегале (**Дакар**), Гвинее (**Конакри**), Сьерра-Леоне (**Фритаун**), Либерии (**Монровия**), Кот-д'Ивуаре (**Абиджан**), Гане (**Тема**), Того (**Ломе**), Бенине (**Котону**), Нигерии (**Лагос**), Камеруне (**Криби**), Габоне (**Либревиль**), Конго (**Пуэнт-Нуар**) и Коморах (**Морони**)¹⁶⁵.

В марте 2025 г. CK Hutchison (Гонконг) объявила о намерении продать 80% акций **Hutchison Ports Holding** консорциуму **BlackRock-TiL** (остальные 20% принадлежат сингапурской компании PSA International) за 22,8 млрд долл.¹⁶⁶ Hutchison Ports Holding выступает оператором 43 морских терминалов по всему миру, 2 из них — в **Александрии** (Египет).

Портовая инфраструктура в Африке часто не получает должной поддержки со стороны внутренней транспортной инфраструктуры

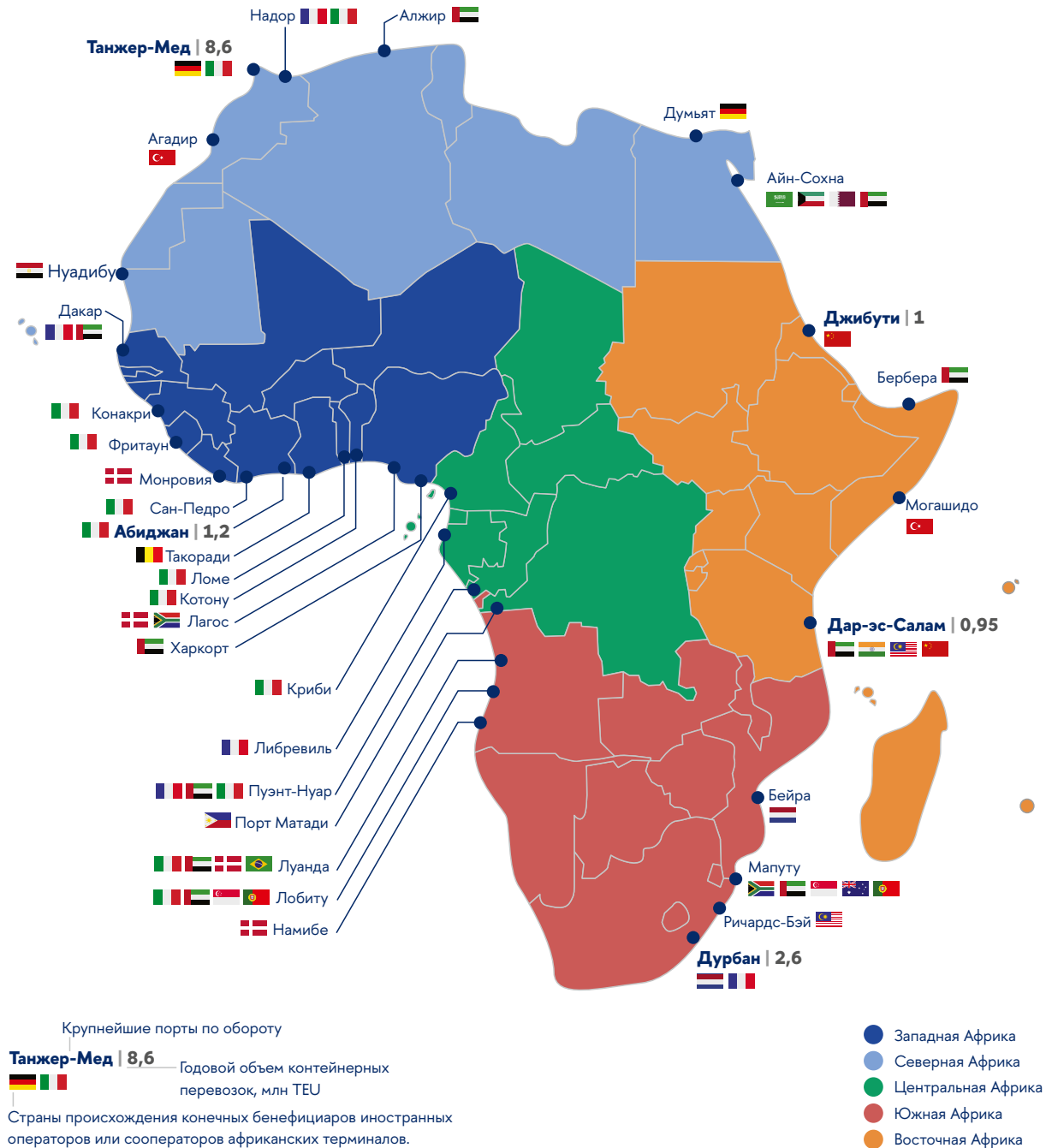
Это приводит к заторам в портах и замедляет движение грузов на внутренних рынках. Сухие порты становятся важным инструментом решения этих проблем, позволяя перераспределить потоки, ускорить таможенные операции и интегрировать морскую торговлю с железнодорожными и автотранспортными сетями.

164 DP World. DP World kicks off maritime construction at new \$1.2 billion port in Senegal. URL: <https://www.dpworld.com/news/releases/dp-world-kicks-off-maritime-construction-at-new-12-billion-port-in-senegal/>

165 AGL. Container terminals. URL: <https://www.aglgroupp.com/en/solutions/port-logistics/container-terminals/>

166 Safety4sea. MSC set to be largest terminal operator following \$22.8 billion deal. URL: <https://safety4sea.com/msc-set-to-be-largest-terminal-operator-following-22-8-billion-deal/>

Иностранные операторы портовых терминалов в Африке, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

В последние годы в Африке наблюдается активное развитие сети внутренних терминалов: на континенте насчитывается более 40 сухих портов, что больше, чем в любом другом регионе мира¹⁶⁷. Сосредоточены они в **ЮАР, Нигерии и Эфиопии**, на каждую из которых приходится около 18% африканских сухих портов. Масштабы операций варьируются от относительно небольших объектов (например, терминал Убунго в Танзании с оборотом 2,5 тыс. TEU в год) до крупных хабов регионального значения (например, сухой порт **City Deep** в ЮАР с оборотом 400 тыс. TEU¹⁶⁸ в год).

В последние годы авиация также демонстрирует динамику роста и расширения связей как внутри континента, так и за его пределами. Так, доля африканских авиаперевозчиков на межконтинентальных маршрутах выросла с 30% в 2019 г.¹⁶⁹ до 37% в 2024 г.¹⁷⁰ Несмотря на положительную динамику, доля Африки на глобальном рынке авиаперевозок остается невысокой — около 2%, и на протяжении последних двух десятилетий этот показатель практически не менялся.

Танзания играет ключевую роль в обслуживании экспортно-импортных потоков Восточной и Центральной Африки, особенно для стран без выхода к морю: ДР Конго, Замбия, Бурунди, Руанда, Уганда и Зимбабве.

На территории Танзании действуют два сухих порта: **Убунго** (2,5 тыс. TEU в год) в Дар-эс-Саламе и **Квала** (3,5 тыс. TEU в год, порт был официально открыт в июле 2025 г.) в регионе Пвани (примерно в 90 км от Дар-эс-Салама). Оба порта находятся в ведении государственного **Портового управления Танзании** (TPA) и ориентированы на разгрузку порта Дар-эс-Салам. Убунго используется для экспорта меди из Танзании, ДР Конго и Замбии. Квала должен снизить нагрузку на порт Дар-эс-Салам на 30%. В его развитие вложено около 83 млрд шиллингов (примерно 36 млн долл.). Участки земли в сухом порту Квала были выделены в пользование Бурунди, Руанде, ДР Конго, Судану, Уганде, Зимбабве, Малави и Замбии. Данные участки, по замыслу, должны использоваться странами для накопления грузов и иных логистических операций.

Сухие порты Танзании

- Действующие порты
- Планируемые порты

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных TPA.

Правительство Танзании планирует строительство новых сухих портов. Также обсуждается совместно с правительством Замбии создание сухого порта в **Капири-Мпоши** (Замбия) в рамках коридора TAZARA. В апреле 2025 г. Танзания и ДР Конго подписали соглашение о развитии инфраструктуры сухих портов, включающее обмен участками под их строительство в обеих странах (Касумбалеса, Касенге и Калемие — в Конго; Квала и Катошо — в Танзании).

167 TFSA. Dry ports becoming key to improved logistics and trade in Africa. URL: <https://www.tfsouthernafrica.org/dry-ports-becoming-key-to-improved-logistics-and-trade-in-africa/#:~:text=There%20are%20now%20more%20than,other%20continent%20in%20the%20world>

168 TEU — двадцатифутовый эквивалент, условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств.

169 CAPA. Africa Aviation Outlook 2020: Performance lags, pending integration. URL: <https://centreforaviation.com/analysis/airline-leader/africa-aviation-outlook-2020-performance-lags-pending-integration-504774>

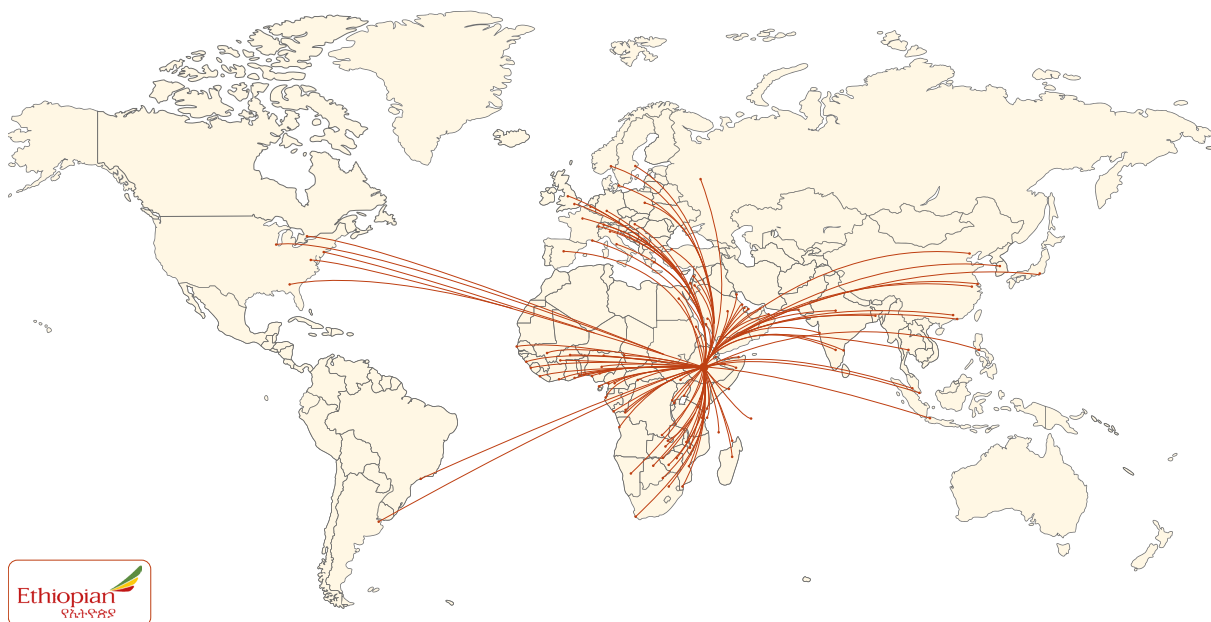
170 African Airline Association. African airlines' performance updates by AFRAA for June 2024. URL: <https://www.afraa.org/african-airlines-performance-updates-by-afraa-for-june-2024/>

Карта маршрутов Egyptair

Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

Карта маршрутов Ethiopian Airlines

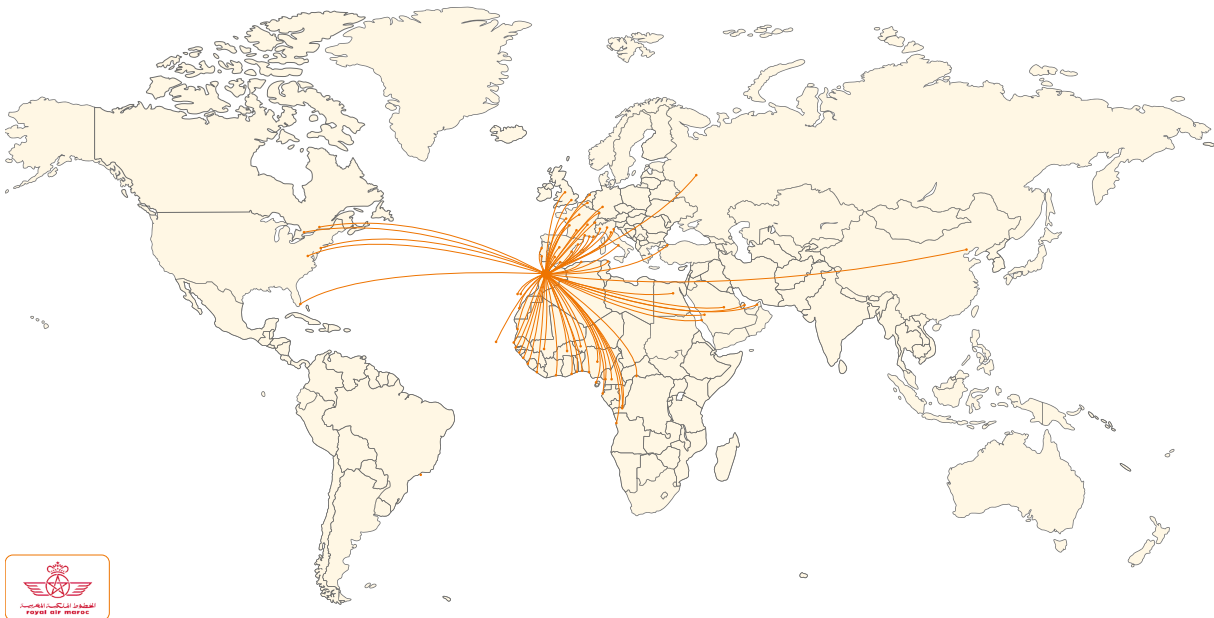
Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

Карта маршрутов Kenya Airways

Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

Карта маршрутов Royal Air Maroc

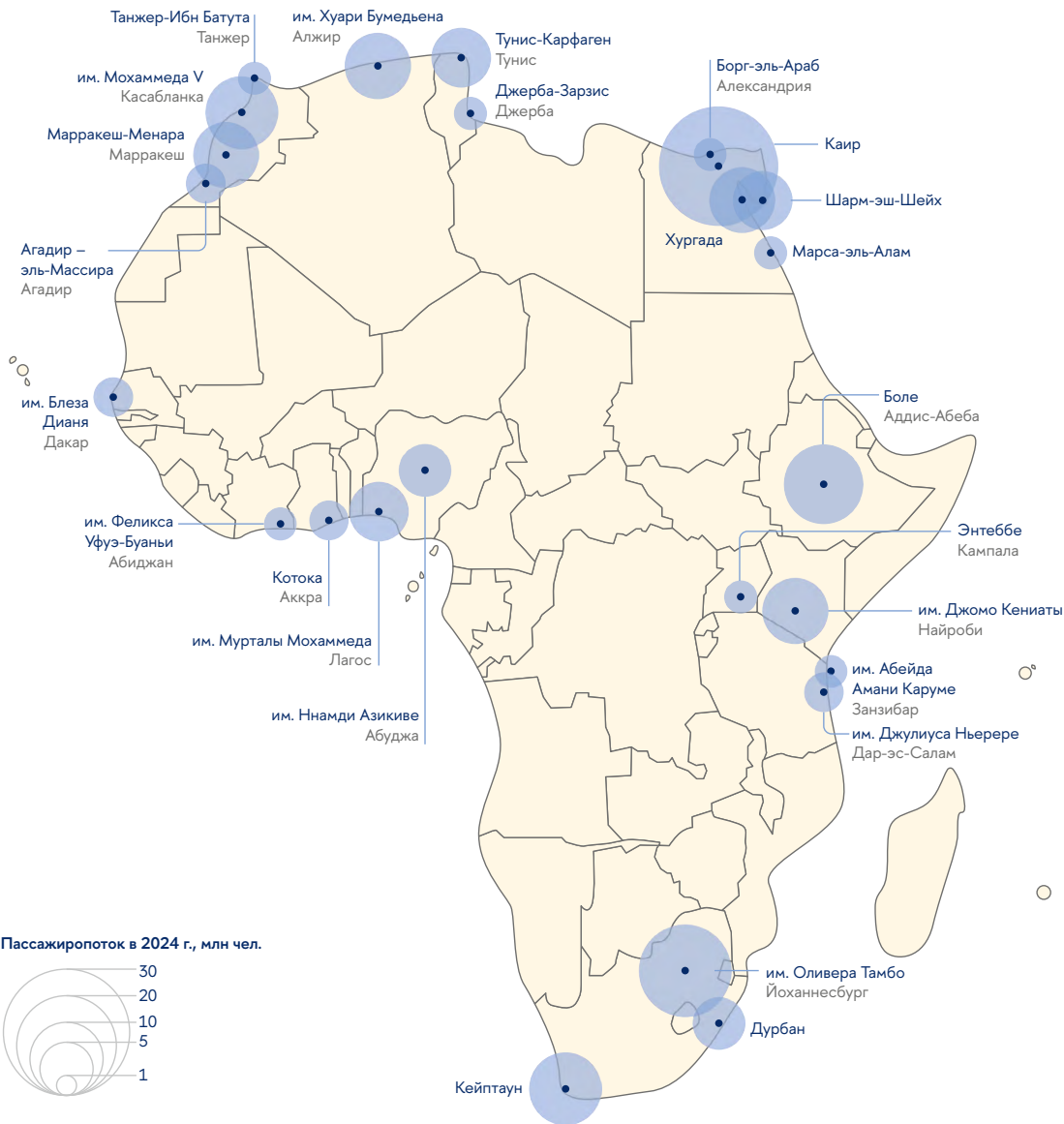
Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

Тенденция к развитию региональных авиаузлов наиболее заметна в Восточной Африке, где последнее десятилетие было отмечено инвестициями в расширение аэропортов в Аддис-Абебе (Эфиопия), Дар-эс-Саламе (Танзания), Кампале (Уганда), Кигали (Руанда) на фоне развития национальных флагманов, в том числе Rwanda Air и Uganda Airlines. В 2019 г. завершился проект по расширению аэропорта Боле в Аддис-Абебе, увеличивший пропускную способность аэропорта до 22 млн пассажиров в год. Стоимость проекта составила около 366 млн долл., и его финансирование было обеспечено за счет кредита, выданного Экспортно-импортным банком Китая. В 2024 г. начато строительство нового аэропорта **Бишфоту** в 45 км от столицы Аддис-Абебы. Первая фаза проекта с пропускной способностью около 60 млн пассажиров в год заявлена к завершению в 2029 г. Дальнейшее расширение комплекса, предусматривающее увеличение пропускной способности до 100–110 млн пассажиров в год, отнесено ко второму этапу реализации проекта, сроки которого не определены. По своим проектным параметрам аэропорт должен занять одно из ведущих мест в мире по пассажиропотоку (для сравнения: аэропорт Дубая в 2024 г. обслужил менее 100 млн пассажиров). Стоимость первой фазы составит 6–8 млрд долл., подрядчик по строительству — эмиратская инженеринговая и консалтинговая фирма Sidara¹⁷⁷. Приоритет развития авиатранспортной инфраструктуры обусловлен и ролью экспорта транспортных услуг в ВВП: Эфиопия в 2023 г. получила порядка 6 млрд долл. дохода от этого сектора, значительная часть которого обеспечивается Ethiopian Airlines¹⁷⁸.

178 ITC Trade Map. List of services exported by Ethiopia. URL: https://www.trademap.org/Service_SelCountry_TS.aspx?nvpm=1%7c231%7c%7c%7c%7c%7c%7cS00%7c1%7c3%7c1%7c2%7c2%7c1%7c5%7c1%7c1%7c1

В Руанде реализуется проект по строительству аэропорта, расположенного вблизи столицы **Кигали**, с пропускной способностью 8 млн пассажиров в год на первой фазе (с 2026 г.) и 14 млн на второй фазе (с 2032 г.). 60% акций нового международного аэропорта стоимостью 1,3 млрд долл. приобрела Qatar Airways, подрядчик — португальский холдинг Mota-Engil¹⁷⁹.

Крупнейшие аэропорты Африки по пассажиропотоку, 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ACI.

179 AirportTechnology. Qatar Airways to buy 60% stake in Rwanda's new international airport. URL: <https://www.airport-technology.com/news/qatar-airways-stake-rwanda-international-airport/>

Нехватка наземной транспортной инфраструктуры также обуславливает перспективы африканских рынков для беспилотных летательных аппаратов (БЛА) — в сфере безопасности, контроля, наблюдения, доставки грузов. По состоянию на 2024 г. рынок дронов в Африке оценивался примерно в 1 млрд долл. и, по прогнозам, к 2033 г. может вырасти до 9,3 млрд долл. при среднегодовом темпе роста около 28%¹⁸⁰. В Руанде стартап **Zipline** доставляет с помощью дронов кровь и медицинские препараты (к марту 2025 г. Zipline преодолел рубеж в 100 млн автономных миль полета и осуществил порядка 1,4 млн доставок, компания занимает 75% рынка доставки крови в стране¹⁸¹), южноафриканская **Aerobotics** использует БЛА для мониторинга сельскохозяйственных земель (компания успешно работает и на внешних рынках: в США, Австралии, Испании и Португалии), в других регионах дроны перевозят гуманитарные грузы, ведут наблюдение за незаконными вырубками и добычей полезных ископаемых, состоянием инфраструктурных объектов и т.п.

Цифровая инфраструктура

Цифровая инфраструктура в Африке постепенно становится таким же ключевым элементом развития, как и традиционные транспортные сети. Если еще недавно акцент делался прежде всего на строительстве автомобильных и железных дорог, портов, то сегодня именно цифровые решения — дата-центры, оптоволоконные магистрали и мобильные сети — формируют основу для экономического роста, социальной интеграции и повышения конкурентоспособности¹⁸².

Независимость и хранение данных

Облачные технологии стали неотъемлемой частью процесса цифровизации и предоставления цифровых государственных услуг. В течение последних десятилетий как корпоративный сектор, так и государственные структуры в странах Африки начали переносить данные в облачные хранилища. Тем не менее управляют облачной инфраструктурой в основном иностранные компании, а центры обработки данных часто находятся за пределами континента.

Значительная доля цифрового контента, потребляемого в африканских странах, поступает из-за рубежа¹⁸³. Так, по состоянию на 2021 г.¹⁸⁴ 70% государственных учреждений Нигерии размещали свои данные за пределами страны, несмотря на то, что принятая в 2019 г. Государственная политика в сфере облачных вычислений закрепляет положение о приоритетном использовании национальных провайдеров облачных услуг для хранения и обработки информации. С 2025 г. федеральное правительство Нигерии обязало перейти все государственные учреждения на государственного провайдера Galaxy Backbone. По данным Oxford Business Group и Африканской ассоциации центров обработки данных¹⁸⁵, 80% данных нигерийских граждан хранится за пределами континента. Данные передаются по 16 подводным кабелям, 11 из которых имеют точку приземления в **Марселе**¹⁸⁶.

Хранение данных за рубежом представляет собой угрозу для их конфиденциальности и доступности и также может негативно сказаться на уровне операционной эффективности, скорости и стоимости передачи информации, не говоря о том, что национальные поставщики услуг упускают возможный доход.

180 Market Data Forecast. Africa Drone Market Report. URL: <https://www.marketdataforecast.com/market-reports/africa-drone-market>

181 Drone life. Zipline Hits 100 Million Miles: A New Milestone in Autonomous Drone Delivery. URL: <https://dronelife.com/2025/03/13/zipline-hits-100-million-miles-a-new-milestone-in-autonomous-drone-delivery>

182 Раздел подготовлен на основе экспертно-аналитического справочника E-Governance in Africa 2025: Balancing Globalisation and Self-Reliance. Maslov A., Kalashnik O. et al. URL: <https://e-governancehub.ru/wp-content/uploads/2024/12/E-Governance-in-Africa-2025.pdf>

183 African Union. The Digital Transformation Strategy for Africa (2020–2030). URL: <https://au.int/sites/default/files/documents/38507-doc-dts-english.pdf>

184 The Guardian. 70% of govt agencies host data abroad despite \$220m local infrastructure. URL: <https://guardian.ng/technology/70-of-govt-agencies-host-data-abroad-despite-220m-local-infrastructure/>

185 Africa Data Centres Association. State of the African Data Centre Market 2021. URL: http://africadca.org/wp-content/uploads/2021/12/ADCA-Annual-Report-2022_Final-1.pdf?success=1686795969

186 Innovation Origins. Marseille Is Among One of the World's Leading Data Hubs, but Growing at the Seams. URL: <https://innovationorigins.com/en/marseille-is-among-one-of-the-worlds-leading-data-hubs-but-growing-at-the-seams/>

При передаче данных за границу используются подводные кабели и спутниковые линии связи. В силу технологического отставания инфраструктура, используемая при трансфере данных, зачастую не способна обеспечить надежный уровень защиты информации.

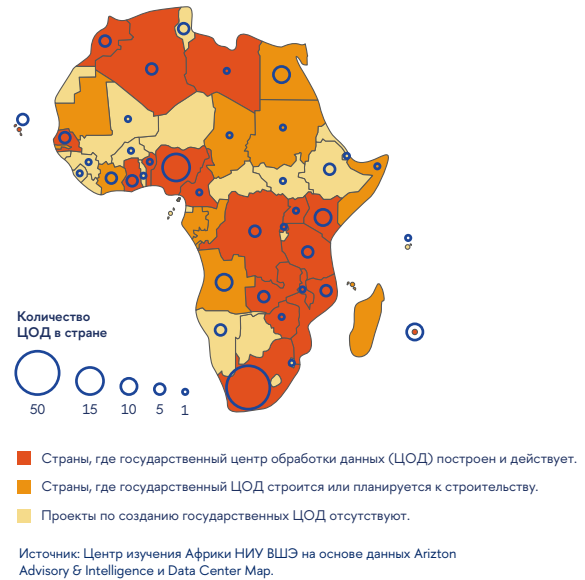
По данным Google¹⁸⁷, обслуживающие Африку подводные кабели имеют ограниченный срок службы и устарели технически. По данным Африканской ассоциации IXP¹⁸⁸, на континенте работает 52 IXP (Internet Exchange Points), расположенных в 47 городах в 36 странах. Инфраструктура сетей средней мили по-прежнему недостаточно развита, несмотря на рост в 72% в период с 2015 по 2020 г. Сети доступа в интернет не обеспечивают всеобщий доступ, так как около 25% населения не проживает в зоне покрытия сетей мобильной связи.

Существующих мощностей центров обработки данных также недостаточно для полноценного функционирования критически важного оборудования и приложений. Доля африканских центров обработки данных составляет менее 1% глобальной производительности, хотя имеет потенциал к кратному росту благодаря наличию доступных источников энергии, прежде всего ГЭС.

В соответствии с отчетом Ассоциации центров обработки данных Африки от 2024 г.¹⁸⁹, в Африке суммарная установленная мощность ЦОД составила около 307 МВт. Общее же число ЦОД на континенте по состоянию на сентябрь 2025 г. составляет 211. При этом распределение мощностей неравномерно: более половины всех мощностей континента приходится на ЮАР¹⁹⁰.

Большинство облачных сервисов в Африке находится под управлением и контролем иностранных компаний. Крупнейшие поставщики облачных услуг на континенте — Microsoft, Google, Amazon, IBM и Huawei

Центры обработки данных в странах Африки, 2023 г.

Большинство центров обработки данных расположены в **ЮАР, Нигерии, Египте, Марокко и Кении**¹⁹¹. Общее потребление энергии центрами обработки данных в ЮАР по состоянию на 2023 г. было эквивалентно установленной мощности около 165 МВт. Мощности в Нигерии и Кении составляли 21 и 15 МВт соответственно. Действующая мощность в Марокко и Египте — 13 МВт. Данные показатели существенно ниже европейских. Например, на 1 млн жителей Нигерии приходится мощность в 0,60 МВт, в Великобритании — 47,21 МВт.

187 Africa Practice. Equiano Subsea Cable: Regional Economic Impact Assessment. URL: <https://africappractice.com/wp-content/uploads/2021/10/Equiano-Regional-Economic-Impact-Assessment-6-October-2021.pdf>

188 The African IXP Association. List of active Internet exchange points in Africa. URL: <https://www.af-ix.net/ixps-list>

189 Africa Data Centers Association. Data Centers in Africa Focus Report 2024. URL: <https://africadca.org/en/data-centres-in-africa-focus-report-2024>

190 African Infrastructure Investment Managers. Africa's Data Centre Growth Opportunity. URL: <https://aiimafrica.com/media-centre/africas-data-centre-growth-opportunity/>

191 Market Spotlight. Africa's Key Data Centre Markets. URL: http://africadca.org/wp-content/uploads/2023/07/Title_Africas-Key-Data-Centre-Markets.pdf?success=1694286277

Например, Microsoft представлен¹⁹² в Египте, Марокко, Кении, Нигерии и Южной Африке. Согласно отчету Africa Interconnection 2021¹⁹³, 75% доходов Microsoft от облачного бизнеса в Африке приходится на ЮАР, а оставшиеся 25% — на остальную часть Африки южнее Сахары.

Google работает в Африке через компанию Digicloud Africa¹⁹⁴, дистрибьютора всех облачных продуктов Google, который представлен в 39 странах.

Согласно отчету China Surveillance State: A Global Project 2021¹⁹⁵, промежуточные блоки (middleboxes) Huawei расположены в 18 африканских странах¹⁹⁶. Облачные сервисы Huawei доступны, как минимум, в 22 африканских странах.

Технологические компании обладают монополией на данные, что позволяет им определять их судьбу

В результате власть и автономия правительства, а также суверенитет в отношении данных оказываются существенно ограничены¹⁹⁷.

Низкий уровень развития местной облачной инфраструктуры препятствует трудоустройству местных специалистов и обучению персонала работе с конфиденциальными данными. Таким образом, локализация данных — ключевой фактор для развития внутреннего потенциала в цифровом секторе. Примером успешного развития в данной отрасли служит опыт Камеруна, где функционируют четыре центра обработки данных, принадлежащих как локальным, так и зарубежным операторам — Cameroon Telecommunications (CAMTEL), Cameroon Postal Service (CAMPOST), Orange и MTN.

Правовая основа защиты и локализации данных имеет решающее значение для государственного цифрового суверенитета.

Локализация данных играет важную роль с точки зрения обеспечения конфиденциальности и информационной безопасности. Требования к локализации данных также необходимы для поддержки деятельности местных правоохранительных органов. Локальное хранение позволяет предоставить властям оперативный доступ к информации, необходимой для расследования преступлений и надзора за деятельностью в сфере телекоммуникаций, банковских услуг и страхования. Наличие требований по локализации данных также способствует снижению геополитических рисков и финансовых санкций, которые могут быть наложены иностранными государствами в одностороннем порядке.

В соответствии с Рамочной программой Африканского союза в области обработки данных¹⁹⁸, опубликованной в 2022 г., 32 африканских государства (58%) приняли нормативные акты, направленные на защиту персональных данных. По данным Конференции ООН по торговле и развитию¹⁹⁹, Танзания, Намибия, Эсватини, Малави и Эфиопия разработали соответствующие законопроекты. В то же время в Ливии, Судане, ЦАР, Бурунди, Гвинее-Бисау, Сьерра-Леоне, Либерии и Эритрее отсутствует национальное законодательство в сфере обработки персональных данных.

Большинство законов о защите данных в африканских странах уже предусматривают положения, регулирующие трансграничную передачу информации. В Нигерии, Руанде и Замбии действуют требования о хранении данных исключительно в пределах страны

192 Cloud Skill Challenge. Azure CDN Coverage by Metro. URL: <https://learn.microsoft.com/en-us/azure/cdn/cdn-pop-locations>

193 HubSpot. Africa Interconnection Report. URL: <https://f.hubspotusercontent00.net/hubfs/3076203/Africa%20Interconnection%20Report%202021.pdf>

194 DigiCloud Africa. Google's reseller enablement partner in Africa. URL: <https://www.digicloud.africa/>

195 TOP 10 VPN Digital Rights Research Grant. China's Surveillance State: A Global Project. URL: <https://www.top10vpn.com/assets/2021/07/Chinas-Surveillance-State.pdf>

196 Huawei Cloud. Where Can I Access HUAWEI CLOUD International Website Services? URL: https://support.huaweicloud.com/intl/en-us/intl_faq/en-us_topic_0115884694.html

197 University of Passau. The Importance Of Data Localisation In Cybercrime Investigations. URL: https://www.digital.uni-passau.de/fileadmin/user_upload/Musoni_M__The_Importance_of_Data_Localisation_in_Cybercrime_Investigations.pdf

198 African Union. AU Data Policy Framework. URL: <https://au.int/sites/default/files/documents/42078-doc-AU-DATA-POLICY-FRAMEWORK-ENG1.pdf>

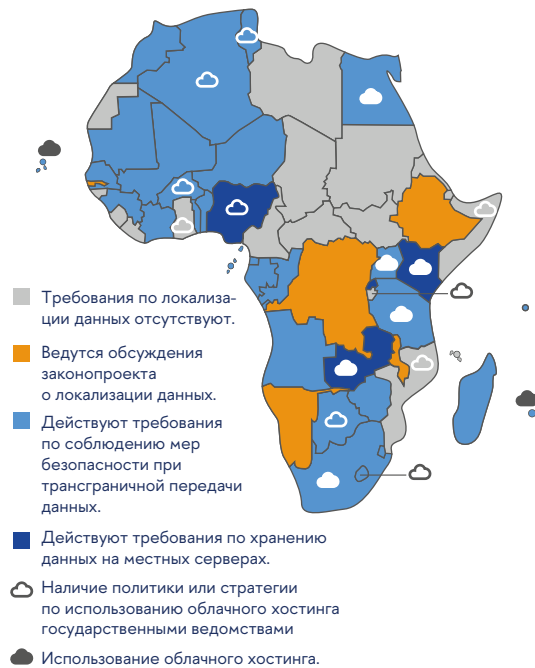
199 UNCTAD. Data Protection and Privacy Legislation Worldwide. URL: <https://unctad.org/page/data-protection-and-privacy-legislation-worldwide>

В законодательстве о защите персональных данных Мадагаскара, Мали, ЮАР и Замбии предусмотрено использование обязательных корпоративных правил как одного из оснований для трансграничной передачи данных. Эти же страны признают стандартные договорные положения (Standard Contractual Clauses) в качестве правовой базы для передачи информации за рубеж. Зимбабве, в свою очередь, — единственное государство в регионе, где закон обязывает операторов данных вести общедоступный реестр всех операций по автоматизированной обработке персональных данных²⁰⁰.

Региональные и субрегиональные организации такие как Экономическая комиссия ООН для Африки (ЭКА ООН) и Африканский союз участвуют в формировании национальных нормативно-правовых баз в сфере защиты персональных данных. Среди разработанных при их участии ключевых актов — Рамочное законодательство Восточноафриканского сообщества по кибербезопасности (2008 г.), Дополнительный акт о защите персональных данных Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС, 2010 г.) и Типовой закон Сообщества развития Юга Африки (2013 г.). Африканский союз, в свою очередь, подготовил первую panaфриканскую рамочную правовую инициативу в соответствии с Конвенцией Африканского союза о кибербезопасности и защите персональных данных, которая вступила в силу в июне 2023 г.

Среди кампаний, способствующих формированию политики в сфере управления данными на африканском континенте — инициатива в области политики и регулирования для Цифровой Африки (PRIDA)²⁰¹ и проект «Умная Африка»²⁰². PRIDA — совместный проект Африканского союза, Европейского союза и Международного союза электросвязи (МСЭ), направленный на разработку согласованной нормативно-правовой базы для использования ИКТ, обеспечивающей совместимость требований в различных странах континента.

Регулирование в области локализации данных в странах Африки, 2024 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных о цифровизации государственного управления Всемирного банка, ЮНКТАД и законодательства африканских государств.

Хостинг правительственных веб-сайтов африканских стран

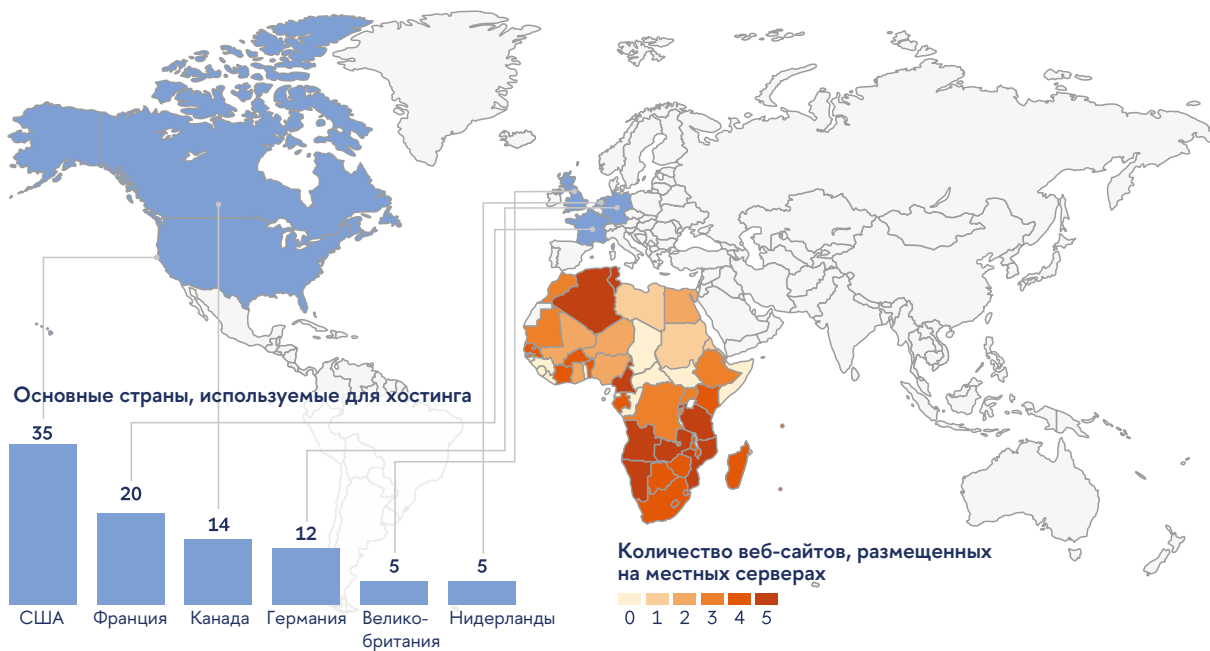
Для оценки уровня локализации веб-сайтов на африканском континенте Центром изучения Африки ВШЭ был проведен анализ географического размещения серверов, на которых расположены национальные веб-сайты. Исследование включало сравнительный анализ доли сайтов, размещенных в Африке и находящихся за пределами континента. В качестве ключевого индикатора цифрового суверенитета были выбраны правительственные веб-ресурсы. Результаты анализа показали, что 55% сайтов размещено на локальных серверах, что свидетельствует о росте возможностей африканских стран в области локализации и стремлении к цифровой независимости.

200 Munung N.S. et al. Data protection legislation in Africa and pathways for enhancing compliance in big data health research. URL: <https://health-policy-systems.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12961-024-01230-7>

201 European Commission. Policy and Regulation Initiative for Digital Africa (PRIDA). URL: https://international-partnerships.ec.europa.eu/policies/programming/programmes/policy-and-regulation-initiative-digital-africa-prida_en

202 Smart Africa. URL: <https://smartafrica.org/>

Хостинг веб-сайтов государственных ведомств стран Африки

Первичное исследование Центра изучения Африки НИУ ВШЭ

55% проанализированных правительственных веб-сайтов размещены на серверах внутри страны

Доля правительственных веб-сайтов, размещенных на местных серверах

В ходе исследования проанализированы наиболее распространенные веб-сайты, выбранные на основании следующих факторов:

- Веб-сайт правительства составляет основу электронного правительства и отражает подход правительства к цифровому суверенитету.
- Веб-сайт министерства ИКТ отражает политику ведомства в области цифрового суверенитета.
- Веб-сайт и сервисы налогового органа передают конфиденциальную финансовую информацию и демонстрируют подход к ее локализации и защите.
- Веб-сайт и сервисы министерства образования отражают политику в отношении цифрового суверенитета для предоставления G2C-сервисов и информирования граждан.
- Веб-сайт центрального банка демонстрирует подход банковской сферы к цифровому суверенитету. Банковские структуры зачастую оказываются лидерами в области цифровизации.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ.

Доступность связи

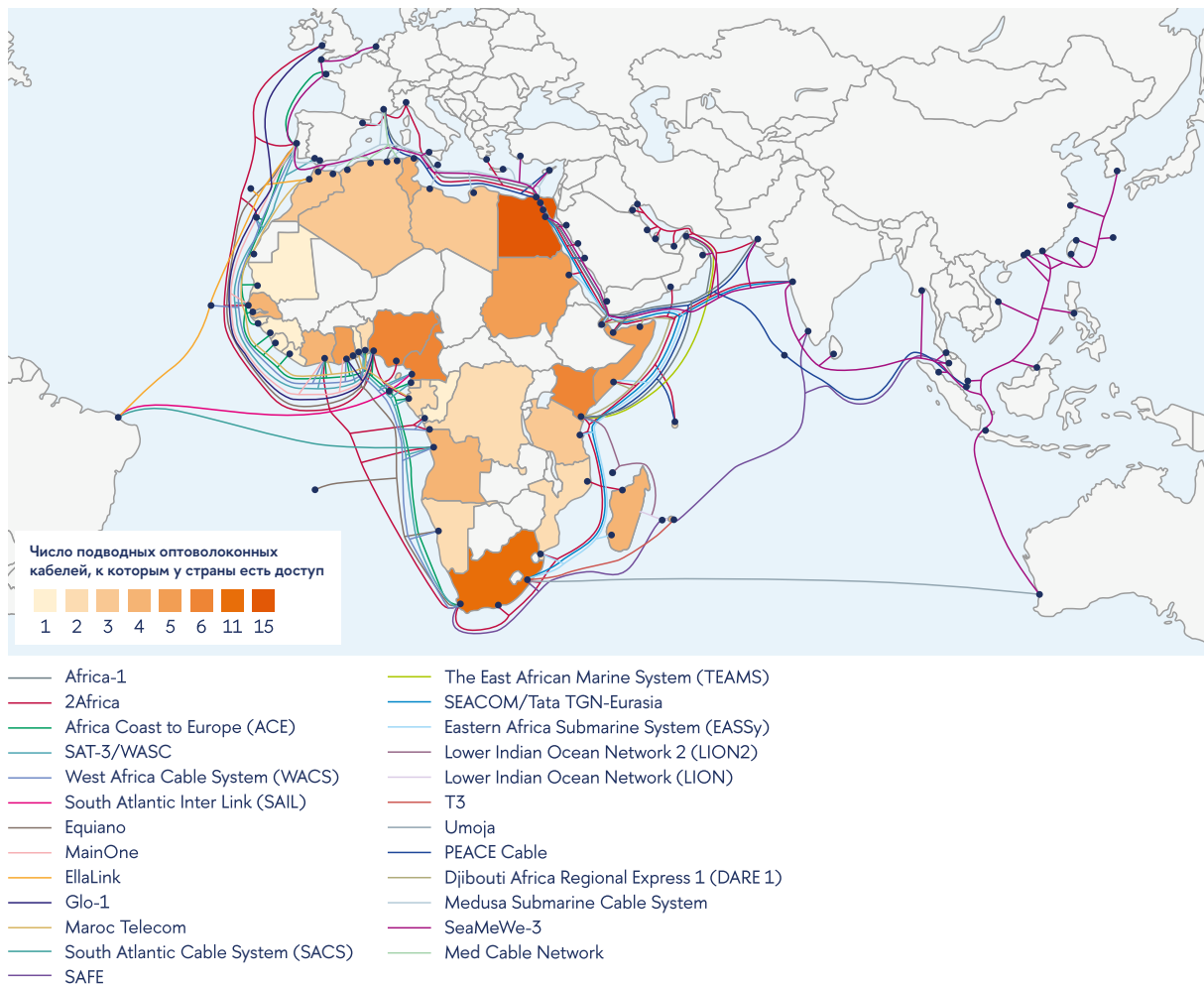
Африканские страны зависят от ограниченного числа подводных кабельных систем, что повышает их уязвимость к перебоям в работе интернета при стихийных бедствиях, повреждениях кабелей или преднамеренных атаках.

Более 90% мирового интернет-трафика проходит через подводные коммуникационные линии, которые играют решающую роль в обеспечении стабильного доступа к сети²⁰³

Африка подключена к 71 подводному кабелю из 529 действующих или запланированных к строительству в мире, при этом большинство из них ведут в Европу; 17 стран континента имеют доступ лишь к одному или двум кабелям. Для повышения устойчивости интернет-соединения государства расширяют наземные оптоволоконные

сети и диверсифицируют маршруты передачи данных. Лидеры по числу подключений — Нигерия, Кения и Камерун (по 6 кабелей), ЮАР и Джибути (11) и Египет (15).

Подводные оптоволоконные кабели Африки

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ.

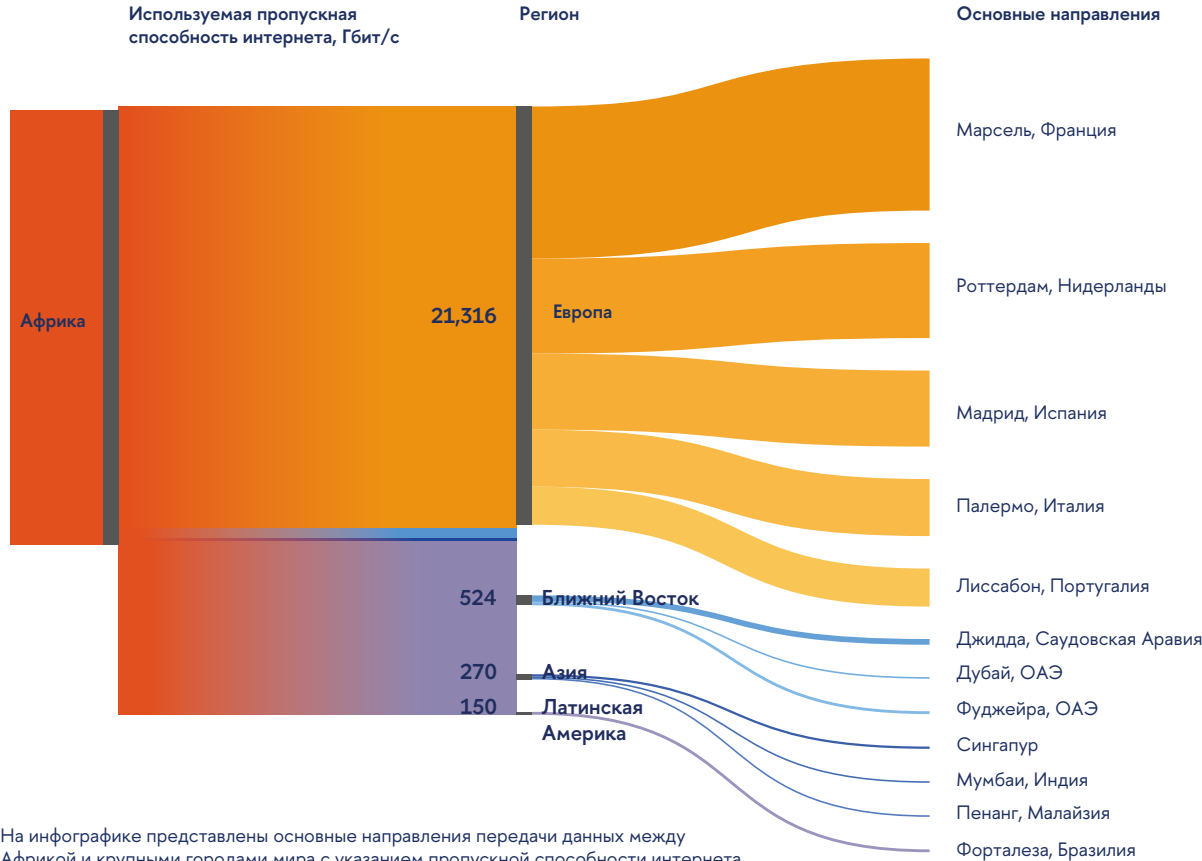
203 CCDCOE. Strategic importance of, and dependence on, undersea cables. 2019. URL: <https://www.ccdcoe.org/uploads/2019/11/Undersea-cables-Final-NOV-2019.pdf>

Для государств, не имеющих выхода к морю, расширение региональных наземных оптоволоконных сетей особенно важно. Так, например, сети Уганды интегрированы с инфраструктурой Кении, Танзании, Руанды и ДР Конго.

Однако перспективы развития инфраструктуры передачи данных в Африке все больше связаны со спутниковыми технологиями. Несмотря на то что по состоянию на 2024 г. совокупная доля трафика, проходящего через спутниковые каналы, остается ниже 5%, показатели распространения низко-орбитальных систем растут. В Кении во втором

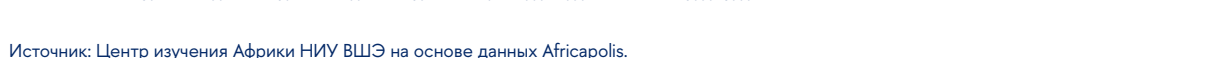
полугодии 2024 г. количество абонентов Starlink увеличилось на 133% — с 8,3 тыс. до 19,4 тыс. пользователей (~1,1% рынка фиксированного доступа). В Нигерии к третьему кварталу 2024 г. было зарегистрировано свыше 65,5 тыс. подключений, что обеспечило сервису второе место среди национальных провайдеров. Параллельно OneWeb ввел в эксплуатацию наземную станцию в Анголе в июне 2025 г. Эти процессы формируют предпосылки для закрепления спутниковых решений в качестве дополнительного инфраструктурного слоя, способного компенсировать уязвимость кабельных маршрутов.

Глобальная пропускная способность линий связи между Африкой и мировыми столицами, 2022 г.

На инфографике представлены основные направления передачи данных между Африкой и крупными городами мира с указанием пропускной способности интернета в гигабитах в секунду (Гбит/с).

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных TeleGeography.

Города Африки переживают стремительный рост, что связано с высокой урбанизацией и быстрым увеличением численности населения. В городах уже проживает более 50% населения, и, по подсчетам структур ООН, к 2030 г. в Африке будет насчитываться 94 города с населением от 1 млн до 10 млн человек и 6 мегаполисов с населением более 10 млн человек²⁰⁴. К 2050 г. городское население континента удвоится и составит около 1,4 млрд человек (больше будет только в Азии — 3,5 млрд человек городского населения). Таким образом, $\frac{2}{3}$ африканцев будут жить в городах. Основными лидерами станут **Нигерия** (около 250 млн горожан; займет 4-е место в мире) и **Египет** (147 млн городского населения; войдет в десятку)²⁰⁵.

Мэрии городов и муниципалитеты становятся автономными игроками — с собственными бюджетами и повесткой развития

Так, расходная часть бюджета (формируется за счет налогов и сборов внутри города) Аддис-Абебы увеличилась с 2023/2024 по 2024/2025 г. почти в 1,5 раза и составила 230,4 млрд быр (3,9 млрд долл. номинально — на момент принятия бюджета, 1,7 млрд долл. — по курсу на апрель 2025 г. после девальвации быра летом–осенью 2024 г.), при этом более 60% данной суммы направляется на капитальные расходы.

Рост городского населения диктует ускорение модернизационных процессов. Именно в городах зарождаются и набирают силу национальный рынок, средний класс, национальные компании — лидеры.

Урбанизация и рост численности среднего класса в Африке несут не только и не столько количественные, сколько качественные изменения потребительского поведения

Разница в потреблении риса на душу населения в год между горожанином и жителем сельской местности в Африке составляет всего 4,5 кг (35,0 против 30,5 кг/г.), но в структуре потребления у первого 69% приходится на «премиальные сорта», а у второго — только 30%.

Рост урбанизации приводит и к расширению застройки: общая площадь городской застройки увеличится с 175 до 450 км² в период с 2020 по 2050 г.²⁰⁶

Урбанизация Африки также сопровождается ростом спроса на импорт готовых решений в сфере массового (типового) жилищного строительства. В Нигерии дефицит жилья оценивается

в 17–20 млн домов (и ежегодно увеличивается на 0,9 млн), в Египте — 3,5 млн, ДРК — 3 млн, Танзании — 3 млн, ЮАР — 2,3 млн, Мозамбике — 2 млн,

Анголе — 1,9 млн, Гане — 1,7 млн, Уганде — 1,6 млн домов²⁰⁷. Развитие жилищного рынка, кроме того, предполагает формирование устойчивого спроса на строительные и конструкционные материалы, оборудование для домостроительных комбинатов и цементных производств, мебель, бытовую электронику и коммунальную инфраструктуру, а также на услуги по проектированию и ландшафтному дизайну.

Дефицит предложения на рынке современного жилищного строительства в Африке контрастирует с уже существующей покупательной способностью. В некоторых странах от трети до 95% городских домохозяйств могут позволить себе приобретение

самого дешевого нового жилья (принимая во внимание цены девелоперов, доходы домохозяйств и доступ к ипотечному финансированию, специфичные для разных рынков)²⁰⁸.

204 Ibrahim Forum. Facts & Figures. African Urban Dynamics. URL: https://mo.ibrahim.foundation/sites/default/files/2021-06/2015-facts-figures_african-urban-dynamics.pdf

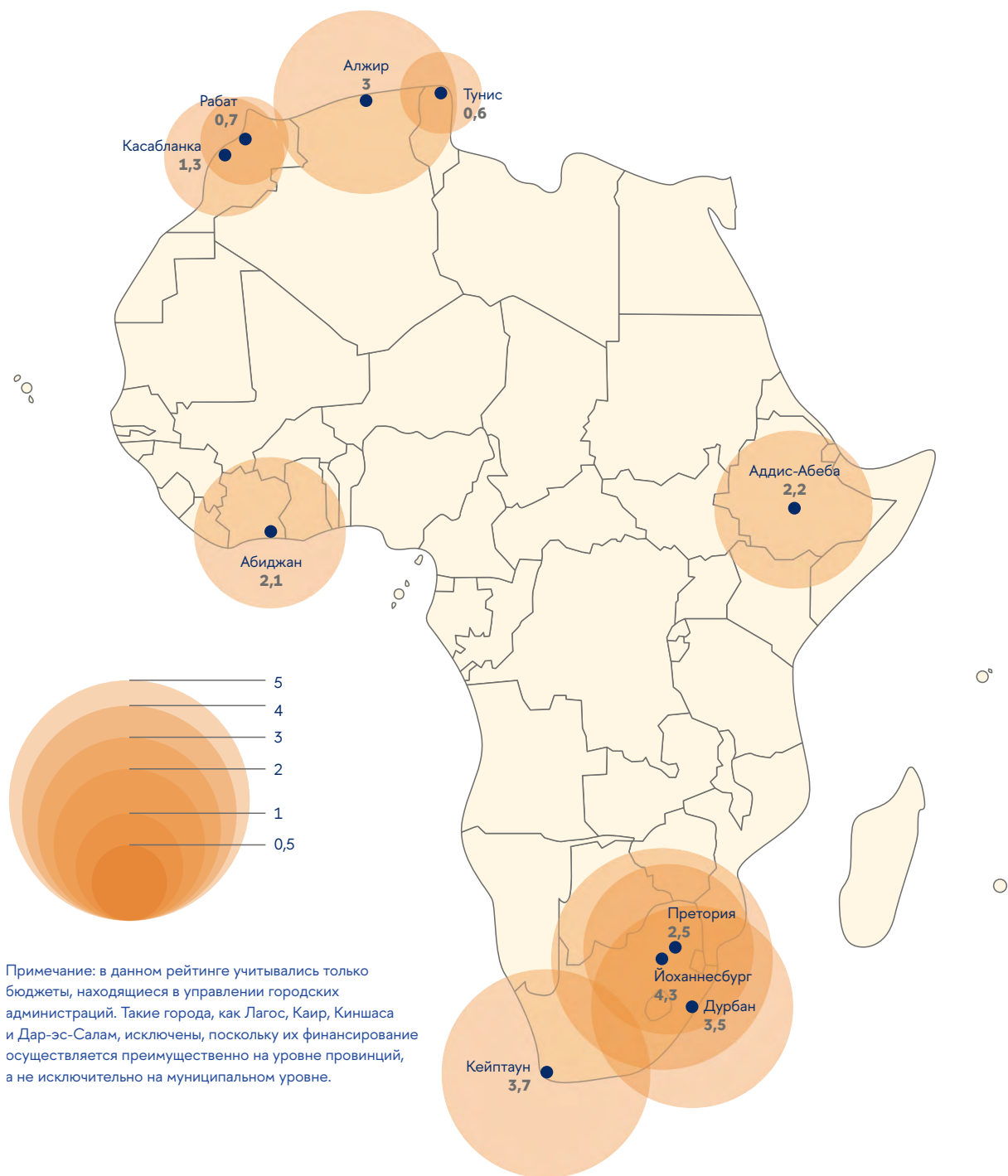
205 OECD. Africa's Urbanisation Dynamics 2025. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2025/03/africa-s-urbanisation-dynamics-2025_005a8aa0/2a47845c-en.pdf

206 Там же.

207 Centre for Affordable Housing Finance in Africa. Housing Market Dynamics in Africa. El-hadj M. Bah, Issa Faye, Zekebweliwai F. Geh. URL: <http://housingfinanceafrica.org/app/uploads/HOUSING-MARKET-DYNAMICS-IN-AFRICA.pdf>

208 Ibid.

Топ 10 африканских городов по размеру бюджета, 2023–2024 гг., млрд долл.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

В Африке насчитывается более 60 городов с населением свыше 1 млн человек. К 2030 г. это число как минимум удвоится: население Лагоса достигнет 21 млн человек, Киншасы — 22 млн, Луанды — 12 млн, Дар-эс-Салама — 11 млн, Йоханнесбурга составит более 10 млн²⁰⁹. Качество жизни и устройство среды в африканских городах далеки от мировых стандартов: 60% горожан проживают в перенаселенных районах без социальной инфраструктуры, 25–45% ходят на работу пешком из-за дезорганизации городских транспортных систем.

Из-за изъянов в городском планировании и недофинансирования инфраструктуры жизнь в африканских городах в среднем на 29% дороже, чем в городах с аналогичным уровнем доходов из других регионов мира. Часть проблем городов в Африке связана с нехваткой политической и финансовой автономии, отсутствием административной субъектности у городских администраций.

По этой причине, например, для них остается пока закрытым рынок муниципальных бондов — основной источник финансирования проектов развития для городов в Европе и Северной Америке. Соответственно, ограничены и возможности для финансирования инвестиционных проектов в новых отраслях экономики.

Транспортная инфраструктура в большинстве африканских городов часто не соответствует требованиям растущего населения. Проблемы с транспортом включают нехватку общественного транспорта, неудовлетворительное состояние дорожной сети и отсутствие выделенных полос для общественного транспорта и велосипедов.

Урбанизация влечет за собой автомобилизацию. Пока уровень автомобилизации в Африке — 44 автомобиля на 1 тыс. населения при среднем мировом показателе 180 на 1 тыс. населения.

В большинстве стран Африки получение достоверной информации о численности городского населения остается крайне затруднительным. Основные причины заключаются в отсутствии регулярных и полных переписей населения, несоответствии административных границ реальной городской агломерации и наличии неформальных поселений на границах городов. Указанные обстоятельства обуславливают значительный разрыв между фактическим и официально признанным масштабом урбанизации.

Так, например, в ДР Конго, в 4-й по населению африканской стране, последняя полноценная перепись населения была проведена в 1984 г. (в 2023 г. перепись все же состоялась, однако на 2025 г. ее результаты до сих пор не опубликованы), что приводит к расхождению между устаревшими статистическими данными и современными демографическими реалиями. Более того, каждый третий житель африканских стран не был учтен в рамках переписного раунда 2020 г., проходившего с 2015 по 2024 г.²¹⁰

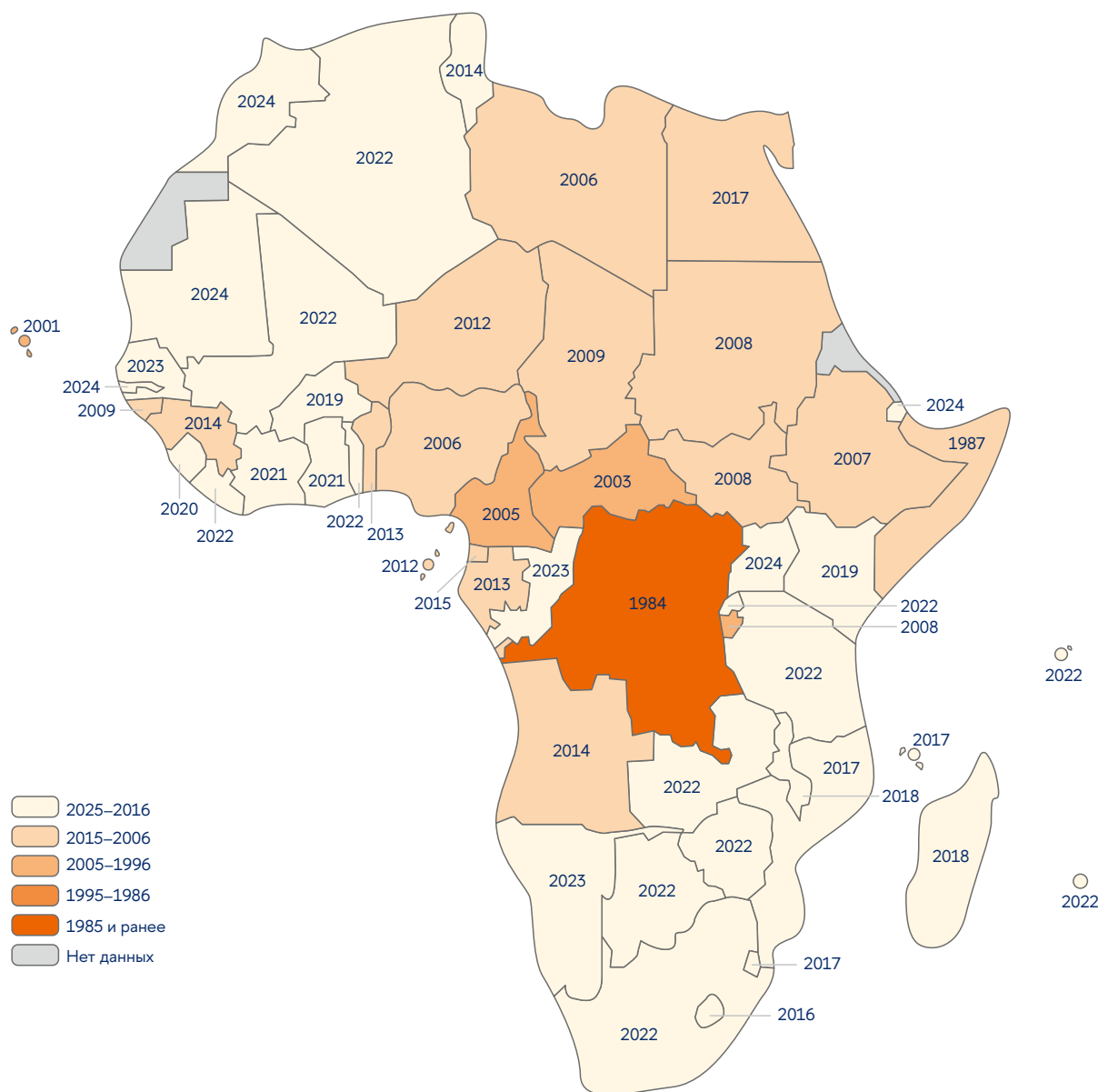
В **Киншасе**, 17-миллионной столице ДР Конго, около 75% населения живет в неформальной застройке — на участках, не закрепленных юридически, часто без базовой инфраструктуры. Такие неформальные кварталы, как правило, расположены на окраинах города и могут не попадать в административные границы, фактически составляя значительную часть городской агломерации²¹¹.

209 UN. World Urbanization Prospects. 2018 Revision. URL: <https://population.un.org/wup/publications/Files/WUP2018-Report.pdf>

210 Financial Times. Population undercounting threatens public policy, scientists warn. URL: <https://www.ft.com/content/4542eb6c-ef66-4cb2-8c34-549c85e205fe>

211 NYU. New Report Unveils Deepening Housing Crisis in Kinshasa, DRC. URL: <https://www.nyu.edu/about/news-publications/news/2025/february/new-report-unveils-deepening-housing-crisis-in-kinshasa--drc.html>

Год последней опубликованной переписи населения

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных ООН.

По оценке Deloitte, объем африканского автомобильного рынка вырастет с 1,5 млн до 10 млн единиц в год к 2030 г., преимущественно за счет подержанных машин (до 80% в объеме розничных продаж)²¹².

Остается нерешенной проблема пробок. Так, крупнейший город Африки — нигерийский Лагос — считается городом с самой высокой загруженностью дорог в мире. Жители Лагоса, по данным за 2025 г., стоят в пробках по 70 минут

212 Deloitte. Deloitte Africa Automotive Insight. URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/za/Documents/deloitteafrica/ZA_Deloitte-Africa-automotive-insights-Ethiopia-Kenya-Nigeria-Apr16-2017.pdf

В 2015 г. в **Аддис-Абебе** запущена первая в странах Африки южнее Сахары электрифицированная система легкорельсового транспорта. Контракт на строительство системы протяженностью 17 км был заключен с китайской компанией **China Railway Group** и финансировался за счет кредита Экспортно-импортного банка Китая на сумму 403 млн долл., выданного в 2011 г. До 2018 г. система эксплуатировалась китайскими компаниями **Shenzhen Metro Group** и **China Railway Engineering Corporation (CREC)**, после чего была передана эфиопской госкомпании **Ethiopian Railway Corporation (ERC)**. С 2018 г. ERC начала сталкиваться с рядом проблем, связанных с эксплуатационной эффективностью. Так, изначально систему обслуживал 41 состав, произведенный китайской государственной компанией **CRRC Changchun**, к 2021 г. их количество сократилось до 20, к 2023 г. — 17, а к сентябрю 2024 г. — 15 из-за нехватки запасных частей и проблем с техническим обслуживанием. По состоянию на 2023 г. стоимость реконструкции системы оценивалась дорожным и транспортным бюро Аддис-Абебы в 60 млн долл. В 2023 г. система перевозила в среднем 56 тыс. пассажиров в день.

Система легкорельсового транспорта в Аддис-Абебе характеризуется низкой эффективностью — она не справляется с задачами разгрузки транспортной сети и регулирования пассажиропотока из-за дефицита подвижного состава, что вызывает продолжительные интервалы (15–20 минут). Проблемами также остаются обветшание инфраструктуры и недостаточный уровень технического обслуживания (отсутствие локализованных центров технического обслуживания и ремонта; данные работы выполняются китайскими специалистами, трансфер знаний и опыта при этом почти не происходит).

по пути на работу, что больше, чем в любом другом городе мира. По дорогам Лагоса ежегодно проезжает около 1,8 млн автомобилей, а транспортная плотность достигает 226 автомобилей на 1 км, что превышает среднемировой показатель (11 автомобилей на 1 км) и средний показатель по стране (16 автомобилей на 1 км). Жители кенийского Найроби теряют в пробках 54 минуты, в египетском Каире — 50 минут, Претории (ЮАР) — 44 минуты, Кейптауне (ЮАР) — 43 минуты (для сравнения: в Москве этот показатель оценивается в 50 минут, 22-е место в мировом рейтинге)²¹³.

По мере роста населения все более острой будет становиться проблема обращения с твердыми бытовыми отходами. Перспективы связанного с мусором бизнеса лежат в аграрном секторе (южноафриканская AgriProtein выращивает в отходах высокопротеиновых насекомых

в качестве корма для домашних животных), энергетике (эфиопская Repi эксплуатирует в Аддис-Абебе работающую на отходах электростанцию установленной мощностью 50 МВт), выпуске строительных материалов, сортировке и производстве вторсырья.

В городской среде Африки возрастает спрос на «умные решения» на базе IoT (интернета вещей). Среди них сервисы по контролю утечек воды (кенийская Upande), планировщики маршрутов с использованием общественного транспорта (южноафриканская Where is My Transit), системы сбора и переработки отходов, созданные на основе ГИС (кенийская Taka Taka), а также сервисы, предоставляющие беспроводной интернет-доступ (кенийская poa! Internet). Спрос на эти решения будет расти и определять вектор развития городских пространств по всей территории континента.

213 Numbeo. Current Traffic Index. URL: https://www.numbeo.com/traffic/rankings_current.jsp

Африка в зеркале мировых аналитических центров

Нарративы аналитических центров и внешняя политика

Аналитические центры (think tanks), с одной стороны, вырабатывают нарративы об Африке, которые в дальнейшем учитываются и ретранслируются правящими элитами, а с другой — содействуют исследованию Африки на основании постоянной коммуникации с представителями власти, частного сектора и НКО, поэтому их публикации могут рассматриваться как репрезентативный срез представлений, которые существуют среди лиц, принимающих решения. Анализ (качественный и количественный) статей, которые были опубликованы ведущими мировыми аналитическими центрами в 2024 г. и во второй половине 2023 г. и содержали слово «Африка» в названии или самом тексте, может дать достаточно достоверное представление о приоритетах и интересах соответствующих стран. Наше исследование охватило более 300 публикаций.

Были проанализированы публикации аналитических центров, из США, Европы, Китая, Индии и России. Выборка первоначально опиралась на данные отчета **Global Go To Think Tank Index**, последняя версия которого была опубликована в 2020 г.²¹⁴, — для каждого центра силы было отобрано пять лучших фабрик мысли на основе их положения в рейтинге. Несколько раз пришлось отказаться от этой строгой схемы. Во-первых, в некоторых случаях в пятерку лучших попали аналитические центры, которые либо концентрировались на слишком узких вопросах (Urban Institute, США), либо вовсе не обращались к Африке в публикациях за рассматриваемый период (несколько аналитических центров из первой пятерки в Индии). Во-вторых, мы рассматривали публикации только на английском, русском и французском языках, и нам пришлось

исключить некоторые из пятерки лучших аналитических центров КНР, которые публикуют свои материалы только на китайском языке, однако по этой же причине их работы почти неизвестны за пределами Китая и поэтому оказывают ограниченное влияние на экспертный диалог.

В-третьих, за последние годы российский рынок аналитических центров претерпел существенные изменения, поэтому в этом случае центры для анализа выбирались на основе экспертизы авторов.

Выборка фабрик мысли

Китай

Institute of International and Strategic Studies Peking University
Shanghai Institutes for International Studies
China Institute for International Studies
Center for China and Globalization
China Center for International Economic Exchanges

США

Brookings Institution
Peterson Institute for International Economics
Center for Strategic and International Studies¹
Carnegie Endowment for International Peace^{1,2}
The Heritage Foundation

Европа

Chatham House (Великобритания)¹
Bruegel (Бельгия)
Clingendael Institute (Нидерланды)
IFRI (Франция)
Elcano Institute (Испания)

Индия

Observer Research Foundation
Delhi Policy Group
Center for Policy Research
Gateway House
The Hindu Center

Россия

РСМД
ИМЭМО РАН
Россия в глобальной политике
МГИМО
Валдайский Клуб

¹Carnegie Endowment, CSIS, Chatham House признаны нежелательными организациями на территории Российской Федерации согласно решению Прокуратуры Российской Федерации.

²Carnegie Endowment включен в реестр НКО выполняющих функции иностранных агентов согласно решению Министерства Юстиции Российской Федерации.

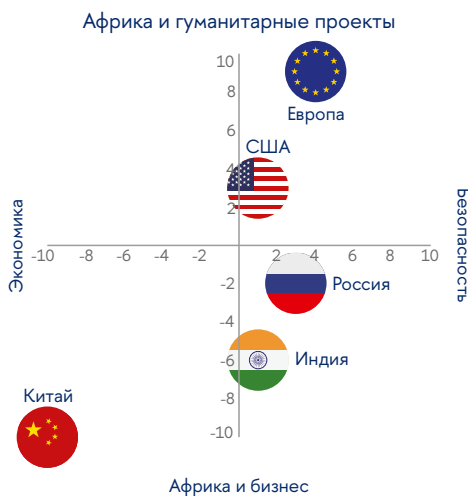
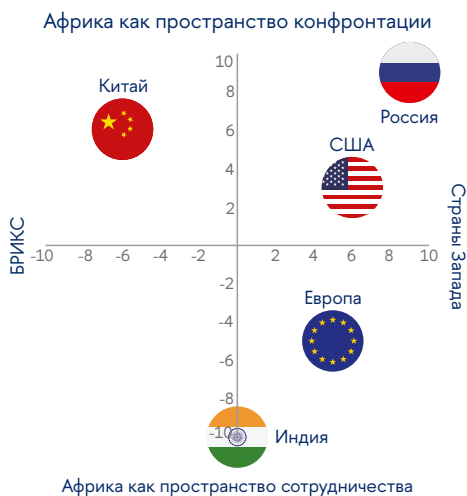
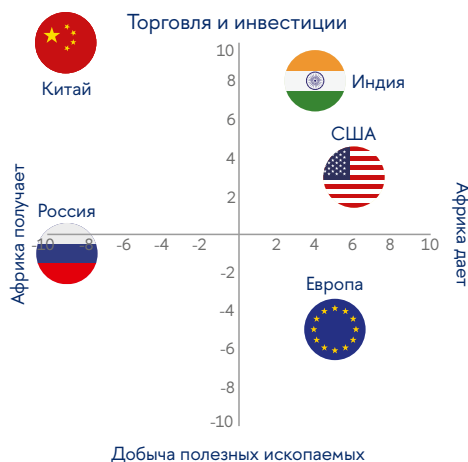
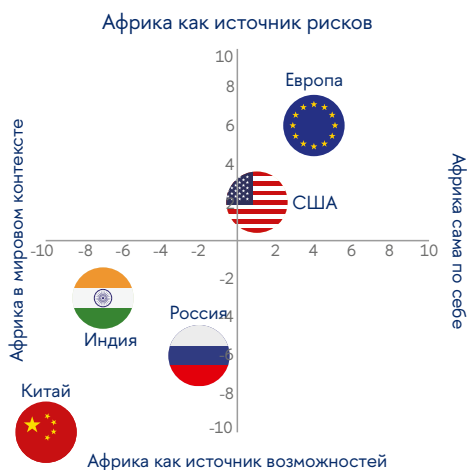
Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ.

214 McGann J.G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. URL: <https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp-content/uploads/2021/03/2020-Global-Go-To-Think-Tank-Index-Report-Bruegel.pdf>

Европейские и американские аналитики в большей степени, чем другие, рассматривают Африку как источник рисков

Наш анализ начался с идентификации и расположения в двумерном пространстве дискурсивных метанарративов, присущих аналитическим центрам, попавшим в выборку. Уже на этом этапе очевидно стало, что европейские и американские аналитики в большей степени, чем другие, рассматривают Африку как источник рисков.

Упоминание рисков практически отсутствует в англоязычных публикациях китайских аналитических центров, которые воспринимают Африку исключительно как пространство возможностей, то же самое касается и России, в то время как Индия придерживается более сбалансированного подхода. Вместе с тем Европа и США в гораздо большей степени склонны рассматривать Африку такой, какая она есть, в отрыве от хитросплетений международной политики и без ссылок

Графики сформированы с помощью нормализации по 10-балльной шкале частот упоминания тех или иных тем в материалах фабрик мысли, принадлежащих к одному из полюсов.

Выборка включает материалы за 2023 и 2024 гг.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

на отношения между «глобальными игроками». Китайские эксперты рассматривают Африку почти исключительно в глобальном контексте, Россия занимает срединное положение между глобальным и локальным, а Индия расположена между КНР и Россией.

Индия, Европа и особенно Китай скорее заинтересованы в Африке как в перспективном партнере для торговли и инвестиций

США видят в Африке прежде всего кладезь природных ресурсов, тогда как Россия занимает более взвешенную позицию в этом вопросе, стремясь ко всем возможным формам сотрудничества.

При этом и Россия, и Китай занимают категоричную позицию по шкале «Африка получает — Африка дает», которая отражает, как часто аналитические центры пишут о том, что регион может дать внешнему миру и что он может от него получить. Эксперты из России и Китая в основном фокусируются на том, что их страны могут дать Африке, умалчивая о том, что могут получить взамен. Индия и еще более явным образом США, напротив, чаще пишут о том, что Африка может

предложить им самим и другим странам. Европа находится посередине, но несколько тяготеет к полюсу «Африка получает».

По шкале «сотрудничество — конфронтация» Индия однозначно рассматривает регион как пространство для сотрудничества всех заинтересованных сторон, а российские эксперты из нашей выборки придерживаются нарратива об Африке как пространстве для противостояния мировых держав. США и Китай также находятся ближе к полюсу конфронтации. Европейские аналитики в целом разделяют взгляды индийских экспертов, пытаясь подтолкнуть лиц, принимающих решения, к пересмотру текущей политики в регионе.

Примечательно, что Россия пишет об интересах западных стран в Африке чаще, чем об интересах стран БРИКС, а Китай, напротив, уделяет БРИКС несколько больше внимания, сосредоточившись в основном на роли ЮАР в объединении, в то время как Индия сохраняет сбалансированную позицию, а Европа и США пишут преимущественно о себе.

Методологическое примечание

Если встроенная поисковая система веб-сайта аналитического центра предусматривала возможность ограничения по времени поиска, авторы искали публикации по ключевому слову «Африка» и либо подсчитывали их количество вручную, либо копировали полученную цифру. В противном случае статьи ранжировались в хронологическом порядке, а затем подсчитывались вручную.

Однако само количество статей, в которых упоминалась Африка, могло не отражать степень интереса аналитического центра к региону. Чтобы купировать этот риск, в анализ были добавлены три сравнительные категории — количество статей, в которых упоминались слова «Европа», «Америка» и «Азия». Таким образом, для каждого аналитического центра было подсчитано четыре значения, которые затем преобразовывались в проценты общего числа статей, упоминающих любое из ключевых слов. В дополнение к расчету долей для каждого аналитического центра мы также рассчитывали средний уровень интереса к Африке, Азии, Америке и Европе по пяти глобальным полюсам.

Наконец почти везде наблюдается небольшой перекося в сторону обсуждения Африки в контексте вопросов безопасности, а не экономики. Единственное исключение — Китай, который почти не затрагивает эту тему (по крайней мере, в англоязычных материалах).

Россия и Европа более сконцентрированы на вопросах безопасности, а не экономики

Кроме того, Европа, как и США, значительно чаще других уделяет внимание гуманитарной ситуации в Африке, а не бизнесу. В этой плоскости Россия и Индия гораздо более сбалансированы, хотя склоняются к полюсу «Африка и бизнес». Китай интересуется исключительно торгово-экономическим сотрудничеством.

Помимо метанарративов, была дана оценка интереса каждого аналитического центра к Африке на основе количества статей с упоминанием связанных с регионом ключевых слов. После этого «сырые» цифры были пересчитаны в индекс, характеризующий интерес аналитических центров к различным регионам мира. Наконец был рассчитан интерес к Африке для каждого центра силы.

Внимание Китая к регионам за пределами Азии почти идеально сбалансировано: уровень интереса аналитических центров к Африке составляет 19 (из 100), примерно такое же значение было зафиксировано для Европы (17,3) и Америки (17,4). Для европейских аналитических центров Африка — второе по приоритетности направление после самой Европы: 18,6 из всех статей упоминают Африку, за ней следует Азия (16,1), в то время как интерес к Америке значительно ниже (12,9).

Аналитические центры США относительно редко пишут о своем родном регионе — Америке (37). Интерес к Европе всего на 9 пунктов ниже (27,8). Более того, для аналитических центров США Азия является более приоритетной, чем Африка: 21,1 пункта против 14,1.

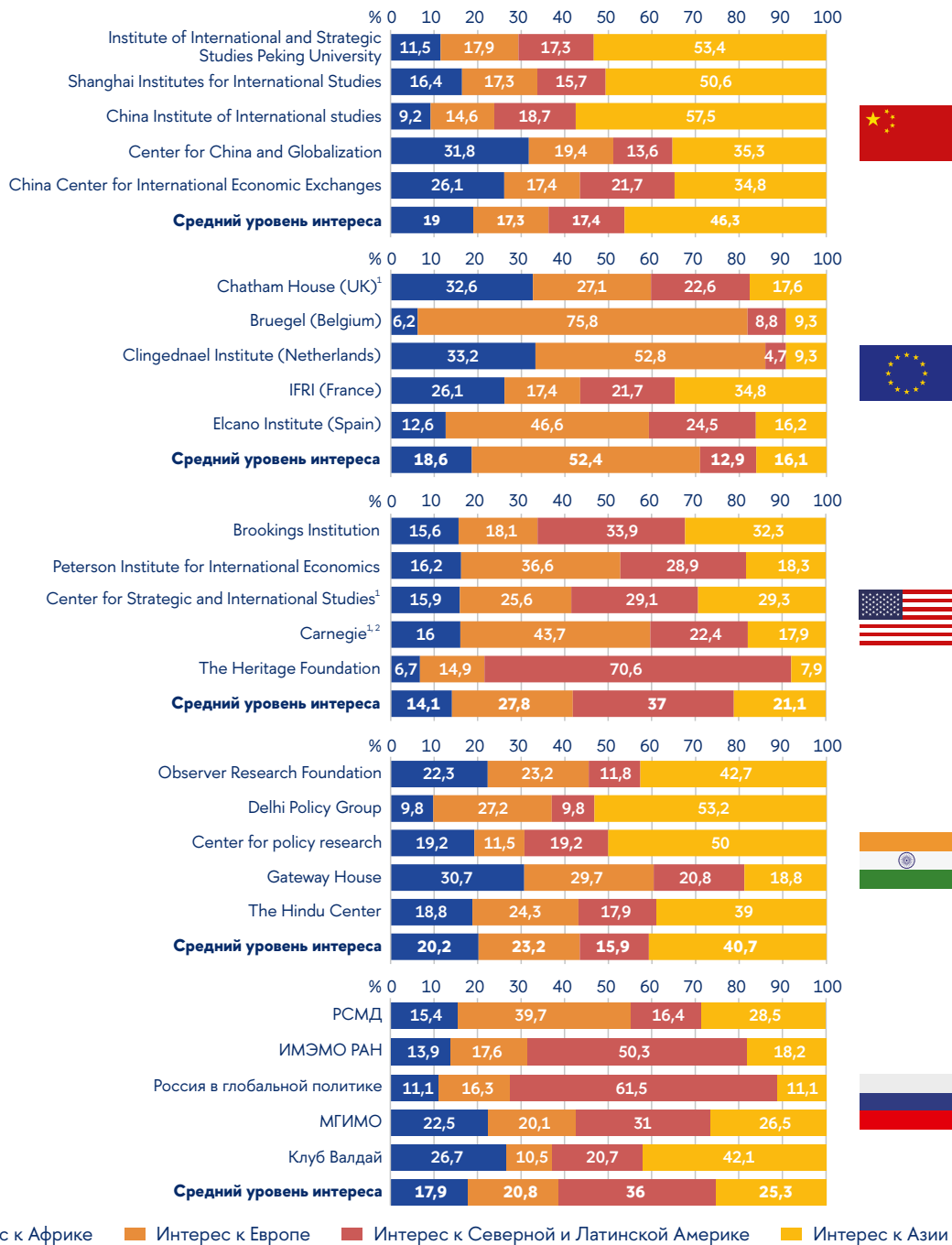
Оставшиеся в нашей выборке индийские аналитические центры объяснимо проявляют наибольший интерес к Африке — 20,2. Это все еще ниже, чем интерес аналитических центров к Европе (23,2), но выше, чем к Америке (15,9). Россия проявляет наибольший интерес к Америке (36), за ней следуют Европа (25,3), Азия (20,8) и Африка (17,9).

Однако все эти значения относительно близки друг к другу, поэтому главный вывод этой части исследования заключается в том, что к 2025 г. все мировые игроки осознали важность изучения Африки.

Расчет общемирового индекса интереса аналитических центров к Африке показывает, что регион представляет для них интерес на 17,96 балла из возможных 100; Европа — на 28,3; Америка — на 23,84 и наконец Азия — на 29,9. Учитывая, что Африка все еще играет несколько меньшую, чем упомянутые макрорегионы, роль в мировой экономике и политике, этот интерес все равно можно считать чрезвычайно высоким.

Если говорить об отдельных аналитических центрах, то в нашей выборке наибольший интерес к Африке проявляет нидерландский **Clingendael Institute**, за которым следуют китайский **Center for China and Globalization** и индийский **Gateway House**. В топ также входит один российский аналитический центр — **дискуссионный клуб «Валдай»** с показателем 26,7. Примечательно, что среди лидеров списка нет ни одного американского аналитического центра — почти все они находятся в середине рейтинга. Среди институтов, наименее заинтересованных в Африке, **China Institute of International Studies (CIIS)**, индийская **Deli Policy Group**, журнал «Россия в глобальной политике», **Institute of International and Strategic Studies (IISS)** Пекинского университета и испанский **Elcano Royal Institute**.

Интерес фабрик мысли к различным регионам мира

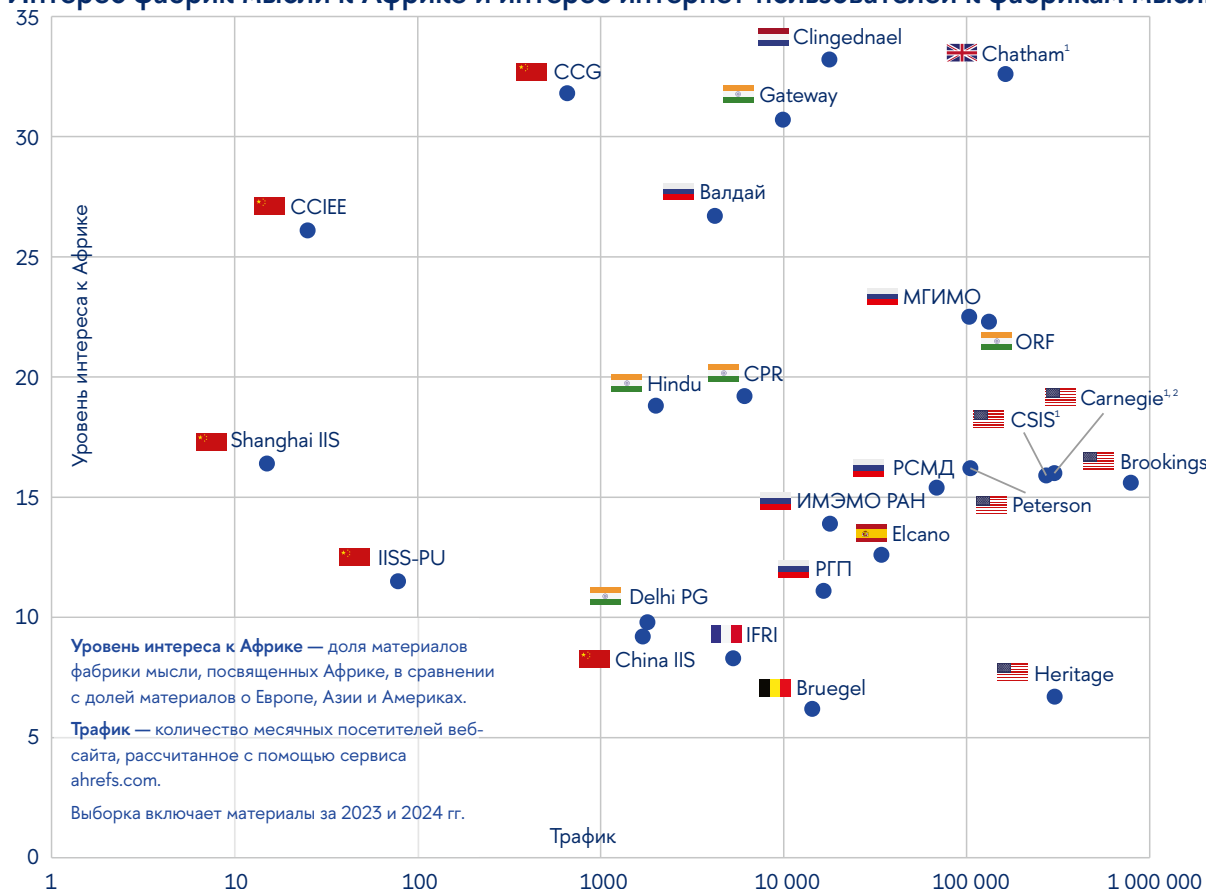

¹Carnegie Endowment, CSIS, Chatham House признаны нежелательными организациями на территории Российской Федерации согласно решению Прокуратуры Российской Федерации.

²Carnegie Endowment включен в реестр НКО выполняющих функции иностранных агентов согласно решению Министерства юстиции Российской Федерации.

Источник: Подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ.

Интерес фабрик мысли к Африке и интерес интернет-пользователей к фабрикам мысли

CCG	Center for China and Globalization
CCIEE	China Center for International Economic Exchanges
Shanghai IIS	Shanghai Institutes for International Studies
IISS-PU	Institute of International and Strategic Studies Peking University
Delhi PG	Delhi Policy Group
China IIS	China Institute of International studies
Clingednael	Clingednael Institute
Chatham	Chatham House ¹
Gateway	Gateway House
Валдай	Валдай Discussion Club
МГИМО	Moscow State Institute of International Relations
ORF	Observer Research Foundation

Hindu	Hindu Center
CPR	Center for Policy Research
IFRI	Institut français des relations internationales
Bruegel	Bruegel
CSIS	Center for Strategic and International Studies ¹
Carnegie	Carnegie Endowment for International Peace ^{1,2}
Brookings	Brookings Institution
ИМЭМО РАН	Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
РСМД	Russian International Affairs Council
Peterson	Peterson Institute for International Economics
Elcano	Elcano Institute
РГП	Russia in Global Affairs
Heritage	The Heritage Foundation

¹Carnegie Endowment, CSIS, Chatham House признаны нежелательными организациями на территории Российской Федерации согласно решению Прокуратуры Российской Федерации.

²Carnegie Endowment включен в реестр НКО выполняющих функции иностранных агентов согласно решению Министерства юстиции Российской Федерации.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Китай: сначала бизнес, потом геополитика

Один из основных нарративов китайских аналитических центров — сравнение китайской и западной политики в Африке

Так, например, утверждается, что китайские кредиты более выгодны для стран региона, поскольку банки КНР в первую очередь сосредоточены на содействии развитию стран-заемщиков (т.е. развитию инфраструктуры и индустриализации), а китайские инвестиции ведут к повышению производительности и в конечном счете к росту прибыли. В то же время западные банки и правительства, принимая решение о выдаче кредита, гораздо больше сосредоточены на кредитных рейтингах, что делает их более зависимыми от циклов в мировой экономике и, таким образом, менее надежным источником финансирования²¹⁵. Кроме того, подчеркивается политическая обусловленность экономических программ Соединенных Штатов²¹⁶, а также выражается скептицизм относительно способности США решать проблемы безопасности в Африке, например, в Красном море²¹⁷. Признается, что ЕС активно пересматривает свою политику в Африке, но пока эти усилия сдерживаются «менталитетом холодной войны»²¹⁸.

Важно отметить, что критика западных подходов не означает идеализацию китайской политики в Африке. Например, открыто обсуждается вопрос о недостатках модели кредитования, обеспеченной африканскими природными ресурсами, поскольку колебания цен на сырьевые товары могут усложнить погашение займов²¹⁹.

Более того, критика внешних усилий по обеспечению безопасности на континенте не означает, что

Китай пытается предложить собственные подходы: тема экспорта безопасности Китаем в Африку практически полностью отсутствует в публикациях китайских аналитических центров.

Не вызывает сомнений, что для китайских аналитических центров Африка — арена геополитической конкуренции (но не открытого противостояния). Аналитики в основном рассуждают об этом в терминах **Глобального Юга** и **Глобального Севера**. Признается, что Глобальный Юг, ключевым элементом которого становится Африка, не удовлетворен текущей конфигурацией мирового порядка и готов прилагать усилия для ее изменения. Что касается роли Глобального Севера в этом процессе, аналитические центры продвигают на этот счет два конкурирующих нарратива. С одной стороны, упоминается, что ЕС и США пытаются вбить клин между странами Глобального Юга и конкурировать с инициативой «Один пояс, один путь» своими инвестиционными и экономическими программами, с другой — подчеркивается, что «Африка не-западная, но и не антизападная»²²⁰, что предполагает возможности для сосуществования и даже сотрудничества различных геополитических полюсов на континенте. В то же время китайские аналитические центры не уделяют особого внимания перспективам сотрудничества с Россией, США или Европой. Россия упоминается только в контексте БРИКС.

Китай в гораздо большей степени, чем все остальные, ориентирован на сотрудничество со странами Африки в рамках международных институтов и соглашений

215 Xiaoyang Tang, Shuai Pan. Impact of market-based financing on Africa's debt and development. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42533-024-00164-7>

216 Yu Hongyuan. The US is seeking to form an exclusive energy club based on its alliances and partnerships which will impact on the global transition. URL: <https://www.siis.org.cn/sp/15391.jhtml>

217 Jin Liangxiang. U.S. Motives in the Red Sea go beyond bringing stability. URL: <https://www.siis.org.cn/Commentary/15458.jhtml>

218 Wang Yi. Self-confidence and self-reliance, openness and inclusiveness, fairness and justice, and win-win cooperation. URL: https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/ywqk/202404/t20240407_9217.html

219 Zhou Yuyuan. Does China's oil-for-infrastructure lending model in Africa need a rethink? URL: <https://www.siis.org.cn/Commentary/15613.jhtml>

220 Zhao Minghao. The belt & road initiative and U.S.—China competition over the global South. URL: <http://en.iiss.pku.edu.cn/info/1015/3591.htm>

Многие аналитические материалы посвящены расширению БРИКС и роли организации в развитии континента. Подчеркивается, что африканские страны и БРИКС имеют общий исторический опыт, а также то, что это объединение может сыграть важную роль в отстаивании интересов Африки на международной арене²²¹. Кроме того, уделяется внимание G77 (Китай видит себя лидером этой группы²²²), а также Африканскому союзу. Китайские аналитические центры выражают надежду, что Китай станет одним из главных выгодоприобретателей после полноценного запуска Африканской континентальной зоны свободной торговли (AfCFTA), а также призывают рассмотреть возможность создания Китайско-Африканской зоны свободной торговли (CAFTA)²²³.

Китайские интеллектуалы достаточно открытены в определении национальных интересов КНР в Африке: торговля и продажа китайских товаров. Однако ситуация с инициативой «Один пояс, один путь» выглядит несколько более неоднозначной: аналитические центры уделяют большое внимание описанию выгод, которые Африка может получить от сотрудничества в рамках этой инициативы, но совершенно не описывают, как эта программа обогатит сам Китай. Наконец китайские аналитические центры отличает внимание к Африке в контексте мировой политики и интересов великих держав, но события внутри самого континента, похоже, остаются для аналитиков terra incognita: сложно найти публикации, которые бы описывали внутреннюю политику, конфликты или экономические изменения в рамках отдельно взятой африканской страны. Весьма вероятно, что в китайском интеллектуальном контексте материалы такого рода воспринимаются как невежливые и неокOLONIALНЫЕ.

Китай предпочитает представлять Африку в долгосрочной макроперспективе, не вдаваясь в детали текущей повестки

ЕС и Великобритания: нужно учиться на своих ошибках

В 2024 г. европейские аналитические центры были сосредоточены на переосмыслении западной политики в Африке — процессе, который идет в Европе с момента деколонизации и, похоже, не закончится никогда. На этот раз стимулом стали недавние события в Сахара-Сахельском регионе.

Подчеркивается непредсказуемость этого поворота, а также неспособность ЕС и США быстро найти общий язык с новыми правительствами стран, где к власти пришли военные²²⁴, Франция при этом признается главным «проигравшим». Несмотря на то что аналитические центры представляют разные страны (Испанию, Бельгию, Великобританию, Францию, Нидерланды), большинство авторов разделяют идею о том, что эпоха безоговорочного доминирования Запада на континенте давно осталась в прошлом: «внешние субъекты — и, в частности, западные правительства — постоянно переоценивали свою способность влиять и содействовать реальным изменениям в регионе и должны стать скромнее в своих целях»²²⁵. Это дополняется обсуждением расширения круга внешних сил, действующих в Африке.

Некоторые авторы отмечают, что развивающиеся страны часто рассматривают ЕС как «эгоистичное, лицемерное и постколониальное»²²⁶ объединение. Обычно такие аргументы соседствуют с призывами к признанию большей субъектности африканских стран, а также к более гибким и ориентированным на гражданское общество и простых жителей подходам.

221 Haibin Niu. A greater voice for developing countries. URL: <https://www.sis.org.cn/Commentary/15108.html>

222 Yuan Sha. G77+China to play a bigger role in the global South agenda. URL: https://www.ciis.org.cn/english/COMMENTARIES/202309/t20230918_9072.html

223 Zhuo Li. Prospects for China–Africa continental free trade area (CAFTA). URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s42553-023-00148-z>

224 IFRI. After the failure in the Sahel, Rethinking French Policy in Africa. URL: <https://www.ifri.org/en/publications/briefings-de-lifri/after-failure-sahel-rethinking-french-policy-africa>

225 Clingendael. Stabilisation and the Central Sahel. URL: <https://www.clingendael.org/publication/stabilisation-and-central-sahel>

226 ELCANO. Europe and the Global South. How to gain influence and credibility in a complex world. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/europe-and-the-global-south-how-to-gain-influence-and-credibility-in-a-complex-world/>

Внешние субъекты, действующие в Африке, чаще всего описываются в логике конкуренции, а не конфликта

Однако есть и заметные исключения: испанский Elcano отмечает, что Глобальный Юг представляет собой поле битвы между Западом, с одной стороны, и Китаем и Россией, с другой, позиционируя Испанию как возможный авангард этого столкновения²²⁷. Наконец, если китайские центры часто пишут о конкуренции с США, то европейские, в свою очередь, обеспокоены ростом присутствия на континенте Китая. По их мнению, политическим преимуществом Европы остается то, что торговля с ЕС более сбалансирована и профицитна для Африки, кроме того, Европа по-прежнему способна предоставить больше прямых инвестиций²²⁸. Значительное внимание уделяется инициативе «Один пояс, один путь»: эксперты призывают более трезво смотреть на ее перспективы и учиться различать обещания китайцев и реальные действия²²⁹.

Значительное внимание европейские центры уделяют рискам коллективной безопасности

Так, эксперты обсуждают вклад Африки в борьбу с изменением климата и указывают на практически неразрешимый конфликт между задачами по переходу к углеродной нейтральности и достижением всеобщего доступа к электроэнергии. По их мнению, поскольку африканские страны в первую очередь озабочены энергетической безопасностью, было бы слишком смело возлагать на них надежды по ограничению потребления ископаемых видов топлива в краткосрочной перспективе²³⁰. Кроме того, большое внимание уделяется конфликтам в Эфиопии, Судане, Ливии,

Мали и Нигерии, которые угрожают региональной стабильности и могут привести к увеличению притока беженцев в страны Глобального Севера. Переход

власти под контроль военных в странах Сахеля также воспринимается как прямая угроза безопасности Европы.

Чаще других Европа уделяет внимание гуманитарной обстановке в Африке: аналитические центры пишут о торговле людьми, контрабанде²³¹, наркотрафике²³², продовольственной и водной безопасности, гендерном неравенстве²³³. Ожидаемо так называемые демократические институты, а также независимость судебных систем привлекают значительное внимание европейских аналитиков. По сравнению с другими Европа уделяет наибольшее внимание мониторингу хода электоральных кампаний на континенте.

Подводя итог, отметим, что европейские аналитические центры призывают к изменениям в африканской политике ЕС и настаивают на необходимости признания ошибок прошлого. Большое внимание уделяется гуманитарным вопросам, а Африка часто рассматривается как источник рисков для себя и окружающего мира. Декларируется, что работа по устранению этих рисков — обязанность человечества в целом. Китай, по-видимому, рассматривается европейцами как основной конкурент в торгово-экономической плоскости, среди аналитиков также распространен взгляд, что угроза, которую он представляет, может быть преувеличена, что может отражать и наметившееся китайско-европейское сближение в ряде экономических плоскостей, заметное и по совместным проектам стран ЕС и Китая в Африке.

227 ELCANO. Spearhead?: Spain, Europe and the battle for the global South. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/policy-paper/spearhead-spain-europe-and-the-battle-for-the-global-south/>

228 Bruegel. While Africa's economic relations with China are hyped, its relationship with the EU is more favourable. URL: <https://www.bruegel.org/newsletter/while-africas-economic-relations-china-are-hyped-its-relationship-eu-more-favourable>

229 Bruegel. Global trends in countries' perceptions of the Belt and Road Initiative. URL: <https://www.bruegel.org/working-paper/global-trends-countries-perceptions-belt-and-road-initiative>

230 ELCANO. The geopolitics of the global energy demand shift. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/the-geopolitics-of-the-global-energy-demand-shift/>

231 Clingendael. Niger's Repeal of the 2015/36 Anti-Smuggling Law. URL: <https://www.clingendael.org/publication/nigers-repeal-201536-anti-smuggling-law>

232 Clingendael. Deadly drug Kush haunts West Africa. URL: <https://www.clingendael.org/news/deadly-drug-kush-haunts-west-africa>

233 Clingendael. Young South Sudanese Women as Community Change Agents. URL: <https://www.clingendael.org/news/young-south-sudanese-women-community-change-agents>

Индия: сотрудничество прежде всего

Индия — пожалуй, единственный случай, когда большинство экспертов признают, что Африка не только нуждается в иностранном содействии, но и сама способна стать источником полезных знаний для мира

Индийские аналитические центры выступают преданными сторонниками ценностей движения неприсоединения: «пришло время африканским лидерам проявить свою волю и не занимать чью-либо сторону»²³⁴. Более того, Индия — пожалуй, единственный случай, когда эксперты признают, что Африка не только нуждается в иностранном содействии, но и способна стать источником полезных знаний для внешних игроков: «партнерство между Индией и Африкой должно быть улицей с двусторонним движением»²³⁵. Для аналитических центров важен африканский опыт решения проблемы роста трущоб²³⁶ и обеспечения верховенства закона (в случае ЮАР)²³⁷. Индия делает акцент на сотрудничестве, а не на конфронтации: она стремится двигаться к многополярному, но мирному мировому порядку, призывая, например, БРИКС стать площадкой для сбалансированного диалога, а не антизападным блоком²³⁸. Многие аналитики призывают к плодотворному сотрудничеству между Западом и Глобальным Югом в Африке²³⁹.

Несмотря на в целом мирный дискурс, политика Китая в Африке вызывает у некоторых авторов откровенное раздражение. Один аналитик вспоминает, как Си Цзиньпин якобы хвастался «невмешательством» Пекина в африканские дела, а затем демонстрирует, что это утверждение далеко от истины²⁴⁰. Однако другие публикации, в которых упоминается

КНР, предлагают сбалансированный и нейтральный анализ китайских экономических проектов на континенте, в первую очередь инициативы «Один пояс, один путь»²⁴¹.

В целом нейтральный тон не мешает индийским экспертам анализировать региональные конфликты. Так, исследовательский центр ORF прогнозирует столкновение интересов **ОАЭ** и **Саудовской Аравии** в Африке²⁴², а **Delhi Policy Group** анализирует последствия **украинско-го кризиса** и проблем с поставками зерна для имиджа России в регионе²⁴³. Более того, индийские аналитические центры присоединяются к хору голосов, отмечающих провалы политики Франции и США в Сахеле, а выход некоторых государств из ЭКОВАС называют «западноафриканским Brexit»²⁴⁴.

В отличие от Китая, который явно претендует на роль лидера Глобального Юга, Индия позиционирует себя, скорее, как лоббиста интересов этого Юга. Например, индийские аналитики

234 ORF. G7's African pivot: Energy, migration, and beyond. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/g7-s-african-pivot-energy-migration-and-beyond>

235 ORF. India-Africa education partnership holds the key to a prosperous future. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/india-africa-education-partnership-holds-the-key-to-a-prosperous-future>

236 CPR India. The Politics of Slums in the Global South: Urban Informality in Brazil, India, South Africa and Peru. URL: <https://cprindia.org/books/the-politics-of-slums-in-the-global-south-urban-informality-in-brazil-india-south-africa-and-peru/>

237 Hindy Centre. Citizens and the State: Policing, impunity, and the rule of law in India. URL: <https://www.thehinducentre.com/incoming/citizens-and-the-state-policing-impunity-and-the-rule-of-law-in-india/article67887312.ece>

238 ORF. How does an expanded BRICS benefit India? URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/how-does-an-expanded-brics-benefit-india>

239 Gateway House. West must listen to emerging middle powers. URL: <https://www.gatewayhouse.in/west-must-listen-to-emerging-middle-powers/>

240 ORF. China's conflict resolution mechanism in Africa: Mediation with Chinese characteristics. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/china-s-conflict-resolution-mechanism-in-africa-mediation-with-chinese-characteristics>

241 ORF. Shrinking Chinese demand, loan volumes weaken Africa's growth prospects. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/shrinking-chinese-demand-loan-volumes-weaken-africa-s-growth-prospects>

242 ORF. UAE and Saudi Arabia's agricultural diplomacy in Africa: Competition, cooperation and its strategic implications. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/uae-and-saudi-arabia-s-agricultural-diplomacy-in-africa-competition-cooperation-and-its-strategic-implications>

243 Delhi Policy Group. Global Horizons. URL: <https://www.delhipolicygroup.org/publication/global-horizons/global-horizons-4945.html>

244 ORF. The Alliance of Sahel States: A regional crisis in troubled West Africa. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/the-alliance-of-sahel-states-a-regional-crisis-in-troubled-west-africa>

ставят своей стране в заслугу получение Африканским союзом статуса члена G20²⁴⁵.

Одним из ключевых конкурентных преимуществ Индии на континенте аналитики видят ее способность поставлять дешевые лекарства и делиться опытом в области здравоохранения. По мнению экспертов Delhi Policy Group, поставки миллионов доз вакцины против COVID-19 позволили Индии подтвердить свой статус мировой державы²⁴⁶. Еще одним предметом гордости стала система оценки компетентности поставщиков медицинских услуг, которая сейчас используется в 20 странах Африки южнее Сахары²⁴⁷. Однако гуманитарные проекты остаются для Индии менее приоритетными, чем перспективы торговли с африканскими странами, которые обсуждаются гораздо чаще.

Индийские аналитические центры редко говорят о внутренней политике африканских стран, однако заметным исключением из этого правила является **ЮАР, где проживает обширная диаспора выходцев из Индии**: недавние парламентские выборы получили широкое освещение²⁴⁸. Среди внешних игроков, присутствующих на континенте, но не претендующих на статус «глобального центра силы» в Африке, сравнительно часто упоминаются **Италия и Япония**.

Индийские аналитические центры транслируют один из наиболее сбалансированных взглядов на Африку настоящего и будущего

С их точки зрения, континент, значение которого для международной политики в последние годы резко возросло, должен стать площадкой для сотрудничества всех заинтересованных сил.

США: полезные ископаемые, национальная безопасность и гуманитарная помощь

В контексте президентских выборов в США, состоявшихся в ноябре 2024 г., особый интерес для анализа представляло восприятие отношений с Африкой центрами, тяготеющими к Демократической или Республиканской партии. Так, эксперты консервативного Heritage Foundation были убеждены, что США следует пересмотреть свою политику в отношении континента: утверждалось, что, несмотря на масштабную финансовую помощь африканским странам, большинство из них остаются бедными и демонстрируют низкие темпы экономического роста. Авторы республиканского аналитического центра предлагали сосредоточиться на торговле и инвестициях, а не на прямой помощи²⁴⁹. Кроме того, по их мнению, США следовало отказаться от сотрудничества со странами, которые не поддерживают их внешнюю политику. В первую очередь это касалось ЮАР: «Претория поддерживала Кадафи, Кастро и Мугабе; продавала оружие Асаду и Путину; теперь формирует альянсы с Китаем, Ираном и Россией; поддерживает ХАМАС»²⁵⁰. Ответственность за провал политики США в Сахеле возлагалась на администрацию Дж. Байдена²⁵¹. Таким образом, уже тогда было понятно, что победа Трампа на выборах приведет к сокращению Соединенными Штатами прямой финансовой и гуманитарной помощи Африке, а также пересмотр отношений с рядом стран.

Демократические аналитические центры, напротив, призывали к масштабированию американской политики в Африке, ссылаясь на возросшую активность Китая и России, а также обсуждали возможности укрепления позиций НАТО на континенте. Хотя важность Африки для будущего альянса не вызывает сомнений, некоторые

245 Gateway House. India's G20 Presidency: Furthering India-Africa Ties. URL: <https://www.gatewayhouse.in/events/indias-g20-presidency-furthering-india-africa-ties/>

246 Delhi Policy Group. East Asia Explorer. URL: <https://www.delhipolicygroup.org/publication/east-asia-explorer/east-asia-explorer-4932.html>

247 CPR India. Policy in Action- Health. URL: <https://cprindia.org/policy-in-action-health/>

248 Gateway House. South Africa goes to the polls. URL: <https://www.gatewayhouse.in/south-africa-goes-polls/>

249 Heritage. Africa in focus: Shifting the paradigm together. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/report/africa-focus-shifting-the-paradigm-together>

250 Heritage. Time to cut U.S. Foreign aid to South Africa. URL: <https://www.heritage.org/global-politics/report/time-cut-us-foreign-aid-south-africa>

251 Heritage. Niger Coup raises questions about U.S. Sahel strategy. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/niger-coup-raises-questions-about-us-sahel-strategy>

эксперты призывали к осторожности: признавалось, что для молодых африканцев НАТО ассоциируется с колониальной и постколониальной системой. В целом американские аналитические центры разделяют настроения своих европейских коллег относительно того, что жители многих африканских стран разочарованы «демократией» и сотрудничеством с Западом. Отмечается, что реальными выгодоприобретателями формальной демократизации зачастую оказывались правящие элиты, а многие граждане так и не увидели ни одного из широко рекламируемых преимуществ демократии²⁵².

Прогнозировалось, что в ближайшем будущем правительству США придется идти на сложные компромиссы: придерживаться своих обязательств по защите демократии, что означало бы отказ от сотрудничества с режимами, пришедшими к власти не с помощью выборов, или в определенной степени приспособляться к ним, нарушая декларируемые принципы внешней политики²⁵³. Однако те же авторы предсказывали, что военные правительства или политические лидеры, которые нарушают конституционные ограничения на пребывание в должности, скорее всего, также не смогут решить структурные проблемы своих стран, что откроет новое окно для очередной волны «демократизации».

Американские аналитические центры по-прежнему декларативно связывают электоральную демократию с экономическим ростом. Предполагается, что африканские страны будут процветать только в условиях проведения регулярных, прозрачных выборов, хотя эксперты редко пытаются содержательно объяснить эту связь или просто игнорируют такую необходимость²⁵⁴

В США распространен нарратив об Африке как арене конкуренции между Соединенными Штатами и Китаем²⁵⁵, а также в гораздо меньшей степени — Россией. Помимо России и Китая, значительное внимание уделяется и другим игрокам, например Турции и Японии. В ряде публикаций акцентируется внимание на политике в Африке стран Персидского залива: ОАЭ, Катар и Саудовской Аравии. Эксперты утверждают, что Вашингтон рассматривает эти страны как естественный противовес России и Китаю, однако их возросшая активность в Африке также может ослабить стремление африканских стран к демократии²⁵⁶.

По сравнению с другими центрами силы США больше всего обеспокоены вопросами добычи полезных ископаемых в Африке²⁵⁷. Например, в одном из текстов анализируются перспективы сотрудничества с **Мадагаскаром, Мозамбиком и Танзанией** в области добычи графита. Что касается гуманитарного измерения национальных интересов США в Африке, следует отметить, что важное место в нем занимают вопросы продовольственной безопасности²⁵⁸ и развития системы образования²⁵⁹.

Еще одна отличительная черта дебатов об Африке в США — повышенное внимание к энергетической безопасности и изменению климата. Эксперты отмечают, что африканские страны наиболее уязвимы к погодным экстремумам, хотя их ответственность за эти проблемы незначительна, большое внимание уделяется также энергетическому дефициту Африки.

252 Brookings. How African governments can regain the trust of their citizens. URL: <https://www.brookings.edu/articles/how-african-governments-can-regain-the-trust-of-their-citizens/>

253 Brookings. Addressing and preventing coups in Africa: What the United States can do. URL: <https://www.brookings.edu/articles/addressing-and-preventing-coups-in-africa-what-the-united-states-can-do/>

254 Brookings. Africa's prosperity tied to investing in democracy. URL: <https://www.brookings.edu/articles/africas-prosperity-tied-to-investing-in-democracy/>

255 China Global South. Africa is at the center of U.S.-China competition for critical resources. URL: <https://chinaglobalsouth.com/podcasts/africa-is-at-the-center-of-u-s-china-competition-for-critical-resources>; Peterson Institute for International Economics (PIIE). Who are China's fellow travelers in the international system? URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2024/who-are-chinas-fellow-travelers-international-system>

256 Time. Gulf Investment Boom in Africa. URL: <https://time.com/6975593/gulf-investment-boom-africa>

257 Peterson Institute for International Economics (PIIE). Political unrest in Africa threatens global critical mineral supplies. URL: <https://www.piie.com/research/piie-charts/2023/political-unrest-africa-threatens-global-critical-mineral-supplies-and>

258 Peterson Institute for International Economics (PIIE). Food insecurity: what can the world trading system do about it? URL: <https://www.piie.com/publications/policy-briefs/food-insecurity-what-can-world-trading-system-do-about-it>

259 Brookings Institution. New trends in Africa-Asia economic relations. URL: <https://www.brookings.edu/articles/new-trends-in-africa-asia-economic-relations>

Из-за высокой конкуренции за внимание и ресурсы между аналитическими центрами в США публикации по Африке отличаются наибольшим разнообразием освещаемых тем и взглядов на будущее континента, которые сложно объединить в связные смысловые блоки. Аналитические центры уделяют внимание цифровым валютам²⁶⁰, местному самоуправлению²⁶¹, кибербезопасности²⁶² и гендерному равенству²⁶³.

Хотя США, как и Европа, признают несовершенство своих подходов к Африке и изменение баланса сил в мире, эксперты выражают надежду, что их страна сохранит влияние в Африке. С их точки зрения, континентальная система безопасности, гуманитарные проекты, торговля, инфраструктура, инвестиции и энергетика континента слишком зависят от поддержки со стороны США, а Африка, в свою очередь, становится ключевым источником критически важных полезных ископаемых и одним из будущих драйверов мирового экономического роста, что делает сотрудничество с Западом неизбежным.

Россия: мы возвращаемся, мы вернулись

По мнению российских экспертов, в последние годы страны Африки сделали важные шаги по укреплению суверенитета и освобождению от неокOLONиальной зависимости²⁶⁴. Россия, в их

представлении, становится экспортером суверенитета и безопасности (в первую очередь в борьбе с терроризмом)²⁶⁵. Поскольку в последние годы наиболее активно развиваются отношения со странами Сахеля, этот регион Африки чаще всего упоминается в экспертных материалах²⁶⁶.

Преимущество России перед другими игроками континента обосновывается тем, что она не выдвигает политические требования в обмен на помощь, как это часто бывает с западными странами²⁶⁷

Российские эксперты сходятся во мнении, что сотрудничество с Африкой не должно ограничиваться вопросами безопасности: «Учитывая растущий интерес африканских стран к полномасштабному сотрудничеству, России необходимо сосредоточиться на укреплении не только своих военно-политических, но и финансово-промышленных позиций»²⁶⁸, однако отмечается, что между саммитами Россия — Африка 2019 и 2023 гг. было реализовано весьма ограниченное число совместных проектов²⁶⁹.

Аналитические центры пытаются преодолеть некоторую двусмысленность, возникающую из-за многочисленных социальных, экономических и культурных различий между Россией и странами Африки. Россия отнесена, с одной стороны, к «глобальному большинству» и Глобальному Югу, а с другой — к носителям «настоящих» европейских ценностей, которые уже не свойственны современной Европе²⁷⁰. Китай в этой новой геополитической реальности

260 Brookings Institution. Should African central banks pursue digital currencies? URL: <https://www.brookings.edu/articles/should-african-central-banks-pursue-digital-currencies>

261 Brookings Institution. Subnational democracy and local governance in Africa. URL: <https://www.brookings.edu/articles/subnational-democracy-and-local-governance-in-africa>

262 Ibid.

263 Brookings Institution. Promoting gender equality in Africa through gender-responsive procurement. URL: <https://www.brookings.edu/articles/promoting-gender-equality-in-africa-through-gender-responsive-procurement>

264 Valdai Club. В Африку бером. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/chairman-speech/v-afriku-begom/?sphrase_id=752363

265 Российский совет по международным делам (РСМД). Круглый стол РСМД и Института Африки РАН: информационно-культурный суверенитет стран Сахеля в условиях глобализации. URL: https://russiancouncil.ru/news/kruglyy-stol-rsmd-i-instituta-afriki-ran-informatsionno-kulturnyy-suverenitet-stran-sakhelya-v-uslov/?sphrase_id=153513930

266 Российский совет по международным делам (РСМД). Блог И. Захарова: Информационная политика в Африке. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/i-zakharov/36491/?sphrase_id=153513930

267 Valdai Club. Благондежные партнеры. URL: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/blagonadyeznye-partnyery/?sphrase_id=752363

268 Российский совет по международным делам (РСМД). России необходимо укреплять финансовые и производственные позиции в Африке. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/afrika/rossii-neobkhodimo-ukrepyat-finansovye-i-proizvodstvennyye-pozitsii-v-afrike/?sphrase_id=153513930

269 Российский совет по международным делам (РСМД). Африка сейчас уже совсем другая, и мы многому можем у нее поучиться. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/afrika-seychas-uzhe-sovsem-drugaya-i-my-mnogomu-mozhem-u-neye-pouchitsya/?sphrase_id=153513930

270 Российский совет по международным делам (РСМД). Картина нарождающегося мира: Глобальный Юг. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/kartina-narozhdayushchegosya-mira-globalnyy-yug/?sphrase_id=153513930

рассматривается как естественный противовес, используемый африканскими странами для получения большей автономии от Европы и США²⁷¹. Западные страны, в свою очередь, изображаются как отчаянно цепляющиеся за свой статус доминирующих держав континента, а некоторые эксперты рассматривают террористическую деятельность или протесты как вдохновленные Западом действия, нацеленные на сохранение собственного влияния²⁷². Что касается самой Африки, то медианная точка зрения заключается в том, что страны региона могут стать влиятельными игроками на международной арене, координируя свою политику и исповедуя ценности, близкие к неопанафриканизму²⁷³.

В целом российскую экспертную дискуссию об Африке можно разделить на два больших направления. Авторы, относящиеся к первому, делают акцент на глобальных политических факторах, определяющих положение дел на континенте. Африка, как и весь мир, представляется им ареной противостояния великих держав. На самом континенте они выделяют зоны влияния и указывают на наиболее авторитетные региональные державы²⁷⁴. Благодаря этому российские аналитические центры пишут о действиях западных стран в Африке едва ли не чаще, чем сами европейские или американские аналитические центры. Большинство публикаций такого рода посвящено Франции: эксперты отмечают провал политики *Françafrique*²⁷⁵, замену Франции Россией в Сахеле и личные ошибки Эммануэля Макрона²⁷⁶.

Еще одна близкая этой категории экспертов тема — неоколониальная политика ЕС и США. Примечательно, что эксперты не утверждают, что Китай и Россия выступают как единая, скоординированная сила. Если эти страны и упоминаются вместе, то исключительно в контексте сотрудничества на площадке БРИКС. В то же время западные аналитические центры часто перечисляют Китай и Россию через запятую, подразумевая, что у них есть общие цели в Африке.

Представители второго направления фокусируются не на геополитике, а на конкретных направлениях сотрудничества России и Африки, их тексты достаточно технократичны и лишены геополитического пафоса. Как и США, российские аналитические центры уделяют внимание редкоземельным металлам, добываемым в Африке, также отмечая доминирование Китая в этой сфере²⁷⁷.

Эксперты считают перспективной идею энергетического сотрудничества. Они подчеркивают, что Россия обладает уникальными компетенциями и готова предложить практически любые услуги — от подготовки кадров до строительства инфраструктуры

Кроме того, российские аналитические центры гораздо больше пишут о сотрудничестве в сфере образования, чем представители других стран, предполагая, что число африканских студентов в российских вузах может быть существенно увеличено²⁷⁸.

271 Российский совет по международным делам (РСМД). Основные направления сотрудничества КНР со странами Северной Африки. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osnovnye-napravleniya-sotrudnichestva-knr-so-stranami-severnoy-afriki/?sphrase_id=153513930

272 Valdai Club. Африканская турбулентность. URL: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/afrikanskaya-turbulentnost/?sphrase_id=752363; Российский совет по международным делам (РСМД). Главная задача — вернуть народам Сахеля суверенитет. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/africa/glavnaya-zadacha-vernut-narodam-sakhelya-suverenitet/?sphrase_id=153513930

273 Valdai Club. Уроки второго саммита Россия–Африка. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/uroki-vtorogo-sammita-rossiya-afrika/?sphrase_id=752363

274 ИМЭМО РАН. Regional powers on the African continent: Trends and prospects. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2024/4-t-68/africa-today-and-tomorrow/regional-powers-on-the-african-continent-trends-and-prospects>

275 Российский совет по международным делам (РСМД). Блог И. Захарова: Информационная политика в Африке. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/i-zakharov/36491/?sphrase_id=153513930

276 ИМЭМО РАН. Francophonie: New approaches of Emmanuel Macron. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2024/5-t-68/europe-new-realities/francophonie-new-approaches-of-emmanuel-macron>

277 Российский совет по международным делам (РСМД). Африка на распутье: мировой рынок редкоземельных металлов переживает тектонические сдвиги. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afrika-na-raspute-mirovoy-rynok-redkozemelnykh-metallov-perezhiivaet-tektonicheskie-sdvigi/?sphrase_id=153513930

278 Valdai Club. К вопросу подготовки кадров высшей квалификации. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/k-voprosu-podgotovki-kadrov-vysshey-kvalifikatsii/?sphrase_id=752363

Две другие темы, на которых акцентируют внимание почти исключительно российские эксперты, — это цифровое сотрудничество²⁷⁹ и развитие космической отрасли²⁸⁰. Цифровизация государственного управления и повседневной жизни в Африке рассматривается как один из способов преодоления неравенства²⁸¹ и обеспечения суверенитета за счет снижения зависимости от западных компаний и стран²⁸².

В то время как аналитические центры США характеризуются наибольшим разнообразием тем, российские аналитические центры отличаются глубиной анализа внутривосточных проблем, особенно в сфере безопасности²⁸³. При обсуждении конфликта в Ливии²⁸⁴ или вблизи Великих Африканских озер²⁸⁵ аналитики демонстрируют высокий уровень осведомленности об акторах, действующих в регионе, и их интересах.

В целом эксперты сходятся во мнении, что Африка стала одним из главных приоритетов внешней политики России в последние годы

Африканские аналитические центры

Хотя эта глава в основном посвящена взгляду на Африку тех аналитиков, которые находятся за ее пределами, было бы странно проигнорировать экспертные дискуссии, которые ведут африканские аналитические центры.

Пожалуй, главная особенность материалов африканских аналитических центров — аполитичность

Выборка африканских фабрик мысли

ЮАР

African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD)

South African Institute of International Affairs (SAIIA)
Institute for Security Studies (ISS)

Кения

African Economic Research Consortium (AERC)
African Centre for Technology Studies (ACTS)

Гана

IMANI Center for Policy and Education
African Center for Economic Transformation (ACET)

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

Для этого были отобраны все африканские экспертные центры из списка 150 лучших аналитических центров по всему миру (за исключением США) в отчете **Global Go To Think Tank Index Report 2020**²⁸⁶. Первоначальная выборка включала 16 аналитических центров, но 3 из них были исключены из-за отсутствия общедоступного веб-сайта, 1 занимался исключительно опросами общественного мнения (Afrobarometer), а еще 5 либо вообще не публиковали информацию в открытой сети, либо последний раз делали это несколько лет назад. В окончательный список вошло 7 африканских аналитических центров. Отобранные аналитические материалы были опубликованы на веб-сайтах этих аналитических центров в основном в 2024 г.

279 Global Affairs. ИТ-экспансия в Африку. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/it-ekspansiya-v-afriku>

280 Российский совет по международным делам (РСМД). Счится ли им рокот космодрома: заметки о перспективах стран Африки в космосе. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/snitsya-li-im-rokot-kosmodroma-zametki-o-perspektivakh-stran-afriki-v-kosmose/?sphrase_id=153513930

281 Valdai Club. Как Африке преодолеть зависимость. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kak-afrike-preodolet-zavisimost/?sphrase_id=752363

282 Global Affairs. Цифровизация в Африке. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czifrovizacziya-v-afrike>

283 ИМЭМО РАН. Islamist Terrorism in Africa in the 2010–2020s: Main Trends and Prospects. URL: <https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2024/4-t-68/africa-today-and-tomorrow/islamist-terrorism-in-africa-in-the-20102020s-main-trends-and-prospects>

284 Российский совет по международным делам (РСМД). Игра в бирюльки на ливийском поле (Часть 3). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/igra-v-biryulki-na-livyskom-pole-3/?sphrase_id=153513930

285 Российский совет по международным делам (РСМД). Ситуационный анализ РСМД и ИМИ МГИМО: Конфликт в районе Великих Африканских озер — РВО и позиция России. URL: https://russiancouncil.ru/news/situatsionnyy-analiz-rsmd-i-im-mgimo-konflikt-v-rayone-velikikh-afrikanskikh-ozher-rvo-i-pozitsiya-r/?sphrase_id=153513930

286 Bruegel. 2020 Global Go To Think Tank Index Report. URL: <https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp-content/uploads/2021/03/2020-Global-Go-To-Think-Tank-Index-Report-Bruegel.pdf>

Подавляющее большинство публикаций посвящено вопросам экономики, борьбы с бедностью, торговли и регионального сотрудничества, а не действиям внешних игроков на континенте или межгосударственным отношениям африканских стран. Удивительно мало внимания уделяется также электоральным кампаниям и внутриэлитным отношениям.

Когда разговор заходит о «большой политике», экспертам удается придерживаться принципа многосторонности. **South African Institute of International Affairs (SAIIA)** демонстрирует хороший пример: менее чем за два месяца центру удалось провести закрытый для общественности диалог российских и южноафриканских экспертов о будущем отношений двух стран, подробно обсудить переговоры по климату с Китаем в рамках FOCAC, обсудить сотрудничество с Японией и G20²⁸⁷. В случае с круглым столом с **российскими экспертами** отмечается, что неприсоединение ЮАР к западным санкциям против России вызвало международную критику, но позволило стране «сохранить автономию в своей внешней политике». В то же время эксперты призывают Россию «объяснить, поддерживает ли она инициативы развития, возглавляемые Африкой, или преследует свои собственные интересы». В аналитическом документе об отношениях с G20 отмечается, что после 2022 г. организация стала менее подходящим пространством для выработки консенсуса по многим глобальным вопросам между развитыми и развивающимися экономиками²⁸⁸.

Растет спрос на более представительные и справедливые глобальные институты, которые могут управлять рисками и возможностями, связанными с взаимной зависимостью государств²⁹⁰

Как и в случае с другими центрами силы, африканские эксперты сходятся во мнении, что за последние десятилетия характер международных отношений существенно изменился. Они отмечают, что после 1945 г. Африка оставалась пассивной и принимала геополитические реалии международной системы, не продвигая своей независимой, единой региональной политики, и в то же время, после окончания холодной войны иностранные державы уделяли континенту недостаточно много внимания²⁸⁹.

Значительное внимание уделяется вопросам безопасности: перспективам примирения конфликтующих сторон в Судане, истощению поддержки террористической группировки ISWAP²⁹¹, негативному влиянию конфликта на западе Камеруна на систему образования, достижениям ДР Конго на пути к национальному единству²⁹².

Рецепт мира в Африке, предлагаемый местными экспертами, можно сформулировать как «взаимодополнение локального с континентальным». Аналитические центры часто предлагают сложные стратегии взаимодействия с местными сообществами, но при этом не забывают о наднациональном сотрудничестве в сфере безопасности²⁹³.

287 South African Institute of International Affairs (SAIIA). Local Opportunities and Global Disputes: Tracking Japan's Engagement with Africa Amid Geopolitical Tensions. URL: <https://saiia.org.za/research/local-opportunities-and-global-disputes-tracking-japans-engagement-with-africa-amid-geopolitical-tensions>; South African Institute of International Affairs (SAIIA). China-Africa Energy and Climate Cooperation: Prospects for FOCAC 2024. URL: <https://saiia.org.za/research/china-africa-energy-and-climate-cooperation-prospects-for-focac-2024>

288 South African Institute of International Affairs (SAIIA). The G7, South Africa, and the Sustainable Climate Agenda for Africa. URL: <https://saiia.org.za/research/the-g7-south-africa-and-the-sustainable-climate-agenda-for-africa>

289 African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD). The African Union's 2063 Goal of Silencing the Guns in the New World Order. URL: <https://www.accord.org.za/conflict-trends/the-african-unions-2063-goal-of-silencing-the-guns-in-the-new-world-order>

290 South African Institute of International Affairs (SAIIA). Reimagining Global Economic Governance: African and Global Perspectives. URL: <https://saiia.org.za/research/reimagining-global-economic-governance-african-and-global-perspectives>

291 В России признана террористической организацией, ее деятельность запрещена.

292 African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD). Impact of the Ongoing Crisis on the Education of the North-West Region of Cameroon. URL: <https://www.accord.org.za/conflict-trends/impact-of-the-ongoing-crisis-on-the-education-of-the-north-west-region-of-cameroon>; African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD). East Africa's Path to Unity: Community Growth and Regional Peace Initiatives in the Democratic Republic of the Congo. URL: <https://www.accord.org.za/conflict-trends/east-africas-path-to-unity-community-growth-and-regional-peace-initiatives-in-the-democratic-republic-of-the-congo>; ISS Africa. Is Peace Possible Between Sudan's Warring Parties? URL: <https://issafrica.org/iss-today/is-peace-possible-between-sudan-s-warring-parties>; ISS Africa. The End of ISWAP's Hearts and Minds Strategy. URL: <https://issafrica.org/iss-today/the-end-of-iswap-s-hearts-and-minds-strategy>

293 African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD). The African Union's 2063 Goal of Silencing the Guns in the New World Order. URL: <https://www.accord.org.za/conflict-trends/the-african-unions-2063-goal-of-silencing-the-guns-in-the-new-world-order/#:~>

Африканские аналитические центры отличаются повышенным интересом к двум проблемам: интеграции африканской молодежи в рынок труда и экологии. Так, эксперты пишут о нехватке компетентных преподавателей технических специальностей в Эфиопии; отмечают острую проблему безработицы среди молодежи Ганы; объясняют молодежные протесты в Кении недостаточной чуткостью правительства к нуждам этой возрастной группы²⁹⁴.

Экологические проблемы в основном не абстрактны, а привязаны к конкретным экономическим проблемам: авторы аналитических центров рассматривают влияние изменения климата на социальное положение в ЮАР; участие стран Африки в Договоре об открытом море; как местные сообщества могут управлять водными ресурсами в Восточной Африке²⁹⁵.

В интеллектуальных дебатах есть место и для размышлений о влиянии COVID-19 на экономику и систему образования²⁹⁶; эпидемии куша (синтетический наркотик); правах женщин и роли наднациональных институтов в их поддержке²⁹⁷; издержках нелегальной добычи золота²⁹⁸; коррупции; трансфере технологий (включая искусственный интеллект)²⁹⁹; неэффективности избирательных комиссий и политики в отношении малого и среднего бизнеса³⁰⁰.

Важная общая черта африканских аналитических центров — их источники финансирования. Основных доноров можно разделить на две большие

группы: международные институты (**Всемирный банк, ООН, OXFAM, UNICEF**) и западные некоммерческие фонды и/или непосредственно правительства. Например, среди доноров африканских аналитических центров — Норвежское агентство по сотрудничеству в целях развития, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Министерство иностранных дел, по делам Содружества и развития Великобритании, Шведское агентство по международному сотрудничеству в целях развития и многие другие.

Пока никакие силы, кроме западных, не поддерживают развитие аналитических центров и фабрик мысли в Африке, что неизбежно приводит, как минимум, к смещению фокуса на темы, свойственные повестке дня западных стран.

Как «большой разворот» во внешней политике США изменил дискурс аналитических центров об Африке?

Избрание президентом США **Дональда Трампа**, равно как и первые шаги его администрации, могли повлиять на представления аналитических центров об Африке. Чтобы проверить это предположение, мы использовали те же методы, но на этот раз на другой временной рамке: с ноября 2024 по март 2025 г. Конечно, несколько месяцев — слишком короткий срок, чтобы ожидать от аналитических центров коренных изменений

294 African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD). Kenya's Historic Gen Z-Led Protests: The Issues. URL: <https://www.accord.org.za/analysis/kenyas-historic-gen-z-led-protests-the-issues>; African Center for Economic Transformation (ACET). Ethiopia TVET Teachers Professional Competency Challenges and Policy Recommendations. URL: <https://acetforafrica.org/research-and-analysis/insights-ideas/policy-briefs/ethiopia-tvet-teachers-professional-competency-challenges-and-policy-recommendations>; African Center for Economic Transformation (ACET). Bridging the Gap: A Renewed Employment Policy for a Generation of Ghanaian Youth. URL: <https://acetforafrica.org/research-and-analysis/insights-ideas/policy-briefs/bridging-the-gap-a-renewed-employment-policy-for-a-generation-of-ghanaian-youth>; African Center for Economic Transformation (ACET). Ghana Newsletter: Digital and Ecological Transition of Work for Youth Employment. URL: <https://acetforafrica.org/research-and-analysis/insights-ideas/policy-briefs/ghana-newsletter-digital-and-ecological-transition-of-work-for-youth-employment>

295 African Centre for Technology Studies (ACTS). STREM Policy Brief. URL: https://www.acts-net.org/images/Publications/Policy-Briefs/CRE/STREM_Policy_Brief.pdf; African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD). The Impacts of Climate Change on Social Cohesion and Stability in Southern Africa. URL: <https://www.accord.org.za/analysis/the-impacts-of-climate-change-on-social-cohesion-and-stability-in-southern-africa>; ISS Africa. Africa Must Help Steer the High Seas Treaty Out of Dire Straits. URL: <https://issafrica.org/iss-today/africa-must-help-steer-the-high-seas-treaty-out-of-dire-straits>

296 African Economic Research Consortium (AERC). Impact of COVID-19 Pandemic on School Attendance in Kenya. URL: <https://publication.aercafricallibrary.org/items/3c3826bb-b1fb-4731-84c2-e8da752dbe06>

297 African Centre for the Constructive Resolution of Disputes (ACCORD). Bringing Women to the Table: The Evolution of FemWise-Africa. URL: <https://www.accord.org.za/analysis/bringing-women-to-the-table-the-evolution-of-femwise-africa>

298 IMANI Africa. An Extended Policy Brief: Gold Rush Chaos and Golden Curse. URL: <https://imaniafrica.org/2024/09/an-extended-policy-brief-gold-rush-chaos-and-golden-curse-how-ghanas-political-elite-are-selling-out-the-nations-posterity-for-personal-gain>

299 African Centre for Technology Studies (ACTS). Application of AI in Education in Africa. URL: <https://ai4d.acts-net.org/wp-content/uploads/APPLICATION-OF-AI-IN-EDUCATION-IN-AFRICA.pdf>

300 African Center for Economic Transformation (ACET). A Strategic Path to Investment and Growth for African SMEs. URL: <https://acetforafrica.org/research-and-analysis/insights-ideas/articles/abt-a-strategic-path-to-investment-and-growth-for-african-smes>

в риторике, поэтому основное внимание было уделено тому, как они оценивают влияние политики Дональда Трампа на ситуацию в Африке в течение ближайших лет.

Два глобальных центра, для которых изменения во внешней политике США пока не стали поводом для переосмысления будущего Африки, — Китай и Россия. В первом случае это может объясняться фокусировкой на долгосрочных трендах, а также отсутствием принципиальных изменений в настрое Вашингтона на борьбу с Пекином, во втором — увлеченностью другими, более насущными вопросами, в первую очередь урегулированием кризиса в Украине. Так, китайские аналитики писали о выступлении президента Руанды Поля Кагаме на форуме в Дохе, где он похвалил КНР за стремление к построению диалога с африканскими странами³⁰¹; изменениях в глобальных цепочках поставок в контексте конкуренции с США³⁰²; встрече глав **МИД Китая и Индии в Йоханнесбурге**³⁰³; энергетическом переходе³⁰⁴.

Российские эксперты предполагали, что в новой геополитической реальности Россия и США могли бы совместно работать над разрешением конфликтов и других проблем в Африке³⁰⁵

Российские эксперты предполагали, что в новой геополитической реальности Россия и США могли бы совместно работать над разрешением конфликтов и других проблем в Африке; в то же время некоторые из них отмечали, что

администрация Трампа еще в 2018 г. констатировала возвращение конкуренции между великими державами в Стратегии национальной безопасности³⁰⁶. В остальном российские аналитики продолжили погружаться в региональную экспертизу³⁰⁷, рассуждать о сотрудничестве в области образования³⁰⁸ и урегулировании вооруженных конфликтов, критиковать политику Франции на континенте³⁰⁹ и обрисовывать контуры нового «многополярного» мира³¹⁰.

В Индии контуры африканской политики Трампа стали причиной для пространственных дискуссий. Во-первых, часть экспертов видит в избрании Трампа хороший знак для Африки. По их мнению, прагматичный бизнес-ориентированный подход американского лидера может сыграть на руку африканским правительствам, заинтересованным в экспорте природных ресурсов и привлечении инвестиций. Между строк читается, что Трамп кажется менее заинтересованным во вмешательстве во внутреннюю политику других стран в сравнении со своим предшественником³¹¹.

Как отмечают аналитики, хотя ранее Трамп и рассматривал возможность прекращения действия американского Закона о росте и возможностях для Африки (AGOA), присущая ему

логика глобального противостояния с КНР и китайской инициативой «Один пояс, один путь», скорее всего, помешает принять такое решение. Среди однозначных выгодоприобретателей упоминаются Египет (из-за близких отношений Трампа

301 Center For China and Globalization. President Kagame, Mbumba Defend China-Africa Relations at Doha Forum. URL: <http://en.ccg.org.cn/archives/85098>

302 China Center for International Economic Exchanges (CCIEE). Lu Xinhong: The Train of Thought, Principles, and Paths for Industrial Cooperation Among China, Japan, and South Korea under the New Situation. URL: <http://english.cciee.org.cn/Detail.aspx?newsId=21564&TId=254>

303 China Center for International Economic Exchanges (CCIEE). To improve relations with China, India needs concrete, effective act. URL: https://www.ciis.org.cn/english/COMMENTARIES/202503/t20250320_9548.html

304 Shanghai Institutes for International Studies (SIIS). Yu Hongyuan: Reshaping the energy security governance system. URL: <https://www.sis.org.cn/Commentary/16247.html>

305 Российский совет по международным делам (РСМД). Россия и США за рамками украинского кризиса. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiya-i-ssha-za-ramkami-ukrainskogo-krizisa/?sphrase_id=189166505

306 Россия в глобальной политике. Перестройка мирового порядка. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/perestrojka-miroporjadka-grem/>

307 Российский совет по международным делам (РСМД). Марокко и Алжир: центры силы африканского континента. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/marokko-i-alzhir-tsentry-sily-afrikanskogo-kontinenta/?sphrase_id=189166505

308 Российский совет по международным делам (РСМД). В РСМД обсудили сотрудничество России со странами Африки в области образования. URL: https://russiancouncil.ru/news/v-rsmd-obsudili-sotrudnichestvo-rossii-so-stranami-afriki-v-oblasti-obrazovaniya/?sphrase_id=189166505

309 ИМЭМО РАН. «Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд»: Сенегал и Чад не рады французским войскам в Африке. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/segodnya-ya-vizhu-osobenno-grusten-tvoj-vzglyad-senegal-i-chad-ne-radi-frantsuzskim-voyskam-v-afrike>

310 Россия в глобальной политике. В Евразию с интеллектуальной свободой. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/v-evraziyu-karaganov/>; Валдайский клуб. Многоликий неокolonизм и современная Африка. URL: https://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/mnogolikiy-neokolonizizm-i-sovremennaya-afrika/?sphrase_id=765664

311 ORF. Trump's transactional pragmatism may auger well for Africa. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/trump-s-transactional-pragmatism-may-auger-well-for-africa>

с президентом Абделем Фаттахом ас-Сиси) и Марокко (в контексте поддержки США суверенитета Марокко над Западной Сахарой).

Другие аналитические центры призвали обратить внимание и на тех, кто может проиграть от прихода к власти администрации Дональда Трампа. В первую очередь речь идет о ЮАР, в данный момент председательствующей в G20: Дональд Трамп уже подписал указ о сокращении помощи ЮАР, госсекретарь Марко Рубио отказался приезжать на встречи G20, а группа влиятельных сенаторов призывает исключить ЮАР из AGOA³¹². Как было показано выше, ЮАР уже давно вызвала раздражение ориентированных на республиканцев аналитических центров, в этом контексте давление Трампа на ЮАР выглядит куда менее спонтанным.

Европейские аналитические центры не ждут от Дональда Трампа ничего хорошего для Африки

В основном от его президентства ждут следования принципу America First, что в случае Африки может означать сокращение гуманитарных и инвестиционных проектов³¹³ и рост влияния Китая. С другой стороны, в условиях возможного введения заградительных пошлин на европейскую продукцию со стороны США аналитики призывают ЕС к переориентации на более перспективные африканские рынки³¹⁴.

Ожидаемо, самая активная дискуссия о последствиях избрания Трампа для Африки развернулась в самих США. Особое внимание привлекают спекуляции о готовности новой администрации

сокращать (или сохранять) программы поддержки стран региона. Согласно прогнозам экспертов из Brookings, Трамп в той или иной форме сохранит финансирование Международной корпорации развития (DFC), будущее уже упомянутого Закона о росте и возможностях Африки (AGOA), предоставляющего торговые преференции ряду стран континента, более туманно — многое будет зависеть от исхода дебатов о попадании под его действие ЮАР, вызывающей много критики со стороны Республиканской партии. В таком же направлении думают аналитики Peterson Institute: AGOA становится крайне уязвимым, однако его отмена, учитывая растущее влияние Китая, стала бы ошибкой³¹⁵.

Прогнозируется, что теперь США станут более требовательными к своим зарубежным партнерам, но не в вопросе соответствия стандартам демократического управления, а с точки зрения извлечения финансовой выгоды

Другая важная тема — одержимость Дональда Трампа редкоземельными металлами. Близкий к новой администрации Heritage Foundation предлагает искать потенциальных партнеров в этой области в ДР Конго, Малави, Мозамбике, Намибии и ЮАР³¹⁶. В смежном вопросе энергетики прогнозируется возможный сдвиг от политики «энергетического перехода» к политике «энергетической безопасности». Американские дипломаты якобы могут начать меньше говорить о вреде выбросов CO₂ и прекратить подталкивать африканские страны к использованию возобновляемых источников энергии³¹⁷.

312 ORF. Navigating Trump's shadow: South Africa's G20 challenge. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/navigating-trump-s-shadow-south-africa-s-g20-challenge>

313 Chatham House. Trump's «America First» foreign policy will accelerate China's push for global leadership. URL: <https://www.chathamhouse.org/2024/11/trumps-america-first-foreign-policy-will-accelerate-chinas-push-global-leadership>

314 Bruegel. How should the EU respond to Trump's tariffs? URL: <https://www.bruegel.org/newsletter/how-should-eu-respond-trumps-tariffs>

315 Peterson Institute. Letting a trade act expire won't fix the US-Africa trade deficit. URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economics/2025/letting-trade-act-expire-wont-fix-us-africa-trade-deficit>

316 Heritage Foundation. Securing Critical Mineral Supply Chains Is a Defense Priority. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/securing-critical-mineral-supply-chains-defense-priority>

317 Carnegie. The Six Areas in Trump's Executive Orders that Countries in Africa and the Global South Should Pay Attention to. URL: <https://carnegieendowment.org/research/2025/02/the-six-areas-in-trumps-executive-orders-that-countries-in-africa-and-the-global-south-should-pay-attention-to?lang=en>

Наконец активно обсуждаются перспективы военного присутствия США в регионе: аналитики рассуждают о будущем Африканского командования США (AFRICOM)³¹⁸, а представители консервативного Heritage Foundation призывают подталкивать к более активной роли в обеспечении континентальной безопасности Испанию и Италию³¹⁹. Также звучит тема Африки как одного из источников религиозного экстремизма³²⁰, активно обсуждается вопрос поддержки Марокко в притязаниях на Западную Сахару³²¹. Экспертный консенсус состоит в том, что в ближайшие несколько лет глобальное противостояние между США и Китаем только обострится, а Африка станет одной из ключевых арен этой борьбы³²².

В целом ожидания экспертов от действий Трампа в Африке противоречивы. С одной стороны, логика противостояния с Китаем диктует необходимость наращивания военного и экономического присутствия США в регионе, с другой — первые шаги администрации и декларируемая приверженность принципу America First уже привели к сокращению нескольких важных для Африки гуманитарных программ, что, возможно, станет лишь началом более масштабного процесса. Скорее всего, США не будут уходить, да и не смогут полностью уйти из Африки, а переориентируются на более прагматичный формат сотрудничества, нацеленный в первую очередь на извлечение финансовой выгоды, а не на достижение политических целей, если это только не вопрос сотрудничества африканских стран с КНР.

318 CSIS. AFRICOM at 17: Shaping U.S.-Africa Relations. URL: <https://www.csis.org/events/africom-17-shaping-us-africa-relations>

319 Heritage Foundation. Look to the Seas: Why a Regional Focus in the North and South Strengthens NATO Deterrence. URL: <https://www.heritage.org/defense/report/look-the-seas-why-regional-focus-the-north-and-south-strengthens-nato-deterrence>

320 Heritage Foundation. More Islamist Terror Is Coming. We Are Woefully Unprepared. URL: <https://www.heritage.org/terrorism/commentary/more-islamist-terror-coming-we-are-woefully-unprepared>

321 Heritage Foundation. Breaking the Stalemate: A Strategic Framework To Resolve Western Sahara. URL: <https://www.heritage.org/africa/commentary/breaking-the-stalemate-strategic-framework-resolve-western-sahara>

322 Brookings. US-China engagement in Africa: A crossroads. URL: <https://www.brookings.edu/articles/us-china-engagement-in-africa-a-crossroads/>

Африканский бизнес как новый региональный и глобальный игрок

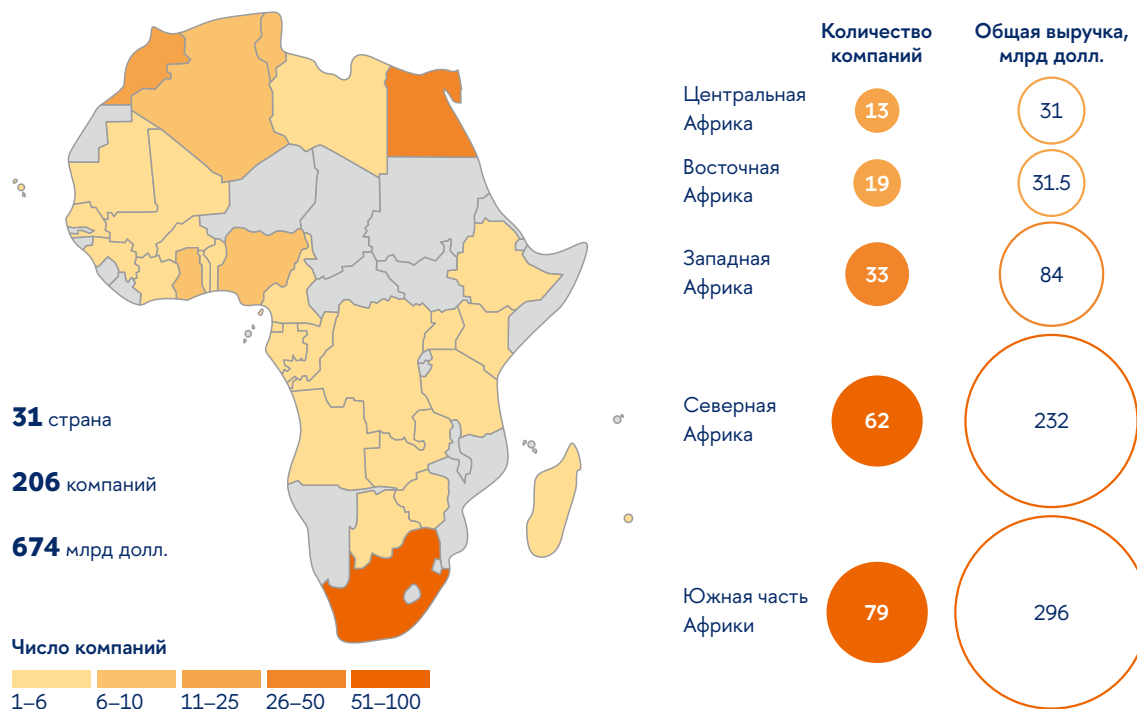
Корпоративный ландшафт Африки

Африканские компании постепенно интегрируются в глобальные цепочки добавленной стоимости. Наибольших успехов удалось достичь в производстве продуктов питания (например, какао и кофе), одежды (на фоне постепенного переноса текстильной промышленности из стран Азии) и автомобильных компонентов (благодаря строительству заводов мировых автопроизводителей в Северной и Южной Африке).

Однако и в других секторах, в том числе в телекоммуникациях, транспорте, банковском деле и финансах, строительстве и розничной торговле, влияние местных африканских компаний с каждым годом становится все более значимым.

Это стало возможным благодаря сочетанию мер государственной поддержки местных производителей и последовательной инвестиционной политики местных компаний. В Нигерии более 60% рынка цемента контролируется нигерийской компанией **Dangote Cement**³²³.

Африканские компании с годовым доходом более 1 млрд долл.: субрегионы и страны

Не включены компании банковского сектора, а также филиалы или дочерние компании ТНК. Данные по выручке представляют собой агрегированную оценку.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

323 Dangote Cement Plc. "The Dangote Way" Operational Pillar. URL: <https://cement.dangote.com/wp-content/uploads/2021/04/Operational-Pillar.pdf>

Африка 2025. Возможности и риски

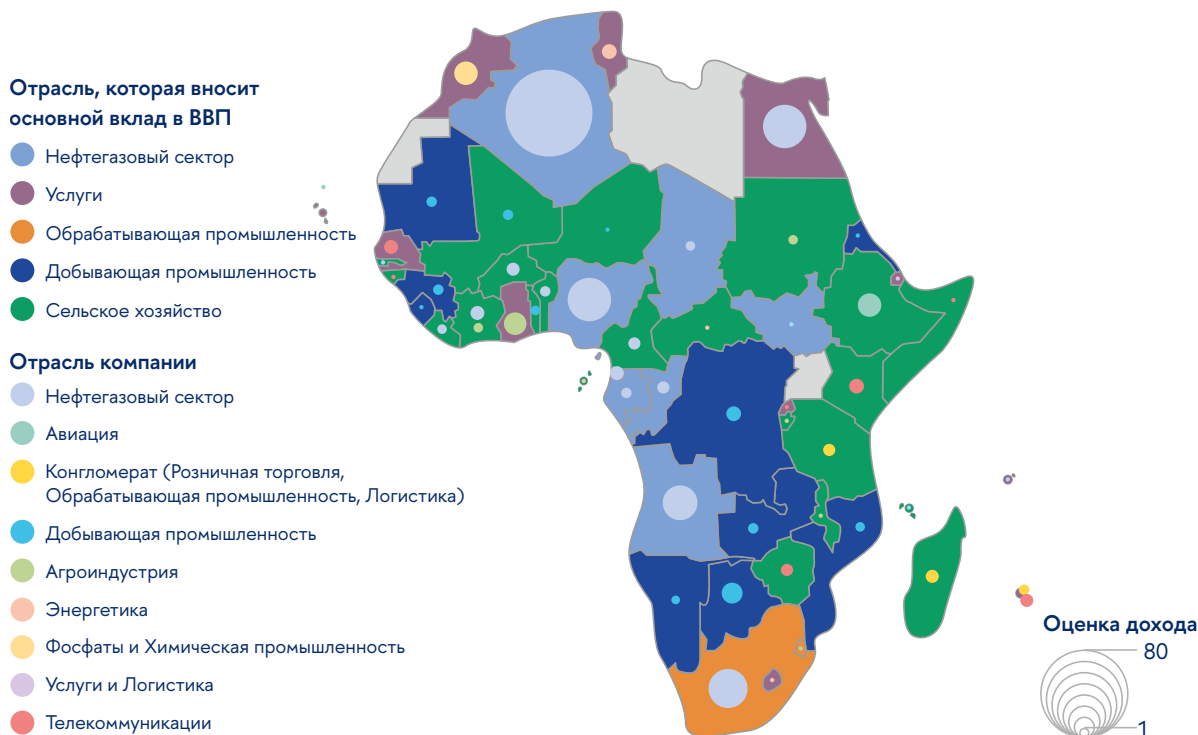
В Танзании более 60% рынка СУГ занимают местные компании³²⁴ (**Taifa, Manjis, Oilcom, Lake Gas** и др.), инвестирующие в региональную транспортную, складскую и распределительную инфраструктуру. В Алжире двум государственным компаниям (**Mobilis** и **Djezzy**) удалось консолидировать более 70% рынка телекоммуникаций. Доля африканских авиаперевозчиков на межконтинентальных маршрутах выросла с 30% в 2019 г. до 37% в 2024 г.³²⁵

В отдельных странах континента доля неафриканского бизнеса в экономике постепенно снижается, а местные компании становятся более заметными, особенно на внутренних потребительских рынках. Эволюция корпоративного ландшафта в Африке наиболее заметна по уве-

личению числа крупных компаний. По оценке авторов, по состоянию на конец 2024 г. в Африке действует, по меньшей мере, 206 компаний, чья капитализация превышает 1 млрд долл. Они представляют 31 страну; 36% этих компаний — из ЮАР; 13% — Египет; 8% — Марокко; по 5% работают в Нигерии и Алжире; 4% — Тунис; 3% — Гана и по 2,5% — Кения и Сенегал.

Однако почти треть из этих крупнейших компаний — дочерние предприятия иностранных, в основном западных, ТНК (или в число их основных акционеров входит иностранная компания). Большинство таких компаний расположено в Южной части Африки (28%), а также в Западной и Северной Африке (25 и 24% соответственно).

Распределение африканских компаний с годовым доходом более 1 млрд долл. по отраслям

Не включены компании банковского сектора, а также филиалы или дочерние компании ТНК. Данные по выручке представляют собой агрегированную оценку, которая не представляет какой-либо конкретный год.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

324 Energy and Water Utilities Regulatory Authority. The Mid and Downstream Petroleum Subsector Performance Review Report for the Year 2022/23. URL: <https://www.ewura.go.tz/wp-content/uploads/2024/06/PetroleumReport.pdf>

325 African Airline Association. African airlines' performance updates by AFRAA for June 2024. URL: <https://www.afraa.org/african-airlines-performance-updates-by-afraa-for-june-2024/>

44% крупнейших африканских компаний — государственные. Большинство из них работает в сферах энергетики (38%) и горнодобывающей промышленности (15%), а также в ИКТ, коммунальных услугах и обрабатывающей промышленности (по 8%).

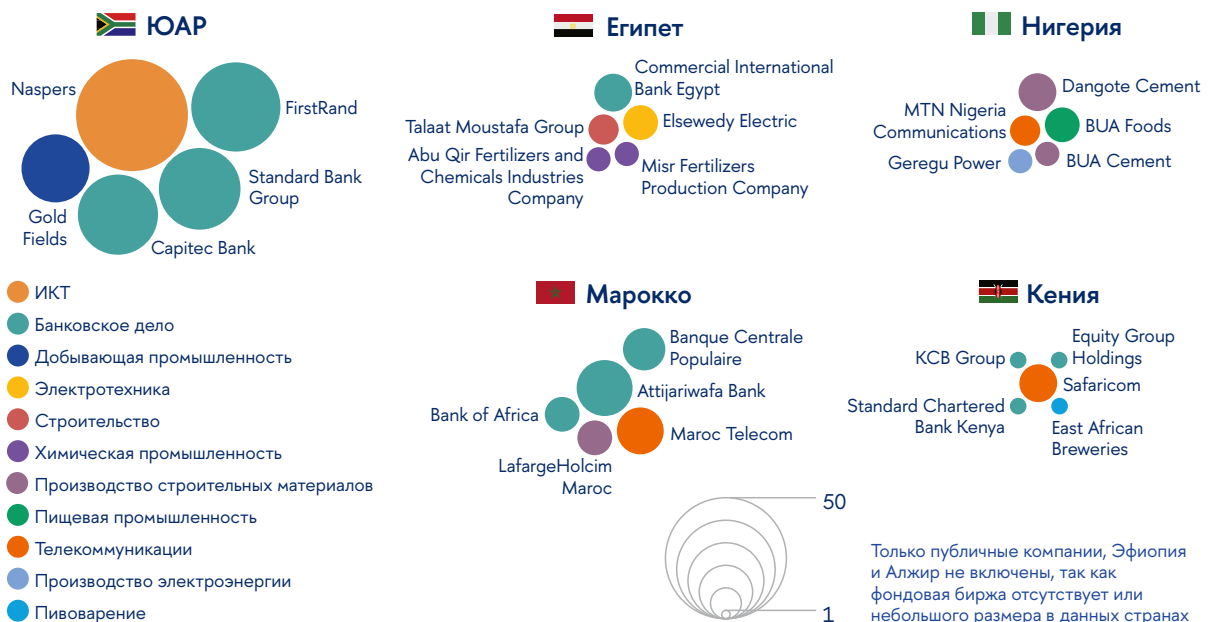
Нельзя не отметить и выраженную географическую концентрацию крупнейших компаний, больше трети (38%) из которых расположено в странах Южной части Африки. Еще 30% компаний работают в странах Северной Африки, 16% — в Западной Африке, а на Восточную и Центральную Африку приходится лишь 9 и 6% соответственно. Анализ концентрации совокупного дохода компаний лишь подчеркивает географическую диспропорцию: 43% совокупного дохода всех компаний приходится на южноафриканские. За ними следуют алжирские (14%), египетские (10%), нигерийские (7%) и марокканские компании (4,9%). Самый высокий средний доход у компаний, работающих в Южной части Африки и в Северной Африке, где он оценочно составляет около 3,7 млрд долл. Далее следуют страны Западной (2,55 млрд долл.) и Центральной (2,4 млрд долл.) Африки.

Средний показатель для восточноафриканских компаний составляет 1,65 млрд долл.

Самые прибыльные компании ожидаемо относятся к нефтегазовому сектору (с почти равным географическим распределением компаний среди стран Северной, Центральной и Западной Африки) горнодобывающей промышленности (половина таких компаний базируется в странах Южной части Африки) и телекоммуникациям (большинство компаний из стран Западной и Южной части Африки). Кроме того, заметным можно назвать присутствие компаний, специализирующихся на розничной торговле, и компаний-конгломератов, чья деятельность охватывает различные отрасли экономики (например, сельское хозяйство и промышленность, автомобилестроение и недвижимость, пищевая промышленность и розничная торговля, розничная торговля и логистика и т.д.).

Укрепление роли африканских компаний и банковских групп сопровождается и некоторыми правовыми и регуляторными изменениями, которые содействуют развитию бизнеса местных игроков. С одной стороны, внедрение и осуществление

Топ-5 компаний по рыночной капитализации в топ-4 стран по ВВП

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных, включая Simply Wall Street

более строгого нормативного, налогового и технического надзора может приводить к снижению операционной рентабельности в некоторых субрегионах, поскольку иностранным компаниям становится все труднее обходить новые требования. На практике подобная ситуация приводит к таким последствиям, как отзыв лицензий на активы Orano в Нигере, налоговые требования к ExxonMobil в Чаде или продажа Shell части активов в Нигерии. С другой стороны, в условиях глобальных изменений ТНК и иностранные инвесторы постепенно переносят фокус на собственные юрисдикции. Следовательно, африканские компании постепенно замещают ТНК во все большем числе отраслей и со временем станут играть все более системную роль как в экономике, так и в политике своих стран.

Примером может служить уход французского банка Société Générale с африканских рынков, который начался в 2023 г., когда Société Générale объявил о продаже активов в Республике Конго и Экваториальной Гвинее панафриканскому банку Vista (чья материнская компания Lilium Capital принадлежит предпринимателю из Буркина-Фасо Симону Тьемторе) и дочерних компаний в Мавритании и Чаде панафриканскому Coris Bank (полностью принадлежит семье его основателя Идриссы Насса, также из Буркина-Фасо). В 2024 г. французский банк объявил о продаже марокканского подразделения — Société Générale Maroc — местной Saham, принадлежащей марокканцу Мулаю Хафиду Элалами, за 811 млн долл.

Африканский бизнес в глобальных цепочках

Данные, используемые Всемирным банком при составлении World Development Report, позволяют проанализировать два значимых показателя:

- обратное участие в мировых цепочках добавленной стоимости (ЦДС, под чем понимается отношение добавленной стоимости ввозимых в страну комплектующих, которые затем реэкспортируются, к общему объему экспорта) — чем выше этот показатель, тем

более вероятно положение страны в качестве промежуточного звена цепочек, соединяющего сырье с конечным продуктом;

- прямое участие в мировых цепочках добавленной стоимости (под чем понимается отношение созданной в стране добавленной стоимости, реэкспортируемой торговыми партнерами, к общему объему экспорта) — чем выше этот показатель, тем более вероятно участие страны в ЦДС в качестве первичного звена, поставляющего сырье на обработку в другие экономики («вперед» по цепочке).

В первом случае среднее значение для стран Африки, по оценке авторов, составляет не более 16% их общего экспорта, что ниже не только Европы (32%), Азии (24%), но и среднемирового значения (19%). В то же время государства Южной Америки демонстрируют более низкое значение, чем Африка (13%). Такое соотношение в целом подтверждает тезис о том, что страны Африки постепенно углубляют свое участие в процессах создания стоимости и сохраняют значительный потенциал в будущем, пусть этот процесс происходит и без радикальных изменений (в 2000 г. обратное участие стран Африки в ЦДС находилось на уровне 15%). Наиболее высокие постранные значения — у Лесото (44,5%), Эсватини (37,3%), Маврикия (35,9%), Танзании (32,5%), что соотносится с общим профилем их экономик (например, развитой текстильной отраслью в Лесото).

Прямое участие стран Африки в ЦДС имеет более выраженный характер и составляет около 25% (среднее по миру — 25,3%). Этот показатель опережает любой другой регион мира (например, Южная Америка — 17,8%, Европа — 18,4%, Азия — 18,7%), и этот тренд подтверждает «ресурсный» характер большинства экономик континента. Для мировых рынков большинство стран континента по-прежнему остаются источником сырья и, значит, начальным звеном в цепочках создания стоимости. Среди стран, большая часть экспорта которых служит первичной

точкой в общей цепочке производства товаров, можно выделить ДРК (46,6%), Гвинею (45%), Алжир (44%), ЦАР (36%), Камерун (33,4%) и Гану (30,4%), что обусловлено зависимостью их экономик от экспорта энергоносителей, минерального или сельскохозяйственного сырья.

Таким образом, уровень вовлеченности Африки в мировое разделение труда — на уровне как экономики, так и бизнеса — обусловлен сохраняющейся ролью континента как источника сырья. Глубина присутствия Африки в ЦДС до сих пор заметно ниже, чем у многих других регионов мира.

На текущем этапе становления африканского бизнеса можно говорить лишь об отдельных историях успеха и перемещения «вперед» по цепочке: как, например, в Ботсване, где обработка алмазов компанией De Beers частично локализована, благодаря чему была создана полноценная отрасль экономики — от добычи до продажи конечного продукта. Впрочем, масштабирование подобных успехов не только на весь регион, но и на уровне отдельных стран пока затруднено. Причины носят системный характер, поскольку противодействие доминирующих ТНК и иностранных инвесторов укреплению локальных производителей и их попыткам встроиться в мировые цепочки не просто на правах поставщиков сырья и продуктов первичной переработки происходит на фоне разнонаправленности и недостаточности мер государственной поддержки (некоторые из них

были рассмотрены в предыдущих главах), пробелов в регуляторной среде, внутренней конкуренции между компаниями ввиду схожего профиля работы.

Образ Африки как «ресурсной базы» глобального развития не просто сохраняется, а доминирует (например, американская стратегия по Африке отдельно акцентирует значимость взаимодействия с континентом в этом разрезе). С учетом того, что за последние семь лет финансирование геологоразведочных работ в странах Африки в целом выросло на 38%, можно предположить, что перестраивание стоимостных цепочек «под себя», меняя свою роль поставщика на более глубокое вовлечение в процесс добавления стоимости, потребует не только готовности африканского бизнеса искать новые стратегии и переходить на более современную технологическую основу, но и последовательности правительств в грамотной поддержке таких инициатив со стороны бизнеса.

Африканские экономики могут оказаться в выигрышном положении на фоне стабильно растущего спроса на «повседневные» культуры, такие как кофе и какао, которые страны континента могут производить с меньшей конечной стоимостью благодаря сравнительным преимуществам и экономической эффективности. Уникальный климат и формирующиеся (и потому относительно недорогие) рынки труда поддерживают конкурентоспособность африканской продукции. Среди ценителей кофе африканские сорта известны балансом кислотности и богатым

В некоторых странах Африки уже наметилась тенденция к снижению зависимости от иностранных инвесторов благодаря ставке на местные инициативы по разработке и освоению критически важных ресурсов. Например, южноафриканская компания African Rainbow Minerals практически без участия иностранных инвесторов ежегодно производит более 116 тыс. т ферромарганца и входит в мировую десятку. Это история успеха для национальной экономики, а также вход компании в топ-10 мировых производителей. Она расширила свое присутствие, участвуя в совместном проекте по добыче марганца в Малайзии, где владеет 54% акций (еще 27% принадлежит японской Sumitomo Corp., а 19% — тайваньской China Steel Corp.).

вкусовым букетом, а какао из таких стран, как Кот-д'Ивуар, Гана, Нигерия и Камерун, уже много лет доминирует на мировых рынках. В 2023 г. экспорт какао из Африки составил 10,9 млрд долл. США, что эквивалентно 41% мирового объема. В 2002 г. эта доля составляла около 47%, однако с тех пор рынок вырос в 3,7 раза, несмотря на инфляцию доллара и кризисы, затронувшие местных производителей.

Однако крупнейшими игроками на национальном рынке по-прежнему остаются иностранные компании. Например, доминирующие игроки на ивуарийском рынке какао — американская SACO, французская CEMOI-CI и швейцарская Barry Callebaut. Хотя закупаемое ими сырье в основном поступает от местных фермеров, ивуарийские компании «отодвинуты», а фермеры получают лишь 4–6% стоимости конечного продукта.

Ни одна местная компания, кроме нескольких местных производителей шоколада ручной работы, не участвует в обработке бобов или производстве промышленного шоколада на экспорт (эти виды деятельности составляют 24% стоимости конечного продукта), равно как ни у одной африканской компании на данный момент нет потенциала для продвижения своей продукции в качестве глобального бренда (в то время как брендинг составляет до 70% стоимости плитки). Наконец ни одна африканская страна не входит в список крупнейших производителей какао-порошка в мире (зато там есть Нидерланды, Малайзия, Германия, Индонезия и Испания), хотя обрабатываемое в этих странах сырье может быть африканского происхождения.

При этом необходимо отметить, что интеграция в глобальные цепочки создания стоимости, хотя и остается важным показателем, не может рассцениваться как основная метрика успеха экономики. Текущая модель глобализации, как было продемонстрировано ранее на примере энергетического и продовольственного секторов, способствует формированию в Африке изолированных отраслей, ориентированных на экспорт и оторванных от потребностей национальной экономики. В качестве альтернативных метрик целесообразно рассматривать структуру занятости и характер создаваемых рабочих мест, уровень диверсификации экономики и устойчивость к внешним шокам, а также развитие внутреннего рынка и инфраструктурной связности. Важен также показатель доли прибыли и инвестиций, остающихся в национальной экономике. Совокупность этих критериев позволяет оценивать успешность не только через степень внешней интеграции, но и через качество внутреннего развития и способность к воспроизводству успешных моделей.

Типология африканского бизнеса на текущем этапе

Благодаря существенному разнообразию национальных экономических и политических контекстов, различной представленности ТНК и местных компаний в отдельных секторах и отраслях экономики, а также динамично меняющимся условиям на мировых рынках африканский бизнес характеризуется множеством форм, моделей организации и бизнес-амбиций.

Распределение стоимости в цепочке производства какао-шоколада

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе Abdulsamad et al. 2015. Pro-Poor Development and Power. Asymmetries in Global Value Chains. Technical Report.

Авторами предпринята попытка вывести некоторую типологию компаний с африканскими корнями: в ней было выделено пять условных категорий в зависимости от формы собственности, охвата рынка, сферы деятельности и других характеристик компаний.

1. Африканские компании местного значения (АКМЗ) — это предприятия, которые работают на местном уровне, в пределах одной африканской страны (или даже одного из ее регионов). Их потребители также местные, и у таких компаний, как правило, нет значимых партнеров за пределами страны. Свою продукцию они не экспортируют на другие рынки. Таким компаниям не нужна бизнес-стратегия в классическом смысле, поскольку они в значительной степени полагаются на неформальный сектор, ориентируясь на местные «правила игры». Для правительства такие компании — незначительные налогоплательщики, хотя АКМЗ представляют собой наибольшее количество предприятий на континенте. MTI Corp., дистрибьютор, работающий в Египте, — один из примеров таких компаний. У компании практически нет иностранных акционеров, и она не представлена на Египетской фондовой бирже, зато ее бизнес-модель построена таким образом, что компания охватывает 90% всей страны через 40 тыс. точек розничной торговли.

2. Африканские экспортеры местного значения (АЭМЗ) — компании, которые получают большую часть своих доходов от экспорта (как внутри, так и за пределы Африки), хотя их производственные мощности и бизнес-мышление по-прежнему остаются на местном уровне. Такие компании могут быть довольно плотно интегрированы в мировые рынки через посредников или при определенной поддержке со стороны государственных структур на формальной или неформальной основе. В большинстве случаев такие компании присутствуют в отраслях, которые стали основой экспорта страны в колониальную эпоху. Некоторые такие компании могут быть ценными налогоплательщиками для правительства и потому пользоваться его поддержкой. В эту категорию можно отнести мозамбикскую Condor Anacardium — компанию с мощностью

переработки 5 тыс. т орехов кешью в год, большая часть которых идет на экспорт. О точных маршрутах экспорта компании неизвестно, но основные каналы поставок будут с большой долей вероятности включать США, Португалию и ЮАР.

3. Мультиафриканские компании (МАК) — компании, которые вывели свою деятельность за пределы родной страны, охватывая трансграничные или субрегиональные рынки. Однако за пределами континента они не представлены. Такие компании более «заметны» на национальном уровне: они входят в список ведущих компаний, а их источники дохода распределены между внутренним рынком и другими странами Африки. Например, розничная компания Prosoma Group, которая базируется в Кот-д'Ивуаре, работает в ряде других франкофонных стран субрегиона, включая Бенин, Буркина-Фасо, Республику Конго, Габон, Гвинею, Мали, ДР Конго, Камерун, Нигер, Сенегал и Того.

4. Мультиафриканские экспортеры (МАЭ) — компании, которые сочетают в себе наиболее важные черты второй и третьей категорий компаний (АЭМЗ и МАК). Хотя их потребительская база может находиться за пределами Африки, операционное ядро (т.е. производство, рабочая сила) будет распределено между страной базирования и другими африканскими рынками. Некоторые МАЭ могут быть государственными. В качестве примера можно привести Marine Biotechnology Products — частную маврикийскую компанию, которая производит рыбную муку и рыбий жир из побочных продуктов. Производственные мощности компании расположены на Маврикии и в Кот-д'Ивуаре, а продукция широко экспортируется (например, в США, Россию, ЮАР и ЕС).

5. Глобальные африканские компании (ГАК) — компании, которые добились наибольшего успеха в транснационализации и интернационализации (см. определения ниже). Значительная часть доходов ГАК формируется за пределами Африки, поэтому такие компании обладают широкой сетью международных партнеров и часто явля-

ются системными игроками для национальной экономики. Некоторые ГАК доминируют в своей отрасли, в своем субрегионе или даже на всем континенте. ГАК могут быть как государственными, так и частными. OCP Group — марокканская компания по добыче фосфатов и производству удобрений, на 95% контролируемая государством, попадает в эту группу. Она работает в 16 регионах, в основном в Западной и Восточной Африке, а также установила прочное присутствие в США, Китае, Бразилии, Индии, Сингапуре и некоторых европейских странах. Другой пример ГАК — Oseana Group, рыболовная компания из ЮАР с 10%-й долей иностранной собственности в акционерном капитале, которая осуществляет операции на Юге Африки и в США. Стратегия компании в первую очередь сосредоточена на субрегиональных рынках Юга и Центральной Африки (52% дохода), но увязывает бизнес с прочным присутствием на рынках Европы (17%) и Северной Америки (15%). Государственная Ethiopian Airlines — еще один пример. Компания управляет вторичными хабами в Того и Малави, предлагая рейсы (т.е. экспортируя услуги) в более 90 стран на всех континентах, за исключением Австралии и Антарктиды.

Распределение африканских компаний с годовым доходом более 1 млрд долл. по регионам

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

Глобальное присутствие и региональная специфика

Столь же важно учитывать национальную и культурную специфику ведения бизнеса в странах континента. Довольно часто в литературе, особенно западной, встречается тезис о том, что усиление местных компаний и расширение круга их операционной деятельности невозможны без проведения «качественных экономических реформ и должного политического управления», оцениваемых, в свою очередь, по западным стандартам и на основе западного опыта. В то же время ведение бизнеса в Африке предполагает совершенно иные условия, чем в Европе, следовательно, масштабирование предлагаемого опыта будет в лучшем случае ограничено отдельными очагами или иметь временный успех, пока сохраняются связи с управляющими компаниями вне региона. Когда в контексте бизнес-возможностей упоминаются «волны экономической либерализации» в Африке, нужно помнить, что речь идет о гарантиях большей прозрачности и предсказуемости для тех компаний, уже обладающих глобальной моделью ведения бизнеса, в которую хотели бы встроить и африканские рынки на привычных корпоративных правилах. Однако совершенно необязательно, что традиционно описываемые во многих публикациях выгоды либерализации принесут столько же возможностей для местного бизнеса и позволят ему усилить свое влияние на экономические процессы внутри собственной экономики.

Местные африканские компании обладают собственными конкурентными преимуществами, которые необязательно «увязаны» с принятыми стандартами в других регионах мира. Одной из характерных черт их модели можно назвать умение работать и добиваться результатов в условиях экономической и политической неопределенности, которую ТНК, как правило, избегают, если только им не удастся заключить соглашение о разделении рисков с местным партнером.

В этом контексте весьма показательна эволюция отрасли переработки кешью в Мозамбике. Правительство страны поощряло внутреннюю переработку и в 1987–1995 гг. поддерживало запреты на экспорт и высокие экспортные налоги. В 1990-е годы Всемирный банк потребовал либерализации сектора кешью в качестве условия для предоставления новых кредитов. В основе этого требования лежал тезис о том, что в общем масштабе перерабатывающая промышленность Мозамбика была неэффективной и экспорт сырого кешью для переработки в других регионах был бы более прибыльным. Согласно статистике, Мозамбик перерабатывал около 50 тыс. т кешью в год до начала либерализации сектора, после чего эти цифры упали до 8 тыс. т. Из-за слабой конкурентоспособности на международном уровне основные перерабатывающие заводы страны пришлось закрыть. К 1999 г., впрочем, Мозамбик вновь ввел защитные меры, включая экспортную пошлину на сырой кешью (в 2023 г. пошлина была увеличена с 18 до 22%). К 2020-м годам перерабатывающие мощности достигли 60 тыс. т в год.

Свою роль этот фактор сыграл для компании **South African Breweries (SAB)**. Компания была основана еще в 1895 г., но успеха достигла в разгар международного санкционного давления против режима апартеида (изоляция, естественно, сильно ограничила сферу деятельности компании, но усиливала возможности на местном рынке ввиду малого числа альтернатив). К моменту когда THK AB InBev приобрела SAB в 2016 г. за 107 млрд долл., эта южноафриканская компания была уже второй по выручке пивоваренной компанией в мире с присутствием в 80 странах. Усилия компании по расширению были в основном сосредоточены на странах с бизнес-средой, схожей с ЮАР, где особую роль играют неформальные связи. Опора на первичный локальный опыт стала существенным конкурентным преимуществом SAB в других частях Африки, Восточной Европе, Юго-Восточной Азии и Латинской Америке. Достижение успеха на этих рынках помогло компании получить достаточно опыта, чтобы в 2002 г. выйти на рынок США через поглощение Miller Brewing Company, что привело к ребрендингу компании в SABMiller. Однако даже после этого компания сохранила свою уникальную бизнес-модель с особым акцентом на развивающиеся рынки.

Как правило, местные фирмы успешнее работают в неформальном секторе, который остается неотъемлемой частью большинства африканских экономик: там, где иностранный бизнес видит риски и не находит рационального подхода, местные предприятия могут выстраивать отношения с акцентом на родственные и неформальные связи, чтобы добиться результата. Как было показано в примере выше, благодаря региональным особенностям востребованным и могут оказаться не только «западный» управленческий опыт, но также и нестандартные бизнес-решения, вырабатываемые на местном уровне в развивающихся странах.

Ограниченная полезность экономической либерализации как стимула развития африканского бизнеса следует также из того, что успехи экономического развития во многих странах континента создали необходимые условия для того, чтобы приоритетным стали выработка практик и наработка опыта на местном уровне местными компаниями, ввиду чего все чаще вводятся ограничения на прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Гана — один из таких примеров: несмотря на меры, направленные на укрепление национальной экономики и расширение возможностей для местных игроков, страна по-прежнему считается одним из наи-

более привлекательных направлений инвестиций в Африке. Одновременно с этим Инвестиционный кодекс Ганы запрещает иностранным инвесторам работать в ряде секторов (мелкая торговля, услуги такси при автопарке менее 25 машин, салоны красоты, печать скретч-карт, розничная торговля фармацевтическими и канцелярскими принадлежностями, производство и продажа бутилированной воды в запечатанных упаковках). Кроме того, кодекс ограничивает ПИИ в сфере телекоммуникаций, банковского дела, рыболовства, горнодобывающей промышленности, нефтедобычи и недвижимости. Например, при предоставлении компаниям лицензий на добычу минерального сырья правительству должно быть предоставлено 10% акций в форме инвестиций, не предусматривающих материального или иного вклада (*free-carried interest*). Эти меры, однако, позволяют довольно мягким способом контролировать бизнес-операции иностранных инвесторов. Кроме того, Гана успешно опирается на развитую внутриторговую сеть и инфраструктуру. Так, порты Такоради и Tema играют решающую роль в ведении торговли с Буркина-Фасо, Мали и Нигером, не имеющими выхода к морю. Торговля скотом в Гане, в которую в основном вовлечены малые и средние предприятия, такие как Otuo Farms Ltd., придает связность между северными, восточными и южными регионами Ганы, а также с непосредственными соседями страны.

Особенности африканского бизнеса

Хотя компании с корнями в Африке имеют определенные общие черты с компаниями, работающими на других развивающихся рынках, у них все же есть ряд собственных особенностей. Как указывалось ранее, в основе бизнеса африканских компаний лежат модели, которые позволяют найти баланс между формальным и неформальным секторами экономики и максимизировать их преимущества. Роль неформального сектора здесь особенно велика, поскольку в странах Африки южнее Сахары на него приходится до 85%

занятости, около 62% ВВП и, следовательно, значимая доля спроса.

Конечно, в классическом понимании неформальный сектор имеет ряд недостатков. В их числе — отсутствие гарантированной правовой защиты работников, оплачиваемого отпуска, медицинского страхования или пенсионных взносов. Для государства неформальный сектор создает проблемы со сбором налогов. Тем не менее материальное состояние 85% африканцев в значительной степени зависит от неформального сектора, поскольку для многих это самый доступный и понятный способ попасть на рынок труда. Во многих странах континента масштаб и динамика роста формальной экономики не поспевают за демографическими и иными изменениями, а потому формальный сектор не может гарантировать нужное количество рабочих мест. В этих условиях неформальный сектор — и компании, присутствующие в нем, — играет также и важную социальную роль.

При этом не только небольшие частные компании, но и крупные государственные игроки все активнее сотрудничают с неформальным сектором. Например, в горнодобывающем секторе некоторых стран осуществляется интеграция неформального сектора в основу отрасли: отдельные инициативы по скупке золота у кустарных старателей действуют в Сенегале, ДР Конго, Зимбабве и других странах. Постепенно растет спрос на цифровые решения в области отслеживаемости товаров, борьбы с контрафактной продукцией, со злоупотреблением системами субсидирования (когда субсидируемые товары нелегально вывозятся в соседние страны для продажи по рыночным ценам).

Местный бизнес может стать одним из двигателей признания неформального сектора, оценки потребительского спроса и устранения информационных пробелов: эта проблема подчеркивается почти в каждой главе этого издания.

Очевидно, что бизнес-модели не существуют в вакууме — они формируются под влиянием

Как и в ряде других стран региона, в неформальном секторе Кении доминируют микро-предприятия, работающие в различных сегментах рынка (оптовая и/или розничная торговля на местных рынках). Средняя продолжительность жизни таких предприятий оценивается примерно в семь лет, и обычно они являются единственным источником дохода как для владельцев, так и сотрудников. Около 55% этих микропредприятий принадлежат женщинам, а еще 54% управляются молодежью. Заметим, что именно эти две социальные группы сталкиваются с наибольшими трудностями при поиске работы в формальном секторе (по оценкам, в Кении 67% людей в возрасте до 35 лет — официально безработные, а общий уровень безработицы в стране составляет 12,7%).

социально-культурных контекстов. Африканский бизнес обычно опирается на сеть неформальных партнерств. Бизнесом в Африке движет не только (и иногда не столько) рациональное стремление к прибыли, но и определенные культурные «обязательства», которые уравнивают корпоративную выгоду с ожиданиями сообщества. Именно поэтому схемы и методы работы африканских компаний на местных рынках трудно рассматривать вне рамок традиционных общественных и коллективных ценностей.

Неформальные партнерства также играют важную роль. Например, в Египте прочные личные отношения имеют решающее значение для деловых сделок и часто могут значить больше, чем письменное соглашение. Египтяне склонны вести дела только с теми, кого они знают и кому доверяют, или с теми, кто вел дела с их друзьями и родственниками, поэтому, как правило, деловые отношения существуют именно между людьми, а не компаниями (т.е. египетские партнеры необязательно станут доверять другому сотруднику компании). В таких деловых культурах, как в Египте, контракты являются скорее формальностью и напоминанием о договоре, чем строгим обязательством.

При таком взгляде становится отчасти понятно, почему ориентирующиеся на западные и китайские операционные модели компании нередко сталкиваются с трудностями при адаптации своих практик к местным нормам и ценностям, что приводит к проблемам с мотивацией

местных сотрудников и увязывается со слабым пониманием социальных и культурных особенностей страны, в которой они ведут свою деятельность. При формальном отсутствии серьезных проблем прибыльность таких компаний в долгосрочной перспективе может снижаться, поскольку они не соответствуют неформальным ожиданиям общества.

Таким образом, те африканские компании, которым удастся сочетать лучшие корпоративные практики с более специфическими традиционными для континента неформальными подходами, будут оказывать все большее влияние на экономику региона.

Наиболее благоприятной средой для становления африканского локального бизнеса, как правило, становятся секторы с ограниченным присутствием западных, китайских и других иностранных ТНК. Там, где еще с колониальных времен доминируют иностранные компании (например, горнодобывающая и нефтегазовая промышленность или банковское дело), африканским компаниям трудно конкурировать и создавать собственные репутационные бренды. Вместо этого африканские компании при меньших издержках и «входных» затратах занимают рыночные ниши, не сильно интересующие их глобальных конкурентов.

В традиционных (и особенно ориентированных на экспорт) секторах африканские компании чаще всего будут находиться внутри «круга занятости», создаваемого более крупными

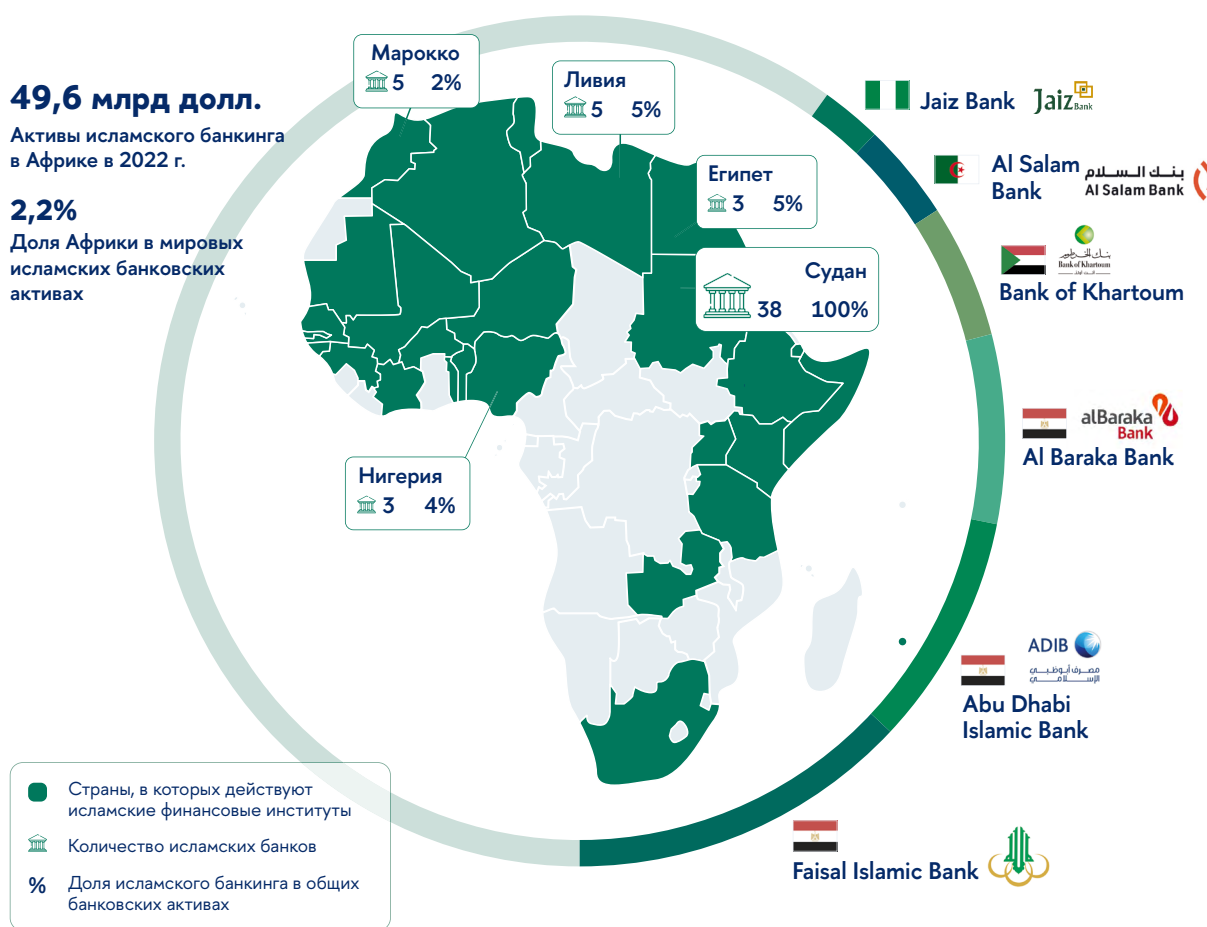
Исламский банкинг в Африке

49,6 млрд долл.

Активы исламского банкинга в Африке в 2022 г.

2,2%

Доля Африки в мировых исламских банковских активах

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных SESRIC, IFSB и TABInsights.

(чаще всего иностранными) компаниями, в качестве субподрядчиков для предоставления определенных услуг. Например, крупным горнодобывающим компаниям необходимы (не только из практических, но и юридических соображений) местные подрядчики по сооружению дорожной, энергетической и бытовой инфраструктуры, расчищению площадей, предоставлению охранных услуг, организации питания, выполнению проектов по социальным обязательствам (например, в сфере образования или здравоохранения). Такие подрядчики, как правило, — средние и малые предприятия, зависящие от крупного игрока и потому находящиеся «в орбите» его бизнес-деятельности.

Выход за рамки местных рынков и локального мышления

Многие африканские компании достигли такого уровня развития, при котором способны вносить более весомый вклад в местную экономику и со временем выходить на региональные и мировые рынки. Этот процесс сопровождается усиливающейся социализацией и интернационализацией африканских компаний.

В контексте этой главы под социализацией понимается сложный процесс, посредством которого

Примером может послужить нигерийская финтехкомпания Paystack, основанная в 2015 г. в Лагосе. Ее решение по обработке платежей для малого и среднего бизнеса было смоделировано по образцу технологий Stripe. При этом компания с самого начала своей деятельности стремилась выйти на международный уровень. Paystack быстро привлекла инвестиции из США и Китая (что примечательно, учитывая растущий разрыв между западными и незападными технологическими экосистемами), но часть акционерного капитала осталась в распоряжении местных инвесторов (Singularity Investments). В 2018 г. Stripe и Tencent приобрели акции Paystack на 8 млн долл., что стало одним из факторов, позволивших Paystack в том же году расшириться в Гану, в 2021 г. — в ЮАР и в 2023 г. — в Кению (все эти страны — ключевые финансовые центры в своих субрегионах). Однако последние два расширения Paystack произошли под контролем Stripe, после того как в 2020 г. компания была приобретена за 200 млн долл. в рамках стратегии Stripe по выходу на африканские рынки (вместо того, чтобы самостоятельно исследовать «неизвестные» рынки с нуля) и, скорее всего, в качестве ответа на становление довольно сильного конкурента.

компании в своих стратегиях бренд-менеджмента, маркетинга и коммуникации выходят за рамки локального мышления. Взаимодействуя с партнерами и между собой, африканские компании учатся, копируя или адаптируя под себя бизнес-модели и управленческие решения иностранных компаний, работающих в Африке.

Социализация проявляется и в том, как большинство африканских компаний за последние годы диверсифицировали круг своих иностранных партнеров, что указывает на отход от традиционной ориентации на Европу. Хотя компаниям из Африки может быть по-прежнему привычнее и понятнее вести переговоры с европейскими инвесторами и подрядчиками благодаря накопившемуся опыту взаимодействия (до, во время и после колониального периода), парадигма работы большинства европейских компаний претерпела серьезные изменения за последние пять–семь лет, пополнившись политиками «экологичности», «устойчивости» и «инклюзивности», которые не только реализуются в европейских штаб-квартирах компаний, но и переносятся ими на рынки, где ведется бизнес. Чтобы успешно вести переговоры с западными партнерами, местным компаниям часто необходимо подстраиваться под повестку своих контрагентов. Заметно, однако, что автоматический перенос западных подходов в африканские реалии при игнорировании более значимых

на местном уровне интересов привел к определенному отчуждению.

Наконец традиционный круг европейских партнеров африканских правительств и компаний (бывшие метрополии) пополняется новыми игроками (небольшие европейские страны, ранее не имевшие существенного интереса к континенту).

Взаимодействие с партнерами из «новых» для африканского бизнеса стран требует некоторой «социальной адаптации» с точки зрения понимания их мотивов и интересов в поисках оптимального режима взаимовыгодного сотрудничества. То же относится и к растущему числу неевропейских партнеров, поскольку их география действительно глобальна и варьируется от Ирана и Турции на Ближнем Востоке, Бразилии и Чили в Латинской Америке, Индонезии и Малайзии в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Другой важной чертой развития бизнес-ландшафта в Африке стало одновременное развитие процессов транснационализации и локализации африканского бизнеса. Эти два понятия, хотя и кажутся взаимоисключающими, тесно взаимосвязаны на практике.

Программа Black Economic Empowerment (BEE), которая изначально воспринималась как инициатива,

Африканский бизнес: между локальным и глобальным

Локальный

Глобальный

Годовой доход

Компании выбраны по усмотрению авторов в иллюстративных целях.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ на основе открытых данных.

выросшая из особой истории ЮАР, распространилась по всей Африке в форме политики местного содержания. Почти во всех странах, где активно работают иностранные ТНК и действуют относительно благоприятные условия для их входа на рынок (т.е. имеет место транснационализация), местными регуляторами поощряется локализация посредством разного рода инвестиционных стимулов, включая освобождение от различных видов налогов.

Примером повышенного внимания со стороны регулирующих органов к содействию местному развитию и созданию возможностей для африканских МСП может служить горнодобывающая промышленность в ДР Конго. В национальном Кодексе горнодобывающей промышленности, принятом в 2018 г., указано, что компании, имеющие лицензии на добычу и/или разведку полезных ископаемых, должны выполнять социальные обязательства по поддержке местных сообществ — в противном случае их лицензии могут быть отозваны.

Минимальная финансовая поддержка местных сообществ посредством таких соглашений

составляет 0,3% оборота компании. Официальные данные показывают, что в 2020–2021 гг. расходы компаний на проекты поддержки местных сообществ составили 83,7 млн долл. В августе 2023 г. Министерство горнодобывающей промышленности ДРК отменило 29 лицензий, сославшись на несоблюдение этих требований. В большинстве случаев отозванные лицензии были аннулированы и должны быть перераспределены в пользу компаний, которые смогут гарантировать более эффективную реализацию программ корпоративной социальной ответственности (КСО) во благо местных сообществ.

Политика КСО может способствовать росту числа местных предприятий. Например, китайская компания СМОС предоставила финансирование 89 студентам из ДРК в провинциях Верхняя Катанга и Луалаба в размере 100% стоимости обучения и без дополнительных обязательств со стороны студентов. По окончании вузов они получают возможность начать собственный бизнес или присоединиться к другой компании.

Расширение присутствия крупнейших ТНК в сфере добычи минеральных ресурсов также привело

к значительному росту числа африканских компаний, выступающих в качестве субподрядчиков для ТНК или партнеров по реализации проектов корпоративной социальной ответственности. Таким образом сформировался описанный ранее «круг занятости», с транснациональным ядром и в разной степени локализованным контуром.

Хотя говорить о транснационализации или интернационализации африканского бизнеса в традиционном смысле (т.е. когда африканские ТНК обладали бы глобальными амбициями или уже оказывали бы ощутимое влияние на мировые рынки или играли бы системную и независимую роль в масштабе нескольких регионов) преждевременно, очевидно, что некоторые африканские компании все же готовятся к этому шагу, наращивая свои ресурсы (в том числе интеллектуальные) и открывая для себя соседние рынки.

Интернационализация африканского бизнеса все же имеет место и, более того, усиливается, что может быть обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, на фоне растущего спроса и фрагментации предложения Африка продолжает восприниматься внешними игроками как рынок, богатый природными ресурсами, особенно в сфере критически важных минералов. Так, Стратегия США в отношении стран Африки южнее Сахары от 2022 г. рассматривает континент в первую очередь сквозь призму того, что там залегает до 30% критически важных минеральных ресурсов мира. Схожим образом ресурсный потенциал континента подчеркивается в последнем отчете ЮНКТАД об экономическом развитии в Африке. Со своей стороны африканские правительства и подрядные компании посильно подыгрывают этому нарративу, активно развивая национальный горнодобывающий сектор, пытаясь привлечь в него больше иностранных инвестиций и обеспечить себе быструю прибыль и более легкий доход. Смена парадигмы потребует значительных усилий, финансовых и временных ресурсов, поскольку будет необходима глубокая реструктуризация экономики с акцентом на развитие эффективного бизнеса в областях, не ориентированных на добычу, производство или экспорт сырья.

Во-вторых, интернационализация африканского бизнеса может быть созвучна интересам и приоритетам национального развития.

В-третьих, спрос на некоторые товары настолько низок на африканском континенте либо из-за перенасыщенности рынка, либо из-за ограниченной покупательной способности населения, что африканским компаниям, естественно, приходится обращаться к зарубежным рынкам.

В экономиках стран Африки из-за отсутствия необходимых технологий и производственных возможностей наблюдается низкий спрос на кобальт, литий, марганец и другие критические минералы. Поэтому компании, работающие в Африке (как иностранные, так и местные), обычно добывают и минимально обрабатывают эти металлы, чтобы затем иметь возможность продать их за пределами континента, в первую очередь в Китай.

Похожая картина наблюдается на рынке кофе, где на Африку приходится 11% мирового производства, однако культура потребления кофе в африканских странах (за исключением Эфиопии, также одного из ключевых производителей наряду с Угандой) не столь сильно развита. В 2023 г. потребление кофе на континенте составило всего около 7% общемирового, причем на одну только Эфиопию приходилось 29% потребления кофе в Африке.

В-четвертых, традиционные драйверы роста бизнеса в Африке могут не играть столь же важной роли, как на Западе или даже в других регионах развивающегося мира. Например, стремление выйти на новые рынки ради извлечения прибыли, снизить затраты на трудовые ресурсы, расширить ресурсную базу своего производства, повысить узнаваемость и привлекательность компании для инвесторов, обеспечить себе более дешевый капитал — все это важные, но не всегда главные элементы стратегии крупных африканских компаний, если в них не прослеживается серьезного иностранного участия. Свою роль, как указывалось ранее, могут играть общественные ожидания, этнические связи, культурный контекст, традиционные ценности.

Нигерийская компания Dangote Group, основанная в 1977 г., изначально специализировалась на импорте и оптовой торговле товаров народного потребления и цемента. В 1990-е годы компания открыла производство текстильных и потребительских товаров (сахар и мука). В 2000 г. Dangote приобрела у федерального правительства компанию по производству цемента Venue Cement Company, впоследствии увеличив годовую мощность приобретенного цементного завода с 0,9 млн до 2,8 млн т. Так компания вышла на цементный рынок Нигерии, который в конечном счете стал для нее основным.

В 2002 г. Dangote приобрела государственный цементный завод Obajana Cement Plc., который начал работу в 2007 г. при мощности 5 млн т в год, что сделало его крупнейшим цементным заводом в странах Африки южнее Сахары.

В 2010 г. дочерние компании Venue Cement и Obajana Cement были объединены в одну Dangote Cement Plc., которая вышла на Нигерийскую фондовую биржу, что подчеркнуло новую роль компании в национальной экономике. К 2011 г. Dangote Cement Plc. масштабировала свое присутствие за пределы страны и закрепились на субрегиональном рынке, начав экспорт цемента в Гану.

Приобретение статуса компании стратегической важности обеспечило Dangote определенную поддержку со стороны правительства и создало условия для дальнейшего расширения. Dangote Cement Plc. зарекомендовала себя в качестве одного из крупнейших производителей Африки с рентабельным и высококачественным производством и приступила к более широкой африканской экспансии, перейдя от субрегионального присутствия к panaфриканскому охвату. В 2014 г. компания открыла два цементных завода в ЮАР, завод в Сенегале и продолжила свое расширение с инвестициями в Камерун, Эфиопию, Замбию, Танзанию, Сьерра-Леоне и Республику Конго.

Основатель компании Алико Данготе, признанный одним из наиболее способных управленцев в мире, известен как сторонник panaфриканского экономического развития. В своих выступлениях он последовательно отстаивает необходимость переработки сырья в пределах Африки и способствованию его реализации на внутренних рынках континента.

Однако в общем случае переход компании из локальной ниши к более глобальной будет зависеть от сочетания ряда ключевых факторов, таких как: развитость и платежеспособность внутреннего рынка, динамика роста прибыли компании и ее устойчивость, наличие поддержки со стороны государства и ее характер, встраивание амбиций компаний в национальную стратегию, возникновение и сохранение достаточно благоприятной ситуации на мировых рынках, наличие кадрового задела и финансовых ресурсов внутри компании для масштабирования своей деятельности. Все это достаточно высокий «входной порог», что объясняет довольно низкие темпы появления глобальных африканских компаний, хотя здесь и есть свои истории успеха.

Взгляд в будущее

В ближайшие годы тенденция к усилению социализации и интернационализации африканских компаний, скорее всего, сохранится. Будущая роль стран Африки в мировых цепочках создания стоимости будет во многом зависеть от того, насколько успешно ведущие африканские компании, действуя в тесной связке с национальными правительствами, смогут локализовать производство и выработать конкурентные ценностные предложения, чтобы богатая ресурсная база, которой обладают многие из стран континента, обеспечивала бы в первую очередь их интересы развития.

Если в этом отношении будет найден оптимальный баланс, то можно ожидать, что количество МАК и ГАК вырастет. В свою очередь, масштаб деятельности таких компаний позволит создать новые возможности для более локальных малых и средних предприятий, которые будут попадать в «круг занятости» более крупных игроков. Рост числа подобных компаний будет обеспечиваться за счет опоры на неформальный сектор и освоения рыночных ниш, которые игнорируются более крупными компаниями из-за высокой стоимости входа на рынок, неопределенности или уровня рисков при довольно низкой доходности. Однако эти же факторы могут расширить окно возможностей для местных предпринимателей, которые могут использовать свои знания, опыт и понимание местного контекста для разработки решений, уникальных для Африки.

Несмотря на позитивные тенденции, африканские компании сталкиваются с рядом ограничений. Размер национальных рынков, особенно в небольших странах, ограничивает масштабируемость. Ограниченная покупательная способность

и недостаточно развитая инфраструктура также создают барьеры. Региональная интеграция и решение общих континентальных проблем, таких как доступ к энергии или цифровизация, могут помочь преодолеть некоторые из этих ограничений. Компании, ориентированные на решение названных проблем, имеют больше потенциала для масштабирования своего бизнеса на суб-региональный или континентальный уровень.

Разнообразие африканских бизнесов — от инновационных стартапов до стабильно прибыльных МСП — является их ключевым преимуществом. Даже если не все компании достигнут уровня крупных корпораций, их способность адаптироваться к местным условиям играет им на руку и придает устойчивость на фоне иностранных конкурентов. Одним из потенциально возможных путей масштабирования компаний на (суб) региональный уровень может быть решение проблем и использование возможностей, которые являются общими для всего континента, но остаются относительно чуждыми для иностранных ТНК.

Креативная экономика Африки

Культуры стран Африки в первую очередь ассоциируются с традиционными танцами, масками, обрядами, которые передаются из поколения в поколение. Влияние африканских культур на мировую также зачастую сводят к наследию XIX в. и начала XX в., когда в результате синтеза африканских и европейских культур появились рэп, джаз и блюз, а африканская традиционная скульптура вдохновляла европейских модернистов. Хотя эти элементы – важная составляющая богатого культурного наследия континента, не меньшего внимания заслуживают динамично развивающиеся новые направления, например, афробит или встречающихся во всех африканских мегаполисах красочный стрит-арт. Еще реже анализируются экономический вклад африканских креативных индустрий и их роль в диверсификации экономики. Будущее Африки по-прежнему рассматривается сквозь призму индустриального роста, урбанизации и демографического перехода, в то время как ее постиндустриальный потенциал — особенно в сфере креативных индустрий — остается за рамками дискуссий. Креативные индустрии в Африке не только обеспечивают более 2 млн рабочих мест³²⁶ (около 5% от общемирового числа), но и играют важную роль в укреплении суверенитета, позволяя контролировать нарративы и приумножать культурное наследие континента.

Креативные индустрии неразрывно связаны с городской средой, поскольку именно города — традиционные центры инноваций и культурной активности. В Лагосе, Найроби, Дакаре, Кигали, Дар-эс-Саламе, Браззавиле и Йоханнесбурге уже сформировались и развиваются креативные хабы, оказывающие влияние не только на развитие местной экономики, но и на международную культурную повестку. Урбанизация дополняется цифровой трансформацией: один из ярких примеров — Boomplay, цифровая музыкальная

платформа, созданная в Нигерии, число её активных пользователей превысило 75 миллионов. Boomplay открывает африканским артистам путь на глобальную сцену, позволяя зарабатывать на стриминге, расширять аудиторию и привлекать внимание международных продюсеров и лейблов. Африка известна и своей музыкальной сценой: жанры вроде афробита и урбан-грува завоевали мировое признание, способствуя росту культурного экспорта и развитию туризма. Однако точно измерить экономический вклад этих индустрий сложно: обычные методы статистики не учитывают специфики креативной экономики — авторские права, идеи, образы и культурные ценности, поэтому их вклад часто оказывается недооцененным.

Однако до сих пор Африка остается преимущественно импортером культурного контента, а конкуренция за рынок стремительно нарастает, о чём свидетельствует рост инвестиций ведущих мировых игроков, например, Netflix. В этот процесс включился и Disney, выпустивший в 2018 г. супергеройский фильм «Черная пантера», призванный привлечь внимание африканской аудитории, а затем в 2024 г. анимационный киберпанк-сериал *Iwaju*³²⁷, действие которого разворачивается в Лагосе. Вместе с производителями контента приходят и технологические компании, которые создают инфраструктуру для его распространения: Alphabet, Huawei и др. Таким образом, цифровизация культурного пространства приводит к тому, что иностранные компании всё активнее формируют культурные нарративы об Африке, оказывая влияние на ценностные ориентиры африканской молодёжи. Рост внешнего культурного влияния может привести к тому, что следующее поколение африканцев столкнётся с выбором: распознавать и ценить собственный потенциал или принимать взгляды и ценности, навязанные извне.

326 UNCTAD. Creative Industry 4.0: Towards a New Globalized Creative Economy. United Nations Conference on Trade and Development, Geneva, 2022.

327 Disney+. *Iwaju Show on Disney+. URL: <https://ondisneyplus.disney.com/show/iwaju>

Постер сенегальского фильма
«Banel e Adama», 2023

Постер мультфильма Disney
«Iwájú», 2024

Пример Уганды показывает, что зависимость от зарубежных медиаплатформ создает риски для внутренней политической стабильности. Именно поэтому контент, ориентированный на молодежь, всё чаще будет размещаться на регулируемых платформах, свободных от внешнего влияния

Культура и политика в Африке тесно переплетены — особенно там, где искусство становится не просто формой самовыражения, а инструментом, способным влиять на общественное мнение.

Нигерийский музыкант Фела Кути³²⁸, например, критиковал коррупцию и военную диктатуру в своих афробит-песнях, а южноафриканский драматург Атоль Фугард³²⁹ разоблачал несправедливость апартеида в своих пьесах. Их творчество — не просто искусство, а политическое заявление. Здесь трудно провести четкую границу между артистом и активистом: культурные деятели становятся голосами своих сообществ.

Яркий современный пример — Роберт Кьягулайни, популярный угандийский певец, известный под псевдонимом Боби Вайн. Начав с песен о бедности, коррупции и несправедливости, он со временем стал политической фигурой. В 2021 г. Роберт Кьягулайни выдвинул кандидатуру на пост президента, бросив вызов Йовери Мусевени³³⁰, и сделал это, используя свою популярность как политический ресурс.

Переизбрание Мусевени критически воспринималось в Европе и США, поэтому история Боби Вайна получила поддержку и ресурсы для продвижения на Западе и легла в основу документального фильма *Bobi Wine: The People's President*, выпущенного в 2022 г. при поддержке Disney и Hulu³³¹. Несмотря на скромные сборы — чуть более 44 тыс. долл. США по всему миру³³², — фильм был отмечен критиками и удостоен двух престижных наград: «Политический фильм года» на Cinema for Peace в 2024 г.³³³ и «Лучший полнометражный документальный фильм» по премии IDA Documentary в 2023 г.³³⁴

328 Labinjoh, Justin. Fela Anikulapo-Kuti: Protest Music and Social Processes in Nigeria. *Journal of Black Studies*, vol. 13, no. 1, 1982, pp. 119–134. JSTOR, URL: <http://www.jstor.org/stable/2783979>. Accessed 13 Oct. 2024.

329 Simango, John. The Paradox of Freedom and Fear in Athol Fugard's *My Children! My Africa!* *Imbizo*, vol. 14, no. 1, 2023, 16 pages. URL: <https://doi.org/10.25159/26636565/12367>

330 BBC. Nigerians React to Global Events in Pidgin. URL: <https://www.bbc.com/pidgin/world-55656720>

331 National Geographic. Bobi Wine: The People's President. URL: <https://films.nationalgeographic.com/bobi-wine-the-peoples-president>

332 Box Office Mojo. Bobi Wine: The People's President Box Office Performance. URL: <https://www.boxofficemojo.com/title/tt21376900/>

333 Al Jazeera. Uganda's first Oscar-nominated film tells story of Bobi Wine persecution. URL: <https://www.aljazeera.com/features/2024/1/26/ugandas-first-oscar-nominated-film-tells-story-of-bobi-wine-persecution>

334 Variety. IDA Documentary Awards 2023: "Bobi Wine: The People's President" Wins Big. URL: <https://variety.com/2023/film/news/ida-documentary-awards-winners-bobiwine-the-peoples-president-1235831567/>

Странам Африки необходимо больше концентрироваться на собственном культурном наследии и местном творчестве. Молодое поколение должно видеть ценность в том, чтобы оставаться и развиваться в своих сообществах, а не стремиться искать возможности за границей. В этом контексте ключевое значение приобретает понятие культурного суверенитета: инвестируя в развитие собственных креативных индустрий, Африка сможет определять траекторию развития своего культурного пространства с тем, чтобы африканские истории и ценности описывали и развивали сами африканцы. Это станет стимулом для формирования поколения, которое не только потребляет контент, но и активно его создает, укрепляя позиции Африки как одного из будущих центров глобального культурного влияния — города Африки трансформируются, и синтез креативности, цифровых технологий и урбанизации может сделать их важными центрами глобальной постиндустриальной экономики.

Амоако Боафо,
«Плитки тюльпанов» (Tulip Tiles),
2023

Порша Звавахера,
«Мы спим в присутствии»
(Takarara dziripo), 2023

Креативные индустрии в Африке сталкиваются с теми же проблемами, что и другие отрасли экономики: недостаток инфраструктуры и квал

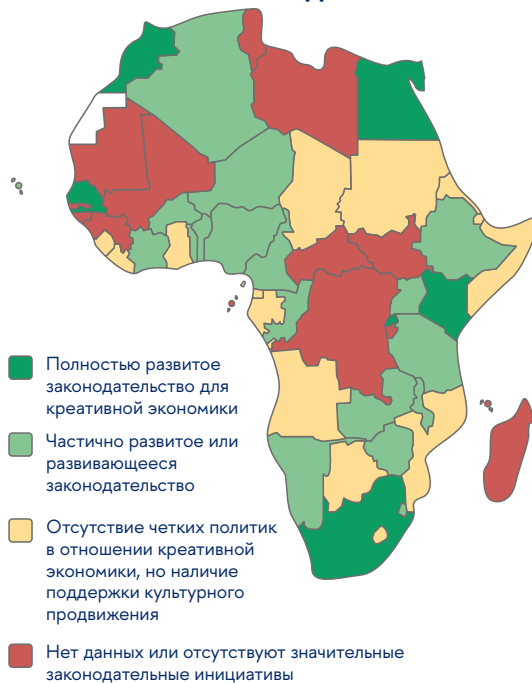
ифицированных специалистов. Однако одной из наиболее серьезных проблем остается и дефицит данных, что затрудняет принятие правительствами и инвесторами решений, которые могут придать импульс развитию креативной экономики. По доступным данным, в большинстве стран Африки вклад креативных индустрий в ВВП демонстрирует стабильный рост на протяжении последних десяти лет, а технологическое развитие, рост инвестиций и международный интерес к африканской культуре способствуют этому процессу. ЮАР, Нигерия, Кения и Марокко задают тренды развития креативной экономики Африки — именно здесь сегодня формируются центры музыкальной индустрии, кинопроизводства и цифровых медиа. Главный продукт креативных индустрий — нематериальная ценность: идеи, инновации и культурное самовыражение, что отличает их от традиционной промышленности, а следовательно требует других подходов к оценке их вклада в экономику.

Правовая база — один из ключевых факторов, определяющих развитие креативных индустрий. Именно наличие нормативов и государственных программ поддержки позволяет странам системно учитывать вклад этого сектора и выстраивать эффективную политику. Там, где такие механизмы уже работают, наблюдается и более высокий уровень анализа, и более точные оценки влияния на экономику.

В Африке подходы к креативной экономике пока только начинают формироваться. Тем не менее, уже есть ряд стран, внедривших государственные программы поддержки креативных индустрий и закрепивших их на законодательном уровне.

В последние годы рынок современного африканского искусства демонстрирует рост: согласно отчету Art Basel за 2023 г., произведения африканских художников достигли рекордных показателей на аукционах: было продано более 2700 работ — почти вдвое больше по сравнению с допандемийным периодом. Общая их стоимость в 2022 г. составила 63 млн долл., годом ранее — 47 млн. Однако потенциал остается нераскрытым: по данным отчета Contemporary Art Market Report за 2023 г., лишь девять африканцев вошли в список 500 самых продаваемых современных художников в мире.

Законодательство и культурная политика в Африке, 2024

Источник: подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе законодательных актов государств Африки.

13-й ежегодный Национальный фестиваль искусств в Ботсване

Крупнейшие экономики континента: ЮАР, Нигерия и Кения располагают финансовыми ресурсами, необходимыми для реализации долгосрочных инвестиционных программ, направленных на развитие креативного сектора и превращение его в одного из драйверов экономического роста. В то же время страны с экономиками меньшего размера по-прежнему сосредоточены на решении базовых задач, таких как развитие систем здравоохранения и обеспечение базовой инфраструктуры.

Подход африканских государств к креативным индустриям определяется не только задачами по борьбе с безработицей и развитием несырьевых отраслей экономики. Во многих странах приоритет отдается сохранению доколониального культурного наследия и идентичности. Такое обращение к прошлому тесно связано с процессами культурной реабилитации и стремлением зафиксировать и сохранить историческую память как основу для будущего развития, в то же время оно должно быть дополнено инвестициями в современное искусство. Например, в ЮАР, где уделяют значительное внимание поддержке современной креативной экономики, отводят отдельные бюджетные строки на продвижение и сохранение наследия, а также на развитие искусства и культуры. Согласно бюджету на 2024/2025 финансовый год³³⁵, на продвижение и сохранение наследия выделено 142 млн долл., а на развитие современных креативных индустрий — 84 млн долл. Особое внимание южноафриканские власти уделяют поддержке искусства, кино, музыки и ремесел через государственную программу Mzansi Golden Economy («Золотая экономика Мзанзи»), запущенную в 2011 г.³³⁶ в рамках борьбы с безработицей³³⁷. В 2024 г. в рамках этой программы финансировалось 15 проектов, девять региональных программ развития искусства в сообществах, 25 национальных и провинциальных флагманских инициатив и 65 проектов в сфере креативных индустрий. За период с 2016 по 2019 г. Программа грантов на фестивали и культурные мероприятия в рамках Mzansi Golden Economy поддержала 153 события по всей стране и ежегодно обеспечивала в среднем 1423 постоянных рабочих места в культурном секторе³³⁸.

Фестиваль современного танца при поддержке программы Mzansi Golden Economy

335 National Treasury (South Africa). National Budget 2024. URL: <https://www.treasury.gov.za/documents/National%20Budget/2024/ene/FullENE.pdf>

336 Swart, K., Bob, U., Nkambule, S., & Gumede, A. (2018). Economic Impacts of the Touring Ventures Sub-category of the Mzansi Golden Economy Programme in South Africa. EuroEconomics, vol. 1(37), pp. 90–103. URL: <https://uicontent.uj.ac.za/esploro/outputs/journalArticle/Economic-impacts-of-the-touring-ventures/9910307607691#file-0>

337 Department of Sport, Arts and Culture (South Africa). Mzansi Golden Economy Guidelines. URL: <https://www.dsac.gov.za/Mzansi%20Golden%20Economy%20Guidelines>

338 Bob, Urmilla, Kamilla Swart, Rivoni Gounden, Amanda Gumede, and Sizwe Nkambule. (2019). Socio-Economic Impacts of Festivals and Events: A Case Study of the Mzansi Golden Economy Programme in South Africa. GeoJournal of Tourism and Geosites, vol. 27, pp. 1236–1250. DOI: 10.30892/gtg.27410-429

Общей тенденцией в Африке остается фокус на сохранении культурного наследия, в то время как потребности новых цифровых и современных направлений остаются вне поля зрения политики

Одним из ключевых вызовов для креативных индустрий в развивающихся экономиках является высокая степень неформальности сектора. Например, в Зимбабве значительная часть деятельности в сфере креативных индустрий осуществляется в неформальной экономике. Согласно докладу ЮНЕСКО³³⁹, 93% представителей креативных профессий работают как фрилансеры и лишь 7% являются наемными сотрудниками официально зарегистрированных предприятий. Похожие проблемы характерны для музыкальной и киноиндустрии: множество музыкантов и продюсеров действуют вне формальных рамок, в результате чего их вклад оказывается невидимым для статистики и госпрограмм.

Другой серьезной проблемой остаётся отсутствие систематического сбора данных. В большинстве африканских стран нет специализированных агентств или программ, способных отслеживать и анализировать состояние креативной экономики на национальном или региональном уровне. Даже в ЮАР — одной из наиболее развитых экономик континента — официальный сбор данных о креативных индустриях начался лишь в 2015 г. и осуществляется совместными усилиями министерства искусства и культуры, Статистического управления ЮАР (Stats SA) и Южноафриканской обсерватории культуры (SACO). Тем не менее, система не охватывает весь спектр культурного производства. Такие направления, как создание цифрового контента, ремесла, мода и новые медиа, зачастую остаются вне учета, что связано с отсутствием формальной структуры и функционированием в теневом секторе.

То же самое касается мероприятий в сельских и общинных форматах: они остаются важной частью креативной экосистемы, но их трудно измерить именно из-за неформального характера.

Тадессе Месфин,
«Колонна ритма II»
(Column of Rhythm II), 2022

Южноафриканская обсерватория культуры³⁴⁰ (South African Cultural Observatory, SACO), возглавляет процесс сбора данных в сфере культуры, отслеживает вклад таких секторов, как телевизионное и кинопроизводство, сценическое искусство и др. Эти области включены в мониторинг, поскольку обладают более четкими экономическими результатами и формализованной структурой, что облегчает учет через кассовые сборы, посещаемость фестивалей и продажу билетов. SACO — национальная под эгидой Министерства спорта, искусства и культуры ЮАР. За первые три года ее работа обошлась государству в эквивалент 3,38 млн долл. США³⁴¹.

Ключевой задачей обсерватории стало формирование комплексной системы сбора, хранения и анализа данных о культурных и креативных индустриях (CCI) ЮАР. Согласно исследованию SACO за 2022 г.³⁴², креативные индустрии обеспечили 12,1 млрд долл. в ВВП ЮАР в 2020 г., что составило около 3% общего объема экономики страны. Наибольший вклад внесли дизайн и креативные услуги (3,83 млрд долл.), а также аудиовизуальные и интерактивные медиа (3,72 млрд долл.).

Одним из важнейших результатов работы SACO стало создание информационной системы, которая помогает представителям власти и участни-

339 UNESCO and ILO. New ILO-UNESCO Report: Despite Its Potential, Zimbabwe's Creative Economy Remains Largely Informal. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/new-ilo-unesco-report-despite-its-potential-zimbabwe-creative-economy-remains-largely-informal-and>

340 South African Cultural Observatory. South Africa's Cultural Economy. Accessed October 5, 2024. URL: <https://www.southafricanculturalobservatory.org.za>

341 Parliamentary Monitoring Group (PMG). Meeting Overview: National Assembly Committee. URL: <https://pmg.org.za/committee-meeting/25421/>

342 South African Cultural Observatory. Snapshot of the Cultural and Creative Industries in South Africa. URL: <https://www.southafricanculturalobservatory.org.za/article/snapshot-of-the-cultural-and-creative-industries-in-south-africa>

кам отрасли принимать обоснованные решения. Кроме того, появилась возможность оценить географическую и отраслевую структуру креативной экономики в ЮАР: так, на провинцию Гаутенг приходится 46,5% экономического объема сектора, в то время как Западный Кейп и Квазулу-Натал обеспечивают соответственно 14,4 и 17,1%³⁴³.

Другой ключевой институт — Обсерватория культурной политики в Африке³⁴⁴ (Observatory of Cultural Policies in Africa, ОСПА), основанная в 2002 г. Это независимая панафриканская организация, действующая при поддержке ЮНЕСКО, Африканского союза и фонда Форда. Деятельность расположенной в Мозамбике миссии ОСПА заключается в мониторинге культурных трендов и национальных культурных политик по всей Африке с целью интеграции этих процессов в более широкие стратегии.

Цифровизация креативности

Цифровая трансформация стала основой роста и переосмысления креативных индустрий в Африке. Она открыла художникам, музыкантам и авторам контента новые возможности для выхода на международные рынки. Рост цифровой связности сыграл ключевую роль в расширении доступа африканских деятелей искусства к онлайн-платформам для дистрибуции своих работ, взаимодействия с глобальной аудиторией и диверсификации доходов.

Например, музыканты получили возможность обойти традиционные барьеры индустрии, напрямую выходя к слушателю через стриминговые сервисы. Яркие представители континента — Burna Boy и Wizkid — активно использовали эти платформы для установления связи с гло-

бальной аудиторией. Так, альбом *Twice as Tall* от Burna Boy набрал более 100 млн прослушиваний на Spotify всего за несколько месяцев после релиза³⁴⁵, а композиция *Essence* от Wizkid стала первой нигерийской песней, вошедшей в чарт *Billboard Hot 100*³⁴⁶ во многом благодаря вирусному успеху в цифровой среде.

Особую роль в продвижении африканской музыки сыграл Spotify, превратив афробит в один из самых быстрорастущих жанров в мире. Один из показательных примеров — нигерийский артист Rema и его трек *Calm Down*, записанный совместно с Селеной Гомес. Эта композиция стала первой песней африканского исполнителя, преодолевшей рубеж в миллиард прослушиваний на Spotify. Согласно данным платформы, больше всего прослушиваний *Calm Down* зафиксировано в США, Индии, Мексике, Бразилии и Великобритании³⁴⁷. Официальный клип также стал вирусным — более 615 млн просмотров.

Кроме того, по данным Spotify Wrapped за 2023 г., внутреннее потребление нигерийской музыки выросло на 284%³⁴⁸, что свидетельствует о росте интереса как внутри страны, так и за ее пределами. Такие исполнители, как Rema и Asake, продолжают доминировать в международных чартах, закрепляя за афробитом статус одного из главных культурных экспортных продуктов Африки.

Уизкид, фотограф:
Набил Элдеркин

Африканский рынок стриминговых платформ демонстрирует уверенный рост, обусловленный

343 South African Cultural Observatory, South African CCI Mapping Study: Review of Methods. URL: <https://www.southafricanculturalobservatory.org.za/download/comments/1013/6b180037abbbeea991d8b1232f8a8ca9/South+African+Cci+Mapping+Study+Review+Of+Methods>

344 OCPA (Observatory of Cultural Policies in Africa). Official Website. URL: <https://ocpa.irmo.hr/index-en.html>

345 Africanews. Burna Boy: The First African Artist with 100 Million Streams from Three Albums. URL: <https://www.africanews.com/2021/05/13/burna-boy-the-first-african-artist-with-100-million-streams-from-three-albums-chartdata>

346 Essence. Wizkid's "Essence" Reaches Top Ten on Billboard. URL: <https://www.essence.com/entertainment/wizkid-essence-top-ten-billboard/>

347 Forbes. Rema's "Calm Down" Makes History as First Afrobeats Song to Surpass 1 Billion On-Demand US Streams. URL: <https://www.forbes.com/sites/imeekpo/2024/06/21/remas-calm-down-makes-history-as-first-afrobeats-song-to-surpass-1-billion-on-demand-us-streams/>

348 Spotify. 2024 Loud & Clear Report. URL: <https://loudandclear.byspotify.com>

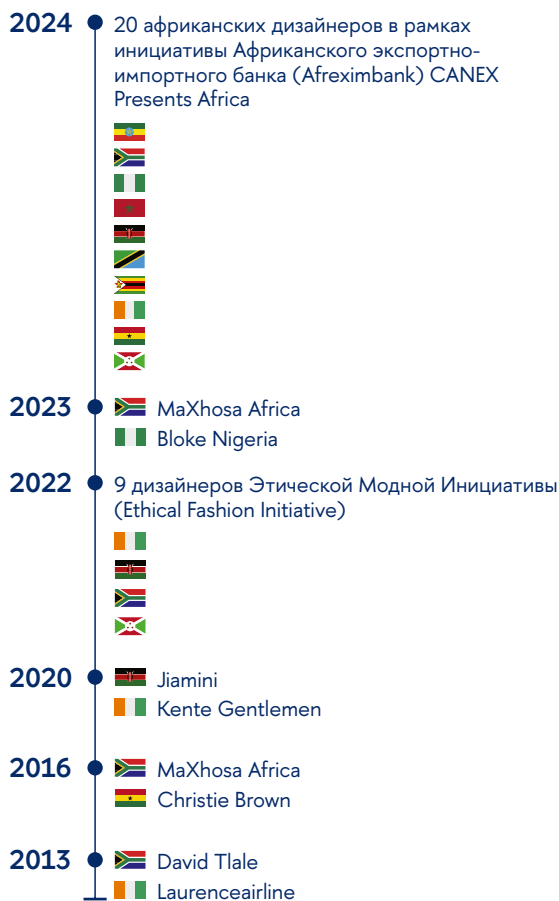
расширением интернет-доступа и изменением медиапредпочтений аудитории. В 2023 г. объем рынка оценивался в 1,9 млрд долл. США, а к 2029 г. прогнозируется его удвоение. Согласно прогнозам PwC³⁴⁹, индустрия развлечений и медиа в Африке будет расти в среднем на 12% в год — темп, значительно превышающий глобальные показатели.

Ранее упомянутая музыкальная платформа Boomplay принадлежит китайским компаниям Transsion Holdings (производителю смартфонов TECNO, Infinix и Itel) и NetEase (крупной интернет-компании) и ее приложение предустановлено на миллионах смартфонов, продаваемых Transsion по всей Африке. В 2020 г. количество прослушиваний африканской музыки на платформе выросло на 60%, что свидетельствует о высоком интересе к культуре континента как внутри, так и за его пределами. Boomplay активно расширяет присутствие на африканских рынках благодаря стратегическим партнерствам с телекоммуникационными компаниями, делая музыкальный каталог более доступным. Например, сотрудничество с AirtelTigo в Гане позволило разработать недорогие модели подписки, при которых пользователи оплачивают доступ к контенту с мобильного баланса, не используя банковские карты.

Подобные модели расширяют аудиторию африканских артистов и укрепляют стриминговую экосистему континента. Примером служит и платформа Audiomack, насчитывающая более 20 млн пользователей в месяц по всему миру. Благодаря ей получили известность молодые африканские звезды, например Omah Lay. Партнерство Audiomack с MTN в Нигерии позволило подписчикам в отдаленных регионах слушать музыку с минимальными затратами на мобильный трафик. Программа Audiomack+MTN Data Bundle предоставляет доступ к обширному музыкальному каталогу и безлимитный нетарифицируемый трафик для его прослушивания.

Цифровизация также способствовала росту электронной коммерции в сфере моды и искусства. Африканские дизайнеры, ранее полагавшиеся на локальные рынки и офлайн-бутики, теперь демонстрируют свои коллекции по всему миру через социальные сети и платформы электронной торговли, такие как Shopify. Воздействие цифровых платформ на развитие креативных индустрий в Африке выходит далеко за рамки финансовой выгоды. Они открывают беспрецедентные возможности для коллабораций, международного признания и выхода на глобальные рынки.

Участие африканских дизайнеров в Paris Fashion Week

Источник: подготовлено Центром изучения Африки НИУ ВШЭ на основе данных The Fédération de la Haute Couture et de la Mode

349 PwC. Africa Entertainment and Media Outlook 2023. URL: <https://www.pwc.com/ng/en/publications/entertainment-and-media-outlook.html>

Один из ярких примеров — сотрудничество нигерийского дизайнера Кеннета Изе с французским модным домом Karl Lagerfeld в 2020 г.³⁵⁰ Возможность продавать напрямую конечному потребителю значительно повысила представленность африканской моды на мировой арене. Африканские дизайнеры все активнее заявляют о себе на Парижской неделе моды, среди них MaXhosa Africa и Дэвид Тлале из ЮАР, а также Christie Brown из Ганы, чьи коллекции регулярно появляются на престижных подиумах.

Кенийские художники, сотрудничающие с модными брендами, Инициатива этичной моды (Ethical Fashion Initiatives)

Дизайнер модного бренда Намайи — Луиза Зоммерлатт

Африка по мере роста населения и ускоренной урбанизации будет оказывать все более заметное влияние на мировую культуру — независимо от того, будет ли она выступать в качестве субъекта или объекта глобальных процессов. Масштабное расширение городов и рост среднего класса неизбежно потребуют адаптации культурного контента к африканскому потребителю. В результате можно ожидать своеобразной «африканизации» глобальной культуры.

Архитектура — царица креативных индустрий

В XXI в. Африка станет и одним из крупнейших и наиболее динамично растущих строительных рынков мира, а значит — важным потребителем архитектурных услуг и идей

Расширяющимся государственным структурам, бизнесу, исследовательским организациям, больницам и школам уже тесно в построенных в 1960-1970-х гг. и с тех пор почти не ремонтировавшихся зданиях, поэтому именно архитектура общественных зданий Африки станет одним драйверов развития мировой архитектуры в XXI в.

НИЦ по океанографии, гелиофизике и испытаниям конструкционных материалов в условиях тропического климата (Конакри, Гвинея). Гипронию АН СССР. Арх. А.М.Щусев, Е.П. Соколов и др., 1983.

Текущее состояние здания Центра морских и прибрежных исследований Гвинеи CEREMAC-G (ранее — CERESCOR)

Этот процесс уже имеет исторические прецеденты: в середине XX в. регион внес вклад в развитие модернистской архитектуры, и ее направления «тропического модернизма», благодаря которому были разработаны оригинальные решения по использованию бетона, организации вентиляции и естественного освещения в жарком климате. В ближайшие десятилетия степень влияния Африки на архитектурные практики, вероятно, будет качественно выше — не только как объекта применения западных технологий, но и как источника собственных идей и подходов, основанных на климатических, социальных и культурных особенностях региона. Участие Архитектурного бюро Захи Хадид в проектировании нового аэропорта Аддис-Абебы, анонсированное в августе 2024 г., одно из проявлений этой тенденции.

Будущее креативных индустрий Африки напрямую связано с дальнейшим развитием и трансформацией цифровой инфраструктуры. Спрос на африканский креативный контент стремительно

350 Karl Lagerfeld. Kenneth Ize x Karl Lagerfeld Collection. URL: <https://www.karl.com/us-en/karlxkenneth.html>

растет: его активно потребляют как представители африканской диаспоры, так и глобальные стриминговые платформы.

Внутриафриканская торговля в сфере креативных индустрий также демонстрирует положительную динамику, ежегодный рост составляет не менее 15%. Тем не менее доля Африки в мировом товарообороте остается скромной — всего 2,6%, а вклад в глобальный ВВП не превышает 3%. При этом на внутреннем рынке сохраняется предпочтение зарубежных брендов. Согласно исследованию потребительских предпочтений³⁵¹, только 14% ведущих брендов на африканском континенте имеют локальное происхождение, основные позиции прочно удерживают компании из США, Европы и Азии. Такая лояльность к иностранной продукции сдерживает рост локальных брендов и подрывает позиции креативной экономики внутри региона.

На этом фоне особенно заметен контраст: международный интерес к африканскому контенту стремительно возрастает, однако сами нарративы и культурные продукты континента по-прежнему формируются преимущественно внешними акторами. Западные и азиатские медиа, глобальные бренды и международные платформы продолжают диктовать, как и о чем говорит Африка.

В этих условиях укрепление креативного суверенитета становится задачей выживания. Развитие местных брендов и индустрий позволит сохранять и перераспределять как экономические, так и культурные выгоды от африканской креативности внутри континента. Собственные культурные продукты смогут не только занять достойное место на глобальном рынке, но и стать важным внутренним драйвером устойчивого экономического роста.

351 African Business. African Consumers Remain Loyal to Non-African Brands. URL: <https://african.business/2024/06/dossier/african-consumers-remain-loyal-to-non-african-brands>

Африка и три России: об истории российско-африканских отношений

Российская империя в Африке

О формировании относительно устойчивых связей между Россией и странами Африки можно говорить с XVII–XVIII вв.³⁵² На первом этапе это выражалось в появлении при дворе русских государей так называемых арапов и паломничестве российских священнослужителей в страны Северной Африки (преимущественно в Египет), затем европеизации и развитию отношений со странами Западной Европы, тогда активно осваивавших Африку, в Россию проникают знания о регионе, а российские императоры и чиновники из европейских турне в качестве дипломатических подарков привозят картины и гобелены с дикийными «колониальными» сюжетами. К концу XVIII в. с получением Российской империей доступа к Черному морю постепенно развиваются и торговые связи со странами Северной Африки, тогда находившимися под контролем Османской империи. Из Египта в Россию поступают «красный простой ладан, розмарин, александрийский лист, сахарный песок, нашатырь, шафран»³⁵³, устанавливаются торговые отношения с Марокко, Тунисом, Алжиром. Уже тогда перед Россией встают первые логистические вызовы в торговле со странами Африки: угроза пиратства у берегов Магриба, зависимость от турецкого торгового флота, а также от европейских посредников, поставлявших в Россию африканские товары, «которые до нас доходят уже чрез тысячу мытарских рук и за весьма дорогую цену»³⁵⁴.

Россия никогда не обладала колониями в Африке и не предпринимала шагов, чтобы их заполучить. Благодаря этому у Москвы сохраняется важное моральное преимущество, которое до сих пор вносит важный вклад в благоприятную атмосферу в российско-африканских отношениях. Это обусловлено комплексом факторов: от географических и военно-политических до моральных и экономических. Структура экономики Российской империи в XVIII–XIX вв. не требовала завоза дешевой рабочей силы или импорта тех товаров, которые Африка поставляла в европейские метрополии. Географическая удаленность, зависимость российского флота от доступа к Босфору и проливам на Балтике делали невозможным управление удаленными владениями в Африке, да и сама концепция «колонизации» и опыт освоения европейцами стран Африки противоречили логике территориального развития Российской империи. Однако это не означает, что Россия оставалась безучастной к судьбе Африки в поворотном для нее XIX в. Так, российский дипломат Петр Алексеевич Капнист, на тот момент чрезвычайный посланник и полномочный министр в Гааге, участвовал в Берлинской конференции в 1884–1885 гг., на которой был закреплен колониальный раздел Африки и формировалась ее современная политическая карта. Подпись Капниста от имени «государя Всероссийского» стоит под «Генеральным актом», принятым по итогам конференции. Интерес для России (как, например, и для США) представлял в первую очередь беспрепятственный доступ к торговле со странами Африки, а также к миссионерской деятельности.

352 Текст впервые опубликован в журнале «Профиль». Всеволод Свиридов. Как складывались отношения с государствами Черного континента у Российской империи, СССР и Российской Федерации. URL: <https://profile.ru/abroad/kak-skladyvalis-otnosheniya-s-gosudarstvami-chernogo-kontinenta-u-rossijskoj-imperii-sssr-i-rossijskoj-federacii-1659607/>

353 Шкунов В.Н. Торговые связи Российской империи с Африкой в XVIII – первой половине XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. №4.

354 Там же.

К концу XIX в. Россия утвердилась в Африке как нейтральная сила и противовес экспансионистской политике европейских держав

Важную роль в сохранении Эфиопии в качестве независимого суверенного государства сыграла дипломатическая поддержка со стороны Российской империи. На рубеже веков именно российско-эфиопские отношения, официально установленные в 1898 г., развивались наиболее динамично, что выразилось в экспедициях российских путешественников и ученых в Эфиопию, открытии в Аддис-Абебе госпиталя Российского общества Красного Креста, обмене визитами на высоком политическом уровне. На конец XIX в. приходится и рост интереса в Российской империи к ситуации на юге Африки и бурским республикам: Трансваалю и Оранжевой. Симпатии российской прессы и большей части общества тех лет были на стороне бурских республик, боровшихся против британцев, а российские офицеры и добровольцы, среди которых были журналист и путешественник Евгений Максимов, будущий лидер партии октябристов Алексей Гучков и другие представители российской интеллигенции и знати, участвовали во Второй англо-бурской войне (1899–1902 гг.) на стороне бурских государств.

В активизации российско-африканских связей на рубеже веков большую роль сыграли частная инициатива и интересы отдельных политических авантюристов, чем последовательная политика царского правительства. В дальнейшем активность России в регионе была сокращена на фоне русско-японской войны, создания Антанты (а следовательно, и необходимости не нарушать интересы Франции и Великобритании — основных колониальных держав в Африке) и внутривнутриполитических потрясений.

Советская Россия и Африка

В 1920–1930-х годах советская политика в Африке формировалась в логике курса на «мировую революцию» и была направлена на подрыв ресурсной базы мирового капитализма и империализма

как его высшей стадии. Советско-африканские связи тогда концентрировались в первую очередь на обучении руководящих кадров для местных подпольных коммунистических

и социалистических движений по линии Коминтерна и Международной организации помощи борцам революции, а наиболее интенсивно развивались связи с белыми коммунистами Южно-африканского союза (ЮАС) — самой промышленно развитой страны региона к тому времени. Советский Союз и ЮАС в годы войны даже стали союзниками по антигитлеровской коалиции, но намечившееся сближение было сведено на нет началом политики апартеида в ЮАР в 1948 г.

Вторая мировая война послужила катализатором распада европейских колониальных империй, и СССР, в том числе на площадке ООН, внес ключевой вклад в процесс деколонизации, что увенчалось принятием Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам Генассамблеей ООН в 1960 г., который теперь известен как «Год Африки».

Советский Союз сразу начал поддерживать получившие независимость страны Африки и активно участвовал в продолжающемся процессе деколонизации особенно на юге Африки: в Южной Родезии (Зимбабве), ЮАР, Намибии, Анголе и Мозамбике. Стоит отметить, что говорить о «целостной» советской политике в Африке или «африканской стратегии СССР» было бы некорректно — в отношении разных стран СССР исходил из разных посылок — военно-стратегических, экономических и, в меньшей степени, идеологических. Вопреки стереотипам, «социалистическая ориентация» играла не столь значительную роль при определении страновых приоритетов. На протяжении всей холодной войны Советский Союз активно взаимодействовал как с «социалистическими» народными республиками: Анголой, Бенином, Республикой Конго, Мозамбиком, Эфиопией, так и с «капиталистическими» — Нигерией, Кот-д'Ивуаром и Королевством Марокко.

На двустороннем уровне развитие отношений носило комплексный характер. Торговля, особенно промышленными товарами, между СССР и странами Африки выстраивалась в привязке к советским инфраструктурным проектам на территории этих стран (например, в 1985 г. доля машин и оборудования, поставленных для объектов, строящихся при техническом содействии СССР, в общем советском экспорте в Эфиопию составила 17%, Ливию — 19%, Алжир — 70%, Нигерию — 94%)³⁵⁵, а образовательное сотрудничество — с потребностями народного хозяйства стран Африки: специалисты, проходившие подготовку в Советском Союзе, затем обратно возвращались в свои страны и работали в том числе на предприятиях промышленности и народного хозяйства, созданных при советской помощи.

Образование — то направление, где СССР и странам СЭВ удалось добиться наибольших успехов. Стратегический подход СССР предполагал подготовку управленческих кадров для развивающихся стран, которые в среднесрочной перспективе возглавят свои страны. В 1981 г. в советских вузах училось 34 тыс. студентов из Африки, а суммарно во всех странах Восточной Европы — 72 тыс., что сопоставимо с числом африканских студентов в странах ОЭСР (111 тыс.) и значительно больше, чем в США (9 тыс.)³⁵⁶. Всего в советских вузах в 1960–1990 гг. прошло подготовку около 90 тыс. африканцев. До сих пор сложно оценить тот вклад, которые африканские выпускники советских вузов внесли в развитие африканских стран и отношений России с ними. Конечно, число госслужащих, учившихся в бывших метрополиях (Франции, Великобритании, Португалии), а также США, превышает число советских выпускников, что обусловлено историческими и культурными особенностями, устройством политических систем в этих странах, однако, например, в сравнении с ФРГ, где училось примерно столько же студентов из Африки, как и в СССР, советская политика оказалось более эффективной. По состоянию на август 2025 г. у власти в Африке три президента, которые учились в СССР, —

Жоау Лоуренсу в Анголе (Военно-политическая академия имени В.И. Ленина), Джон Махама в Гане (Институт общественных наук при ЦК КПСС) и Нетумбо Нанди-Ндаитва в Намибии (Высшая комсомольская школа).

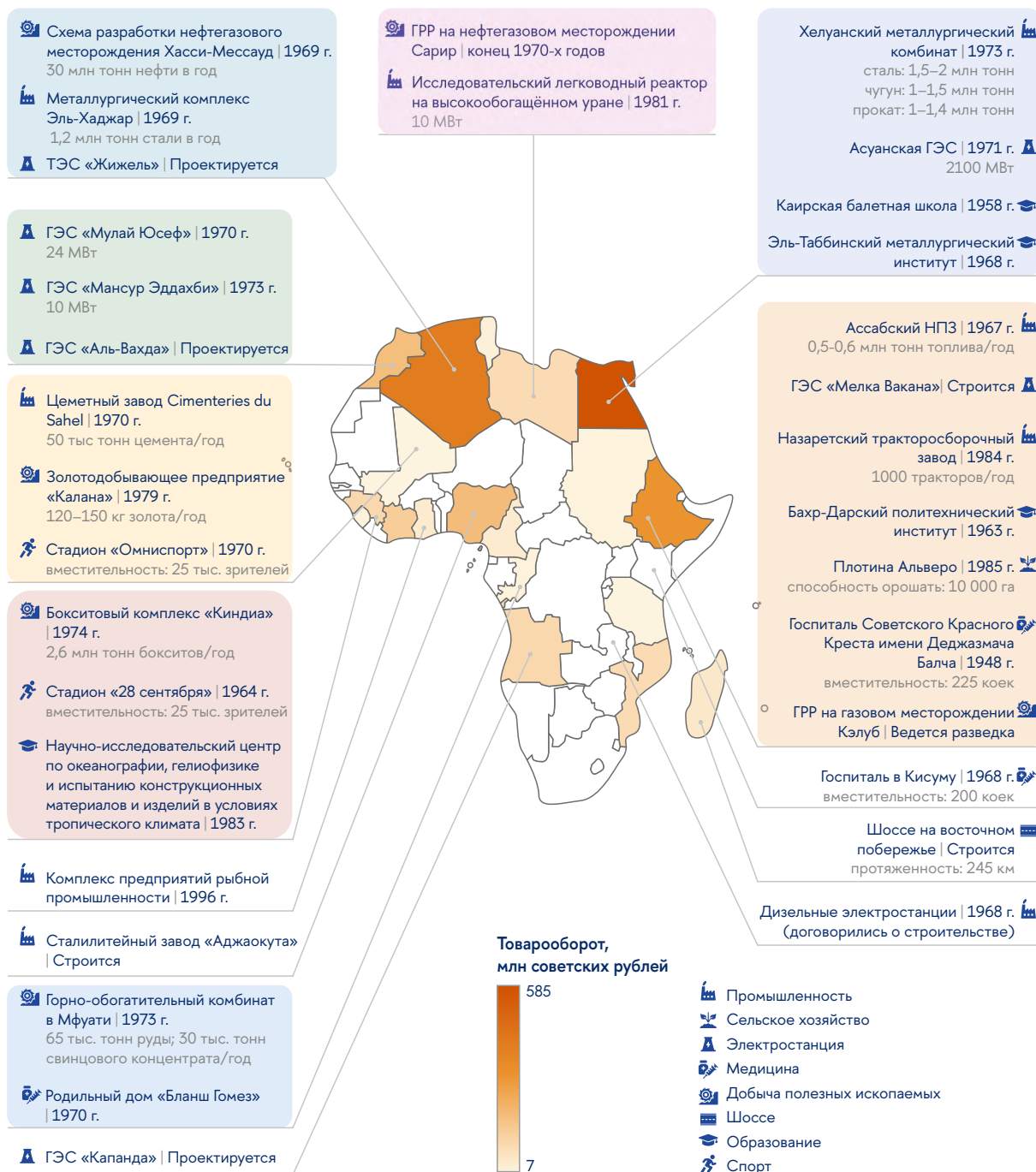
Важный аспект советско-африканских отношений — это финансовая помощь СССР Африке, которая до сих пор используется для демонстрации «непродуманности» всей советской политики в Африке. Однако в этом случае стоит говорить о том, что из-за распада СССР Москве не удалось в полной мере воспользоваться многими дивидендами, на получение которых была ориентирована советская помощь Африке, что привело к «списанию долгов» в 2000-х годах уже под эгидой Парижского клуба. Во-первых, стоит отметить, что в той или иной форме кредиты странам Африки, как и сейчас, в годы холодной войны давали все ведущие державы и, более того, советская помощь в сравнении с западной была куда менее значительной по объемам: например, в первой половине 1980-х годов финансовая помощь странам Африки южнее Сахары с стороны всех стран СЭВ составляла около 3% общемировой (для сравнения: США — 23%, ФРГ — 10%, Япония и Великобритания — по 5%)³⁵⁷. Во-вторых, условия финансовой помощи были у СССР и союзников более строгими (льготная составляющая кредитов СЭВ составляла около 40–50%). В-третьих, советские кредиты подразумевали закупку советского оборудования под проекты, а выплату части кредита за строительство промышленных объектов — поставками доли продукции предприятия, например глинозема, фосфатов, рыбы и т.д. Наконец советская экономическая помощь странам Африки была вписана в более широкий контекст промышленной кооперации внутри СЭВ и создания цепочек создания добавленной стоимости за его пределами, которые бы работали на страны социалистического лагеря, что, с одной стороны, укрепляло бы промышленный потенциал развивающихся стран, а с другой — обеспечивало социальный лагерь необходимыми товарами.

³⁵⁵ Министерство внешней торговли СССР. Внешняя торговля СССР в 1985 г.

³⁵⁶ Lawson C. Soviet Economic Aid to Africa.

³⁵⁷ Ibid.

Сотрудничество СССР со странами Африки, 1985 г.

Примечание: Перечень не полный, на карте представлены примеры проектов, реализованных СССР в странах Африки в 1940–1980-х годах

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ при участии А.В.Черкаского. на основе данных статистического сборника «Внешняя торговля СССР в 1985 г.».

Россия и Африка

С 1991 г. российско-африканские отношения можно представить в виде постоянного восходящего тренда. В первую очередь это связано с тем, что в 1990-х годах на фоне кризиса российское присутствие в Африке было минимизировано: сокращено дипломатическое присутствие и политические контакты, многие инфраструктурные проекты, начатые СССР, были заморожены на высокой стадии готовности. Развивались лишь отношения между Россией и ЮАР, что было связано с глобальной «модой» на эту страну — в 1994 г. в ЮАР пал режим апартеида, а укреплению связей содействовала поддержка, которую СССР оказывал пришедшему к власти Африканскому национальному конгрессу в его борьбе против апартеида.

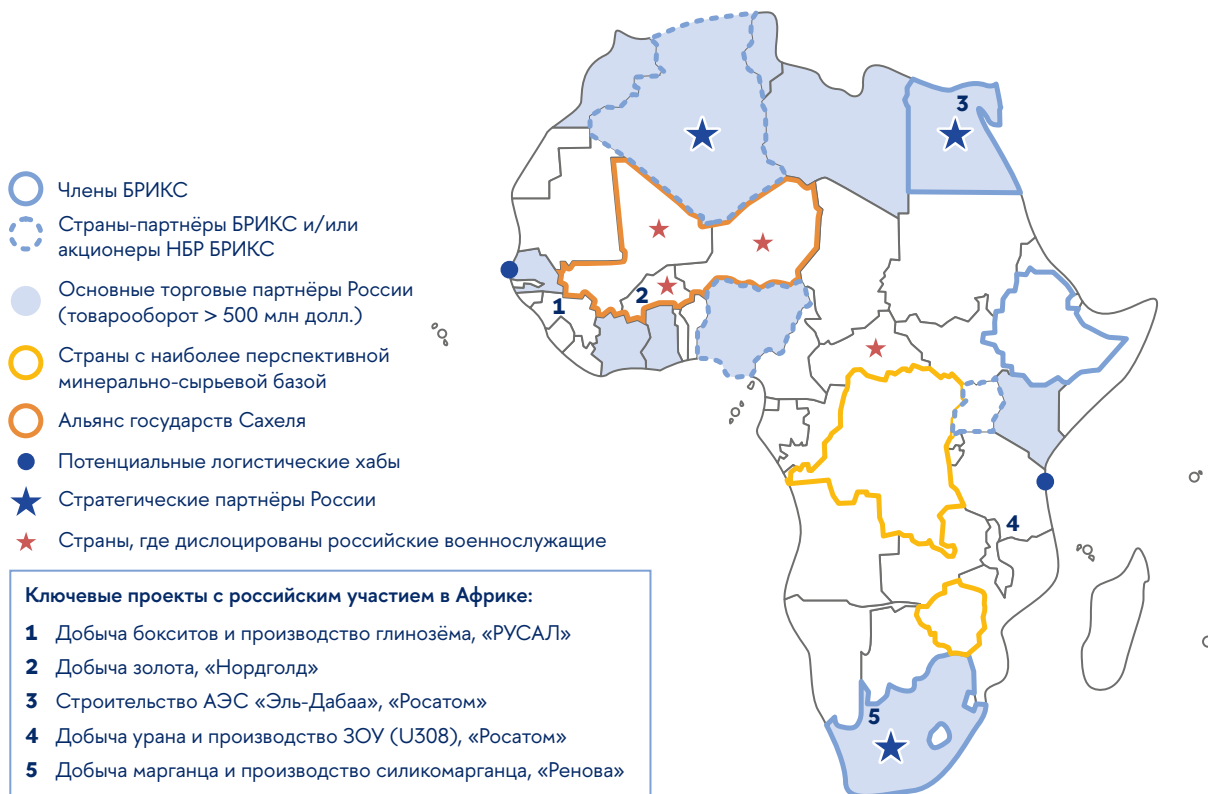
В 2000-е годы наблюдается активизация политических контактов: все чаще африканские президенты приезжают в Москву, состоялись турне президентов Владимира Путина и Дмитрия Медведева по странам Африки, именно к первому десятилетию XXI в. относятся основные инвестиции российских компаний: «Русала» в добычу бокситов и производство глинозема в Гвинее, «Алросы» в добычу алмазов в Анголе. В Африку приходят другие российские компании: ВТБ, «Ренова», «Лукойл», «Газпром», «Татнефть», «Стройтрансгаз», «Норильский никель». Инвестиции крупного российского бизнеса в Африку тогда рассматривались как шаг на пути к превращению в глобальных игроков, формированию российских ТНК. Однако для разных компаний судьба инвестиций сложилась по-разному: некоторые проекты стали прибыльными и обеспечили доходы как российским компаниям, так и российской экономике, как, например, инвестиций «Алросы» в Анголе и «Русала» в Гвинее (примечательно, что оба проекта восходят еще к советским временам, когда советские специалисты обнаружили месторождения полезных ископаемых и подготовили планы их освоения). Значительная же часть инвестиций российских компаний в Африку в 2000-х годы была потеряна и не внесла значительного вклада в укрепление двусторонних отношений.

Признавая определенное влияние ухудшения отношений со странами Запада и санкции в 2014 г. на активизацию российско-африканских отношений, важно отметить, что интерес России к Африке носит объективный характер и обусловлен ростом экономического и политического влияния региона в мировых делах. Все важнее в российско-африканских отношениях становится политический аспект — растет число контактов на высшем и высоком политическом уровне, укрепляются связи в сфере безопасности. Политический диалог России со странами Африки пережил все кризисы, состоялись два успешных политических саммита в 2019 и 2023 гг., начинается подготовка к следующему, уже третьему по счету, который должен состояться в 2026 г. Ни одна из африканских стран не присоединилась к антироссийским санкциям, а на международных площадках (ООН, ВТО и др.) они играют роль балансира, сдерживая антироссийски настроенные силы. Россия же стремится с уважением относиться к опасениям и мнению стран Африки по ключевым вопросам международной повестки.

Основными политическими партнерами России в Африке остаются Алжир, Египет и ЮАР, укрепляются связи с Эфиопией после ее вступления в БРИКС. Вероятно, присоединение Нигерии и Уганды к БРИКС в качестве стран-партнеров также послужит катализатором активизации связей России с ними. Устойчиво развивается диалог с Танзанией и Сенегалом. Наконец Россия остается важным партнером для Ливии, Судана и ЦАР. Заметным трендом последних лет стало усиление российских позиций в Сахеле и официальное размещение российских военнослужащих в Буркина-Фасо, Мали и Нигере.

Одним из важных достижений российской гуманитарной политики в Африке стало увеличение числа африканских студентов в России, которое к 2025 г. превысило 35 тыс., — это столько же, сколько училось в СССР в 1980-х годах, однако за это время население Африки утроилось, соответственно, необходима дальнейшая работа по привлечению одаренных африканских студентов в Россию, повышению требований к абитуриентам, масштабированию курсов русского языка в странах Африки.

Основные партнёры России в Африке, 2025 г.

Источник: Центр изучения Африки НИУ ВШЭ.

В части торгово-экономического сотрудничества России со странами Африки с 2014 г. произошли значительные изменения. Поскольку зачастую российские компании в Африке действовали в качестве младших партнеров западных корпораций, сокращаются инвестиции, а основной фокус переносится на торговлю. Такая модель — рост товарооборота при сокращении инвестиций и кредитования — уже более 10 лет сохраняется в российско-африканских торгово-экономических отношениях. К крупным инвестиционным проектам, реализация которых была начата за последние 5 лет, можно отнести лишь строительство АЭС «Эль-Дабаа» (4,8 ГВт) в Египте госкорпорацией «Росатом». Соотношение между анонсированными и реализованными проектами пока остается крайне низким.

В 2024 г. товарооборот России со странами Африки составил рекордные 27,7 млрд долл, при российском экспорте 24 млрд.

Профицит торговли со странами Африки составил свыше 20 млрд долл., или 13% всего профицита торгового баланса России в 2024 г.

Профицит торговли со странами Африки, таким образом составил свыше 20 млрд долл., или 13% всего профицита торгового баланса России в 2024 г., что особенно существенно в сравнении с долей Африки в общем товарообороте (4%).

В торгово-экономической части кроется одно из важных отличий между Россией и СССР в Африке. Перечень основных торговых партнеров

России в Африке в 2025 г. почти не отличается от 1985 г. — это все те же Алжир, Египет, Марокко и Нигерия, однако торговля СССР со странами Африки была более сбалансированной: в 1985 г. экспорт СССР в Африку составил 1,4 млрд советских рублей при импорте 1,9 млрд (в действительности импорт составил около 1 млрд, советская внешнеторговая статистика отражала бартерные поставки нефти из Ливии и других нефтеэкспортеров как импорт, хотя СССР реэкспортировал этот объем в Европу).

Из Африки СССР импортировал финики, вино, апельсины, бокситы, фосфатные удобрения, пряжу, орехи, кофе, какао-бобы

За 30 лет российский экспорт в Африку кратко вырос, а импорт остался на прежнем уровне. Страны Африки не видят в России потенциальный рынок сбыта для своих товаров (что связано в том числе с низкой комплементарностью в торговле большинства стран Африки и России). Однако вместе с политикой администрации Трампа вопросы торгового баланса вновь возвращаются в мировую политику, а для Африки дефицит — одна из ключевых проблем, усугубляющих долговой кризис и подрывающих экономическую устойчивость. Применительно к российско-африканской торговле такое сальдо может быть частично компенсировано российскими инвестициями, импортом услуг (туризм) и, возможно, денежными переводами трудовых мигрантов. Инвестиции российских компаний могут быть сосредоточены в первую очередь в тех отраслях, где уже удалось закрепиться российским экспортерам (рынки продовольствия, энергоносителей, удобрений, продукции металлургии и ЛПК), основной задачей, таким образом, будет обслуживание уже сформировавшихся товарных потоков в части логистики, хранения и дистрибуции.

Показателен пример российского сельскохозяйственного экспорта, который составляет треть всех поставок России в Африку. СССР не был мировой сельскохозяйственной державой и зависел от импорта базовых продовольственных категорий. Сейчас же Россия — ключевой игрок на мировых рынках удобрений, зерна и ряда других продовольственных категорий, однако пока будто уклоняется от роли модератора и ключевого актора на мировых продовольственных рынках, довольствуясь статусом поставщика товаров, не стремится формировать глобальную продовольственную повестку и до сих пор во многом зависит от западной, пока неподверженной санкциям финансовой и транспортно-логистической инфраструктуры. Сотрудничество России со странами Африки в сфере АПК развивается

по «биржевой» модели — российские экспортеры редко понимают, как устроены внутренние рынки африканских стран, их потенциал, ограничиваясь взаимодействием с посредниками или FOB-поставками. Стратегические рыночные доли пока не конвертируются в стратегическое влияние, в том числе в сфере определения повестки развития, влияния на стандарты и спецификации. Для российских экспортеров стратегическое влияние означает долгосрочный и устойчивый доступ на растущие рынки, закрепление за ними определенных ниш, возможность влиять на процесс принятия решений в сельскохозяйственной отрасли и в результате, рост экспортных доходов Российской Федерации и укрепление продовольственного суверенитета стран Африки (за счет поставок российских удобрений, цифровых решений, сельхозтехники, создания систем экологического мониторинга).

Пока Россия чувствует себя неуверенно в качестве экспортера товаров, а не сырья, хотя Советский Союз в Африке был именно поставщиком готовой продукции и решений — инструментов суверенитета

В целом пока Россия чувствует себя неуверенно в качестве экспортера товаров, а не сырья, хотя Советский Союз в Африке был именно поставщиком готовой продукции и решений — инструментов суверенитета: продукции машиностроения, металлургии и химической промышленности, станков, поддерживал процесс стратегического планирования, готовил национальные кадры, содействовал развитию перерабатывающей промышленности и локализации, национальных систем образования, медицины.

Несмотря на распространенный прогноз о том, что XXI в. станет периодом устойчивого развития

для Африки, первая его четверть демонстрирует ограниченную применимость традиционных моделей экономического роста. Развитие региона требует поиска новых подходов и моделей международного сотрудничества. Россия может содействовать формированию таких моделей, предлагая решения в сфере машиностроения, информационно-коммуникационных технологий и промышленной кооперации, передавать опыт в сфере государственного управления. В этом контексте африканские рынки могут стать не только точкой роста для российских поставщиков, но и площадкой для разработки и тестирования новых стратегий экономического взаимодействия.

Авторы

Маслов Андрей Александрович
директор Центра изучения Африки
НИУ ВШЭ

Свиридов Всеволод Юрьевич
заместитель директора Центра
изучения Африки НИУ ВШЭ

Астраханцев Егор Сергеевич
стажер-исследователь Центра
изучения Африки НИУ ВШЭ

Бианки Валентин Александрович
ведущий эксперт Центра изучения
Африки

Бондаренко Анна Валентиновна
исполнительный директор,
Интеграция Экспертизы

Головко Николай Максимович
эксперт Центра изучения Африки
НИУ ВШЭ

Гусева Ксения Владиславовна
менеджер Центра изучения Африки
НИУ ВШЭ

Давыдов Артем Витальевич
кандидат филологических наук, доцент
кафедры африканистики СПбГУ

Дубинина Надежда Александровна
специалист Центра языкового
тестирования СПбГУ

Панин Никита Алексеевич
эксперт Центра изучения Африки
НИУ ВШЭ

Пшеничникова Ангелина Сергеевна
стажер-исследователь Центра
изучения Африки НИУ ВШЭ

Смирнов Кирилл Владимирович
стажер-исследователь Центра изучения
Африки НИУ ВШЭ

Сухова Дарья Максимовна
научный сотрудник,
Интеграция Экспертизы

Таяновская Анна Сергеевна
стажер-исследователь Центра
изучения Африки НИУ ВШЭ

Шелковников Андрей Игоревич
эксперт Центра изучения Африки
НИУ ВШЭ

Рецензенты

Рашид Али Абдалла
исполнительный директор
Энергетической комиссии
Африканского союза

Окей Марселлус Икеаньibe
директор Института социальной
политики Университета Нигерии

Кестер Кенн Кломега
журналист, независимый исследователь
и политический консультант
по африканским вопросам в РФ и ЕАЭС

Макау Масила
исполнительный директор
Восточноафриканского зернового
совета

Носизве Нокве-Макамо
неисполнительный директор
Южноафриканской государственной
нефтегазовой компании (SANPC)

Бернард Нтахонди
куратор и менеджер по культурному
наследию Центра архитектурного
наследия Дар-эс-Салама (Танзания)

Инносент Оуку
исполнительный секретарь
Западноафриканской ассоциации
удобрений (WAFA)

Мвемези Рвиза
старший преподаватель
Школы материалов, энергетики,
водных ресурсов и наук
об окружающей среде Института наук
и технологий им. Нельсона Манделы

Мактар Сек
начальник отдела инноваций
и технологий Экономической
комиссии ООН для Африки

Скрябина Валентина Юрьевна
кандидат экономических наук, доцент
кафедры торговой политики Института
торговой политики НИУ ВШЭ

Кехали Джембере Тирунех
декан Колледжа сельского хозяйства
и экологии Университета Гондэра

Эммануэль Тонье
эмерит Университета Яунде I

Хассан Ханнендже
директор аналитического центра HORN
International Institute for Strategic Studies

Организационное обеспечение

Слюсарчук Полина Алексеевна
заместитель директора Центра
изучения Африки НИУ ВШЭ

Болдырева Любовь Владимировна
менеджер Центра изучения Африки
НИУ ВШЭ

Основные участники

Предисловие — Маслов А.А.

«Неоплаченный долг Африки» — Бондаренко А.В., Смирнов К.В.

«Внешняя торговля стран Африки: между дефицитом и возможностями» — Бондаренко А.В.

«Разнообразие Африки в ее валютах» — Бондаренко А.В.

«От продовольственной безопасности к продовольственному суверенитету» — Свиридов В.Ю., Таяновская А.С.

«Африканским рынкам — африканские ресурсы» — Маслов А.А., Свиридов В.Ю., Головкин Н.М.

«Знание — сила: кто обучает африканских лидеров» — Шелковников А.И., Пшеничникова А.С.

Разделы **«Преподавание иностранных языков в Африке»**, **«Опыт СССР по распространению русского языка в странах Африки»** и **«Положение русского языка в Африке после 1991 г. и в настоящее время»**, **«Русский язык в дополнительном образовании»** — Давыдов А.В., Дубинина Н.А.

«Инфраструктурный ландшафт: транспорт, цифровизация и урбанизация» — Астраханцев Е.С., Головкин Н.М., Сухова Д.М.

«Африка в зеркале мировых аналитических центров» — Бианки В.А.

«Африканский бизнес как новый региональный и глобальный игрок» — Панин Н.А., Астраханцев Е.С.

«Креативная экономика Африки» — Гусева К.В.

«Африка и три России: об истории российско-африканских отношений» — Свиридов В.Ю.

Авторский коллектив выражает благодарность за помощь в сборе и интерпретации данных Михаилу Голубцову, Игорю Демину, Марии Саулиной, Марии Сидоренко (все — студенты НИУ ВШЭ), Анастасии Светловой и Артему Черкасскому (все — студенты СПбГУ), Семену Воронину (ООО «Интеграция Экспертизы»).

Предметный указатель

Африканский банк развития	7, 10, 79, 86, 123	Мобильные деньги	39–42
Африканский экспортно–импортный банк	7, 8, 12, 13, 86	Неформальная экономика	39, 42, 124, 176, 178–181
Африканский энергетический банк	86	Образование	11, 63, 64, 66, 96–122, 161, 163–167, 181, 189–190
Африканский союз	4, 52, 60, 77, 80, 87, 96, 138, 141, 160, 198, 202	Повестка 2063	165
БРИКС	105, 151–152, 156–157, 159, 163, 191, 192	Природный газ	77–78, 80–84
Валютные резервы	13, 19, 32, 37–38, 42–44	Прямые иностранные инвестиции	11, 32–33, 178, 179
Внутренний рынок	13, 17, 83–84, 88, 93, 185	Регулятор	44, 76, 85, 94, 183
Возобновляемые источники энергии	70, 81, 82	Ресурсное проклятие	91
Генераторы	74, 75, 81	Рост населения	6, 45–46, 48, 49–55, 72, 82, 97, 99, 146, 149
Глобализация	162, 175	СПГ	81–82, 94, 95
Глобальный Юг	156, 157, 162	Суверенитет	5, 7, 37, 39, 43, 45–116, 122, 140–142, 162–164, 168, 193, 194
Данные	65, 76, 91–92, 138–144	Цифровой	140–142
Локализация данных	140–142	Образовательный	116, 122
ЦОД	90–92, 138–140	Энергетический	86, 93
Большие данные	63	Продовольственный	45–73, 193
Диверсификация экспорта	13–14, 30, 31	Финансовый	7, 38, 40, 44
Долг	7–20	ТНК	86, 88, 170–171, 173–175, 177–178, 180, 183–184, 186, 191
Внешний долг	8, 9–14, 32, 36	Удобрения	22, 46–49, 52, 55, 57, 67–70, 73, 93, 177, 193
Внутренний долг	16–20	Урбанизация	54, 56, 60–61, 72, 78, 80, 83, 145–149
Знание	7, 59, 68, 71, 91–92, 96–122, 148, 159, 187	Цифровизация	75–76, 122, 138–144, 164, 179, 193
Изменение климата	48, 86, 89, 92, 158, 161, 166	Государственного управления	109, 164
Импортозамещение	26, 72, 83–86	Цифровые валюты	39–41
Искусственный интеллект	63, 65, 78, 166	Сельского хозяйства	63–66
Информационно–коммуникационные технологии	107, 116, 121–123, 141, 142, 172, 194	Энергетического сектора	75–76
Кибербезопасность	141, 162	Чистое приготовление пищи	79
Критические минералы	89–91, 162, 174, 184	ЭКА ООН	52, 64, 141
Международная помощь развитию	10–11, 72–73, 102, 189	Internet of Environment	66, 92
Миграции	49, 52, 97–99, 102, 110, 129	Internet of Things	65–66, 75

Указатель по странам

Алжир	4, 8–9, 14–15, 22, 25–36, 42–43, 49, 53, 55, 57, 62, 67, 71, 74–75, 77, 79–81, 84, 86–87, 89, 93, 99, 108, 111–113, 115, 120–122, 124–125, 129, 131–132, 136–137, 145, 147, 168, 172–173, 175, 199, 201, 203	Замбия	6, 9, 12–15, 18, 34, 42, 51, 53, 55, 62, 68, 77, 120, 133
Ангола	6, 9–15, 22, 25, 28–30, 34, 42, 51, 53, 55, 62, 77, 79, 81, 86, 131	Зимбабве	12–15, 17, 25–27, 30, 32, 34–35, 37–38, 53, 55, 62, 68–69, 77, 81, 107, 128, 133, 141, 180, 192, 198, 209
Бенин	13–15, 17, 34, 53, 62, 86, 88, 93, 96, 113, 115, 120, 131, 177, 198	Кабо-Верде	13–15, 28, 34, 43, 53, 62, 117, 124
Ботсвана	14–15, 29–30, 34, 36, 42, 53, 62, 120–121	Камерун	9, 14–15, 26, 34, 47, 53, 62, 77, 85, 93, 96, 104, 114–115, 117, 120–122, 130–131, 140, 143, 175–178, 186
Буркина-Фасо	9, 13–15, 25, 30, 34, 53, 55, 57, 62, 88, 96, 114–115, 118, 120–121, 174, 177, 180, 201	Кения	9–15, 18, 25, 28–29, 31–32, 34, 42, 49, 53, 57, 62, 77, 79, 82–83, 89, 99, 101, 106–107, 120–122, 130, 133, 143, 165, 172–173, 178, 190–191
Бурунди	13–15, 34, 53, 62, 88, 90, 107–108, 118, 130, 133, 140	Коморы	14–15, 34, 53, 62
Габон	10, 13–15, 25, 28–29, 34, 53, 62, 70, 82, 85, 103, 108, 118, 131, 177	Конго	9, 13–15, 22, 25–30, 33–34, 39, 42, 47, 53, 62, 67, 70–71, 74, 79, 81, 84, 86–87, 90, 103, 107–108, 113–115, 117–118, 120, 126–128, 130–131, 133, 144, 148, 166, 169, 174, 177–178, 180, 184, 186, 198
Гамбия	13–15, 32, 34, 41, 53, 62, 108	Кот-д'Ивуар	10, 13–15, 25–26, 28, 30, 47, 77, 79, 81–82, 86, 93, 96, 111, 131, 136, 176–177, 198
Гана	10, 12–15, 25, 29–30, 32–34, 37, 42, 53, 62, 75, 77, 79, 82–83, 86, 101, 108, 120, 124, 130, 136, 165, 172, 176, 179–180	Лесото	13–15, 26–27, 32, 34–36, 39, 53, 62, 119, 174
Гвинея	13–15, 25, 27–30, 34, 42, 53, 62, 67, 77, 82, 86, 107–108, 120, 195	Либерия	13–15, 30, 32, 34–35, 41, 53, 62
Гвинея-Бисау	13–15, 29, 34, 53, 62	Ливия	22, 25, 28–30, 42, 53, 57, 62, 75, 77, 81, 86, 118, 182
Джибути	14–15, 27–29, 43, 53, 62, 68, 70, 91, 96, 106, 108, 118, 125, 128, 131–132, 143, 145	Маврикий	13–15, 25, 28, 34, 42, 52–53, 62, 77, 82, 96, 120, 122, 124, 178
ДР Конго	9, 22, 25–30, 33, 39, 47, 67, 70, 79, 90, 103, 120, 131, 133, 144, 148, 166, 169, 177–178, 180, 184	Мавритания	14–15, 25, 34, 53, 57, 62, 82, 108, 118, 120
Египет	8–15, 22, 25, 28–29, 31–34, 42, 53, 57, 62, 67–68, 74–75, 77, 79, 81–82, 86–87, 96, 99, 101, 108, 118, 120–122, 130–131, 136, 143, 146, 168, 172–173, 177–178, 182, 197, 201, 203, 211	Мадагаскар	13–15, 25–26, 34–35, 53, 62, 70, 108, 113, 120–122, 141, 162
		Малави	13–15, 25–26, 34, 36, 53, 62, 69–70, 91, 118, 133, 169, 178

Мали	9, 13–15, 17, 30, 34, 47, 53, 55, 57, 59, 62, 68, 70, 77, 93, 96, 108, 112–115, 118, 141, 159, 177, 180, 201	Сьерра-Леоне	9, 14–15, 34, 53, 62, 108, 131, 136, 140, 186
Марокко	8, 13–15, 22, 25–34, 42–43, 53, 55, 57, 62, 67–68, 75, 77, 79–81, 87–88, 93, 99–101, 103, 107–108, 111, 113–115, 119–122, 124, 130, 136, 139–140, 168–170, 172–173, 182, 190, 197–198, 203	Танзания	6, 14–15, 18, 25, 28–29, 31, 34, 37, 49, 51, 53, 57, 62, 68, 77–79, 81, 89, 103, 108, 120, 130–131, 133, 136, 140, 206, 211
Мозамбик	10, 12–15, 18, 25–26, 33–34, 36, 42–43, 53, 62, 70, 77, 81, 87, 89, 96, 101, 103, 113, 117–118, 131, 133, 146, 162, 169, 179, 193, 198	Того	14–15, 29, 34, 53, 62, 89, 108, 112, 114, 120, 131, 177–178
Намибия	9, 10, 13, 15, 25, 26, 34–37, 53, 62, 70, 81, 101, 103, 117, 118, 120, 140, 169, 198, 199	Тунис	10, 14–15, 25–27, 29, 32–34, 36, 53, 57, 62, 77, 79, 81, 93, 96, 100, 108, 111–116, 120, 124–125, 137, 145, 147, 172, 197
Нигер	9, 14–15, 34, 53, 55, 57, 59, 62, 67, 71, 96, 103, 108, 114, 174, 177, 180, 201	Уганда	9, 14–15, 18, 29, 34, 42, 53, 62, 67, 77, 101, 103, 107–108, 120–122, 130, 133, 136
Нигерия	8–10, 15, 22, 25, 28–29, 33–34, 37, 39, 42, 49, 51, 53, 57, 62, 67–68, 74–75, 77, 79, 84, 86–88, 99, 101, 103, 108, 120, 124, 130, 136, 146, 173, 176, 178, 182, 190, 203	ЦАР	13–15, 30, 34, 51, 53, 62, 67–68, 91, 112, 114, 117, 124, 140, 175, 201
Руанда	14–15, 34, 52–53, 62, 82–83, 130, 133, 136	Чад	13–15, 22, 26, 34, 48–49, 53, 55, 57, 62, 70–71, 93, 96, 108, 112–113, 117, 124, 168, 174
Сан-Томе и Принсипи	13–15, 34, 43, 108, 117–118	Экваториальная Гвинея	28, 30, 53, 107–108
Сейшелы	34, 42, 82, 124	Эритрея	30, 34, 53, 93
Сенегал	9, 14–15, 17, 26, 29, 32, 34, 47, 53, 55, 57, 62, 71, 77, 82, 89, 96, 101, 103–104, 108, 111–114, 118, 120–122, 131, 136, 168, 172, 177–178, 180, 186, 201	Эсватини	14–15, 28, 34–36, 43, 53, 62, 117, 140, 174
Сомали	9, 14–15, 30, 32, 34–35, 40, 53, 62, 68, 103, 108, 114, 131	Эфиопия	6, 12, 14–15, 25, 28–30, 33–35, 53, 62, 68–69, 77, 82, 91, 93, 103, 108, 118, 121, 136, 140, 173
Судан	12–15, 27, 29–36, 51, 53, 59, 62, 75, 77, 91, 96, 100, 108, 112, 114, 118, 120, 122, 133, 140, 159, 166, 182, 201	ЮАР	8–10, 14–15, 17, 22, 25–36, 40–44, 49, 53, 55–57, 60, 62, 67–68, 70, 74–78, 81, 83–86, 96, 99–106, 108, 111, 117, 120–122, 125, 128–130, 133, 136, 139–141, 143, 146, 150, 153, 160–161, 165–167, 169, 172–173, 177–179, 183–184, 186, 190–193, 195, 198, 201, 209
		Южный Судан	30, 32, 34–35, 51, 53, 62, 96
		Россия	4–5, 25, 68–69, 94–95, 109, 118, 120–121, 151–155, 157, 163–164, 168, 197–198, 201, 203–204, 208, 210–211

Об англоязычном издании Africa 2025: Prospects and Challenges

В 2024 г. Центр изучения Африки НИУ ВШЭ представил англоязычное экспертно-аналитическое издание Africa 2025: Prospects and Challenges под общей редакцией директора Центра А.А. Маслова. Издание адресовано прежде всего африканской аудитории: чиновникам, представителям деловых и общественных кругов, ученым и экспертам. Africa 2025 стала результатом более 5 лет собственных исследований Центра, промежуточные результаты которых были представлены в экспертно-аналитическом справочнике «Африка 2023: Возможности и риски», докладе «Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России» и др.

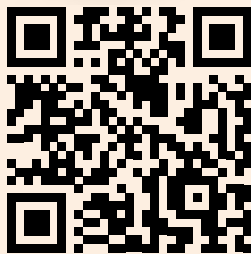
Основная задача издания — представить читателям, прежде всего африканским, взгляд российских экспертов на ключевые вызовы, с которыми страны Африки сталкиваются, и возможности,

которые открываются в результате роста африканских экономик. Africa 2025: Prospects and Challenges представляет собой первую попытку российского экспертного сообщества подготовить материал про Африку не для внутрироссийской аудитории, а для Африки, включиться в глобальную экспертную и научную дискуссию, предложить альтернативный взгляд на укоренившиеся представления и предрассудки.

Каждая глава книги — целостное, законченное исследование, представляющее научную и практическую значимость само по себе. Среди рецензентов издания — представители международных организаций (ЭКА ООН, Африканского союза), действующие и бывшие чиновники, представители бизнеса, науки и культуры, журналисты. Таким образом, документ получается двусторонним: он учитывает позицию Африки и в то же время продвигает российскую повестку.

За 2024–2025 гг. издание выдержало три издания (общим тиражом 1,5 тыс. экземпляров). Первое издание было представлено на Министерской конференции Форума партнерства Россия — Африка в Сочи в ноябре 2024 г., третье — на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) в июне 2025 г.

Экземпляры книги были переданы высокопоставленным российским и африканским чиновникам, экспертам, представителям деловых и общественных кругов. Также книга передана в Африканский союз, Афрэксимбанк, ООН, ЭСГЦА, Африканскую организацию производителей и экспортеров нефти, ведущие вузы стран Африки, распространена среди посольств стран Африки в Москве.

Africa 2025: Prospects and Challenges

Отзывы на книгу

Джордж Эломби,

Председатель Совета директоров «Афрэксимбанка»:

«Превосходный справочник для африканца, который ищет африканские решения для африканских проблем. Поразительно, что так точно об Африке пишут не африканцы, а русские. Возможно, это и неудивительно, учитывая давнюю поддержку Африки со стороны России».

Татенда Маветера,

Министр информационно-коммуникационных технологий, почтовых и курьерских служб Зимбабве:

«Хочу поздравить авторов и подчеркнуть значение этого справочника. В нем заложена траектория развития и пути Африки: куда мы идем, куда мы хотим прийти и как мы можем достичь прогресса».

Танди Морака,

Заместитель министра иностранных дел ЮАР:

«Теперь мы можем использовать эту книгу как руководство в нашей работе».

О Центре изучения Африки НИУ ВШЭ

Центр изучения Африки
НИУ ВШЭ

Центр изучения Африки НИУ ВШЭ (ЦИА ВШЭ) открыт в 2020 г. в связи с ростом значения Африки как направления внешней политики и экономического взаимодействия для России. ЦИА специализируется на экспертно-аналитической работе, изучении рынков стран Африки, оценке финансовых, юридических и политических рисков. **Основная задача** — комплексная экспертиза проектов, реализуемых или предлагаемых к реализации в Африке российскими организациями, анализ рисков и поиск возможностей.

Центр изучения Африки НИУ ВШЭ

К 2025 г. ЦИА ВШЭ — ведущий в России центр прикладной экспертизы по рискам и возможностям для ведения бизнеса в Африке

Ключевые направления исследования Центра — изучение энергетических, продовольственных и информационно-коммуникационных рынков стран Африки; транспортно-логистической и финансовой инфраструктуры, систем принятия решений и бизнес-среды, оценка рисков — финансовых, юридических и политических, а также экспертиза проектов, реализуемых и предлагаемых к реализации

в Африке предприятиями с российским участием. Ведется разработка систем поддержки принятия решений и геоинформационных систем для российского бизнеса и органов исполнительной власти.

Одно из приоритетных направлений работы в рамках научных и экспертно-аналитических проектов Центра — подготовка кадров во взаимодействии с университетами, исследовательскими центрами, министерствами и ведомствами стран Африки, в том числе реализация программ дополнительного профессионального образования для чиновников среднего и высшего звена стран Африки и России и подготовка кадров для российских компаний с интересами в Африке.

В 2023 г. ЦИА ВШЭ опубликовал и представил на ряде площадок экспертно-аналитический справочник **«Африка 2023. Возможности и риски»**, который дал ответы на часто задаваемые вопросы о современном положении стран Африки, возможностях для развития сотрудничества с ними и угрозах, которые необходимо принять во внимание. Основные разделы посвящены человеческому капиталу Африки (население, образование, культуры), природным ресурсам (полезные ископаемые, экосистемы, вода), продовольственным рынкам, экономике (торговля, долги, санкции, валюты), инфраструктуре (транспорт, энергетика, города, цифровизация), политическим системам, безопасности, интеграционным процессам, политике других стран в Африке, российско-африканским отношениям.

На полях Первой министерской конференции Россия — Африка в 2024 г. состоялась презентация англоязычного экспертно-аналитического издания **Africa 2025: Prospects and Challenges**.

Книга подготовлена коллективом Центра при участии ведущих африканских экспертов. В тексте рассмотрен широкий круг тем: макроэкономическое положение стран Африки, их внутренний и внешний долг, стоимость заемного финансирования и степень внешнеторговой диверсификации; основные тенденции в области сельского хозяйства и потребительских привычек, связь продовольственного суверенитета и роста населения, роль удобрений и систем резервирования продовольствия в решении продовольственных кризисов; состояние электроэнергетики стран Африки, роль дизельной генерации и возможности, которые энергетический переход открывает для стран Африки; а также цифровизация государственного управления, основные тенденции в области образования, развитие креативной экономики, растущая роль африканского бизнеса в экономике Африки и то, как Африку воспринимают ведущие мировые аналитические центры. Сквозная тема издания — суверенитет — финансовый, продовольственный, энергетический, цифровой, культурный и образовательный.

В 2025 г. на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) состоялась презентация третьего издания книги, выпущенный при поддержке компании «Иннопрактика». Предисловие к изданию подготовил Олусегун Обасанджо, нигерийский политический деятель, экс-президент Нигерии, посредник Африканского союза, Восточноафриканского сообщества (ВАС) и Сообщества развития Юга Африки (САДК).

За время работы сотрудниками ЦИА ВШЭ и внешними экспертами было подготовлено, издано и презентовано несколько десятков осевых публикаций, в том числе книга E-Governance in Africa: Opportunities and Challenges, доклад «Россия — Египет: траектория сотрудничества», доклад «Африка: перспективы развития и рекомендации для политики России», Валдайский доклад «Перспективы и задачи российско-африканского сотрудничества», аграрные гиды по странам Африки, экспертно-аналитический справочник «Танзания: возможности и риски».

В 2023 г. в рамках Экономического и гуманитарного форума Россия — Африка ЦИА НИУ ВШЭ при поддержке компании «Иннопрактика» представил **Программу трансфера компетенций в сфере цифровизации государственного управления стран Африки**, а в декабре того же года руководители профильных ведомств африканских государств приняли участие в Зимней школе по обмену опытом в сфере цифровизации госуправления для чиновников из стран Африки. В рамках Программы Центр проводит образовательные и экспертные мероприятия, оказывает содействие в формировании архитектуры и повестки международных мероприятий формата Россия — Африка (**Первая министерская конференция Россия — Африка** в 2024 г., Глобальный цифровой форум в 2025 г.).

При поддержке компании «Иннопрактика» с 2023 г. функционирует электронный ресурс Программы трансфера компетенций **E-Governance Knowledge Hub**, на котором публикуется информация о развитии электронного правительства и цифровизации в странах Африки, проектах, актуальных вызовах и возможных ИТ-решениях.

E-Governance Knowledge Hub

Центр изучения Африки ВШЭ развивает сеть контактов с ведущими экспертами, лидерами общественного мнения стран Африки, международными и африканскими организациями, в том числе с Экономической комиссией ООН по Африке и Африканским союзом, министерствами и ведомствами стран Африки, исследовательскими центрами и университетами.

Информационно-справочное издание

Африка 2025

Возможности и риски

Экспертно-аналитический справочник

Под общей редакцией А.А. Маслова и В.Ю. Свиридова

Вёрстка: Денис Комаров

Дизайн обложки: Любовь Гаговская

Художники инфографики: Екатерина Невструева, Олеся Кандаурова

Подписано в печать 03.09.2025. Формат 84х108/16

Гарнитура HSE Sans

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

тел.: +7 495 624-40-27

«Африка 2025. Возможности и риски» —

экспертно-аналитический справочник, посвященный ключевым вызовам и перспективам развития африканских стран.

В центре внимания — широкий круг тем: внешний и внутренний долг, торговля, АПК, энергетика, критические минералы, цифровизация, искусственный интеллект, образование, креативная экономика и корпоративный ландшафт.

Особое внимание уделено теме суверенитета — финансового, продовольственного, культурного, и образовательного.

Книга подготовлена командой исследователей, объединенной Центром изучения Африки НИУ ВШЭ.

*«Я, безусловно, рекомендую эту книгу всем,
кто интересуется Африкой»*

Олусегун Обасанджо, президент Нигерии в 1999-2007 гг.,
Посредник Африканского союза

*«Превосходный справочник для африканца, который
ищет африканские решения для африканских проблем.
Поразительно, что так точно об Африке пишут
не африканцы, а русские»*

Джордж Эломби, президент и председатель
Совета директоров «Афрэксимбанка»

Центр
изучения
Африки
НИУ ВШЭ

Иннопрактика